

ISSN 2500–3682

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ПОЗНАНИЕ

№ 12 2020 (ДЕКАБРЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
Д.К. Кирнарская
Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин
Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания в каталоге агентства
«Пресса России» — 43288

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии ООО «КОПИ-ПРИНТ»
тел./факс: +7 (495) 973-8296

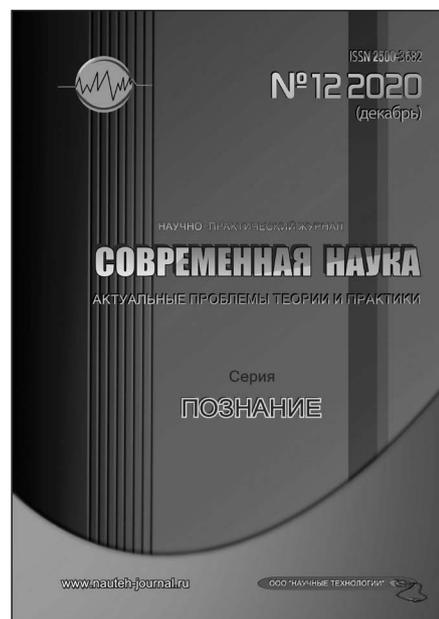
Подписано в печать 25.12.2020 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая
Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

Серия: Познание № 12 (декабрь) 2020 г

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК - 09.00.00, 19.00.00, 24.00.00)

В НОМЕРЕ:

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОСОФИЯ

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр-т, 116-1-10 Тел/факс: 8(495) 142-8681
e-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65429 от 04.05.2016 г.

ISSN 2500-3682

9 772500 368003 >

Редакционный совет

Кирнарская Дина Константиновна — доктор искусствоведения, д.псх.н., профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Бурлина Елена Яковлевна — д.филол.н., профессор, Самарский государственный медицинский университет

Вислова Аминат Даняловна — д.псх.н., Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, в.н.с.

Воронина Наталья Ивановна — д.филол.н., профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Злотникова Татьяна Семеновна — д. искусствоведения, профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Иконникова Светлана Николаевна — д.филол.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Кибальченко Ирина Александровна — д.псх.н., профессор, Южный федеральный университет

Кириллова Наталья Борисовна — д. культурологии, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Комиссаренко Светлана Сергеевна — д. культурологии, доцент, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

Корнилова Ольга Алексеевна — д.псх.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Коротких Вячеслав Иванович — д.филол.н., профессор, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Кургузов Владимир Лукич — д. культурологии, к.и.н., профессор, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

Куруленко Элеонора Александровна — д. культурологии, Самарский государственный институт культуры

Листвина Евгения Викторовна — д.филол.н., профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Махаматов Таир Махаматович — д. филол.н., профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ

Морозова Ирина Станиславовна — д.псх.н., профессор, Кемеровский государственный университет

Никольский Сергей Анатольевич — д.филол.н., Институт философии РАН, зав. сектором

Овсяник Ольга Александровна — д.псх.н., доцент, Российский экономический университет им. В.Г. Плеханова

Паршукова Галина Борисовна — д. культурологии, к.пед.н., доцент, Новосибирский государственный технический университет

Пономарева Галина Михайловна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Разлогов Кирилл Эмильевич — д. искусствоведения, профессор, ВГИК

Садохин Александр Петрович — д. культурологии, доцент, РАНХиГС при Президенте РФ

Сгибнева Ольга Ивановна — д.филол.н., профессор, Волгоградский государственный университет

Серов Николай Викторович — д. культурологии, Оптическое общество им. Д.С. Рождественского, действительный член

Синягин Юрий Викторович — д.псх.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ, заместитель директора «Высшая школа государственного управления»

Сиюхова Аминет Магаметовна — д. культурологии, доцент, Майкопский государственный технологический университет

Соловьева Светлана Владимировна — д.филол.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Тихонова Анна Юрьевна — д. культурологии, доцент, Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова

Фадеева Ирина Евгеньевна — д. культурологии, профессор, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

Хренов Николай Андреевич — д.филол.н., профессор, Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова

Черноризов Александр Михайлович — д.псх.н., профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экштут Семён Аркадьевич — д.филол.н., профессор, Институт всеобщей истории РАН, руководитель Центра истории искусств и культуры

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Культурология

- Карпова О.Е.** – Труд в современном глобальном мире
Karpova O. – Work in a modern global world 6
- Матвиенко В.В.** – Ранние европейские образы бенгальских женщин
Matvienko V. – Early European images of Bengali women 11
- Матвиенко В.В.** – Индия в поиске смысла существования: философско-культурологический подход
Matvienko V. – India in search of the meaning of existence: a philosophical and cultural approach... 14
- Цуй Цзявэнь** – Китайская культурно-цивилизационная идентичность в современную эпоху
Cui Jiawen – Chinese cultural and civilizational identity in contemporary times..... 17

Психология

- Афанасьева С.М., Алексеева П.С.** – Психологическая готовность к взаимодействию с образовательной средой ВУЗа у первокурсников и их психическое состояние в период адаптации
Afanasyeva S., Alekseyeva P. – Psychological readiness to interact with the educational environment of the university for first-year students and their mental state during the adaptation period 20
- Балакшина Е.В.** – Структура профессионально значимых качеств инженера как основа надежности труда
Balakshina Ye. – Structure of professional qualities of an engineer as the basis of reliability of work. 27
- Богомолова Е.А., Мамедова Л.В.** – Факультативные занятия как средство развития познавательного интереса у детей младшего школьного возраста

Bogomolova E., Mamedova L. – Optional activities as a means of developing cognitive interest in children of young school age 31

Бузыкина Ю.С. – Связь социально-психологических характеристик и показателей этнической идентичности у молодежи с разными религиозными взглядами
Buzykina Yu. – Relationship of socio-psychological characteristics and indicators of ethnic identity among young people with different religious views 36

Вислова А.Д. – Прогностическая значимость самоотношения в моделировании искусственного интеллекта
Vislova A. – Predictive significance of self-attitude in the modeling of artificial intelligence 39

Гальченко А.С. – Исследование эффективности реализации психолого-педагогической программы формирования гражданской идентичности у обучающихся старшего подросткового возраста
Galchenko A. – A study of the effectiveness of implementation of psycho-pedagogical program of formation of civil identity among students older adolescents 43

Жижина М.В. – Медиапсихология 2020: новый контекст задач и направлений исследований
Zhizhina M. – Media psychology in 2020: new context of problems and areas of research 49

Зекерьяев Р.И. – Эмпирическое исследование влияния ценностно-смысловой сферы личности на ее виртуальный образ: компонент инструментальных ценностей
Zekeryaev R. – Empirical study of the influence of the value-sense sphere of a personality on its virtual image: a component of instrumental values 53

Зуфман А.И. – Специфические особенности дистресса у пар, применяющих преимплантационную генетическую диагностику в качестве вспомогательной репродуктивной технологии, и возможные стратегии психологической работы с такими парами

- Zufman A.* – Specific features of distress in couples using preimplantation genetic diagnostics as an assisted reproductive technology and possible strategies for psychological work with such couples..... 59
- Иванов Д.В.** – Девиантное поведение подростков, употребляющих психоактивные вещества
Ivanov D. – Deviant behavior of teenagers using psychoactive substances 65
- Кожевина А.П.** – Профессиональная самореализация сотрудников правоохранительных органов
Kozhevina A. – Professional self-realization of law enforcement staff 70
- Латынов В.В.** – Психологические аспекты защиты личности от воздействия недостоверной информации
Latynov V. – Psychological aspects of protection of personality from the exposure of misinformation .. 75
- Магомедов П.Ш., Чанакеев Г.М.** – Гендерные различия в индивидуальных ценностях российской молодежи
Magomedov P., Chanakaev G. – Gender differences in the individual values of russian youth..... 80
- Мачуха А.М., Васильева О.С.** – Рефлексия и зрелость личности
Machukha A., Vasilyeva O. – Reflection and personal maturity 86
- Мирзаянова Р.Р., Мамедова Л.В.** – Дидактическая игра как средство активизации познавательной деятельности младших школьников на уроках окружающего мира
Mirzayanova R., Mamedova L. – Didactic games as a means of activating cognitive activity in primary school students in the classroom of the surrounding world..... 96
- Мишин Ю.В.** – Религиозность в контексте формирования личности безопасного типа
Mishin Yu. – Religiousness in the context of formation of a safe type personality..... 100
- Мясникова З.В.** – Анализ подходов к изучению феномена экзистенциального выбора
Myasnikova Z. – The analysis of approaches to studying existential choice phenomenon 106
- Пахомова Я.Н., Пономарева И.В.** – Особенности культурных ценностей мигрантов центральной Азии с личностной беспомощностью и самостоятельностью
Pakhomova Ya., Ponomareva I. – Features of cultural values of central Asian migrants with personal helplessness and independence..... 111
- Пчелина О.В.** – Внутренний диалог при совершении поступка: уровни и эффекты
Pchelina O. – Internal dialogue when doing a deed: levels and effects..... 115
- Рубанова Е.Ю.** – Психосоциальная работа с личностью, находящейся в кризисной ситуации
Rubanova E. – Psychosocial work with a person in a crisis situation 120
- Сафарова Н.А., Мамедова Л.В.** – Методы исследования развития речи младших школьников на уроках литературного чтения
Safarova N., Mamedova L. – Methods for researching the speech development of younger school persons in the literary reading lessons 123
- Сушко Н.Г.** – Анализ деловых и личностных качеств эффективного руководителя
Sushko N. – Analysis of business and personal qualities of an effective manager 127
- Ушакова Е.Л.** – Соотношение разных видов и сторон памяти младших школьников с интеллектуальной недостаточностью
Ushakova E. – Relationship of different types and sides of memory of the mentally retarded younger school children 130
- Хаирова С.И.** – Особенности межличностных отношений подростков с различным социометрическим статусом
Khairova S. – Features of interpersonal relationships among adolescents with different sociometric status..... 136
- Циринг Д.А., Пахомова Я.Н., Важенин А.В., Миронченко М.Н.** – Социально-психологические факторы риска заболевания злокачественными новообразованиями: актуальность и перспективы исследования

Tsiring D., Pakhomova Ya., Vazhenin A., Mironchenko M. – Socio-psychological risk factors for malignant neoplasms: relevance and prospects of the study 143

Чернов А.Ю. – Методика выявления когнитивных схем просоциального поведения
Chernov A. – Methods for identifying cognitive patterns of prosocial behavior 146

Чистякова Н.В., Коробко А.И. – Образовательная кинезиология в профессиональной деятельности врача
Chistiakova N., Korobko A. – Educational kinesiology in the professional activity of a doctor.....151

Шахмалова И.Ж., Мамедова Л.В., Кабардаева Д.А. – Особенности синдрома эмоционального выгорания у студентов педагогического направления
Shakhmalova I., Mamedova L., Kabardaeva D. – Features of emotional burnout syndrome in students of pedagogical direction.....154

Философия

Агафонов Е.А. – Язык как онтологическое основание и системообразующий элемент культуры
Agafonov E. – Language as an ontological foundation and a system-forming element of culture 159

Вагайцев В.М. – К вопросу о соотношении классического рационального знания и принципов постструктурализма
Vagaitsev V. – On the correlation of classical rational knowledge and the principles of poststructuralism 163

Воденко К.В., Лабадзе О.Е., Тихоновская М.П. – Историческая память в процессах политической модернизации полиэтнического социума
Vodenko K., Labadze O., Tihonovskaya M. – Historical memory in the processes of political modernization of multi-ethnic society.....166

Гильманов В.Х., Прихожая Л.И. – Герменевтика воли в творческой тайне Фридриха Гёльдерлина
Gilmanov V., Prikhozhaya L. – Hermeneutics of will in the creative secret of Friedrich Hölderlin 172

Громов Е.В. – Проблема духовных основ государственности в русской религиозной философии конца 19 – начала 20 века
Gromov E. – The problem of the spiritual foundations of statehood in russian religious philosophy of the late 19 – early 20 century.....178

Ефимов Д.А. – К вопросу о субституции термина «синкретизм»
Efimov D. – To the question about the substitution of the term "syncretism" 182

Люскин М.Б., Калинин Э.Ю. – Экстрадисциплинарность понятия управления и процессы интеграции в современной науке
Luskin M., Kalinin E. – Extradisciplinary concept of management and integration processes in modern science 188

Николаева Т.А. – Самосознание как уникальное свойство человеческой сущности
Nikolaeva T. – Self-awareness as a unique property of a human entity 195

Ореховская Е.В. – Направления трансформации локальности в постиндустриализме для сообществ
Orekhovskaya E. – Trends of the transformation of locality for communities in post-industrialism.....199

Шевелева Т.А. – Проблема соотношения эмпирического и теоретического уровней науки: математическое моделирование в свете философской рефлексии
Sheveleva T. – The problem of the relationship of empirical and theoretical levels of science: mathematical modeling in the light of philosophical reflexion.....203

Информация

Наши авторы. Our Authors.....210
Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале.....212

ТРУД В СОВРЕМЕННОМ ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

WORK IN A MODERN GLOBAL WORLD

О. Карпова

Summary: Work exists in all societies and, despite the development of technological progress, which facilitates work any state can't completely get rid of the need to work. The problem of modern attitude toward work in culture is not widely studied in the Russian research literature. At the same time, it is very important to systematize and analyze the main concepts affecting the current situation of labor in the global world in order to form a new cultural policy that must change and adapt to global changes. The article pays special attention to the concepts of Z. Bauman and U. Beck. For the analysis of the place of work, five main aspects are identified: sociological aspect, territorial fixity, unemployment, the ratio of productive and unproductive labor, as well as satisfaction from labor activity.

Keywords: work, labor, globalization, attitude to work, post-industrial society, unemployment.

Карпова Ольга Евгеньевна

Аспирант, Санкт-Петербургский
государственный университет
oevkarпова@gmail.com

Аннотация: Труд существует во всех обществах и, несмотря на развитие технического прогресса, который облегчает работу, полностью избавиться от необходимости трудиться, не может ни одно государство. Проблема современного отношения к труду в культуре недостаточно широко исследована в отечественной научной литературе. При этом систематизировать и проанализировать основные концепты, затрагивающие текущее положение труда в глобальном мире, очень важно для формирования новой культурной политики, которая должна меняться и адаптироваться к глобальным изменениям. В статье уделено особое внимание идеям З. Баумана и У. Бека. Для анализа места труда выделено пять основных аспектов: социологический аспект, территориальная фиксированность, безработица, соотношение производительного и непроизводительного труда, а также удовлетворение от трудовой деятельности.

Ключевые слова: труд, глобализация, отношение к труду, постиндустриальное общество, безработица.

Введение

Не существует ни одного государства, где отсутствует необходимость трудиться для большинства населения. Труд пронизывает существования человека на протяжении всей жизни. Начиная с детства человек уже связан с трудом (например, ребенок играет, подражая профессии родителей) и даже после выхода на пенсию человек продолжает еще долго строить свою идентичность на основе своей профессии. По праву труд является одной из культурных универсалий. Однако роль и значение труда в современном глобальном обществе трансформировалась, если сравнивать его с трудом в традиционном и индустриальном обществе. Разобраться, чем является труд в современной культуре, цель данной статьи.

Для характеристики современного общества создано множество концепций (общество постмодерна, постиндустриальное общество, общество риска, индивидуализированное общество, общество переживания и др.). Однако все они сходятся в том, что современное положение труда и отношение к труду людей сильно отличается от предшествующих периодов. Каждая из концепций современного общества принимает за основу какие-то определенные изменения. Для данной статьи мы будем придерживаться теории постиндустриального общества Д. Белла [1, с.63], который выделяет, помимо постиндустриального общества, два других типа обществ: индустриальное и доиндустриальное. Постин-

дустриальная культура имеет ряд новых характеристик, к которым относится инновационность производства, глобализация экономики, рост сектора услуг, роботизация и вытеснение человека из рутинной деятельности, а в связи с этим сокращение рабочих мест и увеличение количества людей занятых прекарной [2, р. 1] (незащищенной никакими социальными гарантиями) работой, и в то же время появление новых специальностей и профессий.

Чтобы определить место труда в современной культуре глобального мира, мы будем рассматривать его по следующим аспектам: социологическое осмысление труда, территориальная фиксированность работы, проблема отсутствия труда или безработица, соотношение производительного и непроизводительного труда и примыкающая к этой проблеме иерархия профессий, а также удовлетворение от трудовой деятельности. Методологической основой является анализ концептов исследователей вопроса труда в глобальном мире.

Социологическое осмысление труда

Если обратить внимание на социологические концепции труда, то выделяются работы З. Баумана и У. Бека как одни из наиболее оригинальных. Бауман предложил взять за основу две новые характеристики глобального мира текучесть и индивидуализацию. В своих работах «Текущая современность» и «Индивидуализированное общество» Бауман подробно исследует, какие измене-

ния произошли в индивидуальности и труде. С точки зрения Баумана, время тяжелой современности с неповоротливым индустриальным производством, ясностью карьерных перспектив уходит в прошлое, и на его место приходит текучая современность или текучая модернити. Выстраивается новое самовосприятие человека: в США и странах Западной Европы человек растет и развивается, уверенный в собственной ответственности за свою судьбу. Теперь благодаря глобализационным процессам такая точка зрения становится популярна и в России.

Еще одна оригинальная концепция, характеризующая глобальный мир, представлена У. Бекком. Будучи одним из авторов концепта «общества риска», Бек говорит, что современный капитализм неотделим от производства рисков.

Индустриальный способ производства не учитывал возникающие риски, однако в современном мире благодаря техногенным катастрофам стало понятно, что погоня за выгодой является лишь сиюминутной, а экономический рост любой ценой угрожает существованию всей человеческой цивилизации. Именно в XX веке стало ясно, что человечество может уничтожить само себя не только по причине техногенных катастроф, какой, например, стала Чернобыльская авария, но и путем методичного, ничем не сдерживаемого и неконтролируемого производства. Рост богатства идет рука об руку с производством рисков.

Бек выделяет тенденции, которые привели к современному отношению к труду: динамика в сторону индивидуализации после Второй Мировой Войны, малая значимость классового деления общества, изменение положения мужчины и женщины. Массовая безработица больше не связана с классовым характером. Эмансипация женщин открывает гораздо больше возможностей перед ними, однако ведет к скрытому неравенству (так как за женщиной закрепляется приоритетная обязанность заботиться о детях и пожилых родственниках, что ставит женщин в тяжелое положение при разводе).

Другой взгляд на новое положение труда представляет современный экономист Р. Флорида – автора теории креативного класса. Флорида выделяет новые черты экономической организации современного глобального мира, переживающего последствия кризиса или Великой рецессии 2008 года. С точки зрения исследователя, кризисы открывают периоды технологических инноваций, а развивающийся инновационный потенциал, в свою очередь, улучшает экономическую эффективность. Однако экономическая эффективность не гарантирует облегчения труда или снижение его энергозатратности и интенсивности. «Многие из замечательных изобретений того периода были призваны облегчить труд, но, по

иронии, увеличивали его объем» [3, с. 34] – подмечает Флорида.

Территориальная фиксированность работы

Текучая модернити характеризуется изменением территориальной фиксированности человека. Бауман называет это «... реванш[ем] кочевых образ жизни над принципом территориальности и оседлости». [4, с. 20] С точки зрения исследователя отныне выгоднее не иметь собственности, быть мобильным, в любой момент уехать в другой город или даже страну, если перспективы получить желаемое выше.

Намечается тенденция по отказу от владения движимым и недвижимым имуществом. Вслед за З. Бауманом Р. Флорида доказывает, что собственность только замедляет экономического агента, делает последнего менее гибким. Появляются новые формы инфраструктур (территория от Шанхая до Пекина, от Бостона до Нью-Йорка), которые привлекают большое количество работающих людей и становятся новой формой пространственной фиксации, в основном в непроизводственном секторе.

Другой важной особенностью индивидуализированного общества становится дематериализация труда, создающего капитал. Отныне капитал не привязан к месту, а значит и к людям, населяющим это место. И если человек не может или не хочет последовать вслед за капиталом, работодатель будет использовать работников другого города или другой страны. Этот процесс имеет обратную сторону и для капитала: современный индивидуализированный человек так же не испытывает ни привязанности, ни чувства долга к работодателю. Более того, теперь он не относится к профессии как к «делу жизни», «призванию», о котором говорил М. Вебер [5, с. 82], и вполне допускает, что сменит несколько профессий в течение своей жизни. Поэтому работодатель создает корпоративную культуру, чтобы внушить работнику привязанность и чувство долга перед компанией.

Другой важной особенностью территориальной фиксированности труда становится развитие удаленной работы. Все больше людей непроизводительного интеллектуального труда могут работать, где угодно.

Проблема отсутствия труда

В государствах всеобщего благосостояния (Welfare State) безработных поддерживали, потому что считали их «резервной армией». Однако сейчас, благодаря развитию технического прогресса, необходимость в этой «резервной армии» свободной рабочей силы отпала, и это повлияло на кризис государств с подобной политикой [6, с. 166]. Формируется пассивное и иждивенческое общество [6, с. 123].

Благодаря мощно развивающемуся техническому прогрессу и выводу производства в развивающиеся страны большая часть людей, составляющих кадровый резерв, не смогут снова найти себе работу по специальности, а осваивать новую профессию не всегда возможно в рамках возраста и способностей [7, с. 93]. Бауман так же неутешительно продолжает, что потребители диктуют векторы развития экономики, а «бедняки не представляют ценности и в качестве потребителей» [4, с. 94]. Таким образом «новыми бедными», с точки зрения Баумана, являются люди лишённые власти, по причине отсутствия оплачиваемой работы, а значит и дополнительного дохода. Бек вторит Бауману, замечая, что безработица настигает человека, как «личная судьба» [8, с. 132].

С точки зрения Баумана, низкоквалифицированные работники безоружны перед текучим капиталом, но и вряд ли объединятся в серьёзную политическую силу по причине расслабляющего воздействия СМИ, привлекательности общества потребления, а также отвлекающего эффекта общества зрелищ и развлечений.

К проблеме безработицы примыкает проблема прекаризации (рост незащищённого социальными гарантиями труда с неясными перспективами). Несмотря на то, что Г. Стэндинг называет прекариат «новым опасным классом» в одноименной работе, прекаризация не является новым явлением, присущим лишь постиндустриальному обществу, тем не менее, сейчас она приобретает новые особенности не похожие на те, что были ранее. В первую очередь главная причина роста прекарной занятости – это избыток предложения трудовых услуг и ежегодное сокращение спроса на них на рынке труда. Рабочих мест будет не хватать на всех и за возможность заниматься хоть какой-то трудовой деятельностью придется конкурировать.

Количество вакансий можно увеличить, создав дополнительные вакансии в области полезной гражданской деятельности (уход за больными, престарелыми, инвалидами и т.д.), однако кто-то должен оплачивать этот труд (кто должен оплачивать государство или независимые фонды – вопрос дискуссионный).

Производительный и непроизводительный труд и иерархия профессий

Почти во всех странах отношение к физическому труду колеблется от презрительного до почетного, но все же весьма тяжелого и непредпочтительного при свободном выборе. Г. Браверман, последователь марксистского отношения к труду, говорит о «деградации труда» [9, с. 307], то есть утрате специальных навыков рабочих, упрощении их работы, в связи с введением все новых технических средств, выхолащивание смысла работы, низве-

дение работника до уровня машины. В станах Америки и Западной Европы престижность непроизводительного труда становится значительно выше, чем стандартного труда рабочего, а в связи с глобализацией и во всем мире. Но для того, чтобы получить возможность зарабатывать умственным трудом, часто необходимо получить специальное образование. Тем не менее, образование не гарантирует работу по специальности.

Бек говорит о проблеме «призрачного вокзала» – невозможности найти работу по специальности, приложив к ней много сил, например, получив специальное образование и пройдя неоплачиваемую стажировку.

Удовлетворение от трудовой деятельности.

Работник, как и прежде, ждет от труда удовлетворения своих материальных нужд. Однако теперь работа, с точки зрения Баумана, «...измеряется и оценивается по способности быть интересной и занимательной, удовлетворяющей не столько этическое, прометеёво призвание производителя и создателя, сколько эстетические потребности и желания потребителя, искателя острых ощущений и коллекционера переживаний» [4, с. 151]. Трудоцентризм постепенно уходит в прошлое не только потому, что существовать на нетрудовые доходы могут позволить себе уже большее количество людей, чем в индустриальном и, тем более, традиционном обществе, но из-за смены приоритета индивида в сторону поиска себя и творческой самореализации в различных сферах. Г. Могилевская и вовсе считает, что «право на существование обретает только тот труд, который приносит удовольствие, труд как игра, в то время как труд-напряжение вытесняется из сознания, превращается в скучный, необязательный придаток человеческой жизни» [10, с. 127]. Несмотря на спорность подобного утверждения, такая тенденция существует, особенно среди молодежи, однако говорить о том, что она является определяющей в выборе работы, пока невозможно.

Работа – это то, чем «человечество при создании своей истории занималось согласно своей судьбе, а не свободному выбору» [4, с.148]. И несмотря на то, что сейчас появляется больше возможностей для самореализации в выборе профессии, и работы, для большей части людей определение Баумана, по-прежнему, остается справедливым.

Основные особенности труда в глобальном мире

Суммируем основные выводы, что изменилось в постиндустриальном обществе на основе концептов, приведенных выше. Несмотря на ярко выраженный трудоцентризм современного общества, его целесообразность все больше вызывает сомнения.

Рост precarious занятости и связанные с этим серьезные проблемы становятся постоянным спутником глобального мира. Как реакция на это в культуре начинает с новой силой преобладать культ успеха и как противоположность – настроения, связанные с получением пассивного дохода без применения труда, а также дауншифтинг. Глобализация диктует свои правила труду, обрекая на низкооплачиваемый и незащищенный труд целые страны: неизбежно происходит сокращение рабочих мест, связанных с рутинной деятельностью – ее уже выполняют программы. Отсюда количество людей, незащищенного социальными гарантиями труда будет расти, труд с социальными гарантиями станет наградой и привилегией. Творческий труд (разработка идей) – пока единственная область, в которой человека невозможно заменить машиной – машина работает только в рамках заданной программы.

Уже давно ведутся разговоры о безусловном базовом доходе, который позволил бы людям существовать, не борясь за трудовое место. Уровень жизни жителей стран с развитой экономикой уже позволяет им частично заниматься работой ради удовольствия. Однако внедрение в культуру мысли о необходимости общественно полезного труда для собственного блага человека остается, по-прежнему, открытым и требует решения.

Труд, по-прежнему, занимает много времени в жизни человека и от того, как человек сможет организовать свою деятельность, зависит его счастье и благополучие.

Труд остается культурной универсалией и формирует идентичность большинства людей. Особенностью современного трудоцентризма в России является советское индустриальное наследие. В Советском Союзе появляется доктрина всеобщности труда. Человек становится привязанным к заводу или другому месту работы. Люди, жившие в эпоху героизации труда, воспитывали так же своих детей. Многие современники помнят статью 209 УК РСФСР, за которую грозили исправительные работы. В современной России ответственность за сознательный отказ от трудоустройства не наступает, но при этом работа, а точнее, получаемая за нее заработная плата, является основным источником средств к существованию большинства россиян, а также один из важнейших способов конструирования своей идентичности и смысла жизни.

В современном обществе все сложнее выбрать выигрышную стратегию построения карьеры, так же о преданности делу, а тем более компании можно говорить лишь в очень малом количестве профессиональных областей. Тем не менее, человек по-прежнему идентифицирует себя чаще всего именно по профессии, которой он занимается.

Труд все меньше привязан к какому-то определенному месту. Временная занятость, фриланс, работа над проектами становятся все более распространенными. Люди все чаще начинают снова трудиться дома: однако если в традиционном обществе «дома» трудились работники физического труда (крестьяне, ремесленники), то теперь дома трудятся в основном работники непроизводительного труда.

Сфера услуг и непроизводительный труд становится все более распространенным, для производства и сельского хозяйства больше нет необходимости в большом количестве работников.

Свойством отношения к труду в постиндустриальном обществе становится поиск не только работы, обеспечивающей определенный уровень дохода, но и поиск максимально интересного и перспективного занятия.

Рост безработицы в развитых странах ведет к пересмотру отношения политики социального государства.

Профессии, связанные с физическим трудом и заменяемые машинами, становятся непрестижными и ненадежными.

В заключение можно сослаться на слова философа-персоналиста Мунье о деятельности: «что мы требуем от деятельности? Изменить внешнюю реальность, сформировать нас самих, сблизить нас друг с другом и обогатить мир наших ценностей» [11, с. 106]. Именно на это направляется декларируемый вектор развития отношения к труду в обществе: к преодолению отчуждения, к творческому подходу, к саморазвитию. Однако невозможность повлиять на ход событий из-за сосредоточения большого капитала в руках небольшой группы людей, не позволяет надеяться на благополучный исход в ближайшее время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. Москва: Academia, 2004. С. 63.
2. Kalleberg, A., Vallas, S. Probing Precarious Work: Theory, Research, and Politics // *Research in the Sociology of Work*. 2017. Vol. 31. p. 1.
3. Флорида Р. Большая перезагрузка. Как кризис изменит наш образ жизни и рынок труда. Москва: Классика-XXI, 2012. С.34.
4. Бауман З. Текущая современность. Санкт-Петербург: Питер, 2008. С. 20.

5. Вебер М. Избранные произведения. Москва: Прогресс, 1990. С. 82.
6. Сидорина Т.Ю. Государство всеобщего благосостояния: от утопии к кризису. Москва: РГГУ, 2013. С. 166.
7. Бауман З. Индивидуализированное общество. Москва: Логос, 2002. С.93.
8. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. Москва: Прогресс-Традиция, 2000. С. 132.
9. Braverman H. Labor and Monopoly Capital: The Degradation of Work in the Twentieth Century. New York: Monthly Review Press. 1974. P. 307.
10. Могилевская Г.И. «Смерть труда»: постмодернистская рефлексия и реалии. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики в 2-х ч. Ч. I № 3 (17): 2012. С. 127.
11. Мунье Э. Персонализм. Москва: Искусство, 1992. С. 106.

© Карпова Ольга Евгеньевна (oekarpova@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РАННИЕ ЕВРОПЕЙСКИЕ ОБРАЗЫ БЕНГАЛЬСКИХ ЖЕНЩИН

EARLY EUROPEAN IMAGES OF BENGALI WOMEN

V. Matvienko

Summary: The article analyzes the changes in the image of Bengali women in India in the memoirs of artists and historians of Europe from the second half of the XVIII century to the middle of the XIX century. The study examines the main classes of Bengali women who lived in the study period: Hindu and Muslim women who represented the upper class, as well as bi bi, natch (nach) and rural women. The author studies changes in the visualization of the image of research objects under the influence of such factors as colonization, reformation of Bengal, obtaining the right to school education and further emancipation of Indian women.

Keywords: India, Bengal, European artists, Bengali woman, bi bi, Sahib, image, genre.

Матвиенко Валентин Викторович

кандидат филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва
matvienko-vv@rudn.ru

Аннотация: В статье представлен анализ изменения образа бенгальских женщин Индии в мемуарах художников и историков Европы со второй половины XVIII в. до середины XIX в. В исследовании рассмотрены основные условия бенгальских женщин, проживавших в изучаемый период: индуисток и мусульманок, представлявших высшее сословие, а также биби, натч (нач) и жительниц сельской местности. Автор изучает изменения в визуализации образа объектов исследования под влиянием таких факторов, как колонизация, реформирование Бенгалии, получение права на школьное обучение и дальнейшая эмансипация индийских женщин.

Ключевые слова: Индия, Бенгалия, европейские художники, бенгальская женщина, биби, сахиб, образ, жанр.

До середины XVIII века в живописи практически отсутствовал визуальный портрет индийцев, основанный на описании очевидцев. Художники в поисках новых жанров, славы и фортуны сосредотачивали свое внимание на создании портретов богатых, высокопоставленных или знаменитых личностей, рисовании пейзажей или картин, носивших имперский интерес (обычно картины данного типа заказывали Ост-Индские компании). Среди них были профессионалы и любители, стремившиеся отразить настоящую Индию на своих полотнах и, что немаловажно, ее женщин. Отчасти любопытство художников пробудил британский историк Индии Роберт Орме (1753) своими замечаниями о том, что «природа, видимо, щедро наградила красотой прекрасный пол по всему Индостану более щедро, чем в большинстве других стран» [1].

Профессиональные художники стекались в Калькутту, столицу Британской Индии, в поисках патронажа. Художники-любители были в основном чиновниками Ост-Индской компании или же это были жены этих чиновников. Они и создали романтический образ бенгальских женщин в различных стилях и направлениях живописи: точно так же, как на пейзажную живопись повлияла британская концепция и видение живописи, их концепция красоты нашла свое отражение в создании портретов индийских женщин.

Говоря подробнее о самих женщинах Индии, представительницы высших классов, индуистки и мусульманки, жили в затворничестве – зенанах или андармахалах.

Их уединение, оно же парда, считалось знаком уважения к их деликатности и утонченности, а также гарантией охраны их добродетели. В связи с этим они были недоступны для художников. Женщины, которые вступали в контакт с европейцами – сахибами (сагибами), – относились к числу биби. Так называли неофициальных жен местных британских чиновников и гражданских лиц. Также героинями картин становились танцовщицы натч (нач) и работающие женщины. Впрочем, система «парда» существовала только в городах, в то время как в сельской местности ее не было, и женщины были вправе делать, что хотели [2].

Часто повторяющимися мотивами в полотнах художников были темы бенгальских женщин на речных гхатах (ритуальных ступенчатых сооружениях), несущих кувшины с водой.

Одним из художников-любителей, посвятивших себя искусству портретизации бенгальских женщин, был военный хирург Фредерик Уильям Александр Де Фабек из Калькутты. На него явно произвели впечатление грация и очарование бенгальских женщин даже в выполнении повседневной работы по хозяйству. Портреты бенгальских женщин кисти де Фабек являются достоверными и полными чувств [3].

Еще одним художником, создавшим серию набросков, посвященных жизни бенгальского села, был Артур Уильям Девис [4]. На одной из его картин запечатлены две деревенские девушки, сидящие возле хижины и

работающие на жернове. На полотне удачно передана мирная спокойная атмосфера бенгальской деревни.

Некоторые портреты бенгальских биби принадлежат кисти видных британских художников того периода. Одна из таких картин – это портрет молодой бенгальской женщины-мусульманки Джемдани, биби знаменитого адвоката Калькутты в 1790-е годы Уильяма Хикки, написанный ирландским художником-портретистом Томасом Хикки (однофамильцем). В своих мемуарах Уильям Хикки написал о ней: «Она жила со мной, уважаемая всеми моими друзьями, которых особенно восхищали ее исключительное чувство юмора и необыкновенная жизнерадостность... Она была настолько нежной и любящей, насколько человек может когда-либо быть вознагражден подобными качествами в своей спутнице жизни» [5].

Что же касается танцовщиц натч, развлекавших сахибов, в данном жанре можно выделить целый ряд рисунков, оставленных хорошо известными художниками, которые представляют собой ценные свидетельства расцвета исполнительских искусств тех времен.

Среди женщин-авторов, имевших доступ к кругам женщин высшего класса, вероятно, самой известной была Фэнни Паркс, художница-любитель с большим энтузиазмом. Она сама издавала и иллюстрировала журнал «Скитания пилигрима в писках живописного». Большое впечатление на нее также произвела грация бенгальских женщин, эскизам портретов которых она впоследствии уделяла большое внимание. Благодаря этим эскизам известно, как выглядели платья индийских женщин в зенанах, которых она посещала в 1826 году. Особенно Фэнни Паркс, по ее воспоминаниям, восхищало сари, которое несколько раз обматывалось вокруг фигуры, однако сквозь него можно было видеть очертания рук и оттенок кожи. При этом под сари ничего другого не надевалось, и оно представляло собой совершенное одеяние, исключительно грациозное [6].

Важную роль в портретизации индийских женщин также сыграли картины, которые изображали девушек, купающихся у речных гхат. Шведский художник-акварелист Эгрон Лундгрэн, побывавший в Калькутте в 1858 году, писал: «Женщины вошли в воду в своих белых вуалях и выглядели очень естественно в промокших насквозь одеждах, выйдя из воды. Это было зрелище для скульптора» [7].

Каким бы простым ни был костюм женщины, самой важной частью ее туалета были украшения, чей вес и

количество определяли ее социальный статус. Бенгальскую невесту с головы до ног украшали ювелирными изделиями самой деликатной и тонкой работы. Даже простые женщины носили кольца в носу, серьги и ожерелья из золота, украшения на руках и щиколотках и серебряные цепи на талии. Что касается косметики, бенгальские женщины из высшего общества ежедневно натирались маслом и использовали своего рода душистую грязь вместе с мылом, чтобы смывать масло с волос. Они также использовали гороховый порошок, сушеные фрукты (ритха), орехи макадамия (гилла) для мытья головы и укрепления корней волос. Для глаз использовали порошок сурьмы для окраски век. Ладони рук и кончики пальцев, а также подошвы ног они красили в охряно-красный цвет.

Есть и другие интересные описания европейцами своих впечатлений о бенгальских женщинах. Епископ Калькутты Реджинальд Хибер, путешествуя к устью реки Хугли в 1823 году, был поражен цветом кожи и заметил, что темный бронзовый оттенок был «естественно более приятен для глаз, чем светлая кожа европейцев» [8].

Доктор Хатчинсон из бенгальской медицинской службы отмечал, «что по фигуре и чертам лица бенгальских женщин можно сравнить с самыми превосходными расами в мире». Он восхищался их «красотой, утонченностью, деликатными чертами, мягкими и блестящими волосами, большими влажными глазами, легкими, округлыми и гибкими фигурами и маленькими и отточенными руками и ногами». Как вспоминал Хатчинсон, они ходили «с легкостью и статностью», и эта красота движений «не покидала их и в старости. Трудно отличить старую женщину от молодой, если смотреть на нее со спины» [1].

В XIX веке в социально-политической обстановке Бенгалии произошли поразительные изменения. Реформаторы начали поднимать такие вопросы, непосредственно касающиеся женщин, как право вдов на повторное замужество, детские браки и полигамия в варнах (кулин).

Широкие дебаты проходили также по вопросу об образовании женщин, только примерно в 1850-х годах было введено обучение девочек в школах. Женщин Бенгалии первыми коснулась эмансипация. Они начали принимать активное участие в социальном, культурном и политическом движениях. Тем не менее, женщины Бенгалии, как образованные, так и необразованные, все равно верховенствовали в своих домах. Традиционные ценности и кодекс морального поведения передавались ими из поколения в поколение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Indian women through the eyes of British artists//The Asian Age. July 05, 2018.
2. Bibis and mistresses//The Hindu. August 06, 2000.
3. Painting. De Fabeck, Frederick William Alexander. URL: <https://collections.vam.ac.uk/item/O105764/painting-de-fabeck-frederick/>
4. Whittle, Stephen. Devis, Arthur William. Oxford Dictionary of National Biography (online ed.). Oxford University Press. URL: <https://doi.org/10.1093/ref:odnb/7571>
5. Hermione De Almeida, George H. Gilpin, Indian Renaissance: British Romantic Art and the Prospect of India, Ashgate Publishing, 2005, p. 85.
6. Barbara Eaton (2018). Fanny Parks: Intrepid Memsahib, Biography of Fanny Parks (1794-1875) An Independent Traveller in 19th Century India. KDP Paperback & Kindle. p. 280.
7. Sten Nilsson. Egron Lundgren, reporter of the Indian Mutiny// Apollo, Vol. XCII, No. 102, August 1970, pp. 138-143.
8. Реджинальд Хибер. Рассказ о путешествии по Верхним провинциям Индии из Калькутты в Бомбей 1824-1825 гг. С примечаниями о Цейлоне. URL: <https://archive.org/stream/narrativeofjourn01hebe#page/n9/mode/2up>

© Матвиенко Валентин Викторович (matvienko-ww@rudn.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский университет дружбы народов

ИНДИЯ В ПОИСКЕ СМЫСЛА СУЩЕСТВОВАНИЯ: ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Матвиенко Валентин Викторович

К.филол.н., доцент, Российский университет
дружбы народов, Москва
matvienko-vv@rudn.ru

INDIA IN SEARCH OF THE MEANING OF EXISTENCE: A PHILOSOPHICAL AND CULTURAL APPROACH

V. Matvienko

Summary: India has always sought a rational search for the fact of its existence in space and time. Since ancient times, Indian thought has been continuously caught between fact and illusion, focusing on the phenomenal opposites of matter, life, and mind, and continuing to search for meaning throughout India's long and continuous history. Analyzing this search, you can see how India constantly returns to the theme of synthesis, not just in thought, but in every aspect of life, so it is not surprising that harmony, balance and equilibrium are inherent in the nature of Indian culture.

Keywords: India, Indian philosophy, Indian culture, Varnas, ancient Indian epics, Hindu Scriptures, spiritual synthesis.

Аннотация: Индия всегда стремилась к рациональному поиску факта своего бытия в пространстве и времени. Индийская мысль с древности непрерывно находилась между фактом и иллюзией, акцентируясь на феноменальных противоположностях материи, жизни и ума, и продолжая поиск смысла на протяжении долгой и непрерывной истории Индии. Анализируя этот поиск, можно заметить, как Индия постоянно возвращается к теме синтеза не просто в мысли, а в каждом аспекте жизни, потому что неудивительно, что гармония, баланс и эквilibrium присущи характеру индийской культуры.

Ключевые слова: Индия, индийская философия, индийская культура, варны, древнеиндийские эпосы, священные писания индуизма, духовный синтез.

Поиск смысла существования в Индии велся в разных направлениях, но при этом наблюдалась порой едва уловимая, а порой острая антипатия между различными ведийскими школами мысли. В истории индийской философии были и периоды нетерпимости и гонений, однако доминирующая тенденция к всеобъемлющности вновь утверждала себя под конец каждого периода конфликта.

Эра Упанишад символизировала первую стадию такого поиска и синтеза [1]. Интересно отметить, что в то время, когда большинство людей было в основном озабочено физическим благосостоянием, в Индии появилась группа просвещенных учителей, которые благодаря экстраординарному духу своего поиска усовершенствовали реализацию, правда которой придала смысл жизни миллионов. Целью их учения было гармоничное развитие рационального ума, этическое чувство и эстетическая восприимчивость. Мудрецы стремились вдохновить своих учеников, чтобы воссоединить тройную силу разумного мышления, воли и воображения в гармонии с индивидуальным темпераментом каждого и стадиями внутреннего роста.

Упанишада с этимологической точки зрения означает «сидеть очень близко». Данное значение подразумевает, что ученик сидит возле своего учителя, весь поглощенный в процесс получения инструкций о характере жизни и высочайшей реальности. Через различные виды йоги

физиологическое функционирование тела и ума было возведено до высочайшей точки своего значения, а затем генерировано и контролировано.

Хатха йога концентрировалась на функциях тела, что обеспечивало физическое здоровье и энергию, но она также выполняла задачу подготовки индивидуума для более глубоких духовных реализаций. Раджа йога выявляла методы, с помощью которых можно было контролировать сознание, а ум приводить в состояние светлого покоя. Бхакти йога и карма йога были посвящены функциям любви и акции в человеке. Они достигали высочайших уровней сознания посредством любви индивидуальной души к личному Богу и через отрешенную акцию самообладания в жизни [2].

Упанишадская мысль, также называемая ведантой (в буквальном переводе это конечная часть Вед, представляющая апогей ведического видения), контрбалансирует ритуалистическую часть Вед, посвященную значению, символизму и соблюдению ритуалов. Упанишады символизировали новый поиск, где истина ощущалась не как манера ритуализма, а как расследование, не скованное догматическими или эксклюзивными предположениями [3].

Вместе с этим росла и сложная система этики, которая одновременно контролировала и потакала характеру человека, помогая ему лучше играть свою социальную

роль. «Дхарма» (праведность), «артха» (богатство), «карма» (действие) и «мокша» (спасение) – эти четыре понятия, определяющие цель жизни индийца, имеют богатую подоплеку, указывая на то, что этика предусматривает должное место делу получения удовольствия, достижения богатства и процветания. Именно в этом контексте можно понять, каким образом индийская культура стала воплощать и манифестировать тенденции в сторону богатства материальной жизни с одной стороны и полного отречения от земных благ с другой. Связующим звеном в этой структуре ценностей был ашрам (духовная община, обитель), помогавший человеку на различных стадиях жизни подготовиться к своему высочайшему предназначению [3].

Первой такой стадией была брахмачария (безбрачие). Это период получения знаний под руководством гуру (духовного наставника), чьей задачей было больше пробуждать ум, нежели наставлять. Система образования была гибкой, далеко устроенной от сегодняшних образовательных систем, ориентированных на жесткую регламентацию и подчинение правилам. Упор делался на культивацию этических и эстетических качеств в совокупности со строгой самодисциплиной. Целью ее было сотворение идеального и рационального ума как с духовной точки зрения, так и с общеобразовательной. В древней системе образования доминировала концепция идеала. Такое образование готовило человека встречать все превратности судьбы спокойно и с достоинством [4].

Считается, что завершая данную подготовку, индивидум достигал зрелости, становился мужчиной и был готов играть роль члена общества в грахастья/грихастха ашраме (семейной жизни). Именно здесь проверялись полученная им подготовка, знания и дисциплина, выполнение долга перед семьей, друзьями и обществом. Существует аргумент, что такое теоризирование связывает индивидума, ограничивая его свободу выбора, и что излишнее увлечение делом достижения целей в жизни лишает ее изюминки. Здесь уместно указать, что древние ясновидцы Индии не пытались регламентировать жизнь таким образом. Они просто предоставляли широкие рамки того, как человек может регулировать свою жизнь, подчеркивая важность каждого момента и фазы, а также радость существования.

Взаимосвязанной с концепцией «ашрама» была система «варны», подчеркивающая социальное положение индивидума. Позднее эта система дегенерировала в узкую и жесткую систему кастеизма. Тем не менее, какую бы неудачную форму она ни имела в последнее время, первоначально она исходила из самих недр духовности.

Разделение людей по варнам на брахманов (тех, кто познал Брахман (абсолют), кшатриев (воинов/властителей), вайшьев (торговцев) и судр/шудр (рабочих и крестьян) было качественным социальным разделением на основе качеств души, как это позднее предлагал Платон.

Истина состоит в том, что в каждом человеке вне зависимости от его принадлежности к той или иной варне есть потенциальный Брахман. Некоторые величайшие мудрецы-аскеты, включая авторов «Рамаяны» и «Махабхараты», были низкого происхождения. Такое упорядоченное разделение было предназначено лишь для определения места каждого индивидуума в обществе с тем, чтобы он мог лучше служить Ему, исполняя роль, к которой он больше всего предрасположен по темпераменту. Кастовая система внутри варн была эластичной и гибкой. Основная идея варн заключалась в том, что человек был не роботом, а будущим богом, рожденным расцвети и реализовать свой потенциал, а функция общества – в предоставлении человеку условий для того, чтобы он мог выполнить свое предназначение, исполнив свою индивидуальную и коллективную роль [5].

Данная практическая этика нашла отражение в двух великих эпических повествованиях Индии – «Рамаяне» Валмики и «Махабхарате» Вьясы, ставших частью индийского образа жизни. Они оказали глубокое влияние на мышление людей и широко распространены в песнях, поэзии, драме и других видах искусства. Эпосы полны благородных примеров из жизни святых и правителей, идеалов человеческого поведения и социальных и религиозных наставлений, указывающих обществу путь и сегодня [6].

Вторым образцом великого синтеза индийской мысли после Упанишад является еще один индийский памятник религиозно-философской мысли «Бхагавад-Гита», ставший источником вдохновения для миллионов [7].

На всем протяжении истории пробужденного мышления неизменно задавался вопрос, какова цель жизни и каким образом человек обретает характер и глубину. В индийском мышлении уникальное место занимает буддизм. Несмотря на утверждения, что он не зависит от мышления Упанишад, источником духовности в буддизме являются именно Упанишады. С подтверждением того факта, что состояние нирваны (спасения) и состояние деятельности не противоположны друг другу, буддизм можно считать примером третьего синтеза в духовной истории Индии. В поиске полной трансценденции Будда отошел от религиозного обскурантизма, в который впало мышление Упанишад, преодолел расовые барьеры, поднявшиеся в его время, и начал движение за утверждение самой сущности Упанишад и Бхагавад-Гиты с новых позиций и в новой терминологии интеллектуального определения и логики [4].

Позднее появились великие философские школы – веданты, порожденные видением Ади Шанкарачарьи,

Мадхавачарьи и Рамануджи, чьи труды, посвященные Брахма Сутрам, содержащим квинтэссенцию мысли Упанишад в 555 афоризмах, стали источниками трех главных потоков мысли веданты. Это адвайта веданта Шанкары, философия неквалифицированного монизма, дваита (дуализм) Мадхавачарьи, выступающая за бескомпромиссный монизм, и квалифицированный монизм Рамануджи, что пытается установить гармонию между абсолютизмом и личным теизмом. Все трое были великими мыслителями и реформаторами, чьи идеи прочно вошли в сознание индийской нации и вдохновляли как святых, так и простых людей [8].

Мыслитель Шанкара возвышался как колосс над всей страной, возрождая забытую прежде истину. Его философия абсолютного монизма является самой всеобъемлющей и наименее эксклюзивной. Это не ханжеская система, восхваляющая саму себя и осуждающая другие веры. Она построена на центральном принципе Упанишад, облагораживающем, коррективном и смелом.

Таким образом, разные люди в разное время вносили свою мудрость в непрерывное развитие индийской мысли, придавая свою форму силе индийского духа. Чтобы понять эффект индийской духовной культуры на жизнь индивидуума и общины, следует снова подчеркнуть ее синтезный характер и всеобъемлющее единение.

Фундаментальным представлением индийской духовности является единство существования Упанишад. Более того, Индия – это страна, где поиск, процесс становления представляет собой упорное движение в сторону познания сущности, истины, дающей смысл и цель всем вековым усилиям ее мыслителей.

«Как легкая роса, выпадающая невидимо и неслышимо, но помогающая расцвести цветам, – писал Свами Вивекананда, – таким является вклад Индии. Тихий и незаметный, однако по своему эффекту всеобъемлющий, он революционизировал мышление мира».

ЛИТЕРАТУРА

1. Keith A.B. The Religion and Philosophy of the Veda and Upanishads, Half. 1-2, Harvard University Press, 1925. – xix, 312 p. – (The Harvard Oriental Series Vol. 31).
2. Birch, J. The Amaraughaprabodha: New Evidence on the Manuscript Transmission of an Early Work on Haṭha- and Rājayoga. *Journal of Indian Philosophy*, 47 (2019): 947–977. Springer.
3. Flood, Gavin D. An introduction to Hinduism. New York, NY : Cambridge University Press, 1996. – xviii, 341 p.
4. S.Radhakrishnan. *Indian Philosophy*, vol. I.L., 1927 (M., 1956). URL: <http://psylib.org.ua/books/radha01/>
5. Jamal Malik/ Helmut Reifeld (eds.), *Religious Pluralism in South Asia and Europe*. New Delhi: Oxford University Press, 2005. 317 p.
6. Карамазов В.Д. Всеобщая история религий мира. - Москва: Астрель ; Санкт-Петербург: Полигон, 2011. – 703 с.
7. Аникеева Е.Н. Бхагавадгита // Православная энциклопедия. – М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2003. – Т. VI. – С. 408-409.
8. Костюченко В.С. Классическая веданта и неоведантизм : диссертация ... доктора философских наук : 09.00.03 / МГУ им. М.В. Ломоносова. - Москва, 1987. – 408 с.

© Матвиенко Валентин Викторович (matvienko-vv@rudn.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КИТАЙСКАЯ КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННУЮ ЭПОХУ

Цуй Цзявэнь

Аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
tszyaven.tsuy@mail.ru

CHINESE CULTURAL AND CIVILIZATIONAL IDENTITY IN CONTEMPORARY TIMES

Cui Jiawen

Summary: The article is devoted to a comprehensive study of the Chinese cultural and civilizational identity in contemporary times. According to the author, the core of the Chinese cultural and civilizational identity is the traditional Chinese culture, which includes ethics and morality, political thoughts, traditions and customs of the Chinese people. Nowadays in China, there has been a strong interest in traditional culture and its spiritual pillars. The author analyzes the Chinese dream of the rejuvenation of the Chinese nation, the concept of A community with shared future for mankind, and also clarifies the core socialist values.

Keywords: identity, Confucianism, Taoism, values, political thoughts, core socialist values, the concept of A community with shared future for mankind.

Аннотация: Статья посвящена комплексному исследованию китайской культурно-цивилизационной идентичности в современную эпоху. По мнению автора, ядром китайской культурно-цивилизационной идентичности является традиционная китайская культура, в которую входят этика и нравственность, политические мысли, традиции и обычаи китайского народа. В современных условиях в Китае в высшей степени актуализирован интерес к традиционной китайской культуре, к ее духовной матрице. В статье проанализированы концепция китайской мечты о великом возрождении китайской нации, концепция сообщества единой судьбы человечества, а также выяснены стержневые социалистические ценности.

Ключевые слова: идентичность, конфуцианство, даосизм, ценности, политические мысли, стержневые социалистические ценности, концепция сообщества единой судьбы человечества.

В условиях глобализации в последние годы большое внимание уделено проблематике культурно-цивилизационной идентичности в Китае и России. Ученые исследуют данную проблематику с разных точек зрения.

Китайские ученые Чжун Синсин, Цзо Бинь и Вэнь Фанфан согласны в том, что культурная идентичность включает в себя общее понимание людьми природных и социальных явлений. Они считают, что можно разделить культурную идентичность на три уровня: первый – слой выражения культурной идентичности, то есть идентичность/принятие форм культуры; второй – это защитный слой культурной идентичности, то есть идентичность/принятие культурных норм, которые люди соблюдают в общении и создают разные социальные сообщества; третий – ядровый слой культурной идентичности, то есть идентификация культурных ценностей, которые урегулируют поведение людей, определяют идеалы, эстетические взгляды и т.д. [1, С.175-187]

Чжун Синсин считает, что под культурной идентичностью понимается признание, принятие и сознательная практика людьми определенной культуры, а также формирование собственной идеологической системы в соответствии с культурой для самоидентификации, интеграции в сходные группы.

В систему китайской культурно-цивилизационной

идентичности входят традиционная китайская культура и отражение ее в таких современных главенствующих ценностях в китайском обществе, как стержневые социалистические ценности, концепция китайской мечты о великом возрождении китайской нации и концепция сообщества единой судьбы человечества.

По содержанию традиционная китайская культура состоит из трех частей – этики и нравственности, политических мыслей, традиций и обычаев китайского народа.

Китайская конфуцианская этика является стержнем китайской этики и культуры, а “仁” «жэнь/ добродетель/ гуманность/ человеколюбие/ милосердие» называется стержнем конфуцианской этики. Это основной принцип китайского морального мышления и основа для совершенствования человеческой и социальной морали. Конфуцианскую этику можно разделить на семейную, социальную и национальную. Семейная этика означает соблюдение сыновней почтительности к родителям, доброты по отношению к отцу и сыну, уважения к братьям и друзьям для формирования сильной семейной привязанности и поддержки гармонии в семье. Социальная этика расширяет сыновнюю почтительность до «веры, справедливости, долга, правил, доброты, уважения, знания, гармонии», которая распространяется от семейной этики на общество и становится социальной этикой. Конфуцианство рассматривает самосовершенствование и работу над собой как основу жизни человека в мире

и реализации человеческих ценностей. Национальная этика означает повышение семейной этики до уровня национальной. Управление страной похоже на управление семьей. Подданные должны быть верны по отношению к стране, а монарх должен быть добр к подданным.

Традиционная китайская мораль – это нравственная система, в которой доминирует конфуцианская этика. Она включает в себя моральные идеалы, нравственные нормы и моральное самосовершенствование человека. Многие исследователи отмечали, что конфуцианская мораль характерна идеализмом, гуманизмом и рационализмом. Конфуцианская мораль идеалистична, она стремится к самосовершенствованию и пытается формировать идеальную личность через совершенствование морали. Конфуцианство придает большое значение личности и придерживается принципа «гуманные любят других». Конфуцианство подчеркивает личную социальную ответственность, выдвигает «Добиваться самосовершенствования, в порядке содержать семью, управлять государством и нести Поднебесной мир», «Раньше всех горевать над горем Поднебесной и после всех наслаждаться её радостями». Конфуцианство выступает за коллективизм и требует, чтобы люди подчинялись и служили семье, обществу и стране. Конфуцианство придает большое значение нравственности личности и выступает за «доброжелательность и гуманизм». Конфуцианство выступает за то, чтобы «увидел мудреца и захотел стать таким же; следовать хорошим образцам» и «размышлять о своих недостатках, видя плохое», и требует, чтобы люди «постоянно проверяли себя и узнали свои недостатки». Конфуцианство обращает внимание на внутреннее совершенствование личности для достижения нравственного совершенства, а также изменяет и совершенствует себя, укрепляя личное моральное совершенствование.

Вторая составляющая часть китайской традиционной культуры – политические мысли разных философских школ, таких как конфуцианство, даосизм, легизм, моизм и Инь Ян Цзя. Мысль Конфуция берет за основу «仁» «жэнь/ добродетель/ гуманность/ человеколюбие/ милосердие» – любовь к другим. Он выдвинул принцип «не делай другим того, чего себе не желаешь», и выступал за принцип «верность и прощение» и продвигал «гуманность и человеколюбие» для управления страной. Мэнцзы унаследовал принципы Конфуция и развил их в теорию «гуманное правление», «народ – основа страны», и «те, кто управляет страной, нравственной добродетелью и этикетом, выигрывают мир, а те, кто не соблюдает принцип «гуманное правление», теряют весь мир». Конфуций подчеркивал «осуществлять управление страной добротой»: «Когда управляют страной с помощью политикой и наказанием, люди свободны от наказания, но остаются бесстыдными; а когда управляют страной с помощью морали и ограничивают народа этикетом – люди не только остаются вежливыми, но и умеют исправлять

свои ошибки». Мэнцзы развивал мышление Конфуция и выдвинул, что «только с помощью доброты недостаточно для управления страной, и закон сам по себе не вступает в силу», что подчеркивает сочетание гуманизма и закона в правлении страной. Короче говоря, осуществление «гуманного правления» требует от правителя доброты по отношению к людям, и не чрезмерной эксплуатации и угнетения людей. В то же время требует, чтобы чиновники на всех уровнях думали о народе и работали на благо народа. Следовательно, управлять страной с помощью добродетели – значит обучать людей личным моральным качеством правителя, чтобы народ подчинялся правлению и соответственно установили полный порядок в Поднебесной, т.е. в стране царит мир и согласие.

Даосское «правление страной недеянием» отличается от активной политической идеологии и культуры конфуцианства. Так называемое «недеяние» – это не означает бездействие, а действие человечества по законам небес и природы, чтобы люди не чрезвычайно вмешивались в развитие природы, и дела развивались по естественным законам, только на этой основе осуществляется гармония и единение. Следовательно, «недеяние» является предпосылкой и условием для всех действий. Идеальное общество, к которому стремился Лао-цзы, – это «маленькое государство с небольшим населением». Лао-цзы исходную идею политической власти видел в сверхъестественном дао, направляющим жизнь людей согласно естественным законам, избавляющим их от тиранического господства аристократии. Лао-цзы характеризует дао как независимый от небесного владыки естественный ход вещей, естественную закономерность. Дао определяет законы неба, природы и общества. Оно олицетворяет высшую добродетель и естественную справедливость. В отношении к дао все равны.

Легизм – одно из шести направлений философских школ Древнего Китая. Легисты рассмотрели закон как основной инструмент для правления страной, установления порядка в обществе и сохранения стабильности в стране. В философии Мо-цзы иную интерпретацию получили различные философские концепции. Центральным в учении моистов является принцип «всеобщей любви», который представляет собой этическое обоснование идеи равенства людей и требования свободных низов древнекитайского общества права участия в политической жизни. Представители философской школы Инь ян цзя рассматривают развитие социально-исторического процесса и смену династий как закон взаимного ограничения пяти элементов.

В современную эпоху стержневые социалистические ценности играют главную роль в китайской культурно-цивилизационной идентичности. Стержневые социалистические ценности состоят из ценностей, которые от-

носятся к трем группам идентичностей: во-первых, это государственная идентичность – богатство, могущество, демократия, цивилизация и гармония; во-вторых, это общественная идентичность – свобода, равенство, справедливость и законность; в-третьих, это гражданская идентичность – патриотизм, преданность своей работе, честность и дружелюбие. По мнению Си Цзиньпина, стержневые социалистические ценности «в полной степени воплощают в себе продолжение и сублимирование лучшей традиционной китайской культуры» [2, С. 235]

По мнению высшего руководства Китая, предпосылкой уверенности в культуре является культурная идентичность: только признавая ценность своей собственной культуры, можно обрести уверенность в собственной культуре и применить ее на практике. Благодаря культурной идентичности люди живут в культурном сообществе, имеют те же культурные ценности и культурные идеи. [3, С.29-32] Для укрепления китайской культурно-цивилизационной идентичности в ноябре

2012 года Си Цзиньпин выдвинул концепцию китайской мечты – великого возрождения китайской нации. Китайская мечта включает в себя три цели – создание процветающего и могущественного государства, осуществление национального возрождения и достижение народного благоденствия. Кроме этого, в 2012 году Китай выдвинул концепцию создания «сообщества единой судьбы человечества», которая основывается на ценностях и духовных критериях, созданных человечеством в процессе социальной эволюции. Концепция сообщества единой судьбы человечества тесно связана с китайской идеей «Поднебесной» и с традиционными понятиями гармонии. В концепции «Поднебесной» накоплены конфуцианские идеалы великого единения всего мира.

Традиционная китайская культура, стержневые социалистические ценности, концепции китайской мечты и сообщества единой судьбы человечества составляют китайскую культурно-цивилизационную идентичность в современную эпоху.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чжун Синсин. Исследование культурной идентичности в современную эпоху. Кандидатская диссертация Партийной школы ЦК КПК. 2014. Цзо Бинь, Вэнь Фанфан. Культурная идентичность современных китайцев. // Вестник РАН Китая. 2017. С 175-187.
2. Чжао Инсюань. Распространение традиционной китайской культуры, укрепление уверенности в собственной культуре. // Сборник статей науки и образования. 2020(481). С 29-32.
3. Си Цзиньпин о государственном управлении (2015) Пекин: Издательство литературы на иностранных языках. С. 235.
4. Выступление Си Цзиньпина на симпозиуме по философии и социологии. 习近平在哲学社会科学工作座谈会上的讲话 (2016年5月17日) <http://cpc.people.com.cn/n1/2016/0519/c64094-28361550.html>

© Цуй Цзявэнь (tszyaven.tsuy@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ГОТОВНОСТЬ К ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ С ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДОЙ ВУЗА У ПЕРВОКУРСНИКОВ И ИХ ПСИХИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ В ПЕРИОД АДАПТАЦИИ

Афанасьева Снежана Михайловна

ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова», г. Якутск
tottoros98@mail.ru

Алексеева Полина Степановна

Доцент, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова», г. Якутск
alinava@inbox.ru

PSYCHOLOGICAL READINESS TO INTERACT WITH THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF THE UNIVERSITY FOR FIRST-YEAR STUDENTS AND THEIR MENTAL STATE DURING THE ADAPTATION PERIOD

**S. Afanasieva
P. Alekseyeva**

Summary: The period of adaptation to the conditions of higher education is characterized by changes in the social status, role, situation, characteristics of the leading type of activity of the individual. Consequently, the characteristic features of first-year students' abilities to respond to the influences and expectations of the educational environment and their subjects are revealed. The formation of these abilities contributes to successful and most effective adaptation, which can be reflected in high academic performance, active life position, satisfaction with the situation of obtaining professional education and the qualitative development of professional competence among students. The study involved first-year students of 2 divisions of NEFU. The study showed that psychological readiness to interact with the educational environment affects the mental state of subjects of the educational environment during the adaptation period. The most significant component is the cognitive readiness to interact with the educational environment. Students with a high level of cognitive readiness to interact with the educational environment may have low frustration resistance and low rigidity, but a pronounced tendency to high anxiety.

Keywords: psychological readiness to interact with the educational environment of the University, socio-psychological, emotional, personal readiness, mental States, adaptation period.

Аннотация: Период адаптации к условиям высшего учебного заведения характеризуется с изменениями социального статуса, роли, ситуации, характеристик ведущего вида деятельности индивида. Следовательно, проявляются характерные особенности способностей первокурсников реагировать на воздействия, ожидания образовательной среды и их субъектов. Сформированность данных способностей способствуют успешную и наиболее эффективную адаптацию, которые могут отражаться в высокой академической успеваемости, активной жизненной позиции, удовлетворенности ситуацией получения профессионального образования и на качественное освоение профессиональной компетенции у студентов. В проведенном исследовании участвовали студенты первокурсники 2х подразделений СВФУ. Проведенное исследование показало психологическая готовность к взаимодействию с образовательной средой влияет на психическое состояние субъектов образовательной среды в период адаптации. Наиболее значимым компонентом является когнитивная готовность к взаимодействию с образовательной средой. у студентов с высоким уровнем когнитивной готовности к взаимодействию с образовательной средой может наблюдаться низкая фрустрационная устойчивость и низкая ригидность, но выраженная склонность к высокой тревожности.

Ключевые слова: психологическая готовность к взаимодействию с образовательной средой ВУЗа, социально-психологическая, эмоциональная, личностная готовность, психические состояния, адаптационный период.

Введение

Сегодня, получение качественного образования, умение критически и творчески мыслить, вести социально адаптивный, здоровый образ жизни становятся ведущими ценностями среди всех групп населения. Ожидания вчерашних выпускников школ и реальность образовательной среды ВУЗа не всегда могут совпадать. Во многих исследованиях, посвященных адаптации первокурсника к условиям образовательной организации, делают акцент на психоэмоциональную

сферу личности, отводя ей роль отражения начальных изменений личности, т.е. считают, что психические состояния первичны по-своему проявлению к изменениям, а остальные показатели вторичны, следовательно, показатели эмоциональной сферы отражают какие изменения происходят у индивида в заданном промежутке времени.

Поэтому, становится важным рассмотрение основ для выявления специфики влияния психологической готовности на психическое состояние первокурсников в образовательной системе ВУЗа.

Необходимость исследования проблемы влияния психологической готовности на психическое состояние первокурсников в адаптационный период к образовательной среде ВУЗа заключается в том, что на данном этапе происходит изменение социальной роли субъекта, а также появление новых воздействий, задаваемых требований и ожиданий, поэтому в новой среде индивид использует свои «внутренние ресурсы», которые могут способствовать для более или менее эффективной адаптации. Следовательно, необходимо изучить «внутренние ресурсы», которые выступают в данном исследовании в роли психологической готовности (эмоциональный, личностный, когнитивный, социально-психологический компоненты) и проследить их связь с психо-эмоциональным состоянием индивида, т.к. оно по своей природе отражает начальные изменения аспектов личности, которые помогут выявить сформированность внутренних ресурсов.

Нами было сформулировано предположение о том, что психические состояния студентов в период адаптации будут иметь различия в зависимости от уровня сформированности компонентов психологической готовности

Основная часть

Поведение выстраивается из взаимодействия двух объектов – среды и индивида. Процесс адаптации затрагивает различные сферы жизнедеятельности человека, которые тесно между собой взаимосвязаны (биологический, физиологический, социальный, психологический, психический, сенсорный, профессиональный уровень), поэтому «адаптация» как предмет изучения рассматривается и в философии, психологии, социологии, медицине, педагогике и мн.др. науках.

В работах К.Г. Юнга, главной функцией структуры сознания считается адаптация. Категория адаптации им определяется как более широкое понятие чем «познание», так как, с его точки зрения, адаптация может реализоваться не только в виде познавательной деятельности. Понятие адаптации позволяет лучше постичь природу человека и специфику его взаимодействия с миром. [11, с. 59].

Если рассмотреть физиологический уровень адаптации, исходя из работ У. Кэннона, то организм стремится сохранить баланс уровня гомеостаза при любых внешних воздействиях. Любые внешние воздействия влияют на систему организма, тем самым вызывая изменения, которые не являются отклонениями от нормы. Но при длительном воздействии стимулов, где применяются неэффективные формы стратегий, то организм истощается, проявляя различные психосоматические заболевания и

т.д. [5]

В отечественной науке явление адаптации изучается как биологическое приспособление к среде (Е.А. Горелова, В.И. Медведев), как процесс активного взаимодействия субъекта и среды (П.К. Анохин, Ф.Б. Березин), как совокупность процесса и результата приспособления (К.А. Абульханова-Славская, А.Б. Георгиевский), и как механизм развития личности (А.А. Реан, А.А. Алдашева).

В концепции Ф.Б. Березина психическая адаптация является процессом установления равновесных взаимодействий между психикой и средой, является комплексным феноменом, который не сводится к психологической адаптации [2]. Психическая адаптация является процессом установления адекватных взаимоотношений между психической деятельностью, обуславливающей поведение, и физиологическими механизмами, обеспечивающими реализацию поведения. В основе концепции Ф.Б. Березина, была предложена трехкомпонентная модель психической адаптации как системы, обеспечивающей:

1. оптимальное соотношение между психическими и физиологическими адаптационными процессами (психофизиологическая адаптация);
2. сохранение психического гомеостаза и устойчивого целенаправленного поведения (собственно психическая адаптация);
3. адекватное взаимодействие с социальным окружением (социально-психологическая адаптация) [2].

В работах А.А. Северного и Н.М. Иовчука утверждают, что психический адаптационный процесс рассматривает изменение стереотипа личности и его состояния с требованиями внешней среды. А дезадаптация представляет собой нарушенное взаимодействие субъекта с окружающей средой, которое обуславливается невозможностью выполнить требуемые задачи в соответствии социальной роли, возможностям индивида [8]. В.Я. Семке отмечает, что изменение состояния эмоциональной сферы может быть связано с непривычными новыми требованиями социальной роли субъекта, которые могут превосходить его внутренние ресурсы, тем самым вызывая у индивида стресс-реакцию организма и психо-эмоциональную неустойчивость (высокая тревожность, агрессивность, фрустрированность) [9].

Начало любой деятельности приводит к полной перестройке не только его ведущего типа деятельности и социальной роли, но отношений межличностных и социальных ролей. Для каждого человека любые изменения связаны с эмоциональной нагрузкой, переживанием стрессовых ситуаций, которые влияют на появление эмоциональных расстройств. Фундаментом таких откло-

нений чаще всего лежит *тревожность* как устойчивое психическое образование. [10] Таким образом, адаптация человека может осуществляться на разных уровнях, находящихся в отношениях взаимосвязи и взаимовлияния и имеющих свою специфику мобилизации адаптационных ресурсов [6].

Ю. Колесников и Б. Рубин рассматривают адаптацию первокурсников как процесс вовлечения индивида в совокупность форм деятельности и ролей, акцентируя на процесс творческого приспособления субъекта к особенностям выбранной профессии. Таким образом, адаптация студента - это положительное отношение к особенностям профессии, академическая успеваемость, психоэмоциональная устойчивость. [7]

Анализируя концепции можно сказать, что психическое состояние напрямую взаимосвязана с активностью или пассивностью в период адаптации, которая тесно связана с психологической готовностью к взаимодействию с образовательной средой ВУЗа.

С.Н. Кусакина выделяет три компонента к вузовскому обучению. Мотивационно-профессиональный компонент, который предполагает желание и стремление учиться, выполнять задаваемые требования и обязанности ВУЗа, осознанность и самостоятельность выбора профессии. Далее когнитивно-темповый компонент имеет два подвида: интеллектуальный и организационно-темповый. Интеллектуальный компонент включает в себе средний показатель интеллектуального развития и уровень подготовки школьной программы. Организационно-темповый компонент отражает навыки чтения, письма, работы с текстом и скорость переключения внимания. Волевой компонент отражает навыки саморегуляции поведения и самоорганизации [3].

В работах О.Н. Локатковой психологическая готовность к взаимодействию с образовательной средой ВУЗа включает 4 компонента, которые содействуют принятию учебно-профессиональных целей в соответствии с требованиями образовательной среды [4]. Она утверждает, что динамика психологической готовности зависит от сформированности данных четырех компонентов, идеальная картина адаптированности студента отражает: эмоциональный компонент - повышенное эмоциональное благополучие (отсутствие негативных эмоций, низкая тревожность), положительное эмоциональное состояние при посещении пар; когнитивный компонент - активная познавательная деятельность, повышенная скорость усвоения тем учебного материала и их эффективное применение, академическая успеваемость; личностный компонент - позитивная Я-концепция, низкая личностная тревожность, адекватность уровня самооценки и притязаний. Данные внутренние ресурсы об-

учающегося позволяют эффективно использовать их в процессе обучения, в формировании положительной учебной мотивации, в построении оптимизированных межличностных отношений с субъектами образовательной среды, в сформированности умений и навыков коммуникации (выступать перед публикой, высказывать свое мнение и т.д.), в низких показателях межличностных конфликтов, активной общественной жизни [4].

Адаптационный период связан с эмоциональной нагрузкой, переживанием стрессовых ситуаций, может усиливаться тревожность как устойчивое психическое образование.

Материалы и методы исследования

В исследовании приняли участие академические группы студентов –первокурсников двух подразделений СВФУ им. М.К. Аммосова, в возрасте от 17 до 22 лет, общее количество составило 75 человек.

Были использованы следующие методики исследования:

- «Самооценка психических состояний» (Айзенк Г.)-данная методика позволяет выявить выраженность следующих психических состояний индивида: тревожность; фрустрация; агрессивность; ригидность.
- «Диагностика психологической готовности» (Локаткова О.Н.)-выявляет особенности психологической готовности по четырем критериям: эмоциональный, личностный, когнитивный, социально-психологический.

Статистическая обработка и оценка достоверности результатов проводилась с использованием программы SPSS 22.0 для персональных компьютеров и пакета прикладных программ Microsoft Office. Выявления связи между психическими состояниями и психологической готовности к взаимодействию с образовательной средой проводилось с помощью коэффициента корреляции Пирсона (r-Пирсона)

Представление результатов изучения психического состояния студентов в период адаптации

Изучение психического состояния студентов проводилось в сентябре-октябре месяце первого учебного года студентов. Адаптация в легкой форме, как правило, длится два месяца, к концу октября происходит освоение нового статуса студента и новых требований Вузовской среды.

Результаты измерения уровней психического состояния отражены на рисунке 1.

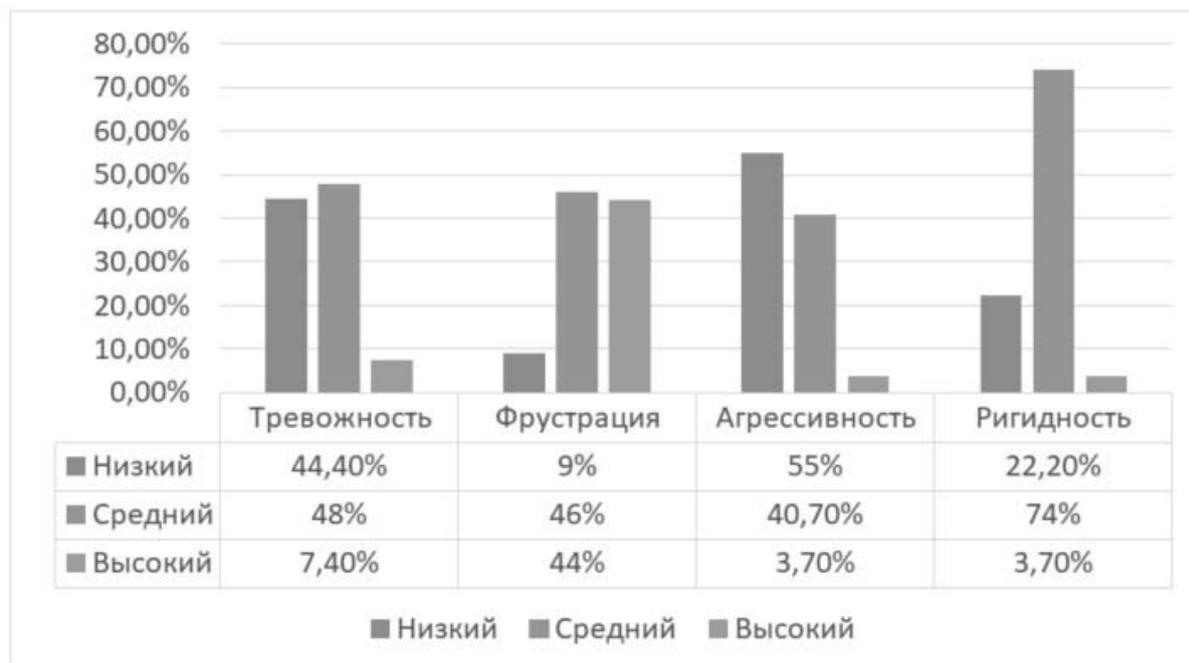

Рис. 1. Результаты измерения психических состояний

Полученные результаты свидетельствуют о том, что преобладающим является средний уровень выраженности тревожности, фрустрации, агрессивности и ригидности.

У 48 % показатель «тревожности» представлен в среднем уровне 8,2, следовательно, наблюдается склонность к ожиданию негативного развития событий, неудач в решении различных задач, возникновение предположения трагических исходов ситуаций. Но у 44,4% низкая тревожность, которая возможно говорит о том, что им свойственна сдержанность чувств и слабая эмоциональная вовлеченность в различных жизненных ситуациях.

По критерию «фрустрация» преобладает средний уровень, то есть первокурсники в состоянии регулировать и перенаправлять свое сознание от тревожащих мыслей, могут придавать событиям меньшую ценность, но это может привести к накоплению дел и т.д. У 44% выражена высокая фрустрированность, соответственно, для у первокурсников преобладают иррациональные убеждения, которые акцентируют боязнь неудач, избегание трудностей. У 9 % первокурсников низкая фрустрированность, т.е. у них высокая самооценка, устойчивость к неудачам, но характерна переоценка значимость необходимых ситуаций, событий, которое может привести к низкой академической успеваемости.

По критерию «агрессивность» у большинства 55% низкий показатель, который отражает низкую враждебность по отношению к кому-либо или чему-либо и сохранение спокойствия при каких-либо ситуациях.

Показатель у преобладающего количества студентов – 74% уровень «ригидности» средний, возможно это связано с трудностями менять привычки, настороженным отношением ко всему новому и во взаимодействии со сверстниками и преподавателями. У меньшинства-3,7% низкая высокая ригидность, следовательно, их трудно переубедить, неизменность поведения и взглядов.

На рисунке 2 отражены результаты по определению уровня выраженности компонентов психологической готовности студентов.

Полученные нами результаты говорят о том, что для выборки первокурсников характерен средний уровень сформированности психологической готовности к взаимодействию с образовательной средой ВУЗа. Студенты первых курсов проявляют адекватность эмоциональных реакций на определенные стимулы, но иногда может выражаться впечатлительность и импульсивность. Для респондентов характерна объективная оценка своих возможностей учебных и творческих, могут осуществлять самоконтроль и эффективно выполнять задаваемые задания, но возможна отсутствие положительной мотивации учебной деятельности, то есть негативные установки на академическую успеваемость. Большинство первокурсников могут легко устанавливать контакт и поддерживать беседу, но в определенный момент не могут найти общий язык с кем-либо, могут проявить конфликтность. Установки на моральную нормативность к взаимодействию с образовательной средой и социально-психологическую адаптацию к условиям образова-

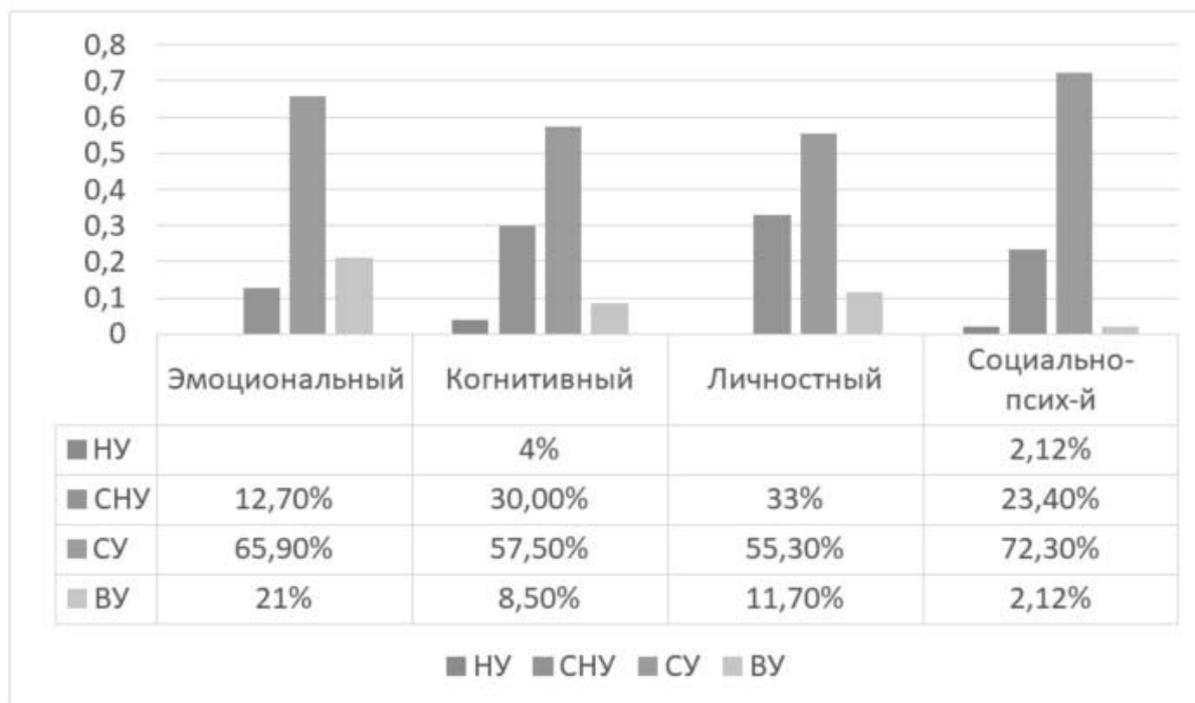

Рис. 2. Распределение компонентов психологической готовности по уровням

тельной среды учебного заведения нейтральны.

Характеристика эмоционального компонента психологической готовности к взаимодействию со средой ВУЗа, показывает, что у студентов первого курса отсутствуют лица с несформированными стратегиями регуляции эмоции. Средние показатели с тенденцией к низкому уровню эмоциональной готовности демонстрируют 12,7% - их неуверенность в себе, тревожность могут привести к ухудшению академических результатов и дезорганизации деятельности. Но у 21% студентов высокий уровень, следовательно, у них сформированы стратегии регуляции эмоции, которые способствуют снижению уровня тревожности, фрустрации и т.д.

Низкий уровень по когнитивному компоненту готовности выявлен у 4% респондентов. Таким образом, меньшинство принижает свои творческие и учебные возможности, а также навыки, которые способствуют для более эффективного выполнения поставленных учебных задач или у них отсутствуют или слабо развиты навыки, которые могут помочь для более отбирать необходимую информацию и т.д. У 30% обследованных констатируем средний когнитивный уровень с тенденцией к низкому значению, об этом можно предположить, что учебный материал запоминается не полно, возможно из-за механического способа запоминания материала, недостаточная речевая подготовка, которое способствуют к трудностям при высказывании своего мнения и препятствий при выполнении какого-либо задания.

Развитие личностного компонента у 33% в исследуемой выборке студентов на среднем уровне с тенденцией к низкой личностной готовности к взаимодействию с образовательной средой. Это может говорить о том, что присутствует страх, склонность непрерывно обдумывать тревожащие мысли и образы, о нерешительности, робости, тревоге. Не зафиксированы низкие результаты у студентов, т.е. студенты – первокурсники способны к рефлексии и «Я-образ» первокурсника достаточно устойчивый.

23,4% опрошенных первокурсников показывают средний уровень социально-психологической готовности к взаимодействию с образовательной средой ВУЗа с тенденцией к низкому. Это может говорить о низком социальном статусе, характеризующийся узким кругом общения и малым количеством знакомых, трудностями в общении и наличием чувства неуверенности при знакомстве с новыми людьми и в принятии новой социальной роли. Возможно, основой для развития этих свойств стала низкая коммуникативная способность.

Согласно, исследованию Локатковой Н., средний с тенденцией к низкому уровень личностного компонента во взаимодействии с образовательной средой характеризуется неосознанным выбором направления обучения, ориентированностью на социальное мнение (мода, престижность профессии в обществе), на высокооплачиваемость, получение определенных материальных благ и т.п. Поэтому, для студентов с низким уровнем личностного компонента во взаимодействии с образовательной

средой ВУЗа наблюдается несформированность планов на будущее, неопределенность и несоответствие выбранного вуза интересам самого студента, что в конечном счете, снижает мотивированность в учебной деятельности и ее ценность не связывают с собственной личностью

Обсуждение результатов исследования.

С помощью коэффициента корреляции Пирсона выявили наличие связи между показателями психического состояния и компонентами психологической готовности. Результаты отражены в таблице №1:

Таблица 1.
Корреляционная плеяда сформированности психологической готовности и психического состояния

Показатели	Эмоциональный	Социально-психологический	Когнитивный
Тревожность	-,306**	-	-,490**
Фрустрация	-,416**	-	-,579**
Агрессивность	-,026	,408**	-
Ригидность	-,380**	-,379**	-,528**

По результатам анализа наблюдается отрицательная корреляционная связь на высоком уровне значимости с фрустрацией ($r=-0,579^{**}$, $p=0,01$) и связь с ригидностью ($r=-0,528^{**}$, $p=0,01$), а также с тревожностью ($r=-0,490^{**}$, $p=0,01$). То есть, мы можем утверждать, что у студентов с высоким уровнем когнитивной готовности к взаимодействию с образовательной средой может наблюдаться низкая фрустрационная устойчивость и низкая ригидность, но выраженная склонность к высокой тревожности, т.е. если уровень подготовленности высокий, соответственно, уровень тревожности возрастает, так как возникает иллюзорная картина упущенности важных моментов по определенной теме. В исследуемой выборке, установлен средний уровень сформированности психологической готовности к взаимодействию с образовательной средой ВУЗа. У 65% студентов адекватность эмоциональных реакций на определенные стимулы, но иногда может выражаться впечатлительность и импульсивность. В когнитивном компоненте у респондентов (57%) характерна объективная оценка своих возможностей учебных и творческих, могут осуществлять самоконтроль и эффективно выполнять задаваемые задания, но возможна отсутствие положительной мотивации учебной деятельности, то есть негативные установки на академическую успеваемость. В личностном компоненте отразилось, что большинство респондентов 55% могут легко устанавливать контакт и поддерживать беседу, но в определенный момент не могут найти общий язык с кем-либо, могут проявить конфликтность. Социально-

психологический компонент: установки на моральную нормативность к взаимодействию с образовательной средой и социально-психологическую адаптацию к условиям образовательной среды учебного заведения нейтральны.

Результаты исследования психических состояний показывают, что преобладающим является средний уровень выраженности. Показатель «тревожности» у большинства наблюдается склонность к ожиданию негативного развития событий, неудач в решении различных задач, возникновение предположения трагических исходов ситуаций. По критерию «фрустрация» выяснилось, что большинство 46% регулируют и перенаправляют свое сознание от тревожащих мыслей, могут придавать событиям меньшую ценность, но это может привести к накоплению дел и т.д. По критерию «агрессивность» у большинства 55% низкий показатель, который отражает низкую враждебность по отношению к кому-либо или чему-либо и сохранение спокойствия при каких-либо ситуациях. Показатель у преобладающего количества студентов- 74% уровень «ригидности» средний, возможно это связано с трудностями менять привычки, настроенным отношением ко всему новому и во взаимодействии со сверстниками и преподавателями [1].

Вывод

Таким образом, психологическая готовность к взаимодействию с образовательной средой влияет на психическое состояние субъектов образовательной среды в период адаптации. Наиболее значимым компонентом является когнитивная готовность к взаимодействию с образовательной средой. Наблюдается отрицательная корреляционная связь на высоком уровне значимости с фрустрацией ($r=-0,568$, $p=0,01$) и связь с ригидностью ($r=-0,528^{**}$, $p=0,01$), а также с тревожностью ($r=-0,490^{**}$, $p=0,01$). То есть, мы можем утверждать, что у студентов с высоким уровнем когнитивной готовности к взаимодействию с образовательной средой может наблюдаться низкая фрустрационная устойчивость и низкая ригидность, но выраженная склонность к высокой тревожности.

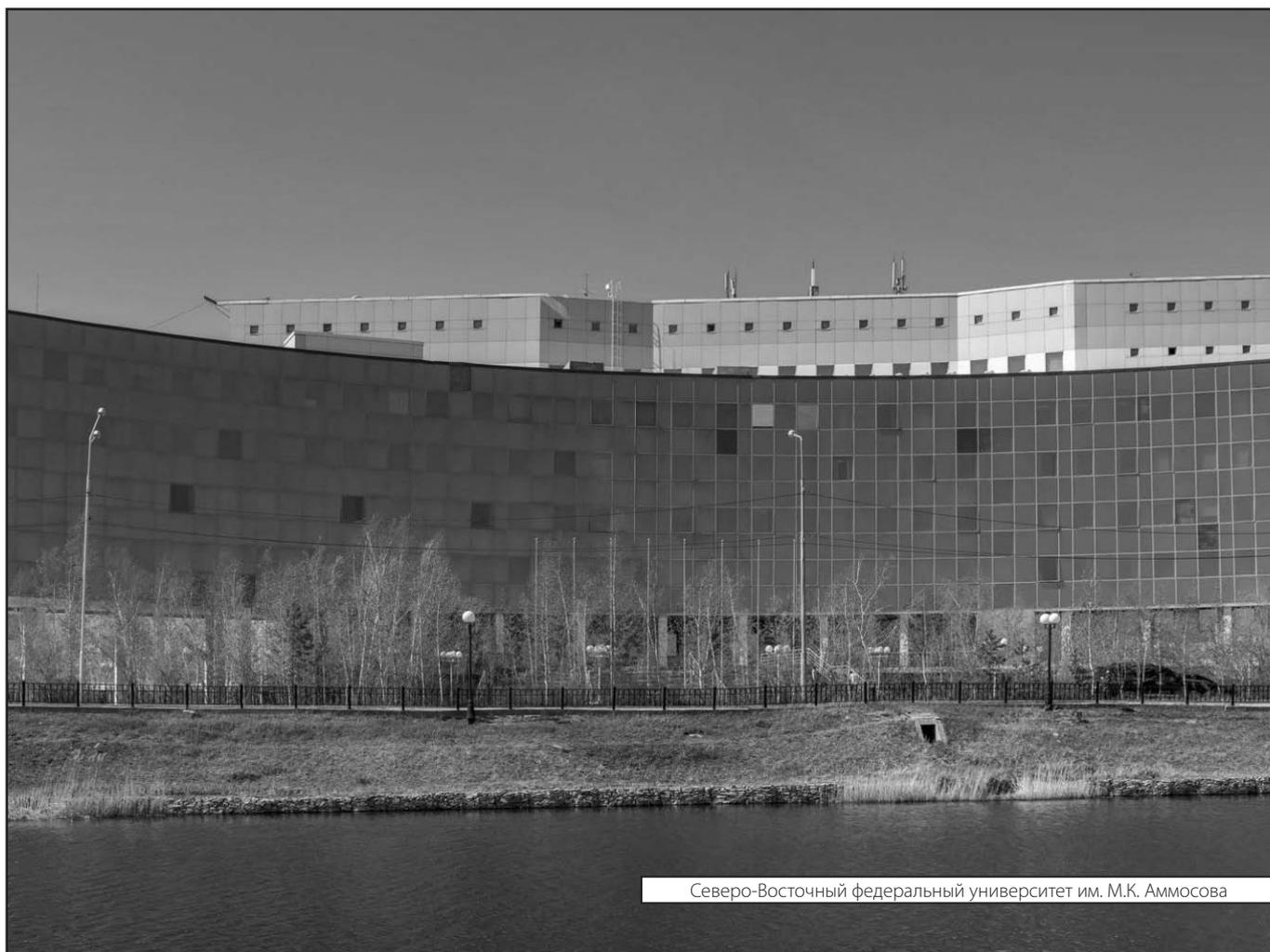
Динамика психологической готовности зависит от сформированности данных четырех компонентов, картина адаптированности студента отражает эмоциональную, активную познавательную деятельность, повышенную скорость усвоения тем учебного материала и их эффективное применение, академическую успеваемость, низкую личностную тревожность, адекватность уровня самооценки и притязаний, оптимизированные межличностные отношения с субъектами, отсутствие конфликтов, сформированность умений и навыков коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьева С.М. Психическое состояние первокурсников в период адаптации к образовательной среде вуза // Психология : Материалы 57-й Междунар. науч. студ. конф. 14–19 апреля 2019 г. / Новосиб. гос. ун-т. — Новосибирск : ИПЦ, НГУ, 2019. — 58 с.
2. Березин Ф.Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека. — Л.: Наука, 1988. — 267 с.
3. Кусякина С.Н. Проблема готовности к обучению в ВуЗе в отечественной психологии. Казань: ЗАО «Новое знание», 2007. -С.43-46
4. Локаткова О.Н. Регрессионный анализ компонентов психологической готовности студентов-первокурсников к взаимодействию с образовательной средой вуза [Текст] / О.Н. Локаткова // Молодой ученый. — 2014. — №16. — С. 390-393. — 0,4 п.л.
5. Меерсон Ф.З. Физиология адаптационных процессов. - М.: Наука, 1986. -635
6. Налчаджян А.А. Психологическая адаптация: механизмы и стратегии / А.А. Налчаджян. 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Эксмо, 2010. — 368 с.].
7. Савельева Н.Г. Дезадаптация учащейся молодежи как одна из наиболее актуальных проблем отечественной психологии и педагогики // Социальная и специальная педагогика: 2011.-С. 79.
8. Северный А.А., Иовчук Н.М. Междисциплинарное взаимодействие в коррекционной работе при пограничной психической патологии // Ассоциация психиатров и психологов. - М.: 1995.-1-6 С.
9. Семке В.Я. Психологическая модель травматического стресса // Научно-методический электронный журнал «Концепт». — 1999. — Т. 34. — С. 62–70.
10. Сергеева Б.В. Проблема тревожности в процессе адаптации // Научно-методический электронный журнал «Концепт». — 2017. — Т. 34. — С. 62–70.
11. Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. — М.: Прогресс, 1994. — 329 с. 59

© Афанасьева Снежана Михайловна (tottoros98@mail.ru), Алексеева Полина Степановна (alinava@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова

СТРУКТУРА ПРОФЕССИОНАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ КАЧЕСТВ ИНЖЕНЕРА КАК ОСНОВА НАДЕЖНОСТИ ТРУДА

Балакшина Елена Владимировна

*К.псих.н., доцент, Тверской государственный
технический университет
balakshina79@mail.ru*

STRUCTURE OF PROFESSIONAL QUALITIES OF AN ENGINEER AS THE BASIS OF RELIABILITY OF WORK

Ye. Balakshina

Summary: Modernization of modern industrial complexes and active development of enterprises in various areas of the labor market leads to an increase in the prestige of engineering professions. Numerous innovations introduced in the technological process to ensure its reliability and increase efficiency contribute to the formation of new specialties in engineering. These trends provide an opportunity: for the employment of young professionals with technical education in its more prestigious areas; to realize creative potential in work activity; to advance on the career «ladder.» It should be noted that the most preferred and desirable professional fields of engineering in choosing it as a matter of «life,» from an economic point of view, are information technology, biotechnology, nanotechnology, construction. In this regard, the high significance of the discoveries of engineering thought, its results for the life of society constantly raises questions about the training of high-class engineers confirming their level in practice. The possibility of taking into account psychological trends in the process of professional development of an engineer by differentiating leading professionally significant qualities and highlighting the structure of qualities of an engineer becomes an important basis, which in the future will contribute to the implementation of labor functions at a reliable and safe level already at the stage of entering the profession.

Keywords: engineer, engineering activity, efficiency of activity, creativity, reliability, professionally significant qualities, ability, technical solutions.

Аннотация: Модернизация современных промышленных комплексов и активное развитие предприятий в различных сферах рынка труда приводит к росту престижа инженерных профессий. Многочисленные инновации, внедряемые в технологический процесс для обеспечения его надежности и роста эффективности, способствуют образованию новых специальностей в инженерном деле. Данные тенденции дают возможность: для трудоустройства молодых профессионалов с техническим образованием в более престижных его направлениях; для реализации творческого потенциала в трудовой деятельности; для продвижения по карьерной «лестнице». Следует отметить, что наиболее предпочтительными и желаемыми профессиональными сферами инженерного профиля при выборе его как дела «жизни», с экономической точки зрения, являются информационные технологии, биотехнологии, нанотехнологии, строительство. В связи с этим, высокая значимость открытий инженерной мысли, ее результатов для жизни социума постоянно поднимает вопросы о подготовке инженеров высокого класса, подтверждающих свой уровень на практике. Возможность учета психологических тенденций в процессе профессионального становления инженера посредством дифференциации ведущих профессионально значимых качеств и выделения структуры качеств инженера становится важной основой, которая в дальнейшем будет способствовать реализации трудовых функций на надежном и безопасном уровнях уже на этапе вхождения в профессию.

Ключевые слова: инженер, инженерная деятельность, креативность, надежность, профессионально значимые качества, способность, технические решения, эффективность деятельности.

Введение

Проблема детализации психологического содержания профессиональной деятельности на примере технических профессий не теряет своей актуальности в рамках психологии труда и инженерной психологии. Данное обстоятельство во многом связано с интенсивной технологизацией и компьютеризацией различных видов труда, что значительно усложняет его реализацию, обусловленную включением дополнительных функций, расширением обязанностей, усложнением задач, решаемых специалистом. При этом ориентация на запланированный результат труда во многом зависит от способности профессионала не просто применять специальные знания конкретной профессиональной предметной области, но и интегрировать их со знаниями

смежных областей.

Применительно к инженерному делу продукт деятельности представляет собой проект, конструкт, макет и др. и обусловлен спецификой сферы промышленности, в которой функционирует предприятие, где ведущим ориентиром в условиях современной экономики является нацеленность на рынок и потребителя. В данных условиях работодатель настроен на коммерческий успех и ожидает от инженера не просто обычного исполнения своих обязанностей, а выпуска «нечто нового», неординарного. Скорость внедрения инноваций в жизнь, ее различные стороны, их постоянная смена также являются важными факторами, оказывающими влияние на формирование ряда требований относительно наличия соответствующих профессиональных компетенций ин-

женера. Таким образом, способность сотрудников инженерно-технической службы разрабатывать и инновировать нестандартные решения становится ключевым моментом для успеха организации.

Делая акцент на способности творить и принимать нестандартные решения, как важном условии успешности инженерного труда, нельзя исключить из внимания, что реальная возможность исполнять «чисто» инженерные виды деятельности на практике становится доступной на базе профильных организаций. Тенденция непрерывного оснащения современными техническими средствами иные сферы труда (медицина, образование и другие социальные сферы) привела к росту потребности в инженерных кадрах. Профессиональная деятельность инженера, задействованного в организациях непрофильного типа, в большей степени отличается предметно-практической, социальной направленностью, зачастую без возникающих трудных повседневных вопросов, для решения которых необходимо применение инженерно-инновационных и научно-исследовательских разработок [4]. В данном случае даже при наличии классического инженерного образования качественное и надежное выполнение трудовых задач достигается наличием профессиональных компетенций, обобщенного паттерна профессионально важных качеств, характерного для представителей технических профессий, а способность к креативности уходит на второй план. Дополнительным фактором, обуславливающим необходимость изучения различных сторон профессиональной инженерной деятельности, также выступает такое явление, как размытость ее границ. Заложенные должностные обязанности специалистов ряда инженерных направлений имеют на функциональном уровне разительные отличия от общепринятого понимания содержания инженерной деятельности (инженер-экономист, инженер-снабженец и др.) и приводят к многозадачности ее реализации.

Теоретическая основа исследования

Опираясь на системогенетический подход, необходимо отметить, что интенсивное внедрение результатов технического прогресса в социально-экономическую сферу выступает в качестве одного из основных условий, дифференцирующих показатели надежности, успешности и эффективности деятельности инженера на современном рынке труда [8, с. 111]. Нередко выступая в качестве модератора всего технологического процесса на предприятии, инженер решает дополнительные проблемы, связанные с управлением, обеспечением контроля и организацией работы технических отделов, а также несет дополнительную ответственность за принимаемые решения. В этом смысле построение и осмысление теоретической модели, в которой будет отражена

структура и набор эталонных профессионально значимых качеств на основе изучения специфики психологического содержания деятельности инженера разной профессиональной направленности, с учетом стадии (этапа) профессионального становления, становится актуальной в психологии труда и инженерной психологии.

Обоснование и выделение эталона, который будет описывать набор ведущих профессионально важных качеств, возможно посредством анализа ожидаемых, формируемых умений современного инженера. Исходя из приведенных выше особенностей инженерной деятельности, традиционно от инженера как технического специалиста ожидают работы над технической документацией, надзора за изготовлением авторской продукции, налаживания каналов коммуникации с заказчиками и пользователями проектов [4, с. 2]. При этом высокие требования к его умениям, навыкам и знаниям, представленные в многочисленных профессиограммах, их широкий спектр не всегда реализуется в деятельности. На практике специалист инженерной деятельности смежного характера может выполнять ряд конкретных функций и задач на протяжении длительного времени [6]. Поэтому структура профессионально значимых качеств специалистов даже внутри одной профессии может значительно отличаться [7].

Проблема формирования профессионально значимых качеств широко представлена в трудах отечественных психологов в рамках психологии труда (А.В. Батаршев, А.Н. Воронин, А.А. Деркач, Е.П. Ермолаева, В.В. Козлов, В.А. Толочек, В.Д. Шадриков и др.) [2]. Получение совокупности данных, сведений и образов о специфике содержания структуры профессионально важных качеств применительно к конкретному виду труда возможно на основе применения деятельностного, личностного, компетентностного, системного и интегративного подходов [3]. Относительно инженерных специальностей в приоритете остаются вопросы, связанные с необходимостью поиска адекватных критериев продуктивности, производительности деятельности с учетом, что не все существующие виды в конечном итоге направлены на создание продукта, или сам продукт труда может быть весьма специфичен [9]. Ценка взаимосвязи качества, результативности и надежности деятельности инженера с профессионально важными качествами требует особого внимания и детального рассмотрения. Обобщающим фактором является то, что успешность выполнения трудовых функций поддерживается развитыми в процессе профессионализации профессионально важными качествами [11].

Методы исследования

Одним из основных методов, применяемых для изучения особенностей трудовой деятельности, является профессиографический. При комплексном подходе к изучению конкретного вида деятельности данный метод выступает в качестве фундамента и первичного этапа для процесса всестороннего анализа и систематизации выявленных характерных закономерностей труда. Пристальное внимание к средствам, условиям, функциональным обязанностям и историческому генезису профессии позволяет провести дифференциацию ее содержательных и структурных показателей.

Системогенетический метод исследования позволяет определить профессионально важные качества как комплекс любых качеств субъекта, непосредственно включенный в процесс деятельности и обеспечивающий эффективность ее реализации по показателям производительности и надежности (А. Батаршев, И. Алексеева, Е. Майорова) [3]. Паттерн профессионально важных качеств обусловлен особенностями выполняемой деятельности. В.Д. Шадриковым предложено следующее определение профессионально важных качеств – это особый паттерн индивидуальных качеств субъекта труда, оказывающий влияние на эффективность деятельности, а также на процесс успешности ее освоения. Автором отмечается динамичность некоторых профессионально важных качеств, основанных на чертах личности и психомоторных свойствах [9].

Состав профессионально важных качеств представлен рядом физических, антропометрических, физиологических характеристик человека, определяющих успешность человека в учебной и трудовой деятельности. Формирование перечня указанных качеств должно проводиться с учетом специфики состава, степени выраженности тех или иных качеств, установлению связей внутри выделенной структуры. Весь анализ проводится на базе профессиограммы с последующим составлением психограммы [10].

Результаты исследования

Инженер как специалист, осуществляющий инженерную деятельность, согласно научным источникам должен обладать способностью к изобретению [6].

Согласно В.П. Алексееву, наличие творческого начала у инженера проявляется в быстроте принимаемых решений, степени их разумности и взвешенности [1, с. 6]. Автором также анализируется скорость синтеза новых технических решений и способности укладывать

ся в установленные сроки со смелостью. В более современном понимании инженер – это специалист, который обладает знаниями в области техники и технологий, экономики, производства, человеческих отношений, способный самостоятельно пользоваться инженерными методами [5]. Спектр знаний, необходимый для эффективности труда, включает высокий уровень выраженности теоретических, научных, технических изысканий, а также навыки по черчению. В наиболее классических вариантах инженерного дела профессиональная область больше ориентирована на технику.

Анализ профессиограммы инженера позволил выделить доминирующие виды деятельности (отчетная, планирование, разработка, сбор информации, опытные работы, проектирование, описание, настройка, испытание, внедрение, научно-исследовательская, конструирование), а также ключевые признаки профессии инженера [6]. Такая мультимодальность требует наличия широкого набора способностей: от математических до особенностей познавательной сферы (внимание, память, мышление, воображение). Надежный и эффективный уровень исполнения профессиональных требований достигается также спецификой личностных качеств, интересов и склонностей. Основным ярус наиболее значимых качеств составляют: усидчивость, аккуратность, рациональность, пунктуальность, терпеливость, скрупулезность, любознательность, методичность [10]. Именно они позволяют инженеру успешно реализоваться в профессии на предприятиях любого профиля.

Заключение

Таким образом, современная инженерная деятельность обладает рядом специфических особенностей. Ведущими ее чертами, как и в других видах труда, являются информационное и технологическое насыщение производственного процесса. В данных условиях эффективность, надежность и успешность инженерного труда зависит от способности быстро адаптироваться к новым реалиям, проявляя творческую активность и креативность. Своеобразие паттерна профессионально значимых качеств инженера обусловлено длительным процессом становления с последовательным наращиванием ведущих и редукцией малозначимых качеств. Как показывает практика, на сегодняшний день актуальным направлением инженерной психологии и психологии труда становится оценка надежности инженерной деятельности и ее продуктивности в целом. Поэтому решение задач, направленных на раскрытие структуры профессионально важных качеств и особенностей психологического содержания инженерной деятельности с учетом стадий профессионального развития, заслуживает продолжения углубленного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев В.П. Категория творчества в профессиональной инженерной деятельности // Научно-практический журнал «Новые исследования в разработке техники и технологий». 2015. №2. С. 5-12.
2. Барткевич Е.В., Бадалян Ю.В., Зенина С.Р. Исследование психологических детерминант индивидуального стиля деятельности сотрудников телекоммуникационной компании // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Познание». -2018. -№5. -С. 67-72.
3. Батаршев А.В., Алексеева И., Майорова Е. Диагностика профессионально важных качеств. СПб.: Питер, 2007. 192 с.
4. Гаранина О.Д. Инженерная деятельность в контексте социально ответственности // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. №4-4 (46). С.2-4.
5. Гинзбург Д.А. Актуальность психологии в различных сферах профессиональной деятельности современного человека // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Познание». -2019. -№5. -С. 13-16.
6. Денцель Е.С. Инженерная деятельность и ее роль в социуме // Молодежный научно-технический вестник. 2014. №7. С.40.
7. Леньков С.Л., Рубцова Н.Е. Это неуловимое понятие профессии // Институт психологии Российской Академии Наук. Организационная психология и психология труда. 2018. Т. 3. № 3. С. 9-38.
8. Кононова Г.А., Циганов В.В. Профессиональная надежность персонала как фактор эффективной деятельности организации // Ученые записки Международного банковского института. 2017. №20. С.111-123.
9. Малащук Л.С., Маряшин Ю.Е., Филатов В.Н. К вопросу о функциональной надежности человека в экстремальных ситуациях // Проблемы безопасности полетов. 2012. №5. С.21-27.
10. Романова Е.С. 99 популярных профессий. Психологический анализ и профессиограммы. СПб.: Питер. 2008. 464 с.
11. Morosanova V. Regulatory and personality predictors of the reliability of professional actions / V.Morosanova, I.Gaidamashko, S.Chistyakova, N.Kondratyuk, A.Burmistrova-Sevenkova// Psychology in Russia: State of the Art. Volume 10.Issue 4. 2017.P. 195-207.

© Балакшина Елена Владимировна (balakshina79@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФАКУЛЬТАТИВНЫЕ ЗАНЯТИЯ КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ИНТЕРЕСА У ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

OPTIONAL ACTIVITIES AS A MEANS OF DEVELOPING COGNITIVE INTEREST IN CHILDREN OF YOUNG SCHOOL AGE

*E. Bogomolova
L. Mamedova*

Summary: The modern education system is increasingly faced with the problem of insufficient development of cognitive interest in children of primary school age, which is one of the most important properties of a child's personality, which is necessary both for the harmonious and comprehensive development of his personality and for teaching at school. To solve this problem, we conducted a study on the basis of the Municipal Educational Institution "Gymnasium No. 1 of Neryungri named after S.S. Karimova". This study was aimed at determining the level of development of cognitive interest in children of primary school age, as well as the students' interest in conducting optional classes under the Around the World program. This would allow us to substantiate the importance of extracurricular activities as a method of working with children that allows us to develop cognitive interest most effectively. The study involved students of grade 3A in the amount of 22 people. Comprehensive diagnostics, carried out by us, allowed us to determine the level of development of cognitive interest in children, as well as the importance of using optional classes in the development of cognitive interest.

Keywords: optional activities, level of evolution, cognitive interest, the world, primary school children.

Богомолова Елена Алексеевна

*Технический институт (филиал) Северо-Восточный
федеральный университет
имени М.К. Аммосова в Нерюнгри
helen_fletcher@mail.ru*

Мамедова Лариса Викторовна

*к.п.н., доцент, Технический институт (филиал)
Северо-Восточный федеральный университет
имени М.К. Аммосова в Нерюнгри
larisamamedova@yandex.ru*

Аннотация: Современная система образования все чаще сталкивается с проблемой недостаточного развития у детей младшего школьного возраста познавательного интереса, который является одним из важнейших свойств личности ребенка, необходимым как для гармоничного и всестороннего развития его личности, так и для обучения в школе. Для решения данной проблемы нами было проведено исследование на базе МОУ «Гимназия №1 г. Нерюнгри им. С.С. Каримовой». Данное исследование было направлено на определение уровня развития познавательного интереса у детей младшего школьного возраста, а также заинтересованности учениками в проведении факультативных занятий по программе «Вокруг света». Это позволило бы нам обосновать значимость факультативных занятий как метода работы с детьми, позволяющего развивать познавательный интерес наиболее эффективно. В исследовании приняли участие ученики 3А класса в количестве 22 человек. Комплексная диагностика, проведенная нами, позволила определить уровень развития у детей познавательного интереса, а также значимость использования факультативных занятий в развитии познавательного интереса.

Ключевые слова: факультативные занятия, уровень развития, познавательный интерес, окружающий мир, дети младшего школьного возраста.

Актуальность выбранной темы исследования обуславливается тем, что познавательный интерес имеет огромное значение для правильного и гармоничного развития ребенка, а также для наиболее полного и глубокого изучения ребенком школьных предметов.

Развитие познавательного интереса является одной из основных задач, решением которой учителю начальных классов необходимо заняться в первую очередь, как только ребенок начинает свое обучение по программе начального образования, поскольку именно это качество личности необходимо ребенку на всех этапах обучения в школе. Формирование у ребенка познавательного интереса и его развитие необходимо для того, чтобы сам процесс изучения окружающего мира был интересен для него.

Познавательный интерес играет существенную роль в гармоничном развитии личности ребенка младшего школьного возраста. Он позволяет учащимся испытывать тягу к знаниям, концентрироваться на желании обучаться и изучать что-то новое. Наибольшее значение развитие познавательного интереса имеет на уроках окружающего мира. Благодаря этому качеству ребенок не только укрепляет свое желание учиться, но и развивает другие качества, например наблюдательность и внимание. Также познавательный интерес способствует формированию и развитию у ребенка логического и ситуативного мышления. Однако если времени непосредственно на уроке окружающего мира недостаточно для того, чтобы наиболее интенсивно развивать познавательный интерес у детей, можно прибегнуть к организации внеурочной деятельности, одним из видов которой являются факультативные занятия.

Согласно Федеральному Закону №273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», «начальное общее образование направлено на формирование личности обучающегося, развитие его индивидуальных способностей, положительной мотивации и умений в учебной деятельности» [7, с. 15], что подразумевает собой развитие познавательного интереса у детей как необходимого для дальнейшего обучения и получения иного жизненного опыта качества. Согласно Федеральному государственному образовательному стандарту начального общего образования (утв. приказом Министерства образования и науки РФ от 6 октября 2009 г. N 373), «освоение программы курса «Окружающий мир» предполагает освоение доступных способов изучения природы и общества (наблюдение, запись, измерение, опыт, сравнение, классификация и др., с получением информации из семейных архивов, от окружающих людей, в открытом информационном пространстве)» [6, с. 9].

С.Л. Рубинштейн писал о познавательном интересе следующее: «Это особая избирательная тенденция личности на процесс познания, характер которой выражается в какой-либо определенной области» [3, с. 65].

При изучении научной литературы нами было установлено, что проблемой развития познавательного интереса у детей младшего школьного возраста с помощью различных методов и приемов занимались С.Л. Рубинштейн, Л.И. Божович, Я.А. Коменский, Г.И. Щукина, А.В. Усова, Ф.Н. Гоноболин, И.Ф. Харламов и др.

Поскольку познавательный интерес можно отнести к качествам личности ребенка, его не только можно, но и нужно развивать. Наибольший упор на это стоит сделать во время обучения ребенка в начальной школе, поскольку именно в это время любопытство и любознательность ребенка находятся на достаточно высоком уровне, что порождает интерес к познанию окружающего мира и получению новых знаний в целом. Благодаря познавательному интересу, человек имеет возможность изучить максимально возможное количество вещей, на которые обращает свое внимание. Активное развитие данного качества также позволяет параллельно развивать другие свойства личности, например, мышление, внимание, память, наблюдательность и т.п.

Согласно Г.И. Щукиной, познавательный интерес имеет четыре стадии развития: любопытство, любознательность, познавательный интерес, устойчивый познавательный интерес [8, с. 43]. Каждый из этих уровней развития определяет отношение ребенка к самому процессу познания, к новым знаниям в целом и к дальнейшему развитию такого качества, как познавательный интерес.

Любопытство обусловлено неожиданными, необыч-

ными внешними факторами и обстоятельствами, которые привлекают ребенка в данный момент времени. Данная стадия развития познавательного интереса может послужить толчком к более глубокому изучению предмета, к которому ребенок проявляет любопытство, но если предмет, действие или процесс, привлечший внимание ребенка, не сможет удержать это самое внимание на достаточное количество времени, интерес к нему быстро угаснет и не получит дальнейшего развития.

Любознательность уже можно считать целым состоянием личности, которое особенно тем, что у ребенка появляется стойкое желание проникнуть глубоко за пределы объекта, действия или явления, заинтересовавшего его. Любознательность позволяет ребенку погружаться в знания о новом с головой, не останавливаться на минутном интересе к объекту, действию или явлению, а продолжать его изучение. Можно сказать, что эта стадия развития познавательного интереса у каждого ребенка проявляется по-разному, поскольку далеко не все дети любознательны. Существуют и такие дети, которых интересуют конкретные, определенные свойства объекта, явления или действия, и они концентрируют весь свой познавательный интерес только на этих конкретных свойствах, что значительно усложняет его дальнейшее развитие.

Непосредственно познавательный интерес характеризуется появлением у ребенка познавательной активности, развитием ценностной мотивации, в которой главное место занимают познавательные мотивы. Они содействуют проникновению личности ребенка в существенные связи между изучаемыми явлениями, действиями или объектами. На данном этапе каждый ребенок использует методы, наиболее подходящие для него. Одни дети развивают свой познавательный интерес посредством игры, поскольку в игровой форме информация воспринимается ими быстрее и лучше усваивается. Другие учащиеся делают упор на проблемный метод, предпочитая сначала выделить для себя некую «проблему» изучаемого ими объекта, действия или явления. Однако такой метод зачастую требует от ребенка обширных теоретических знаний или проведения каких-либо исследований, в чем может потребоваться помощь учителя.

Устойчивый познавательный интерес формируется у ребенка тогда, когда были пройдены все предыдущие «ступени» развития познавательного интереса. Однако не все дети способны развить в себе устойчивый интерес к какому-то конкретному учебному предмету или же другому объекту, действию или явлению, к которому они ранее проявляли любопытство. Это связано с тем, что в процессе развития познавательного интереса к этому предмету, объекту и т.п. ребенок узнает все интересую-

щие его аспекты, и дальнейшее изучение темы перестает быть целесообразным. Наиболее серьезной проблемой это становится тогда, когда познавательный интерес формируется к определенному учебному предмету – далеко не каждая тема способна обратить на себя внимание ребенка и вызвать у него интерес. Поэтому развитие устойчивого познавательного интереса является в некоторой степени проблемой для учителя, но особенно не воспринимается ребенком.

На основании информации, изложенной выше, можно сделать следующий вывод: проблема развития познавательного интереса у учеников начальных по сей день является актуальной и продолжает рассматриваться и анализироваться достаточно подробно. Однако цель нашего исследования – определение уровня развития познавательного интереса у детей младшего школьного возраста, а также уровня заинтересованности учениками в проведении факультативных занятий в дополнение к урокам окружающего мира.

На основании данных проведенного исследования можно будет сделать вывод о значимости проведения дополнительных факультативных занятий для развития познавательного интереса у детей младшего школьного возраста.

Исследование проводилось на базе МОУ «Гимназия №1 г. Нерюнгри им. С.С. Каримовой», для проведения исследования мы посетили учащихся 3А класса.

Для составления комплексной диагностики в ходе проведения исследования нами были использованы следующие методики: «Методика с конвертами» Г.И. Шукиной [4, с. 6], методика оценки уровня сформированности компонентов учебной деятельности Г.В. Репкиной и Е.В. Заики [5, с. 2].

На первом этапе работы нами была проведена диагностика по «Методике с конвертами» Г.И. Шукиной, где уровень развития познавательного интереса младших школьников определялся по качеству ответа на вопросы из конверта, выбранного ребенком следующим образом:

Высокий уровень – ответ на вопрос, требующий определенных знаний по теме (в том числе дополнительных), наиболее полно раскрывающий осведомленность ребенка в этой теме.

Средний уровень – ответ на вопрос, не требующий от ребенка особенно глубоких или дополнительных знаний, но раскрывающий тему вопроса в достаточном объеме.

Низкий уровень – ответ на вопрос, требующий от ре-

бенка только поверхностных знаний по теме.

При обработке данных подсчитывалось количество детей, отвечавших на вопросы определенного уровня. В Таблице 1 представлены результаты диагностики учащихся младшей школы по уровням развития познавательного интереса, которые были распределены в соответствии со шкалой.

Согласно результатам, отраженным в Таблице 1, количество учащихся, чей уровень развития познавательного интереса определен как высокий равно 12. Это говорит о том, что большинство учащихся 3А класса сосредоточены на более детальном и глубоком изучении тем, которые их интересуют, и стремятся к получению дополнительных знаний по этим темам. Однако если рассматривать каждую группу отдельно, то можно увидеть, что 7 учеников показывают средний и 3 – низкий уровень развития познавательного интереса. Данные показатели демонстрируют нам нежелание детей углубляться в изучаемые ими темы, отсутствие также желания задавать дополнительные вопросы, отсутствие, возможно, мотивации к более детальному изучению тем.

Следующим этапом нашего исследования была оценка сформированности компонентов учебной деятельности Г.В. Репкиной и Е.В. Заики с целью выяснить уровень их познавательного интереса на уроках.

Данное тестирование проводилось не с учащимися класса, а с их классным руководителем. Ему были предложены две анкеты – основная, состоящая из 37 вопросов, и дополнительная, состоящая из 34 вопросов. На основании вопросов из данной анкеты учителю было необходимо дать оценку деятельности каждого ребенка на уроке окружающего мира.

Результаты исследования приведены в Таблице 2

По результатам проведенного исследования, из общего количества учеников (22) 10 демонстрируют устойчивый познавательный интерес во время работы на уроке окружающего мира. 4 проявляют только ситуативный познавательный интерес в некоторых моментах урока. 2 ученика проявляют любопытство к уроку и изучаемой теме. 5 детей демонстрируют реакцию на новизну, реагируя на определенные изменения в структуре ведения урока или необычные задания, 1 ученик вообще не проявляет интереса к уроку.

Такие результаты свидетельствуют также о том, что достаточно большим количеством детей материал урока окружающего мира не усваивается в полном объеме из-за сниженного познавательного интереса именно на уроке окружающего мира. Поэтому нами также был проведен опрос «Хотел бы ты получать знания об окру-

Таблица 1.

Результаты оценки познавательной активности младших школьников

Школа	Класс	Количество учеников в классе	Количество учеников, показавших		
			Высокий уровень	Средний уровень	Низкий уровень
МОУ «Гимназия №1»	3А	22	12	7	3

Таблица 2.

Сформированность познавательного интереса у учащихся 3А класса

Интерес	Отсутствие интереса	Реакция на новизну	Любозыательство	Ситуативный интерес	Устойчивый интерес
Кол-во учащихся	1	5	2	4	10

Таблица 3.

Хотел бы ты получать знания об окружающем мире дополнительно, вне уроков?

Отношение	Очень хотел бы	Можно попробовать, но не знаю, хочется ли мне	Совсем не хочется тратить на это свободное время
Кол-во выборов	15	4	3

жающем мире дополнительно, вне уроков?». Результаты опроса представлены в таблице ниже.

Таким образом, большинство детей из общей выборки – 15 положительно относятся к посещению дополнительных, факультативных занятий по окружающему миру. 4 человека не выражают особой заинтересованности в посещении факультатива, а 3 не изъявляют желания тратить свое свободное время на дополнительные занятия по этому предмету.

После проведенного исследования нами был сделан вывод, что познавательный интерес является не только важным в процессе обучения качеством личности, но и возможностью ребенка узнавать окружающий его мир вне зависимости от школьной программы. «Всеми возможными способами нужно воспламенять в детях горячее стремление к знанию и к учению» [2, с. 38]. Умение организовать занятие таким образом, чтобы у каждого ученика проявлялся устойчивый познавательный интерес, является необходимостью для учителя начальных классов, если он хочет добиться максимально полного усвоения программы наибольшим количеством учеников. Также важно уметь организовать дополнительные факультативные занятия по предмету, дабы повысить уровень развития познавательного интереса у детей, у которых данное качество находится на низком уровне

развития.

В заключение можно сказать, что значимость дополнительных факультативных занятий в развитии познавательного интереса у детей младшего школьного возраста довольно высока. Дополнительные занятия, не стесненные формальными рамками урока, позволяют ребенку расслабиться, не думать о своих оценках и успеваемости, что способствует ускоренному восприятию информации. Познавательный интерес – это «естественный двигатель детского поведения», он является «верным выражением инстинктивного стремления; указанием на то, что деятельность ребенка сходится с его органическими потребностями». Вследствие чего, оптимальным решением учителя будет построение «всей воспитательной системы на конкретно учебных детских интересах...» [1, с. 115]. Проведение дополнительных, факультативных занятий вне программы курса «Окружающий мир» способствует появлению у детей интереса к самому предмету, а также формированию устойчивого познавательного интереса не только к темам, которые рассматриваются непосредственно на уроке, но и к остальному миру, который их окружает и с которым они ежедневно контактируют.

Статья выполнена под руководством научного руководителя: к.п.н., доцента Мамедовой Л.В.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выготский Л. С. Педагогическая психология. – М.: Педагогика-Пресс, 1999. – 536 с.
2. Коменский Я.А. Дидактические принципы (отрывки из «Великой дидактики»): Со вступительной статьей проф. А.А. КРАСНОВСКОГО. — М: Государственное учебно-педагогическое издательство НАРКОМПРОСА РСФСР, 1940. – 93 с.
3. Рубинштейн С.Л. О мышлении и путях его исследования. — М.: Просвещение, 1988. — 412 с.
4. Сечина Г.П. Опытное-экспериментальное исследование игровых технологий как средства формирования познавательных интересов младших школьни-

- ков. – 2019. – 18 с.
5. Тюликова Г.А. Методика оценки уровня сформированности учебной деятельности (Г.В. Репкина, Е.В.Заика). – 2018. – 15 с.
  6. Федеральный государственный образовательный стандарт
  7. начального общего образования (утв. приказом Министерства образования и науки РФ от 6 октября 2009 г. N 373). – М. : Просвещение, 2010. – 29 с.
  8. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 03.10.19).
  9. Щукина Г.И. Формирование познавательных интересов у школьников. – М.: «Просвещение» 1984. – 176 с.

© Богомолова Елена Алексеевна (helen_fletcher@mail.ru), Мамедова Лариса Викторовна (larisamamedova@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Технический институт (филиал) Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова в Нерюнгри

СВЯЗЬ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК И ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ У МОЛОДЕЖИ С РАЗНЫМИ РЕЛИГИОЗНЫМИ ВЗГЛЯДАМИ

Бузыкينا Юлия Сергеевна

к.псих.н., доцент, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»
ylamart@yandex.ru

RELATIONSHIP OF SOCIO-PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS AND INDICATORS OF ETHNIC IDENTITY AMONG YOUNG PEOPLE WITH DIFFERENT RELIGIOUS VIEWS

Yu. Buzykina

Summary: The article presents the results of a study of the relationship of socio-psychological characteristics with indicators of ethnic identity among young people with different religious views. Different degrees of expression of indicators of ethnic and religious identity were found depending on the religion. Connections of interpersonal relations with indicators of ethnic identity are established. The correlation of components of religious identity with types of ethnic identity was revealed, both among Orthodox students and young people who profess Islam.

Keywords: ethnic identity, religious identity, ethnic affiliation, interpersonal relations, youth, religious views.

Аннотация: В статье представлены результаты исследования связи социально-психологических характеристик с показателями этнической идентичности у молодежи с разными религиозными взглядами. Обнаружена различная степень выраженности показателей этнической и религиозной идентичности в зависимости от вероисповедания. Установлены связи межличностных отношений с показателями этнической идентичности. Выявлена корреляция компонентов религиозной идентичности с типами этнической идентичности, как у православных студентов, так и у молодежи, исповедующей ислам.

Ключевые слова: этническая идентичность, религиозная идентичность, этническая аффилиация, межличностные отношения, молодежь, религиозные взгляды.

В настоящее время в обществе происходят значительные изменения, связанные с ростом миграции и межэтнической напряженности. В силу существующих различий в национально-психологических и культурных аспектах представителей этнических групп одним из актуальных направлений исследования выступает изучение показателей этнического самосознания. Данная проблема является наиболее значимой среди молодежи, так как именно на этом этапе осуществляется поиск жизненных ориентиров, в чем немаловажную роль играют межличностные отношения [9], складывающиеся в процессе межэтнического взаимодействия.

В основе межэтнических отношений лежат потребности в этническом и национальном развитии [2, с. 128]. Связь национальных и религиозных аспектов в общественной жизни формируется за длительный временной период [6, с. 123]. Важной составляющей сознания личности выступает отношение к религии, от специфики которого зависит поведение и межличностные отношения целых групп [10]. Религия, выступая формой социальных взаимоотношений в обществе, может проявляться через религиозную идентичность.

Актуальность исследования религиозной идентич-

ности молодых людей связана с недостаточной изученностью данного компонента, а знание о закономерностях формирования религиозной идентичности может способствовать решению межэтнических проблем, на основе которых возникают проблемы интолерантности и экстремизма на религиозной основе, а также способствовать оптимизации межличностных отношений молодежи разных этнических групп [7].

Анализ трудов зарубежных и отечественных исследователей, занимающихся изучением показателей этнического самосознания – этнической толерантности (Г.Г. Абдулкаримов, В.Г. Крысько, Н.М. Лебедева [4], В.С. Собкин, Г.У. Солдатова и др.), этнической идентичности (Т.Г. Стефаненко [8], В.Ю. Хотинец, О.Е. Хухлаев [11], Э. Эрикссон и др.), социально-психологических характеристик (Г.М. Андреева [1], А.Г. Асмолов, Т. Лири, А.В. Мудрик, Ж. Пиаже и др.), религиозности молодежи (В.А. Ильин, Г. Олпорт, О.Е. Хухлаев, Van Camp D. и др.), а также знание специфики формирования религиозной идентичности, учет особенностей этнической идентичности участников межэтнического взаимодействия, может способствовать решению межэтнических проблем, связанных с ростом интолерантности и проявлений экстремизма на религиозной основе в молодежной среде.

Таким образом, социально-психологические характеристики и показатели этнической идентичности молодежи с разными религиозными взглядами остаются изученными не в полной мере.

Эмпирическое исследование было проведено на базе ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет». Выборку составили испытуемые в возрасте 18-25 лет (студенты с православными взглядами и студенты, исповедующие ислам). Используются диагностические методики для выявления типов этнической идентичности (Г.У. Солдатова, С.В. Рыжова) [5], этнической аффилиации (Г.У. Солдатова, С.В. Рыжова), межличностных отношений Т. Лири [3], адаптированная версия опросника Д. Ван Камп для измерения индивидуальных/социальных компонентов религиозной идентичности (В.А. Шорохова, О.Е. Хухлаев) [11].

Полученные результаты были подвергнуты математико-статистической обработке данных с помощью t-критерия Стьюдента, критерия U-Манна-Уитни, ранговой корреляции r_s Спирмена.

Установлено, что существует различная степень выраженности показателей этнической и религиозной идентичности в зависимости от вероисповедания.

Так, в группе молодых людей с православными взглядами по сравнению с молодежью, исповедующей ислам, выше показатели компонента религиозной идентичности «Духовная идентичность» ($t_{эмп}=3,2$, $p \leq 0,01$), более выражена «Позитивная этническая идентичность» ($U_{эмп}=104$, $p \leq 0,01$).

Степень выраженности «Этноизоляционизма» выше в группе испытуемых, исповедующих ислам, чем у православной молодежи ($U_{эмп}=132$, $p \leq 0,05$).

На основе полученных результатов можно сделать вывод о том, что для молодых людей с православными взглядами важнее личное общение с Богом, чем участие в религиозных мероприятиях, включающих соблюдение формальных ритуалов и правил, чем для молодых людей, исповедующих ислам.

Также молодые люди с православными взглядами имеют более высокую толерантность и готовы к уважительному отношению и контактам с другими этническими группами. У них доминируют позитивные установки и чувства, как к своей группе, так и к представителям других этносов.

Для молодых людей, исповедующих ислам, более характерно признание потребности в «очищении» своей культуры, что может находить выражение в запрете на межнациональные браки. При этом доминирует мысль

об обособлении своей этнической группы от других народов, что достижимо путем минимизирования контактов с ними.

С помощью критерия r_s Спирмена у молодых людей с православными взглядами выявлены следующие статистически значимые связи межличностных отношений и показателей этнической идентичности:

1. дружелюбного типа межличностных отношений и этнической индифферентности ($r_s=0,49$, $p \leq 0,01$). Это говорит о том, что при неопределенности этнической идентичности для молодых людей с православными взглядами в большей мере характерно доминирование дружелюбного типа межличностных отношений, который выражается в принятии, социальном одобрении, стремлении к общительности в отношениях;
2. подчиняемого типа и позитивной этнической идентичности ($r_s=-0,522$, $p \leq 0,01$). Так, чем выше показатели позитивной этнической идентичности, выражающейся в уважительном отношении как к представителям своего этноса, так и к другим народам, тем менее выражен подчиняемый тип межличностных отношений православной молодежи, которой в меньшей степени характерны застенчивость, смущенность, кротость, стремление подчиняться более авторитетным личностям;
3. зависимого типа и этноэгоизма ($r_s=-0,451$, $p \leq 0,01$). Чем больше выражено у испытуемых напряженное общение с представителями других этнических общностей, тем в меньшей степени в межличностных отношениях проявляются страхи и опасения, неуверенность, зависимость от их мнения;
4. агрессивного типа межличностных отношений и этноизоляционизма ($r_s=0,58$, $p \leq 0,01$). Так, чем выше степень убежденности в превосходстве своего народа, ярче негативное отношение к другим этническим группам, тем больше возрастает доминирование агрессивного типа межличностных отношений, проявляющегося в жестокости, резкости, откровенном враждебном отношении по отношению к другим.

В группе студентов, исповедующих ислам, статистически значимых связей межличностных отношений с показателями этнической идентичности выявлено не было.

При этом, как в группе православных студентов, так и у представителей ислама выявлена корреляция компонентов религиозной идентичности с типами этнической идентичности.

Установлено, что у студентов-мусульман при высоком уровне этноизоляционизма (убежденности в превосходстве своего народа, ксенофобии и т.п.) значимую

роль в личностной саморегуляции играет внешняя религиозная ориентация ($r_s=0,527$, $p\leq 0,01$), которая может быть связана с предрасположенностью к аутгруппам.

В группе молодежи с православными взглядами выявлена обратная корреляция этноаффилиативных тенденций с показателем антиконфессиональности ($r_s = -0.486$ при $p\leq 0,01$). Так, чем выше стремление православных молодых людей быть принятыми в своей этнической группе, тем более выражена у них общность религиозных взглядов. Это выражается в соблюдении определенных правил, выработанных на основе схожих ценностей и идеалов.

Для православной молодежи с этнической индиф-

ферентностью характерна наибольшая значимость религии, как независимой самооценности вне формальных требований и ритуалов ($r_s=0,515$, $p\leq 0,01$).

Из полученных данных видно, что этническая принадлежность имеет большую значимость для молодежи с вероисповеданием ислама, чем для православных студентов.

Полученные результаты расширяют научные представления о связи межличностных отношений и религиозной идентичности с показателями этнического самосознания молодежи с разными религиозными взглядами, а также могут быть использованы в работе с молодежью по развитию этнической толерантности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Г.М. Психология социального познания: учеб. пособие. – Аспект-Пресс, 2004. – 288 с.
2. Бузыкина Ю.С., Позднякова А.М. Теоретический анализ особенностей межэтнического взаимодействия в студенческой среде // Социальные практики в информационном обществе: сб. науч. ст. по материалам науч.-практ. конф. «XIX Социологические чтения» / под ред. Т.И. Лавреновой. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2020. – С. 126-130.
3. Диагностика межличностных отношений: методика Т. Лири // Практическая психология в тестах, или Как научиться понимать себя и других / сост. Р. Римская, С. Римский. – М.: АСТ-ПРЕСС, 2001. – 393 с.
4. Лебедева Н.М. Этнопсихология: учебник и практикум для академического бакалавриата. – М.: Изд-во ЮРАЙТ, 2019. – 491 с.
5. Практикум по психодиагностике и исследованию толерантности личности / под ред. Г.У. Солдатовой, Л.А. Шайгеровой. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2003. – 112 с.
6. Семигодова Т.А., Бузыкина Ю.С. Показатели этнического самосознания у представителей разных этноконфессиональных групп // Актуализация персональных ресурсов личности: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (очно-заочной) / под ред. И.А. Медведевой. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2020. – С. 122-127.
7. Соколовская И.Э. Религиозность и ее влияние на характер и личность современного человека. Конструктивные и деструктивные аспекты религиозности современной молодежи: научное пособие – М.: ВНИИгеосистем, 2013. – 170 с.
8. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: учебник для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2009. – 368 с.
9. Толерантность и культурная традиция / под ред. М.Ю. Мартыновой. – М.: Изд-во РУДН, 2002. – 446 с.
10. Хертек С.С. Феномен религиозности в современном российском обществе // Вестник Бурятского государственного университета. – 2010. - №6. – С. 88-91.
11. Хухлаев Е.О., Шорохова В.А. Социально-психологическое исследование религиозной идентичности у православной молодежи // Социальная психология и общество. – 2016. – Т. 7. – № 2. – С. 35-50.

© Бузыкина Юлия Сергеевна (ylamart@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОГНОСТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ САМООТНОШЕНИЯ В МОДЕЛИРОВАНИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Вислова Аминат Данияловна

Д.псих.н., в.н.с., ФГБНУ «Федеральный научный центр
Кабардино-Балкарского научного центра Российской
академии наук», г. Нальчик
avislova@mail.ru

PREDICTIVE SIGNIFICANCE OF SELF-ATTITUDE IN THE MODELING OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

A. Vislova

Summary: The article discusses topical issues of the development and implementation of artificial intelligence (AI). The emphasis is on trends in the convergence of science and technology for AI modeling. The problems of psychological analysis of AI and the search for methodological grounds for this are discussed. The influence of self-attitude on intellectual activity and its importance in the development of artificial intelligence systems are analyzed.

Keywords: intellectual activity, artificial intelligence, self-attitude, self-esteem.

Аннотация: В статье рассматриваются актуальные вопросы разработки и внедрения искусственного интеллекта (ИИ). Делается акцент на тенденции конвергенции наук и технологий в целях моделирования ИИ. Обсуждаются проблемы психологического анализа ИИ и поиск методологических оснований для этого. Анализируется влияние самооотношения на интеллектуальную деятельность и его значение в разработке систем искусственного интеллекта.

Ключевые слова: интеллектуальная деятельность, искусственный интеллект, самооотношение, самооценка.

Никакие инновации, имевшие место в жизни человека за последние полвека не оказали столь кардинальное воздействие на психику человека, как современные технологии, использующие ИИ. Логично, что решение проблем ИИ потребовало от ученых создать совершенно новую научную культуру, в которой органически слились бы гуманитарные, точные и естественные науки [1]. С учетом интенсивности разработок ИИ, тенденция конвергенции наук и технологий будет только усиливаться.

Однозначного определения понятие «ИИ» ещё не имеет. Однако, существует общее представление об ИИ как системе, обладающей способностью выполнять интеллектуальные функции - обучаться, самообучаться, выполнять анализ, синтез.

Х.Л. Дрейфус формулирует определение, согласно которому ИИ представляет область научных исследований, в которой «цифровые вычислительные машины используются для моделирования разумного поведения...». Автор вносит уточнение: трудности, связанные с разработкой ИИ отражают не столько недостаточное развитие технологии, сколько, указывают на принципиальные границы ее возможностей [2]. Согласно другим ученым, ИИ - «направление науки и техники, ориентированное на создание программно-аппаратных средств решения интеллектуальных задач» [3].

Отечественная психология проявляет довольно робко реагирует на психологический контекст проблемы

разработки и внедрения ИИ. Во многом причины этого кроются в том, что психология никак не могла предвидеть столь радикальные изменения, которые происходят в современном технологизированном мире человека. К тому же ИИ зарождался не в недрах психологии и не является предметом психологического изучения [4].

С началом кибернетической эпохи наука о человеческом сознании и психике заговорила языком, ей доселе не свойственным. Она стала членить человеческую психику на блоки, циклы, программы, суб- и метапрограммы. Техноморфизм укоренялся в сознании психологов тем успешнее, чем оптимистичнее были прогнозы исследователей искусственного интеллекта [5].

В своё время, рефлексирова относительно состояния научного знания, автор оригинальной версии системного подхода в психологии Б.Ф. Ломов, отмечал, что «... психологическая наука... вступает в качественно новый этап своего развития... В этих условиях резко возрастает потребность в дальнейшей (и более глубокой) разработке методологических проблем психологической науки» [6]. В настоящее время это утверждение не потеряло своей актуальности и кажется еще более обоснованным. Согласимся, что «любая теория была актуальна в то время, когда она создавалась, давая ответ на вопросы, которые были в то время, но не любая сохранила эту актуальность надолго. Теории, которые относятся к живым, в состоянии дать ответы на сегодняшние вопросы. Поэтому любую теорию важно соотносить с вопросами сегодняшнего дня [7]. А на повестке сегодня остро стоит

проблема психологического анализа ИИ и поиск методологических оснований для этого.

С целью решения некоторых промежуточных вопросов, связанных с моделированием ИИ, в этом процессе задействованы психологи, философы и др.

По поводу возможности создания ИИ, аналогичного естественному, среди исследователей ведутся серьезные дискуссии. Так, Я.А. Пономарев подчеркивал принципиальное отличие человеческого мышления от «мышления» машинного: «машина способна работать только с системами знаковых моделей и не способна работать с моделями надстроечно-базальными», т.е. субъектными вторичными моделями действительности. Для решения творческих задач, в первую очередь, требуется «способность действовать в уме», отсутствующая у животных, и определяемая высоким уровнем развития внутреннего плана действий. В качестве ментальной единицы творческой мысли Я.А. Пономарев предлагает рассматривать разность уровней, доминирующих при постановке и решении задач [8]. Бесспорно, моделирование ИИ, способного решать творческие задачи – одна из сложнейших проблем.

Сходную точку зрения высказывал А.Г.Спиркин: «Выполнение машиной сложных логических операций не есть ... мышление в строгом смысле ... . Живой мозг решает задачи совсем по-иному. Он работает по направляющему плану, ведущему мысль к определенной, ясно осознаваемой цели. Машина же реализует не свои, а человеческие цели. Решая задачи по определенным формальным правилам, она, конечно, не понимает сути самой задачи и последствий своих действий. Разумеется, человек тоже «программируется» жизнью, обществом. Но он сознательно пользуется этой программой» [9]. Если наличие суммы знаний в программах ИИ вызывает чуть ли не восторг, то отсутствие способности понимать суть выполняемых задач серьезно озадачивает и самих создателей.

С.Ф. Сергеев подчеркивает, что «показатели естественного интеллекта будучи психологическими конструктами, проявляющимися при решении тестовых задач, несмотря на кажущуюся их «объективность», с трудом могут быть применены в технике при оценке систем искусственного интеллекта. Естественный интеллект имеет совсем другую природу, нежели «интеллектуальные возможности», заложенные в сложные технические системы их разработчиками [10]. Однако это не останавливает программистов, которые одержимы идеей воплощения мечты в реальность.

Видный ученый Иванников В.А. обращает внимание на отличительные особенности деятельности психики человека от технологических систем, которые заклю-

чаются в том, что «технические устройства (компьютер, телевизор, магнитофон и пр.) только преобразовывают (трансформируют) входящие воздействия и на выходе создают такую их конфигурацию, которая человеком воспринимается и интерпретируется как зрительное изображение или звуковые сигналы. Ни телевизор, ни компьютер сами ничего не видят и не слышат, они трансформируют входящие физические воздействия по правилам, заданным им человеком. Субъект же через психический образ открывает себе поле своей деятельности, но этот процесс открытия совершается за счет собственной активности субъекта и субъективных чувственных переживаний, выполняющих функции строительного материала и языка описания среды, в которой разворачивается поведение» [11].

Для того, чтобы называться интеллектуальной, любое техническое устройство должно включать такой компонент как самоотношение. Его игнорирование снимает вопрос о возможности создания автономно функционирующей интеллектуальной системы.

Самоотношение является одним из стержневых конструктов психологических исследований. В отечественной психологии самоотношение рассматривается как составная часть системы отношений человека и психологическая установка (В.Н. Мясищев, Б.Г. Ананьев, С.Л. Рубинштейн, И.И. Чеснокова, Л.И. Божович, И.С. Кон, В.В. Столин, С.Р. Пантелеев и др.).

В теории отношений В.Н.Мясищева самоотношение определяется как единство содержательных и динамических сторон человека, мера осознания и качество эмоционально - ценностного принятия себя как инициативного и ответственного начала социальной активности. В соответствии с данной теорией самоотношение представляет собой установочное образование [12]. Несмотря на важную роль, которую сыграла теория отношений В.Н. Мясищева в отечественной психологии, следует отметить, что в понятиях «отношение» и «самоотношение» прослеживается некоторая расплывчатость и противоречивость взглядов учёного.

Б.Г. Ананьев считал, что самоотношение является наиболее поздним образованием личности, завершающим структуру характера, обеспечивающим его целостность. По его мнению, «отношения к другим превращаются в ... устойчивые образования характера, а затем формируются рефлексивные черты характера из отношений к другим [13]. Он показал наличие определенной последовательности в переходе отношений в свойства характера личности, которая рассматривалась автором как «целая система сознательных отношений к самому себе».

Отношение к себе выполняет функции саморегуляции и самоконтроля, что способствует как образованию,

так и стабилизации единства личности. По мысли автора, особенности внутренней динамики самосознания, структура и специфика отношения к своему Я регулируют существенные аспекты жизнедеятельности человека; играют определенную роль в развитии межличностных отношений, в процессах мотивации и целеобразовании, а так же в способах формирования и разрешения кризисных ситуаций.

Самоотношение влияет на степень активности человека, ориентированной на самовыражение и самореализацию, тем самым обеспечивая выполнение важной функции самосознания. Вместе с тем самоотношение связано с целями жизни, ценностями и установками. Отмечается, что именно через самоотношение человеку удается раскрыть себя как индивидуальность [14]. Интерпретация самоотношения Б.Г. Ананьевым во многом совпадает с позицией В.Н. Мясищева, хотя есть и свои отличительные особенности. Это вполне логично, учитывая то, что они оба являются соучредителями Ленинградской психологической школы (ещё в советские времена).

По мнению автора понятия «эмоционально-ценностное самоотношение» И.И. Чесноковой, самоотношение - это особый вид эмоционального переживания, связанного с собственным отношением человека к тому, что находит, узнает и понимает относительно себя. При этом эмоциональное переживание характеризуется как внутренняя динамическая и подвижная основа, посредством которой осознается ценностный смысл самоотношения. Эмоциональный параметр составляют чувства и эмоциональные состояния, которые были пережиты в связи с размышлениями о себе и о самопонимании. Присоединяясь к самопознанию, эмоциональный параметр самосознания на некотором зрелом уровне развития делает его по способу осуществления и по своему результату более совершенным; включаясь же в саморегуляцию поведения, способствует ее большей адекватности и дифференцированности [15].

Значительный вклад в изучение проблемы самоотношения внесли В.В. Столин и С.Р. Пантелеев. Основу концепции самосознания В.В. Столина, в рамках которой исследовалось самоотношение, составили идеи А.Н. Леонтьева о деятельности, сознании и личностном смысле как одной из системобразующих элементов самосознания. Самосознание представляет собой процесс, который происходит в условиях переживания конфликтных смыслов, вследствие чего человек начинает осознавать себя и свои качества, а также личностные особенности и ценности, и из этого складывается определенное самоотношение. Согласно В.В. Столину, самоотношение не является следствием знаний о себе или же реакцией на некоторые аспекты своего образа Я. Уточняется, что знание о себе и самоотношение - следствие одних

и тех же общих причин, лежащих вне субъекта, в его деятельности, - и только потом, в феноменологически превращенных формах, отдельные самооценки могут восприниматься человеком как способные порождать его подлинное отношение к себе. В.В. Столин отмечал, что самоотношение - это аффективный компонент самосознания. Самоотношение выступает необходимым звеном в самоконтроле поведения и связано с социальным опытом. Опираясь на самопознание самоотношение также создает основные предпосылки для формирования саморегуляции и саморазвития [16].

Научные изыскания В.В. Столина сподвигли С.Р. Пантелеева продолжить исследования проблемы самоотношения. Он подчеркивает, что анализ самоотношения как психической характеристики (эмоциональные состояния, установки и переживания) ограничивает правильное понимание феномена. Самоотношение рассматривается С.Р. Пантелеевым как личностное образование. В самоотношении ученый усматривает динамическую иерархическую систему. Обращается внимание на то, что любая модальность эмоционального отношения может служить ядерной структурой системы и занимать ведущее место в иерархии иных аспектов самоотношения, т.е. фактически определять содержание и выраженность обобщенного устойчивого самоотношения. Раскрыть суть самоотношения человека можно лишь через его составные элементы - деятельность и социальные ситуации развития [17].

В структуре самоотношения С.Р. Пантелеев выделяет оценочную и эмоционально-ценностную подсистемы. Оценочная подсистема обнаруживается в самоуважении, чувстве компетентности и эффективности. Самоуважение включает такие шкалы как саморуководство, самоуверенность, отраженное самоотношение и социальная желательность «Я». Составными элементами эмоционально-ценностной подсистемы являются аутосимпатия, чувство собственного достоинства, самооценочность и самопринятие. Допускается также и самоуничижение, которая состоит из внутренней конфликтности и самообвинения. Выделенные подсистемы находятся в постоянном взаимодействии и взаимовлиянии, неодинаково связаны с личностными характеристиками, занимают определенное место в саморегуляции [18,19].

В контексте психологии личности проблема самоотношения отражена в работах Д.А. Леонтьева. В структуре личности он выделяет инстанцию «Я» как форму переживания человеком своей личности, в которой личность открывается сама себе. В инстанции «Я» самоотношение представляет собой одну из граней. В качестве наиболее поверхностного проявления самоотношения рассматривается самооценка, определяемая как общее положительное или же отрицательное отношение к себе. Между тем, лишь одного оценочного знака недо-

статочно для анализа самоотношения. Делается акцент на различиях между самоуважением и самопринятием. Если самоуважение - это отношение к себе будто бы со стороны, обусловленное некоторыми собственными реальными достоинствами/недостатками, то самопринятие является непосредственным эмоциональным отношением к себе самому, никак не зависящее от наличия каких-то черт, поясняющих это отношение. К существенным характеристикам самоотношения человека относятся также степень его целостности, интегрированности, автономности и независимости от внешних оценок [20]. Можно заметить, что Д.А. Леонтьев выделяет значимые признаки самоотношения человека.

Важно обратить внимание на один момент. Самоотношение, как следует из сказанного, нередко отождествляют с самооценкой, представляющей эмоционально окрашенное отношение к себе в разных ситуациях и в разных видах деятельности. Самооценка – это оценивание собственных личных качеств, достоинств и достижений. С.Л. Рубинштейн указывал на то, что «самооценка человека существенно обусловлена мировоззрением,

определяющим нормы оценки» и подчеркивает мысль о том, что «развитие самооценки проходит через ряд ступеней - от наивного неведения в отношении самого себя к все более углубленному самопознанию, соединяющемуся затем со все более определенной и иногда резко колеблющейся самооценкой» [21].

В то время как самооценка характеризуется изменчивостью, самоотношение сохраняет постоянство. Например, сразу же после достигнутого успеха, или же постигнутой неудачи самооценка может резко измениться, а самоотношение останется относительно стабильным.

Обобщая вышеизложенное, можно сделать вывод, что самоотношение влияет на характер межличностных отношений и саморегуляцию моделей поведения. Являясь компонентом самосознания, самоотношение оказывает колоссальное влияние на развитие человека и его личностных свойств. Самоотношение участвует во многих когнитивных процессах и влияет на особенности интеллектуальной деятельности, что лишней раз свидетельствует о его значимости в контексте моделирования ИИ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сергеев В. Искусственный интеллект - это еще и экспериментальная философия // Знание-сила, 1989. № 6. С. 46-53. <http://www.alt-future.narod.ru/Ai/serg.htm>. Доступ 17.02.2020.
2. Дрейфус Х.Л. Чего не могут вычислительные машины. Критика искусственного разума. М.: Прогресс, 1978. С. 192.
3. Боровская Е.В., Давыдова Н.А. Основы искусственного интеллекта: учеб. пособ. М.: БИНОМ, Лаборатория знаний, 2017. 127 с.
4. Вислова А.Д. Потенциал психологии интеллекта в контексте моделирования искусственного интеллекта // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН, 2019. № 6 (92). С.32-48.
5. Ляудис В.Я. Поиски и находки психологии творческой деятельности в области искусственного интеллекта // Вопросы психологии, 1980. <http://www.vorpsy.ru/issues/1980/804/804171.htm>. Доступ: 27.05.2020.
6. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. С. 4.
7. Леонтьев Д.А. Понятие мотива у А.Н. Леонтьева и проблема качества мотивации // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология, 2016. №2. С.4.
8. Пономарёв Я.А. Психология творения. Воронеж, 1999.
9. Спиркин А.Г. Сознание и самосознание. М.: Политиздат, 1972. С.55.
10. Сергеев С.Ф. Искусственный интеллект в техногенных образовательных средах // Открытое образование, 2013. №2. С.52-60.
11. Иванников В.А. О природе и происхождении психики // Национальный психологический журнал, 2015. № 3(19). С. 15-23.
12. Мясищев В.Н. Психология отношений: Избранные психологические труды / Под ред. А.А.Бодалева. М.: «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1995. 356 с.
13. Ананьев Б.Г. Избранные психологические труды. Т. 2. М., 1980. С. 45.
14. Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания. Институт психологии. М.: Наука, 1977. 379с.
15. Чеснокова И.И. Проблема самосознания в психологии. М.: Сфера, 2012. 143 с.
16. Столин В.В. Самосознание личности. М.: Просвещение, 2006. 284 с.
17. Пантелеев С.Р. Самоотношение как эмоционально-оценочная система : монография. М.: Издательство Моск. ун-та, 1994. 100 с.
18. Психология. Словарь / под ред. А.В. Петровского, М.Я. Ярошевского. М.: Просвещение, 2010. 678 с.
19. Пантелеев С.Р. Самоотношение // Психология самосознания: хрестоматия. Самара: БАХРАМ, 2000. С. 208-242.
20. Леонтьев Д.А. Очерк психологии личности: монография. М.: Смысл, 1993. 43 с.
21. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб., 2002. 720 с.

© Вислова Аминат Данияловна (avislova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИССЛЕДОВАНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ У ОБУЧАЮЩИХСЯ СТАРШЕГО ПОДРОСТКОВОГО ВОЗРАСТА

Гальченко Анна Сергеевна

Ученый секретарь, ГБОУ ДПО РК «Крымский республиканский институт постдипломного педагогического образования» (г. Симферополь)
asg.7@mail.ru

A STUDY OF THE EFFECTIVENESS OF IMPLEMENTATION OF PSYCHO-PEDAGOGICAL PROGRAM OF FORMATION OF CIVIL IDENTITY AMONG STUDENTS OLDER ADOLESCENTS

A. Galchenko

Summary: The article presents the results of determining the effectiveness of experimental work on the formation of civil identity in students of older adolescence. As psychological determinants of the formation of civil identity, the following were identified: the ability to conceptualize in the field of civil issues, the valence of civic identity, reflexivity, the nature of the structural organization of motivation for civil activity. As a result of the implementation of the program, changes in the indicators of the selected determinants and, as a result, positive changes in the status profiles of civil identity of adolescents were established.

Keywords: civil identity, determinants of identity, ability to conceptualize, valence of civil identity, civil activity.

Аннотация: В статье представлены результаты определения эффективности опытно-экспериментальной работы по формированию гражданской идентичности у обучающихся старшего подросткового возраста. В качестве психологических детерминант формирования гражданской идентичности были определены: способность к концептуализации в области гражданской проблематики, валентность гражданской идентичности, рефлексивность, характер структурной организации мотивации гражданской активности. По итогам реализации программы установлены изменения в показателях выделенных детерминант и как результат – положительные изменения в статусных профилях гражданской идентичности подростков.

Ключевые слова: гражданская идентичность, детерминанты идентичности, способность к концептуализации, валентность гражданской идентичности, гражданская активность.

Введение

Одной из ключевых характеристик современного российского общества является его транзитивность – множественность и динамичность изменений при сохранении значительного числа прежних ценностей, форм и моделей отношений (А.Д. Андреева). Такая амбивалентность социальной среды, выражающаяся одновременно в традиционализме и модернизации, а также высокий уровень неопределенности и вариативности социальной среды затрудняют создание единого общегосударственного ценностно-идентификационного конструкта, который может быть заложен в основу гражданской общности. В свою очередь, именно зрелость гражданского самосознания является обязательным условием становления стабильного, полноценно функционирующего общества.

Педагогическому сообществу отводится особая роль по созданию образовательной среды, способствующей становлению осознанной гражданской идентичности молодого поколения. Вместе с тем анализ педагогических практик по проблемам формирования граждан-

ской идентичности молодежи свидетельствует о том, что научный потенциал психологического знания используется не в достаточной степени.

Обзор последних исследований

Теоретические основания феномена гражданской идентичности в отечественной психологии разрабатывались в научных трудах А.Г. Асмолова, Н.В. Безгиной, Н.Л. Ивановой, Г.Б. Мазиловой и др. [1, 2, 8]. Научный вклад в понимание закономерностей взаимосвязи гражданской и этнической идентичности внесли исследования М.В. Дробовцевой, М.В. Котовой, К.В. Злоказова, Н.И. Леонова, А.А. Фомина и др. [4, 7]. Ряд исследований Т.В. Евгеньевой, В.В. Регнацкого, О.И. Ефремовой направлен на изучение оснований для самоидентификации, а также представлений, которые отражают систему убеждений и ценностей, относящихся к гражданской (национальной) идентичности [5, 6].

Целый ряд исследований Э. Финелл, К. Либкинда, М. Кеммельмейера и Д. Винтера посвящен выявлению и объяснению факторов, влияющих на национальную

идентичность [11, 12]. В трудах Й. Мейеса, Б. Дюрье, Н. Ванбеселаере и Ф. Бойена изучаются взаимосвязи между внутригрупповой идентификацией и национальными предрассудками [13].

Обширный круг исследований по гражданской идентичности в современной отечественной психологии преимущественно сосредоточен в области социальной, дифференциальной психологии, психологии личности. В значительно меньшей степени проблематика исследований носит практический характер в области педагогической психологии.

Продолжая научный поиск в данном направлении, автор статьи исследует уровень и характер гражданской идентичности через статусную концепцию эго-идентичности Дж. Марсиа, теоретически обоснованы и эмпирически исследованы психологические детерминанты формирования статусов гражданской идентичности [10]. В качестве психологических детерминант были определены: способность к концептуализации в области гражданской проблематики, валентность гражданской идентичности и уровень рефлексивности личности, характер структурной организации мотивации гражданской активности. На основании полученных результатов исследований разработана и апробирована психолого-педагогическая программа, направленная на формирование осознанной гражданской идентичности учащихся старшего подросткового возраста.

В программе предусмотрена реализация трех основных планов работы.

Первый план работы – это формирование зрелых концептуальных структур, релевантных базовым идентификационным понятиям гражданской идентичности: «гражданское общество», «гражданин», «гражданские ценности» (свобода, ответственность, патриотизм и др.), «гражданская позиция», «гражданский долг». Под Концептуальной структурой понимается ментальная структура «внутри» индивидуального ментального опыта, выступающая в качестве психического носителя понятия (как историко-культурного элемента системы знаний) [9].

Второй план работы – развитие критического мышления. Технологической основой формирования критического мышления была выбрана модель трех стадий: «вызов – реализация смысла (осмысление) – рефлексия (размышление)». Данная модель разработана Дженни Д. Стилл, Кертис С. Мередит, Чарлз Темпл и Скотт Уолтер в рамках технологии развития критического мышления через чтение и письмо [14].

К задачам третьего плана работы относится формирование у подростков осознания того, как интерпретация

социально-политических событий влияет на возникновение определенных гражданских чувств, отношений и гражданскую активность. Понимание подростками того, что мысли являются интерпретацией фактов и могут быть как верными, так и неверными позволяет перейти к работе по выделению и категоризации мыслительных искажений («Чтение мыслей», «Предсказание будущего», «Использование ярлыков», «Обесценивание», «Негативный фильтр» и т. д.), оценке их фактологической обоснованности и логичности, а также проверке с точки зрения реалистичного, сбалансированного и разностороннего отображения социальной реальности.

Методическое обеспечение трех основных направлений работы было создано на основе модифицированного варианта комплекта заданий М.А. Холодной, разработанного для изучения особенностей состава и строения ментальных структур как носителей свойств понятийного мышления [9], заданий, которые составлены с учетом психолого-дидактических принципов формирования научных понятий, изложенных в трудах А.Г. Буткина, И.А. Володарской, Н.Ф. Талызиной [3], техник формирования критического мышления и отдельных техник когнитивно-поведенческой терапии.

Материалы и методы

Цель – определение эффективности опытно-экспериментальной работы с системой психологических детерминант формирования гражданской идентичности у обучающихся старшего подросткового возраста.

Эмпирическую базу исследования составили 50 обучающихся средних общеобразовательных школ и колледжа г. Симферополя. Из них контрольная и экспериментальная выборки включали по 25 человек, которые находились в статусе моратория в отношении гражданской идентичности.

Для определения статуса гражданской идентичности подростков разработана авторская анкета. Анкета предусматривает четыре шкалы, выделенные в соответствии с четырьмя статусами гражданской идентичности: диффузный, предопределенный, мораторий и достигнутый статус. Каждая шкала включает по шесть утверждений в отношении различных аспектов гражданской жизнедеятельности. Распределение баллов между статусами представляет индивидуальный (групповой) статусный профиль гражданской идентичности. Статус определяется по доминирующему баллу.

Способность к концептуализации в области гражданской проблематики определялась методом контент-анализа текстов, зафиксированных в процессе структурированной беседы со старшеклассниками. На основании положений теории понятийного мышления М.А. Хо-

лодной [9] выделены критерии анализа текстов: формальный ответ, фактологического типа; высказывания аргументирующего типа; высказывания систематизирующего типа; интерпретации, в том числе варьирующие и альтернативные; выявление респондентом имплицитных признаков перечисленных фактов; выявление причинно-следственных связей.

Диагностика мотивации гражданской активности подростков осуществлялась при помощи методики выявления мотивационной структуры общественно полезной деятельности подростка, разработанной О.В. Лишиным на базе теста *LMT В. Хеннига*.

Валентность гражданской идентичности измерялась при помощи методики «Типы гражданской идентичности» М.В. Борисова, рефлексивность – методики определения уровня рефлексивности А.В. Карпова, В.В. Пономаревой.

Методы математической статистики: критерий Вилкоксона, коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Результаты исследования

С целью определения статистической значимости сдвига в показателях выраженности способности к концептуализации до и после реализации программы в экспериментальной выборке и в показателях двух замеров в контрольной выборке был применен критерий Вилкоксона. Установлены статистически значимые изменения в увеличении показателей способности к концептуализации в области гражданской проблематики в экспериментальной выборке ($p=0,002$) и отсутствие значимых сдвигов в контрольной выборке ($p=0,63$).

В результате проведения психолого-педагогической работы у подростков повышается способность оперировать имеющимися данными (событиями, фактами) в области гражданской проблематики, устанавливать причинно-следственные связи, выявлять зависимости,

которые скрыты за поверхностью наглядного опыта и отражают обобщенные закономерности. В рассуждениях о явлениях социальной действительности присутствуют характеристики системности (упорядоченность, структурность, иерархичность и т.п.). Понятия (явления), на предмет которых рассуждает субъект, локализованы в определенной системе отношений.

С целью определения значимости сдвига в количественной выраженности шкал валентности гражданской идентичности в личностных профилях подростков экспериментальной и контрольной выборок по результатам двух измерений применялся критерий Вилкоксона (таблица 1).

По итогам реализации программы установлено, что в личностных профилях подростков из экспериментальной выборки снизились показатели шкал гиперпозитивного и негативного отношения к гражданской принадлежности и увеличились показатели по шкале «позитивная валентность гражданской идентичности». В контрольной выборке подростков при первом измерении и повторном измерении по истечению времени равного периода проведения программы значимых сдвигов обнаружено не было.

Сравнение показателей рефлексивности подростков из экспериментальной выборки до и после реализации психолого-педагогической работы (значимость сдвига проверялась при помощи критерия Вилкоксона) позволяет сделать вывод об увеличении способности к рефлексии по итогам прохождения программы (среднее арифметическое до прохождения программы – 127,96, после – 132,76; $p<0,001^{***}$). При отсутствии подобного психолого-педагогического сопровождения значимых количественных сдвигов в изменении рефлексивности не обнаружено (среднее арифметическое при первом замере в контрольной выборке – 128,08, при втором – 127,72; $p=0,58$).

Посредством подсчета коэффициентов ранговой

Таблица 1

Статистическая значимость изменения данных по валентности гражданской идентичности в экспериментальной и контрольной выборках по результатам двух измерений

Серии Шкалы замеров валентности	Экспериментальная выборка			Контрольная выборка		
	До программы	После программы	T-Критерий (p)	1-е измерение	2-е измерение	T-Критерий (p)
	средние арифметические			средние арифметические		
гиперпозитивная	5,24	4,52	0,007**	5,32	5,28	p=0,84
позитивная	11,16	13,28	p<0,001***	11,28	11,36	p=0,68
негативная	11,36	9,92	p<0,001***	11,80	11,88	p=0,73

** Различие является статистически значимым на уровне значимости $p<0,01$.

*** Различие является статистически значимым на уровне значимости $p<0,001$.

корреляции Спирмена была проведена процедура расчета корреляций между мотивами гражданской активности в экспериментальной и контрольной выборках и принято решение оценивать изменения по результатам проведения программы только в устойчивых связях, которые обнаружены во всех исследуемых выборках (экспериментальной – 25 чел. и контрольной – 25 чел).

В качестве устойчивых корреляционных связей мотивов гражданской активности подростков в статусе моратория, т.е. в состоянии кризиса и активного поиска собственной позиции в отношении гражданской принадлежности были определены корреляции между:

- мотивом эмоционального восприятия процесса действия – М1 и мотивом самоутверждения – М3 (экспериментальная выборка – 0,473944*, контрольная – 0,69668***);
- мотивом эмоционального восприятия процесса действия – М1 и мотивом принципиальной ответственности и добросовестности – М9 (экспериментальная выборка – 0,489445*, контрольная – 0,63016***);
- мотивом самоутверждения – М3 и мотивом принципиальной ответственности и добросовестности – М9 (экспериментальная выборка – 0,736513***, контрольная – 0,68153***).

Связь мотива 1 с мотивом 3 может свидетельствовать о том, что положительное отношение к проявлению гражданской активности является таковым в результате возможности самоутверждения. Связь мотива 9 с мотивом 3, гипотетически связана с решением задачи укрепления самооценки (ответственность и добросовестность – высокий результат – самоутверждение). Корреляция общественных мотивов с мотивом положительного отношения к гражданской активности (М1, М9) свидетельствует о положительной динамике формирования гражданского самосознания подростков. Вместе с тем опосредованность общественного мотива (М9)

гражданской активности мотивами других типов затрудняет их функционирование в качестве самостоятельных компонентов мотивационной сферы.

По результатам реализации программы повторно была проведена диагностика мотивации гражданской активности старшеклассников и установлены корреляционные связи между мотивами (таблица 2).

Мотивационная структура гражданской активности учащихся в эмпирической выборке сохранила ранее установленные связи. Изменения отмечены в уровне значимости корреляционной связи между мотивом 3 и мотивом 9 (до реализации программы уровень значимости корреляции установлен при $p < 0,001$, после – $p < 0,05$). Корреляция между указанными мотивами стала слабее, т.е. при выполнении той или иной социально полезной деятельности мотивация ответственности и добросовестности уже у меньшего количества старшеклассников и в меньшей степени связана с желанием самоутверждения, укрепления самооценки, соответственно в меньшей степени направлена на самого себя. Увеличилась значимость корреляционной связи между мотивом эмоционального восприятия процесса действия и мотивом принципиальной ответственности и добросовестности.

Сравнение количественных показателей шкал М3, М8, М9 до и после реализации программы свидетельствует о том, что мотив самоутверждения (М3) значительно не изменился (критерий Т Вилкоксона – $p = 0,063$), показатели же мотивов ориентации на пользу незнакомым людям (М8), а также принципиальной ответственности и добросовестности (М9) при выполнении социально значимой деятельности увеличились (критерий Т Вилкоксона – $p = 0,003^{**}$; $p = 0,021^{*}$). В контрольной выборке подобных изменений не обнаружено (шкала М3: Т – $p = 0,21$; шкала М8: Т – $p = 0,25$; шкала М9: Т – $p = 0,25$).

Таблица 2

Корреляционные связи мотивов гражданской активности в экспериментальной выборке до и после реализации программы и в контрольной выборке в первом и втором измерении

Мотив	Экспериментальная выборка n-25		Контрольная выборка n-25	
	измерение до реализации программы	измерение после реализации программы	первичное измерение	измерение по истечении времени
М1,3	0,473944*	0,401127*	0,69668***	0,70935***
М1,9	0,489445*	0,568285**	0,63016***	0,607065**
М3,9	0,736513***	0,436568*	0,68153***	0,632714***

* Различие является статистически значимым на уровне значимости $p < 0,05$

** Различие является статистически значимым на уровне значимости $p < 0,01$.

*** Различие является статистически значимым на уровне значимости $p < 0,001$.

М1 – мотив эмоционального восприятия процесса действия; М3 – мотив самоутверждения; М9 – мотив принципиальной ответственности и добросовестности.

Таблица 3

Статистическая значимость изменений в выраженности характеристик статусов в экспериментальной и контрольной группах по результатам двух измерений

Сери замеров хар-ки статуса	Экспериментальная выборка			Контрольная выборка		
	До программы	После програм- мы	Критерий Вилкоксона (p)	1-е изм-е	2-е изм-е	Критерий Вилкоксона (p)
	Ср. арифметическое			Ср. арифметическое		
<i>Диффузный</i>	0,36	0,20	0,21	0,40	0,48	0,53
<i>Предопределенный</i>	0,64	0,20	0,0033**	0,40	0,24	0,068
<i>Мораторий</i>	4,36	3,72	0,0086**	4,60	4,36	0,15
<i>Достигнутый</i>	0,64	1,96	0,000089***	0,60	0,92	0,22

** Различие является статистически значимым на уровне значимости $p < 0,01$.

*** Различие является статистически значимым на уровне значимости $p < 0,001$.

Изменение показателей статуса гражданской идентичности старших подростков до и после реализации программы, в концептуальные основания которой заложена работа с исследуемыми психологическими детерминантами.

Приобретение достигнутого статуса гражданской идентичности представляет собой достаточно длительный период переосмысления и нельзя ожидать по результатам опытно-экспериментальной работы преобладания достигнутого статуса у подростков в экспериментальной выборке. Эффект работы может быть отсрочен. При оценке эффективности работы акцент сделан на анализе динамики профилей гражданской идентичности, то есть на количественные изменения в баллах, отражающие выраженность характеристик того или иного статуса.

С целью определения значимости сдвига в количественной выраженности характеристик статуса гражданской идентичности в личностных профилях подростков экспериментальной и контрольной выборок по результатам двух измерений применялся критерий Вилкоксона (таблица 3).

По итогам реализации программы выраженность характеристик предопределенного статуса и состояния моратория снизилась, а достигнутого – увеличилась. Отсутствие значимых изменений в выраженности характеристик диффузного статуса объясняется тем, что для выборки подростков, которые находятся в статусе моратория изначально характерны очень низкие показатели

выраженности диффузного статуса (средний балл 0,36).

В контрольной выборке по истечению времени равного периода реализации программы изменений в выраженности характеристик статусов в личностных профилях обнаружено не было.

Выводы

По итогам реализации программы установлены: прогрессивное изменение в способности к концептуализации в области гражданской проблематики; изменения в личностных профилях старшеклассников (увеличение выраженности положительной и уменьшение гиперпозитивной, негативной валентностей); увеличение рефлексивности; тенденция к ослаблению корреляционных связей между мотивом самоутверждения и мотивом ответственности и добросовестности; в социально значимой деятельности подростков возросли показатели мотива ответственности и добросовестности, мотива ориентации на пользу незнакомым людям.

Таким образом, психолого-педагогическая работа с выделенными в структуре гражданской идентичности детерминантами на когнитивном, эмоционально-оценочном и потребностно-мотивационном уровнях способствует формированию осознанной гражданской идентичности. Установлены изменения в статусных профилях гражданской идентичности старших подростков: уменьшение выраженности характеристик предопределенного статуса, состояния моратория и увеличение – достигнутого статуса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асмолов А.Г. Формирование гражданской идентичности как ключевая задача образования и социокультурной модернизации России / А.Г. Асмолов, О.А. Карабанова, М.С. Гусельцева [и др.]. – М.: Федеральный институт развития образования, 2012. 252 с.
2. Безгина Н.В. Психологическая структура гражданской идентичности // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2013. № 3-1. С. 241 -249.

3. Буткин А.Г. Усвоение научных понятий в школе / А.Г. Буткин, И.А. Володарская, Н.Ф. Талызина. М.: Полиграф сервис, 1999. 112 с.
4. Дробовцева М.В., Котова М.В. Взаимосвязь гражданской и этнической идентичности россиян: факторы социокультурного контекста // Психологические исследования. 2016. Т. 9, № 47. URL: <http://psystudy.ru>.
5. Евгеньева Т. В., Регнацкий В. В. Формирование национально-государственной идентичности московских школьников // Ценности и смыслы. 2015. № 2 (36). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-natsionalno-gosudarstvennoy-identichnosti-moskovskih-shkolnikov>.
6. Ефремова О.И. Психологические аспекты проявления чувства патриотизма у современной студенческой молодежи // Концепт. 2015. Спецвыпуск № 04. – URL: <http://ekoncept.ru/2015/75074.htm>.
7. Злоказов К.В., Леонов Н.И. Соотношение гражданского и религиозного аспектов социальной идентичности // Российский психологический журнал. 2016. № 3. С. 197-220.
8. Иванова Н.Л., Мазилова. Г.Б. Гражданская идентичность и формирование гражданственности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития. 2010. № 4. С. 11-20.
9. Холодная М.А. Психология понятийного мышления: от концептуальных структур к понятийным способностям. М.: Изд-во Институт психологии РАН, 2012. 288 с.
10. Chorniy Y., Galchenko A. The research about psychological determinants of the civil identity formation in adolescence / SHS Web of Conferences, Volume 70, 08013 (2019) // Trends in the Development of Psycho-Pedagogical Education in the Conditions of Transitional Society (ICTDPP-2019). I.V. Abakumova and E. V. Vorobyova (Eds.) – Rostov-on-Don, Russia, November 22-23, 2019.
11. Finell E., Liebkind K. National symbols and distinctiveness: Rhetorical strategies in creating distinct national identities // British Journal of Social Psychology. 2010. V. 49. I. 2. Pp. 321-341.
12. Kemmelmeier M., Winter D.G. Sowing patriotism, but reaping nationalism? Consequences of exposure to the American flag // Political Psychology. 2008. V. 29. I. 6. Pp. 859-879.
13. Meeus J., Duriez B., Vanbeselaere N., Boen F. The role of national identity representation in the relation between in-group identification and out-group derogation: Ethnic versus civic representation // British journal of social psychology. 2010. V. 49. Issue: 2. Pp. 305-320.
14. Scriven M., Paul R.W. Defining Critical Thinking // 8th Annual International Conference on Critical Thinking and Education Reform, Summer 1987. – National Council for Excellence in Critical Thinking.

© Гальченко Анна Сергеевна (asg.7@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Крымский республиканский институт постдипломного педагогического образования

МЕДИАПСИХОЛОГИЯ 2020: НОВЫЙ КОНТЕКСТ ЗАДАЧ И НАПРАВЛЕНИЙ ИССЛЕДОВАНИЙ

Жижина Мария Викторовна

*К.п.н., доцент, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им Н.Г. Чернышевского
Zhizhina5@mail.ru*

MEDIA PSYCHOLOGY IN 2020: NEW CONTEXT OF PROBLEMS AND AREAS OF RESEARCH

M. Zhizhina

Summary: The article outlines the current tasks and research directions of media psychology, analyzes the negative and positive effects of mass media in the context of the crisis situation in 2020 related to the pandemic. In connection with the spread of infodemia and the complexity of the media space, the practical significance of media education is emphasized, the main strategic goal of which is to form the media competence of the individual responsible for the psychological security of a person in the media world. In the current environment, the contradictory role of mass media is more evident than ever before. The data available in scientific research indicate a complex relationship between the risks, negative effects and benefits, and positive effects of human use of mass media. The author has identified psychological patterns that cause greater vulnerability to risks and negative consequences of some users, and greater susceptibility of other users to get a positive effect from the use of media, which remains the most important task of media psychology.

Keywords: media psychology, media psychotherapy, personality, mass media effects, psychological education, psychological assistance.

Аннотация: В статье обозначены актуальные задачи, направления исследований медиапсихологии, анализируются негативные и позитивные эффекты массмедиа, в контексте кризисной ситуации 2020 года, связанной с пандемией. В связи с распространением инфодемии и усложнением медиапространства подчеркивается практическая значимость медиаобразования, основной стратегической целью которого является формирование медиакомпетентности личности, отвечающей за психологическую безопасность человека в мире медиа. В текущих условиях как никогда ранее проявляется противоречивая роль массмедиа, имеющиеся в научных исследованиях данные свидетельствуют о сложной взаимосвязи между рисками, негативными эффектами и выгодами, позитивными эффектами от использования массмедиа человеком. Автором выявлены психологические закономерности, обуславливающие большую уязвимость к рискам и негативным последствиям одних, и большую восприимчивость других пользователей к получению позитивного эффекта от использования медиа, остается важнейшей задачей медиапсихологии.

Ключевые слова: медиапсихология, медиапсихотерапия, личность, эффекты массмедиа, психологическое просвещение, психологическая помощь.

В настоящее время в отечественной медиапсихологии, как науке о личности, включенной в контекст современной медиакультуры выделены три основных направления исследований: медиааналитика (анализ контекста массовой коммуникации с точки зрения соблюдения принципов информационно-психологической безопасности, интересов и прав аудитории); медиаобразование (формирование навыков использования СМИ в интересах потребителей, овладение антиманипулятивными стратегиями); медиатерапия (обеспечение коллективного восстановления и реабилитации посредством массмедиа) [4]. В предметное поле медиапсихологии входит анализ психологических закономерностей отношений, поведения, самочувствия человека в усложняющемся медиапространстве, и конкретно - в системах медиавосприятия, медиапотребления, медиапроизводства и медиаобразования.

Медиа и ранее определяли доминирующие тенденции в общественном восприятии социально значимых проблем и служили фактором конструирования реальности, формирования установок в отношении тех или иных проблем, но сегодня можно с уверенностью гово-

рить о значительном возрастании роли медиа (ценности медиа как средства коммуникации и достижения конкретных целей и результатов) как в жизни отдельного человека, так и в жизнедеятельности организаций, перешедших на дистанционную форму работы.

Пандемия Covid-19 сопровождается «инфодемией» данный термин был введен Всемирной Организацией Здравоохранения, для обозначения текущей ситуации, характеризующейся переизбытком как онлайн, так и офлайн информации, которая может быть не только достоверной. Более того, Всемирная Организация Здравоохранения официально признала *инфодемию*, проявляющуюся в страхах, нагнетании обстановки, искажении информации серьезной угрозой человечеству. В психологической науке хорошо известен феномен под названием – «смерть от ожидания смерти». Эффект инфодемии как действие информационного вируса может нанести массово огромный вред людям, не меньше реального вируса, провоцируя возникновение тревоги, панических атак, стресса и других психологических феноменов, ведущих как минимум к снижению иммунитета.

Другими словами, в сегодняшних условиях как никогда ранее проявляется противоречивая роль массмедиа: с одной стороны, медиа выполняя информационную, развлекательную, коммуникативную, мобилизационную, поддерживающую функции, играют важную позитивную роль в жизни человека, а с другой стороны, проявляя себя в качестве фактора дезинформации, усугубления негативных эмоциональных состояний, возникновения панических настроений в обществе, выполняют негативную роль.

На наш взгляд, особую значимость сегодня приобретает анализ тех вопросов, которые связаны с изучением влияния медиа на психологическое самочувствие и благополучие человека. Имеющиеся в научных исследованиях данные свидетельствуют о сложной взаимосвязи между рисками, негативными эффектами и выгодами, позитивными эффектами от использования массмедиа человеком. Следовательно, одной из важнейших задач медиапсихологии является большее понимание процессов, обуславливающих позитивный и негативный эффекты, а также анализ индивидуальных различий, детерминирующих риски и восприимчивость пользователей.

Современный человек проводит много времени в медиа пространстве, находясь под влиянием нескончаемого информационного потока, что, в свою очередь, порождает искажения в восприятии жизненной среды, влияя на когнитивные компетенции. Установлено также, что манипулятивный эффект медиа возрастает в условиях информационной перегрузки преимущественно негативного содержания. Учитывая проблему манипуляции общественным сознанием, которая при современных технических возможностях новых медиа становится более эффективной и масштабной, и значительное распространение инфодемии, можно говорить об актуализации практической значимости такого направления медиапсихологии как *медиаобразование* населения. Основной стратегической целью медиаобразования является формирование медиакомпетентности личности, отвечающей за психологическую безопасность человека в медиа среде.

Сегодня проблемы медиапсихологической безопасности личности приобретают новое и еще более актуальное звучание, чем когда бы то ни было, что обусловлено стремительным развитием информационных технологий. Особенно ярко такие технологии применяются в новых социальных медиа, которые в силу своей специфики (интерактивности, мультимедийности и др.) становятся сложным современным социальным инструментом, позволяющим воздействовать на настроения в обществе, формировать мнение масс, актуализировать те или иные события. Подобные тенденции привели к возникновению глобального информационного пространства, в котором используются различные средства

и технологии манипуляций сознанием человека. Интенсификации данных явлений и процессов остро ставит вопрос о необходимости защитить человека от негативного воздействия массмедиа.

Новое звучание проблемы медиабезопасности личности, а точнее ее практическая значимость в реалиях сегодняшнего дня, обусловлено многими факторами:

- многократное увеличение информационных потоков – поступающий информационный массив в многократно превосходит возможности психики к ее осмысленной переработке;
- постоянно появляющиеся новые технические возможности медиа, которые обеспечивают интерактивность и при этом создают порой иллюзию сопричастности человека к происходящим событиям, с ощущением включенности;
- скорость распространения информации или эффект «снежного кома» (преувеличение значимости новости, ее драматизация и молниеносное распространение) – создает ложное представление о том, что новость является не только реальной, но и значимой для большинства;
- возрастающая медиавовлеченность человека в медиасреду провоцирует усиление информационно-психологической усталости, на фоне которой резко возрастают манипулятивные возможности массмедиа;
- расширение социального пространства личности, и как следствие увеличение числа агентов влияния, которое произошло из-за взрыва авторства в медиасреде;
- минимизация личного пространства в контексте медиасреды, за счет чего возрастает уровень доверия к создателю медиаконтента (например, блогеру рекламирующему тот или иной товар или услугу), а также размывание психологических границ и минимизация личного пространства, в следствии чего, изменяется отношения к приватности;
- представления человека о своей медиакомпетентности и умении самостоятельно дифференцировать фейковые новости от реальных, а также способности противостоять различным манипулятивным стратегиям.

Субъективные самооценки человека уровня своей медиакомпетентности не всегда отражают реальный уровень его медиазащищенности, более того, ошибочные представления могут вводить человека не только в иллюзии, повышать уровень доверия к медиакоммуникантам, медиатекстам, но и ставить под угрозу его личную медиабезопасность [1].

Учитывая сегодняшние кризисные условия, также с уверенностью можно говорить о *медиапсихотерапии* как об актуальном и значимом направлении современ-

ной психологии в целом. Известно, что в условиях экстремальных и чрезвычайных ситуаций психологическая помощь становится особенно важной. Стремительно возросшая в текущем году потребность населения в психологической помощи является ярким тому подтверждением. Не случайно вопросы психического здоровья и психосоциальной поддержки относятся к ключевым моментам всех мер, принимаемых в мире для борьбы с пандемией. [6].

Сложившаяся в мире ситуация с пандемией коронавируса активизировала всевозможные стрессовые факторы и показала наличие глобальной потребности в развитии психологической грамотности и повышения психологической культуры населения. Массированный поток негативной, пугающей, противоречивой и порой недостоверной информации, провоцирующий распространение тревожных, а порой панических состояний, новизна и непредсказуемость ситуации, изменения в жизненном укладе (социальная дистанцированность, изоляция, ограничения, работа в дистанционном режиме и в условиях самоизоляции, изменения в уровне дохода, отсутствие полноценного привычного отдыха и др.), - все эти социальные, экономические и психологические факторы способствуют усугублению негативных психических состояний, повышению уровня тревожности личности, а иногда и возникновению депрессивных состояний.

Сегодняшние кризисные явления подтвердили необходимость усиления активной работы в направлении применения техник терапии и психологического просвещения населения, следствием которых может стать повышение стрессоустойчивости за счет обучения навыкам совладающего поведения и методам саморегуляции. Это, в частности, становится возможным за счет развития техники и технологий цифровизации психологической помощи, в том числе, за счет расширения форматов деятельности и использования психологами различных медиатехнологий. Учитывая особенности и чрезвычайный характер современной ситуации, все большую медиавовлеченность человека в виртуальный мир и глобальный характер пандемии, использование различных медиаплощадок и медиапрограмм будет способствовать повышению эффективности просветительской деятельности психолога и популяризации психологической помощи.

В условиях экстремальных и чрезвычайных ситуаций развитие медиапсихотерапии, купирование негативных эффектов становится принципиально важным с практической точки зрения, как минимум, в плане:

- использования психотерапевтического потенциала медиа с целью снижения и минимизации негативных эффектов не только самих массмедиа, но и последствий кризисных ситуаций;

- рассмотрения массмедиа как инструмента (средства) решения задач, связанных с психологическим просвещением населения.
- использования массмедиа как площадки оказания профессиональной психологической помощи и поддержки.

В отечественных психологических исследованиях практически не представлен психотерапевтический потенциал медиа в условиях повышенной стрессогенности. Безусловно развитие данного направления невозможно без психологического просвещения и реализации двух других основных направлений медиапсихологии, таких как медианалитика и медиаобразование. В то же время, в единичных российских научных публикациях (Ю.А. Вербицкая, В.Г. Иванов, В.Ю. Меновщиков, Е.И. Пронин, Е.Е. Пронина) активно поднимается проблема медиапсихотерапии, в задачи которой входит профилактика, реабилитация медиатравм и психологическое восстановление посредством медиакommunikаций. Так, Е.Е. Пронина говорит о том, что в период самоизоляции именно социальные сети явились примером реальной медиатерапии, так как для них приоритетом выступают интересы самой аудитории, в отличие от СМИ, которые не используют имеющиеся наработки психотерапии. «Именно в социальных сетях можно увидеть сегодня все копинг-стратегии, которые известны психологии и убедительно демонстрируют самоорганизацию и дееспособность социума в борьбе с экстремальными обстоятельствами» [5].

В работах отечественных авторов (В.Г. Иванов, Е.Ю. Лазарева, Е.Л. Николаев) анализируются вопросы, связанные с применением медиатехнологий в психотерапевтической и психологической практике [2]. В частности, В.Ю. Меновщиков [3] подробно рассматривает возможности и ограничения помощи посредством интернет-технологий, включающих как средства дистанционной коммуникации, так и программы самопомощи и самодиагностики.

На наш взгляд, особую значимость сегодня приобретает анализ тех, вопросов, которые связаны с изучением влияния медиа на психологическое самочувствие и благополучие человека. Имеющиеся в научных исследованиях данные свидетельствуют о сложной взаимосвязи между рисками, негативными эффектами и выгодами, позитивными эффектами от использования массмедиа человеком. Следовательно, для лучшего понимания основных процессов, которые управляют этими эффектами, а также с целью понимания индивидуальных различий, которые обуславливают большую уязвимость к рискам одних пользователей и большую восприимчивость других – к выгодам, получению позитивных эффектов от использования медиа, остается важнейшей задачей медиапсихологии.

Учитывая дистанционный формат обучения, на который вынуждено перешли многие вузы, перед медиапсихологией встает практическая задача, связанная с разработкой эффективных шагов по созданию медиасообществ, которые будут ориентированы на интеграцию и психологическую поддержку студентов в условиях дистанционного обучения. Таким образом, сегодняшняя кризисная ситуация с пандемией поставила перед медиапсихологией много новых задач с неизвестными слагаемыми, и в целом вопросов оказалось больше, чем ответов.

Тем не менее, уже сейчас со всей очевидностью можно говорить об актуализации массмедиа как неотъемлемой части социального института оказания психологической помощи и поддержки так же, как эффективным инструментом решения новых задач, связанных с психологическим просвещением.

Наряду с этим сегодняшняя ситуация переопределила ряд значимых с прикладной точки зрения проблем, которые и до этого были на авансцене медиапсихологии, но теперь для эффективной помощи человеку особую значимость приобретает направление медиапсихологии, связанное с медиатерапией и формированием новых образцов совладающего поведения.

В заключение отметим, что реализация медиапсихотерапии как направления медиапсихологии может быть осуществлена в проектной форме в виде разработок системы мер и специальных, в том числе, компьютерных медийных программ по реабилитации и профилактике возможных рисков и медиатравм, то есть, с помощью организации в медиапространстве масштабной инфор-

мационной, методической работы, в том числе, направленной на психологическую профилактику вероятных негативных последствий кризисных ситуаций и просвещение населения в новых формах адаптивного поведения.

Таким образом, перед медиапсихологией встает реальная необходимость анализа ряда психологических задач, среди них:

- анализ медиа как психотерапевтического фактора, раскрытие потенциальных возможностей медиа в просветительской деятельности, в оказании психологической помощи и поддержки;
- формирование и понимание новых форм (защитного и совладающего, адаптивного) поведения в медиасреде;
- разработка программ по формированию медиакомпетентности как фактора обеспечивающего медиаиммунитет личности;
- процессы формирования социальных представлений личности о массмедиа;
- анализ массмедийного воздействия на психологическое самочувствие, благополучие и социальное поведение человека, и конкретно, изучение сложного и неоднозначного влияния медиа на современного человека – с учётом как негативных, так и позитивных эффектов, возникающих в процессе взаимодействия с медиа;
- вскрытие психологических механизмов, определяющих большую уязвимость одного человека к рискам и негативным эффектам медиа, и наоборот – на большую восприимчивость другого человека к позитивным эффектам медиа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жижина М.В. Коммуникационная парадигма «многие-многим» или новое звучание проблемы медиабезопасности личности // Медиа в современном мире. 58-е Петербургские чтения Сборник материалов Международного научного форума. В 2-х томах. Ответственный редактор В.В. Васильева. СПб., 2020. С. 191-192.
2. Иванов В.Г., Лазарева Е.Ю., Николаев Е.Л. Применение современных информационно-коммуникационных технологий в психотерапевтической и психологической практике (обзор зарубежных исследований) // Проблемы современного педагогического образования. 2017. Т. 57. № 6. С. 321–329.
3. Меновщиков В.Ю. Психологическая помощь в сети Интернет. [Электронный ресурс]. М., 2007. 178 с. URL: http://flogiston.ru/articles/netpsy/psyhelp_in_internet (дата обращения: 31.10.2019).
4. Пронин Е.И., Пронина Е.Е. Медиапсихология: новейшие информационные технологии и феномен человека // Общественные науки и современность. — 2013. — № 2. — С. 151–162.
5. Пронина Е.Е. Новые и старые медиа в условиях кризиса: игра на выбывание // Организационная психология: люди и риски: сб. материалов XI Международной научно-практической конференции (24 апреля – 1 мая 2020 г.) / под ред. проф. Л.Н. Аксеновской. – Саратов: ИЦ «Наука», 2020. С. 170-176.
6. Эксперт ВОЗ: Covid-19 разрушает не только организм, но и психику // [Электронный ресурс] <https://news.un.org/ru/interview/2020/05/1378122>

© Жижина Мария Викторовна (Zhizhina5@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ НА ЕЕ ВИРТУАЛЬНЫЙ ОБРАЗ: КОМПОНЕНТ ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Зекерьяев Руслан Ильвисович

Преподаватель, ГБОУ ВО Республики Крым «Крымский инженерно-педагогический университет»
ruslan51291@mail.ru

EMPIRICAL STUDY OF THE INFLUENCE OF THE VALUE-SENSE SPHERE OF A PERSONALITY ON ITS VIRTUAL IMAGE: A COMPONENT OF INSTRUMENTAL VALUES

R. Zekeryaev

Summary: This article provides a critical analysis of the literature devoted to the study of the value-semantic sphere of personality and virtual personality in the Internet space; described the value-semantic sphere as a complex dynamic construct of the personality, which determines its inner world and sets the vector of its activity; analyzed the virtual personality of the Internet user as a psychological phenomenon; describes virtuality, involvement and orientation as properties of a virtual personality; analyzed the results of an empirical study of the influence of the instrumental values component of the value-semantic sphere of a personality on the properties of its virtual image.

Keywords: value-semantic sphere of personality, instrumental values, virtual personality, virtuality, involvement, orientation.

Аннотация: В статье осуществлен критический анализ литературы посвященной исследованиям ценностно-смысловой сферы личности и виртуальной личности в интернет-пространстве; описана ценностно-смысловая сфера как комплексный динамический конструкт личности, который определяет ее внутренний мир и задаёт вектор ее деятельности; проанализирована виртуальная личность интернет-пользователя как психологический феномен; описаны виртуальность, вовлеченность и направленность как свойства виртуальной личности; проанализированы результаты эмпирического исследования влияния компонента инструментальных ценностей ценностно-смысловой сферы личности на свойства ее виртуального образа.

Ключевые слова: ценностно-смысловая сфера личности, инструментальные ценности, виртуальная личность, виртуальность, вовлеченность, направленность.

Актуальность

На данном этапе своего развития современное общество все больше подвергается виртуализации, при этом ключевой площадкой для данного процесса становится гиперреальность сети Интернет. Будучи принципиально новым информационно-коммуникативным пространством, виртуальная среда открывает широкий спектр возможной деятельности, в том числе и социального взаимодействия как для отдельных индивидов, так и целых групп. В процессе виртуализации и перехода из реального мира в гиперреальность сети Интернет с личностью происходит ряд трансформаций, проявляющихся в модификации и расширении ее системы ценностей и смыслов, что приводит к формированию новых поведенческих и мировоззренческих паттернов. Несмотря на большое количество научных работ, посвященных процессу интернет-социализации, остается открытым вопрос о факторах, провоцирующих подобные трансформации, и в частности о влиянии ценностно-смысловой сферы реальной личности на ее виртуальный образ в сети Интернет.

Целью статьи представление результатов исследова-

ния психологических особенностей компонента инструментальных ценностей в структуре ценностно-смысловой сферы личности на ее виртуальный образ.

Основное изложение материала

Ценностно-смысловая сфера личности представляет собой комплексный динамический конструкт личности, который определяет ее внутренний мир и задаёт вектор ее деятельности. Система смыслов и ценностей детерминирует такие психологические особенности социальной активности человека, как основное содержание, вектор направленности, смысловое наполнение. Они в свою очередь регулируют поведенческие паттерны личности, а также выступают в роли цензора для оценки событий и явлений, с которыми она сталкивается.

Н.Ф. Наумова, исследуя смыслы и ценности личности отмечала, что они являются ведущей детерминантой целеполагания. Также, по мнению ученой, ценностно-смысловая сфера выполняет ориентационную функцию в социальных процессах, в которых участвует личность, конструируя при этом ее мировоззренческую картину, обладающую свойствами целостности, осмысленности,

непротиворечивости и систематизированности. Н.Ф. Наумова также говорила о том, что система смыслов и ценностей детерминирует базис для принятия решений на основе существующих субъективно значимых альтернативных вариантов, а также конструирования поведенческих границ и самого процесса активности [14].

Ряд ученых определял ценностно-смысловую сферу как перманентную, носящую социальный характер направленность личности на цели, которые представляют для нее субъективную значимость и наделяются определенными смыслами. По их мнению, система смыслов и ценностей не только формирует цели человека, но также определяет способы для их реализации, подкрепляемые психологическими свойствами личности и ее поведения, являющихся резистентными по отношению к внешним социальным влияниям. Ученые отмечали, что, несмотря на свою устойчивость, ценностно-смысловая сфера личности является динамичным конструктом, который позволяет проявляться своим свойствам с учетом потребностей в каждой конкретной ситуации, модифицируя и выстраивая поведенческие паттерны для достижения актуальной цели [1; 6; 10].

Д.А. Леонтьев, исследуя ценностно-смысловую сферу личности, отмечал, что она является образованием на пересечении мировоззренческих установок личности и ее мотивационных ориентаций. По мнению исследователя смыслы и ценности представляют собой регуляторы социальной активности личности, а также конструируют у нее образ восприятия себя как совокупности субъективно значимых черт и особенностей. Д.А. Леонтьев также говорил о том, что индивидуальные ценности формируются на основе субъективно пережитого жизненного опыта и представляют собой систему выборочно интернализированных из общесоциальных смыслов и ценностей элементов [11].

Ряд ученых отмечал, что ценностно-смысловая сфера личности обладает иерархической динамичной структурой, проявляющейся в двух направлениях: горизонтальном (определяющем степень значимости и принятия тех или иных ценностей и смыслов) и вертикальном (взаимосвязь индивидуальных ценностей и смыслов с конструктом ценностей и смыслов социума, в котором функционирует человек). При этом учеными отмечается, что ценностно-смысловая сфера сформирована в виде трехуровневого конструкта: на первом уровне находятся абстрактные и обобщенные ценности, относящиеся к материальному и духовному миру; второй уровень включает в себя ценности, которые представляют собой психологические особенности личности, закрепленные в ее активности и деятельности; на третьем уровне находятся наиболее предпочитаемые поведенческие паттерны человека, с помощью которых он реализует свои потребности и цели [2; 5].

Виртуальная личность интернет-пользователя – это сложное образование, формирующееся при переходе реальной личности в социокультурное пространство интернета, с последующей интеграцией в него и интернализацией ценностей и смыслов виртуального социума.

И.Н. Блохин в процессе исследования феномена виртуальной личности выделил их типы в зависимости от предпочитаемого стиля поведения в сети Интернет: потребители, авторы, коммуникаторы и потребители. По мнению исследователя, основной деятельностью потребителя является накопление социокультурного опыта виртуального пространства через процесс интернализации его ценностей и смыслов. И.Н. Блохин определял тип коммуникатора как человека, считающего наиболее значимой ценностью виртуального пространства возможность социального взаимодействия с другими интернет-пользователями. Под авторами исследователь понимал тип поведения в сети Интернет, заключающийся в создании уникального контента и размещения его на соответствующих ресурсах. Ученый также определял тип навигатора как личность, предпочитающую деятельность в виртуальном пространстве, связанную с оперированием информационными потоками, а также аналитикой деятельности прочих вышеописанных типов [4].

Ряд ученых отмечал, что гиперреальность виртуального пространства создает новые нормы, что детерминирует формирование принципиально новой культуры. В ходе интернет-социализации, ценностно-смысловая сфера личности становится диффузной и включает в себя ценности и смыслы, приобретенные в реальном пространстве и интернализированные в виртуальной среде. Сеть Интернет предоставляет возможность войти в социальную среду, идентичную реальному миру, создавать в ней новые образы для реализации потребности в самопрезентации. Процесс интернет-социализации, выступая в роли части процесса социализации в глобальном понимании, позволяет личности создавать новые социальные связи, отыгрывать новые социальные роли и интегрироваться в референтные группы, недоступные ей в реальном пространстве. Вхождение в виртуальный социум амбивалентно: с одной стороны оно формирует у личности осознание о неполноте социального опыта и нереализованности потенциала креативности, но с другой стороны предоставляет требуемые ресурсы для компенсации этой неполноты [8; 13].

З.С. Завьялова, описывая процесс конструирования виртуального образа, отмечала схожесть его этапов с процессом самоидентификации личности в реальном пространстве, выделяя ряд его этапов. По мнению ученой, на первом этапе личность интегрируется в виртуальную реальность и находится в ситуации противопоставления себя ей. На следующем этапе, как отмечала

З. С. Завьялова, человек выбирает себе имя в сети Интернет, что детерминирует процесс виртуальной самоидентификации личности. Последний этап, по мнению исследовательницы, начинается, когда человек начинает проявлять коммуникативную активность в виртуальном социуме, который выбирает самостоятельно, опираясь на свои субъективные предпочтения и ценностно-смысловую сферу [7].

Ряд исследователей феномена виртуальной реальности отмечали ее специфику и ряд отличительных признаков от реального пространства: анонимность, физическая непредставленность, одновременность разных видов деятельности, отсутствие регламентированности взаимодействия и поведения и т.д. Вступая в социальное взаимодействие, виртуальная личность не присутствует физически в данном процессе, а также в любой момент может его завершить. Данные особенности процесса коммуникации в сети Интернет детерминируют стремление личности экспериментировать со своим виртуальным образом, приближая его к «Я-идеальному». Данное явление может также возникать как способ компенсации психологических проблем реального пространства, а также как стремление к самовыражению через отыгрывание различных социальных ролей [3; 9].

А.И. Лучинкина, исследуя виртуальную личность как психологический феномен, выделяла три ее свойства, такие как виртуальность, вовлеченность и направленность. Под виртуальностью исследовательница понимала степень принятия виртуальной реальности как среды, в которой осуществима социальная жизнедеятельность. Так, по ее мнению, чем выше уровень виртуальности, тем больше мотивация человека к пребыванию в сети Интернет, которая воспринимается как более предпочитаемая среда для времяпровождения, чем реальное пространство. А.И. Лучинкина определяла вовлеченность как уровень владения информационно-компьютерными технологиями и ощущение принадлежности к виртуальному социуму. Чем выше, по мнению ученой, уровень вовлеченности, тем больше человек считает себя частью социокультурного пространства сети Интернет и тем больше он мотивирован к пребыванию в виртуальной среде. А.И. Лучинкина под направленностью понимала наличие или отсутствие представлений о социально-одобряемом поведении в интернет-социуме. По мнению исследовательницы, чем выше уровень направленности, тем больше стремление личности следовать правилам и нормам, выдвигаемым по отношению к нему виртуальной социокультурной средой, в которой она находится [12].

Эмпирическую базу пилотного исследования составили 300 человек, с разными уровнями интернет-активности. Возрастное и гендерное распределение респондентов: 150 мужчин и 150 женщин; в возрасте от 18 до

35 лет. Респонденты привлекались благодаря рассылке приглашений к участию в исследовании и были выбраны методом случайных чисел.

В ходе исследования использовался ряд методик:

1. Опросник «Личность в интернет-пространстве» А.И. Лучинкиной для определения уровня интернет-активности личности
2. Методика «Ценностные ориентации» М. Рокича.

На первом этапе исследования с помощью методики «Личность в интернет-пространстве» А.И. Лучинкиной было определено процентное распределение респондентов по уровням их виртуальности, вовлеченности и направленности (рис. 1-3).

На следующем этапе был проведен корреляционный анализ между показателями свойств виртуальной личности респондентов и уровнями их инструментальных ценностей в структуре ценностно-смысловой сферы.

Часть таблицы с значимыми корреляционными связями представлена на рис. 4.

Из рисунка 4 видно, что существует прямая связь между показателем ценности образованности и уровнем вовлеченности виртуальной личности (коэффициент r -Пирсона = 0,735). Данная связь проявляется в том, что у людей с выраженной ценностью образованности, характеризующаяся широтой взглядов и высокой общей культурой, развита творческая самореализация. Они воспринимают сеть Интернет как безопасную жизненную среду, в которой можно узнавать новую информацию для себя и делиться своими знаниями с другими людьми. Также у таких респондентов наблюдается высокий уровень мотивации времяпровождения в виртуальном пространстве.

Существенная разница в проявлении ценности активной деятельной жизни у респондентов с различными уровнями вовлеченности также может быть обоснована результатами применения критерия Краскелла-Уоллиса, в которых уровень асимптотической значимости = 0,000 < 0,005 (рис. 5).

Из рисунка 4 видно, что существует прямая связь между показателем ценности воспитанности и уровнем направленности виртуальной личности (коэффициент r -Пирсона = 0,761). Данная связь проявляется в том, что у людей с выраженной потребностью в воспитанности, проявляющейся в хороших манерах и поведении, в интернет-пространстве проявляется склонность к следованию нормам и правилам виртуального взаимодействия. Они воспринимают сеть Интернет как социокультурное пространство, в котором существуют определенные правила сетевого этикета. Также у таких респондентов

Рис. 1. Процентное распределение респондентов по уровню виртуальности

Рис. 2. Процентное распределение респондентов по уровню вовлеченности

Рис. 3. Процентное распределение респондентов по уровню направленности

		Вовлеченность	Направленность	Воспитанность	Образованность
Вовлеченность	Корреляция Пирсона	1	-,362**	-,298**	,735**
	Знач. (двухсторонняя)		,000	,000	,000
	N	300	300	300	300
Направленность	Корреляция Пирсона	-,362**	1	,761**	-,341**
	Знач. (двухсторонняя)	,000		,000	,000
	N	300	300	300	300
Воспитанность	Корреляция Пирсона	-,298**	,761**	1	-,178**
	Знач. (двухсторонняя)	,000	,000		,002
	N	300	300	300	300
Образованность	Корреляция Пирсона	,735**	-,341**	-,178**	1
	Знач. (двухсторонняя)	,000	,000	,002	
	N	300	300	300	300

** Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

Рис. 4. Значимые корреляционные связи

	Образованность
Хи-квадрат	133,774
ст.св.	2
Асимптотическая значимость	,000

а. Критерий Краскела-Уоллиса
 б. Группирующая переменная: Уровень вовлеченности

Рис. 5. Результат применения критерия Краскелла-Уоллиса для показателей ценности образованности и уровня вовлеченности в виртуальном пространстве

наблюдается стремление следовать рекомендациям и нормам, выдвигаемым локальными виртуальными сообществами, в которых они функционируют.

Существенная разница в проявлении ценности воспитанности у респондентов с различными уровнями направленности также может быть обоснована результатами применения критерия Краскелла-Уоллиса, в которых уровень асимптотической значимости = 0,000 < 0,005 (рис. 6).

Таким образом, исходя из результатов корреляционного анализа и использования критерия Краскелла-Уоллиса можно сделать вывод о том, что существует связь между показателем ценности образованности и уровнем вовлеченности в виртуальном пространстве, а также показателем воспитанности и уровнем направленности в виртуальном пространстве.

Выводы

Ценностно-смысловая сфера личности представляет собой комплексный динамический конструкт личности,

который определяет ее внутренний мир и задаёт вектор ее деятельности. Система смыслов и ценностей детерминирует такие психологические особенности социальной активности человека, как основное содержание, вектор направленности, смысловое наполнение. Они в свою очередь регулируют поведенческие паттерны личности, а также выступают в роли цензора для оценки событий и явлений, с которыми она сталкивается.

Существует прямая связь между показателем ценности образованности и уровнем вовлеченности виртуальной личности. Данная связь проявляется в том, что у людей с выраженной ценностью образованности, характеризующаяся широтой взглядов и высокой общей культурой, развита творческая самореализация. Существует прямая связь между показателем ценности воспитанности и уровнем направленности виртуальной личности. Данная связь проявляется в том, что у людей с выраженной потребностью в воспитанности, проявляющейся в хороших манерах и поведении, в интернет-пространстве проявляется склонность к следованию нормам и правилам виртуального взаимодействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева О.С. Ценности и их связь с базовыми чертами личности. Психологические исследования [Электронный ресурс] / О.С. Алексеева, И.Е. Ржанова // Психологические исследования : Электронный журнал. – 2019. – №12(63). – режим доступа к журналу : <http://psystudy.ru>.
2. Алишев Б.С. Психологическая теория ценности: Системно-функциональный подход : дис. на соиск. учен. степ. доктора психологических наук : спец. 19.00.01 «Общая психология» / Булат Саямович Алишев. – Казань, 2002. – 367 с.
3. Белинская Е.П. Идентичность личности в условиях социальных изменений : дис. на соиск. учен. степ. доктора психологических наук : спец. 19.00.05 «Социальная психология» / Елена Павловна Белинская. – Москва, 2006. – 479 с.
4. Блохин И.Н. Политическое поведение личности в медиасреде / И.Н. Блохин // Гуманитарный вектор. Серия: История, политология. – 2013. – №3(35). – С. 125-134.
5. Бубнова С.С. Методика диагностики индивидуальной структуры ценностных ориентаций / С.С. Бубнова // Методы психологической диагностики. – 1994. – Т. 2. – С. 144-157.
6. Журавлева Н.А. Динамика ценностных ориентаций личности в условиях социально-экономических изменений: дис. на соиск. учен. степ. кандидата психологических наук : спец. 19.00.05 «Социальная психология» / Надежда Анатольевна Журавлева. – Москва, 2002. – 228 с.
7. Завьялова З.С. Идентификация личности в условиях сетевых коммуникаций: постановка проблемы / З.С. Завьялова // Гуманитарная информатика. – 2008. – Вып. 4. – С. 38-50.
8. Зекерьяев Р.И. Психологические особенности виртуальной личности пользователя и ее типы / Р.И. Зекерьяев // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: познание. – 2019. – №1(88). – С. 31-37.
9. Зекерьяев Р.И. Типы виртуальной личности интернет-пользователя / Р.И. Зекерьяев // Ученые записки. Электронный научный журнал курского государственного университета. – 2019. – №1(49). – С. 255-263.
10. Каширский Д.В. Психология личностных ценностей: дис. на соиск. учен. степ. доктора психологических наук : спец. 19.00.01 «Общая психология» / Дмитрий Валерьевич Каширский. – Москва, 2014. – 551 с.
11. Леонтьев Д.А. Ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании: виды, детерминанты и изменения во времени / Д. А. Леонтьев // Психологическое обозрение. – 1998. – №1. – С. 13-25.
12. Лучинкина А.И. Информационно-психологическая безопасность личности в интернет-пространстве / А.И. Лучинкина, Т.В. Юдеева, В.Р. Ушакова. – Симферополь : ДИАИПИ, 2015. – 151 с.
13. Лучинкина А.И. Специфика интернета как института социализации / А.И. Лучинкина // Научный результат. Педагогика и психология образования. – 2019. – №1. – С. 59-69.
14. Наумова Н.Ф. Социологические и психологические аспекты целенаправленного поведения / Н. Ф. Наумова. – Москва: Наука, 1988. – 200 с.

© Зекерьяев Руслан Ильвисович (ruslan51291@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДИСТРЕССА У ПАР, ПРИМЕНЯЮЩИХ ПРЕИМПЛАНТАЦИОННУЮ ГЕНЕТИЧЕСКУЮ ДИАГНОСТИКУ В КАЧЕСТВЕ ВСПОМОГАТЕЛЬНОЙ РЕПРОДУКТИВНОЙ ТЕХНОЛОГИИ, И ВОЗМОЖНЫЕ СТРАТЕГИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ С ТАКИМИ ПАРАМИ¹

Зуфман Анна Ивановна

Преподаватель, Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
anivzu@yandex.ru

SPECIFIC FEATURES OF DISTRESS IN COUPLES USING PREIMPLANTATION GENETIC DIAGNOSTICS AS AN ASSISTED REPRODUCTIVE TECHNOLOGY AND POSSIBLE STRATEGIES FOR PSYCHOLOGICAL WORK WITH SUCH COUPLES²

A. Zufman

Summary: The article reviews studies on the specifics of psychological responses to the use of preimplantation genetic diagnostics (PGD) in patients and their partners, in particular, significant differences between the experience of passing through PGD and the experience of using other reproductive technologies (for example, in vitro fertilization). The specificities of experiences of stress in couples who choose PGD will ensure quality psychological support such couples at all stages of treatment to predict the individual risk of distress and related mental complications, to improve the efficiency of the process of medical information to potential patients, to avoid acute and delayed stress reaction, and in the future to improve the mental health of the citizens, faced with infertility and the risk of having children with severe chromosomal and genetic diseases.

Keywords: preimplantation genetic diagnostics, assisted reproductive technologies, miscarriage, psychological well-being of mothers, decision-making stress, in vitro fertilization.

Аннотация: Статья посвящена обзору исследований, посвященных специфике психологических реакций на применение преимплантационной генетической диагностики (ПГД) у пациенток и их партнеров, в частности – существенным различиям между опытом прохождения через ПГД и опытом применения других репродуктивных технологий (например, экстракорпорального оплодотворения). Изучение специфических особенностей переживания стресса у пар, выбирающих ПГД, позволит обеспечить качественное психологическое сопровождение таких пар на всех этапах выбора лечения, прогнозировать уровень индивидуальных рисков возникновения дистресса и сопутствующих психических осложнений, повысить эффективность процесса медицинского информирования потенциальных пациентов, избежать острых и отложенных стрессовых реакций, а в перспективе улучшить показатели психического здоровья у граждан, столкнувшихся с бесплодием и риском рождения детей с тяжелыми хромосомными и генетическими заболеваниями.

Ключевые слова: преимплантационная генетическая диагностика, вспомогательные репродуктивные технологии, невынашивание беременности, психологическое благополучие матерей, стресс принятия решений, экстракорпоральное оплодотворение.

Преимплантационная генетическая диагностика (ПГД) – это вспомогательная репродуктивная технология, эффективно используемая с 90-х годов прошлого века для помощи парам с различными репродуктивными проблемами и/или наличием в анамнезе генетических заболеваний. На начальных этапах основным показанием для ее применения был риск развития у будущего ребенка тяжелых наследственных заболеваний, проявляющихся в раннем возрасте, таких как болезнь Тея-Сакса, кистозный фиброз или спинальная мышечная

атрофия [21]. Однако с развитием технологий диапазон показаний к применению ПГД был существенно расширен и на данный момент эта технология используется в том числе для скрининга различных анеуплоидий или определения HLA-совместимости, а также для помощи матерям и парам, страдающим от привычной невынашиваемости [11]

Вслед за научными и клиническими разработками в этой области, начались исследования психологическо-

1 Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00422).

2 The research was supported by a grant from the Russian science Foundation (project no. 19-18-00422).

го и психосоциального влияния ПГД на пациентов. Сама процедура и процесс принятия решения о ее прохождении часто вызывают психологическое напряжение, оказывая влияние и на самих матерей, и на их семьи [8, 81, 24]. Возможность применения генетической диагностики эмбриона с последующим отбором и подселением в матку часто рассматривается как «последний шанс» родить здорового ребенка, и может восприниматься женщиной и ее партнером как спасительный выход, но одновременно – как «приговор», поэтому само принятие решения о подобном виде вмешательства становится стрессом, особенно – для тех, кто перед этим пережил опыт неизлечимого бесплодия, хронического невынашивания, потерь беременности или рождения детей с тяжелыми генетическими и хромосомными нарушениями. Кроме того, специфические особенности осуществления протокола ПГД с последующим отбором наиболее здоровых и жизнеспособных эмбрионов, сопровождается стрессом и требует от женщины или от пары принятия достаточно тяжелых с психологической точки зрения решений. Все это говорит о том, что пациенты, прибегающие к преимплантационной генетической диагностике в качестве вспомогательной репродуктивной технологии, нуждаются в качественном психологическом консультировании на этапе принятия решения, а также в психологическом сопровождении на всех этапах осуществления прокола. Предыдущие исследования пар, обращавшихся к помощи вспомогательных репродуктивных технологий, таких как ПГД и ЭКО, продемонстрировали, что эффекты, оказываемые этими факторами на психическое здоровье пар, сохраняются на протяжении трех лет [14].

Многие исследователи подчеркивают нехватку исследований, посвященных влиянию применения ПГД на пациентов и опыту переживания связанного с этим типом диагностики стресса [8, 15, 18, 22]. Во многом, это связано с тем, что эта технология появилась не так давно, и доступна далеко не всем. Кроме того, этическая неоднозначность применения данной технологии создает дополнительные сложности в организации исследований. Однако некоторые выводы можно сделать уже сейчас, частично – опираясь на многочисленные исследования, посвященные пациентам, проходящим через процедуру экстракорпорального оплодотворения (ЭКО), влияние которой на психическое здоровье матерей и их партнеров изучено гораздо лучше (процедура ЭКО применяется по всему миру намного дольше, доступнее для населения). Протокол ПГД включает в себя экстракорпоральное оплодотворение, поэтому с технической точки зрения эти технологии похожи: после стимуляции овуляции осуществляется забор яйцеклеток женщины, оплодотворение их происходит экстракорпорально, после чего несколько наиболее «перспективных» эмбрионов подсаживаются в матку. С точки зрения инвазивности и воздействия на организм женщины практически нет

разницы, используется ли просто ЭКО или ЭКО вместе с ПГД, различие заключается лишь в способе отбора эмбрионов: в случае обычного ЭКО отбор не происходит или осуществляется с помощью визуальной оценки материала врачом, а при применении протоколов ПГД специалисты проводят генетический анализ каждого эмбриона, чтобы исключить наличие хромосомных мутаций и наследственных заболеваний. Но именно эти различия существенно меняют психологическое восприятие женщиной процедуры отбора. Согласно статистике, сами пациенты, обращающиеся в клиники для прохождения ПГД, обладают рядом ключевых отличий от тех, кто прибегает к обычному ЭКО. В частности, к ПГД зачастую прибегают пары с наличием в личном или семейном анамнезе генетических заболеваний, которые сами по себе являются источником дистресса. Таким образом, применение техник психологической поддержки, разработанных на основании результатов исследования пациентов, прошедших ЭКО, недостаточно для помощи пациентам, выбравшим ПГД [16].

Следует учитывать, что сам процесс принятия решения об использовании подобных вспомогательных репродуктивных технологий является стрессовым. Индивидуально или как пара, пациенты вынуждены рассматривать моральные и этические вопросы, касающиеся ценности жизни будущего ребенка, который может унаследовать генетическое заболевание. Восприятие этого факта во многом различается у тех пар, которые уже имеют одного или нескольких детей с тяжелыми хромосомными или генетическими заболеваниями, и у тех, кто впервые столкнулся с подобным риском. Кроме того, парам или матерям приходится взвешивать потенциальные медицинские и финансовые риски, связанные с процедурой ЭКО, риски, связанные с техническими ограничениями процедуры, к примеру, неточными результатами тестирования эмбрионов [11]; рассматривать вариант повторного использования ПГТ, в случае, если первая попытка окажется неудачной [6]. Все эти факторы, в сочетании с наличием психологических проблем, вызванных бесплодием, привычным невынашиванием или наличием в личном или семейном анамнезе наследственных заболеваний, могут быть причиной дистресса и неуверенности у пар еще до обращения в клинику [5].

Ретроспективное исследование опыта женщин, прошедших ПГД, проведенное в 2005 году, демонстрирует еще один фактор формирования дистресса и неуверенности – взаимодействие с системой здравоохранения и медицинским персоналом [15]. Так, 40% респондентов считают, что в ходе лечения они чрезмерно доверяли своим врачам. Одна пациентка вспоминала, что в ходе лечения она старалась задавать лечащим врачам как можно меньше вопросов, чтобы ее не воспринимали как трудного пациента. Часть пациенток полагала, что вместе с ПГД им придется проходить и ПНД (пренатальную

генетическую диагностику) тоже. По словам одной из респонденток, ее консультант-генетик сообщил ей о том, что ей необходимо в дополнение к ПГД пройти процедуру биопсии хориона (CVS), однако руководство клиники не знало о том, что на пациентов оказывается подобное давление со стороны их сотрудников [16].

Исследование родителей, проведенное в Бельгии в 2008 году [20], продемонстрировало отсутствие значимых различий в уровне родительского стресса между тремя группами респондентов: первые две группы использовали ПГД и ЭКО соответственно, родители из третьей группы не прибегали к помощи вспомогательных репродуктивных технологий для зачатия. Согласно данным заполненных респондентами опросников, во всех группах приблизительно одинаковое количество мужчин и женщин оценивали уровень стресса как низкий, умеренный и высокий. Баллы по опроснику общего состояния здоровья, который был использован для выявления и/или измерения уровня депрессии, тревоги, соматических проявлений дистресса и социальной изоляции, также существенно не различались между респондентами из разных групп.

Однако, у пар, которым приходится прибегать к преимплантационной генетической диагностике эмбрионов, существует ряд существенных отличий, которые нельзя не учитывать при планировании психологической помощи таким людям [16]. Многие исследования пар, использовавших ПГД в прошлом или проходящих процедуру на момент исследования, включают анкетирование, в ходе которого респондентам предлагается выбрать преимущества и недостатки этой технологии из предложенного списка или же указать их самим, а также изложить общее отношение к ПГД. В качестве преимуществ наиболее часто указывались: возможность родить здорового ребенка, отсутствие необходимости в прерывании беременности как части процедуры, и значительное снижение уровня стресса и тревоги в сравнении с пренатальной диагностикой, которая при определенных результатах тестирования может закончиться абортom [7, 12, 24]. В этом смысле, при выборе между ПНД и ПГД, мы опираемся на то, что второй вариант предполагает меньше стресса для женщины за счет того, что аборт производится до подселения эмбрионов в матку, а значит, не влечет за собой риск аборта на относительно позднем сроке. Однако, для определения особенностей дистресса этих пар, нам стоит рассмотреть и указанные ими недостатки ПГД. Так, в их числе: риск повреждения эмбриона в ходе тестирования, необходимость прохождения ЭКО, относительно высокий риск неудачи при прохождении процедуры (беременность может не состояться), необходимость длительного пребывания в списке ожидания и стоимость процедуры, а также сопутствующие моральные переживания о судьбе неиспользованных эмбрионов [16].

В ходе осуществления протокола ПДГ не все полученные путем ЭКО эмбрионы переносятся в матку женщины. Часть из них отбраковывается из-за обнаружения хромосомных патологий, генетических и наследственных заболеваний. Часть эмбрионов, признанных после генетического анализа здоровыми, тоже не используются. Принятие решения о дальнейшей судьбе неиспользованных эмбрионов - это относительно изученный и задокументированный процесс. Выявлено, что разные пары по-разному относятся к тому, что отбракованные эмбрионы никогда не будут перемещены в матку и никогда не получат шанс родиться. Многие пары, у которых уже есть ребенок, страдающий тем или иным наследственным или генетическим заболеванием, зачастую проводят параллели между ним и эмбрионами, полученными в ходе ПГД, что создает дополнительный стресс в ходе принятия решения об их утилизации. Другие же, хоть и говорят об эмбрионах как о своих потенциальных нерожденных детях (а некоторые - как об уже рожденных), все же готовы отдать их другим бесплодным парам или утилизировать. Стоит отметить, что подверженные генетическим заболеваниям эмбрионы не могут участвовать в программе донорства эмбрионов, однако родители могут дать согласие на их исследование в научных целях [5].

Для некоторых пар необходимость уничтожения поврежденных эмбрионов или здоровых эмбрионов, которые не используются для подселения в матку, делает всю процедуру ПГД этически запутанной. Некоторые матери воспринимают необходимость принятия решения в данном аспекте как выбор между «убийством» и обречением больного ребенка на мучительную жизнь с неизлечимым заболеванием, что создает дополнительный дистресс.

Среди прочих, стоит отметить этнографическое исследование, проведенное в Великобритании в 2004 году Робертсом и Франклином [23]. Несмотря на скромную выборку (21 человек), результаты этого исследования позволяют посмотреть на проблемы пользователей ПГД под другим углом. Так, в числе прочего, было обнаружено, что одним из факторов, формирующих дистресс и являющихся причиной социальной изоляции является медийная интерпретация ПГД. Во многих средствах массовой информации эта процедура представляется как способ создания «дизайнерских младенцев» - детей с набором заранее выбранных родителями генетических характеристик. Аналогичную реакцию у респондентов вызывает распространенное мнение о необходимости более жесткого юридического регулирования ПГД для предотвращения использования этой технологии в евгенических целях. Во многих случаях пары, проходящие через ПГД, сталкиваются с социальной изоляцией: учитывая условную уникальность такого состояния, пары не могут в полной мере получить психологическую под-

держку от собственных друзей или родственников, оставаясь, таким образом, наедине с проблемой [16]. Часть матерей сталкиваются с непониманием и осуждением со стороны собственных родственников и близких друзей, некоторые испытывают сильный стыд из-за того, что прибегают к подобным решениям, и вынуждены скрывать от окружающих, через что они проходят. Часто попытки объяснить близкому окружению, что такое ПГД, наталкиваются на препятствия, связанные с низким уровнем медицинской грамотности, что тоже приводит к тому, что пациентам проще скрывать особенности способа зачатия, нежели проводить дополнительную работу по информированию. При составлении протоколов психологического сопровождения родителей, прибегающих к ПГД, необходимо учитывать тот факт, что многие из них страдают от такого рода стигматизации, а также подвергаются давлению со стороны общества. Кроме того, специалисты, оказывающие информационную и психологическую поддержку таким парам, должны избегать любых интервенций, которые могут быть восприняты пациентами как осуждение их выбора, так как люди, подвергающиеся стрессу принятия решений, особенно чувствительны к такого рода ошибкам.

Сам процесс прохождения процедуры ПГД также является тяжелым для пациентов: как физически, так и психологически. В исследовании, проведенном в 2002 году с участием 36 пар из Великобритании и Испании, которые ранее уже использовали ПГД для зачатия ребенка, рассматривался стресс, который они испытывали в ходе процедуры сравнении со стрессом при ПНД [19]. Большая часть респондентов (41%) описали стресс как «очень сильный», при этом двое особо отметили, что это было самое стрессовое событие в их жизни. 35% и 23% респондентов охарактеризовали стресс при ПГД как «умеренный» и «легкий» соответственно. Самым тяжелым периодом при прохождении ПГД большая часть пар посчитала время между имплантацией эмбриона в матку и уведомлением о результатах теста на беременность. Треть пар заявила, что этот процесс в целом негативно сказался на их отношениях. Из 36 пар 20 ранее проходили процедуру пренатальной диагностики и большая часть из них (40% или 8 пар) описали свой опыт прохождения ПНД как менее стрессовый в сравнении с ПГД, меньшая же часть респондентов (35% или 7 пар) дала противоположный ответ. Исходя из этого, мы можем предположить, что консультирование матерей и их партнеров необходимо осуществлять на всех этапах прохождения процедуры, начиная от принятия решения об использовании ПГД в качестве вспомогательной репродуктивной технологии, и до получения положительного результата теста на беременность. При этом специалист должен сосредотачиваться на таких аспектах, как стресс принятия решения, беспокойство о судьбе эмбрионов, страх неудачи, тревоги, связанные с желанием родить здорового ребенка, стрессы, порожденные

социальной изоляцией и общественным осуждением, а также риски распада семьи в ходе прохождения через все этапы процедуры.

Практически на сегодняшний день не существует исследований по изучению привязанности к эмбриону и ребенку, рожденному после ПГД, хотя они также могут быть очень информативными. Задокументированные мнения женщин о системах психологической поддержки и дальнейшей судьбе неиспользованных эмбрионов позволят поставщикам медицинских услуг улучшить обслуживание будущих клиентов, которые вынуждены пройти этот тяжелый путь в надежде на рождение здорового ребенка. Понимание информационных потребностей пациентов также поможет клиникам облегчить этот путь для них.

А.Л. Грейл [9] в своем обзоре исследований психологического влияния бесплодия поднял актуальные здесь вопросы. Выводы этой статьи аналогичны более позднему обзору С.М. Верхаака и его коллег [25], написанному в 2007 году: исследования, посвященные психопатологии, не выявили серьезных различий между группой испытуемых с бесплодием и контрольной группой. Грейл утверждает, что существующий в настоящее время подход к подобным исследованиям с медицинской, а не психосоциальной точки зрения, является ошибочным. Большая часть исследований была посвящена сравнению уровня дистресса, который испытывают пары при ЭКО, с аналогичным показателем других групп людей, обычно избегая нулевых результатов, и не обращали внимание на то, как бесплодие и его лечение влияют на человека. Поэтому для будущих исследователей может быть полезным изучить дистресс с точки зрения отдельного человека, а не группы респондентов [9,13].

На сегодняшний день мы имеем дело в основном с исследованиями, проведенными в других странах, без учета специфических особенностей российской выборки, в то время как реакция российских пар на стресс, связанный с принятием этически неоднозначных решений, может существенно отличаться от того, как подобный опыт переживается партнерами в других государствах. Так, согласно исследованиям, проведенным Разваляевой А.Ю. в 2018 году, способность преодолевать стресс, связанный с принятием решений и ситуациями неопределенности, у российских пар существенно зависит от уровня образования, что является специфической особенностью российской выборки [3]. Кроме того, можно предположить, что отношение к беременности, родам, проблемам материнства и бесплодия, в России тоже значительно отличается от общемировых показателей [1]. В частности, доказано, что в общественном сознании бесплодие часто воспринимается как социальная, психологическая и нравственная проблема, а не как медицинская, поэтому реакция общества и отдельных инди-

видов на медицинские способы ее решения может быть искаженной. Кроме того, как показывают исследования, применение вспомогательных репродуктивных технологий, в особенности, связанных с экстракорпоральным оплодотворением и с генетической диагностикой, зачастую воспринимаются в общественном сознании как угроза «естественному порядку вещей», «семейным ценностям», «духовности» и так далее [2], что тоже влияет на специфику потенциального консультирования именно российских матерей.

Тем не менее, уже на данном этапе мы можем ут-

верждать, что психологические риски у матерей и их партнеров при прохождении процедуры ПГД в качестве вспомогательной репродуктивной технологии достаточно высоки, а влияние ПГД на психическое благополучие пациентов и их семей, при всем внешнем сходстве процедур, существенно отличается от того влияния, которое оказывает применение обычного экстракорпорального оплодотворения, что необходимо учитывать при разработке программ психологического сопровождения пар в процессе осуществления ПГД, а также возможной последующей психологической коррекции вызванных этим опытом расстройств и нарушений адаптации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Григорьева Наталия Сергеевна, Куштина Вероника Александровна, Чубарова Татьяна Владимировна, Яковлева Ирина Викторовна Бездетность в России: социологическое измерение // *Народонаселение*. 2013. №4 (62)
2. Емельянова Татьяна Петровна, Мишарина Анна Владимировна, Вопилова Ирина Евгеньевна Репрезентация рисков применения вспомогательных репродуктивных технологий // *Горизонты гуманитарного знания*. 2019. №4.
3. Разваляева А.Ю. Апробация опросника «Тенденции в принятии решений» на русскоязычной выборке // *Консультативная психология и психотерапия*. 2018. Т. 26. № 3. С. 146—163. doi: 10.17759/cpp.2018260308
4. Banerjee, I., Shevlin, M., Taranissi, M., et al., 2008. Health of children conceived after preimplantation genetic diagnosis: a preliminary outcome study. *Reprod. BioMed. Online* 16, 376–381.
5. Cunningham J., Goldsmith L., Skirton H. The evidence base regarding the experiences of and attitudes to preimplantation genetic diagnosis in prospective parents // *Midwifery*. 2015. Vol. 31 (2). P. 288-296
6. Derks-Smeets IA, Gietel-Habets JJ, Tibben A, Tjan-Heijnen VC, Meijer-Hoogveen M, Geraedts JP, van Golde R, Gomez-Garcia E, vanden Bogaart E, van Hooijdonk Met al. Decision-making on preimplantation genetic diagnosis and prenatal diagnosis: a challenge for couples with hereditary breast and ovarian cancer. *Hum Reprod* 2014;29:1103–1112.
7. Farra, C., Nassar, A.H., Usta, I.M., et al., 2008. Acceptance of preimplantation genetic diagnosis for beta-thalassemia in Lebanese women with previously affected children. *Prenat. Diagn.* 28, 828–832.
8. Galjaard, H., 2003. Report of the IBC on the Preimplantation Genetic Diagnosis and Germ-line Intervention. United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization, Paris.
9. Greil, A.L., 1997. Infertility and psychological distress: a critical review of the literature. *Soc. Sci. Med.* 45, 1679–1704.
10. Hammarberg, K., Fisher, J.R., Wynter, K.H., 2008. Psychological And social aspects of pregnancy, childbirth and early parenting after assisted conception: a systematic review. *Hum. Reprod. Update* 14, 395–414
11. Harper JC, Aittomäki K, Borry P, Cornel MC, de Wert G, Dondorp W, Geraedts J, Gianaroli L, Ketterson K, Liebaers let al. Recent developments in genetics and medically-assisted reproduction: from research to clinical applications. *Hum Reprod Open* 2017;107.
12. Hui, P.W., Lam, Y.H., Chen, M., et al., 2002. Attitude of at-risk subjects towards preimplantation genetic diagnosis of alpha- and beta-thalassaemias in Hong Kong. *Prenat. Diagn.* 22, 508–511.
13. Jacob, M.C., McQuillan, J., Greil, A.L., 2007. Psychological distress by type of fertility barrier. *Hum. Reprod.* 22, 885–894.
14. Järholm S, Thurin-Kjellberg A, Broberg M. Experiences of preimplantation genetic diagnosis (PGD) in Sweden: a three-year follow-up of men and women. *J Genet Couns* 2017;26:1008–1016.
15. Kalfoglou, A.L., Scott, J., Hudson, K., 2005. PGD patients' and providers' attitudes to the use and regulation of preimplantation genetic diagnosis. *Reprod. BioMed. Online* 11, 486–496
16. Karatas J.C., Strong K.A., Barlow-Stewart K. [et al.] Psychological impact of preimplantation genetic diagnosis: a review of the literature // *Reprod. Biomed. Online*. 2010. Vol. 20 (1). P. 83-91
17. Katz, M.G., Fitzgerald, L., Bankier, A., et al., 2002. Issues and concerns of couples presenting for preimplantation genetic diagnosis (PGD). *Prenat. Diagn.* 22, 1117–1122.
18. Knoppers, B.M., Bordet, S., Isasi, R.M., 2006. Preimplantation Genetic diagnosis: an overview of socio-ethical and legal considerations. *Annu. Rev. Genomics Hum. Genet.* 7, 201–221.
19. Lavery, S., Aurell, R., Turner, C., et al., 2002. Preimplantation genetic diagnosis: patients' experiences and attitudes. *Hum. Reprod.* 17, 2464–2467
20. Nekkebroeck, J., Bonduelle, M., Desmyttere, S., et al., 2008. Socio-emotional and language development of 2-year-old children born after PGD, PGS, and parental well-being. *Hum. Reprod.* 23, 1849–1857.
21. Offit, K., Kohut, K., Clagett, B., et al., 2006. Cancer genetic testing and assisted reproduction. *J. Clin. Oncol.* 24, 4775–4782.

22. Pastore L.M., Cordeiro Mitchell C.N., Rubin L.R., Nicoloro-SantaBarbara J., Genoff Garzon M.C., Lobel M., Patients' preimplantation genetic testing decision-making experience: an opinion on related psychological frameworks, *Human Reproduction Open*, Volume 2019, Issue 4, 2019
23. Roberts, C., Franklin, S., 2004. Experiencing new forms of genetic choice: findings from an ethnographic study of preimplantation genetic diagnosis. *Human Fertility* 7, 285–293.
24. Soini, S., Ibarreta, D., Anastasiadou, V., et al., 2006. The interface between assisted reproductive technologies and genetics: technical, social, ethical and legal issues. *Eur. J. Hum. Genet.* 14,588–645.
25. Verhaak, C.M., Smeenk, J.M., Evers, A.W., et al., 2007. Women's emotional adjustment to IVF: a systematic review of 25 years of research. *Hum. Reprod. Update* 13, 27–36.

© Зуфман Анна Ивановна (anivzu@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПОДРОСТКОВ, УПОТРЕБЛЯЮЩИХ ПСИХОАКТИВНЫЕ ВЕЩЕСТВА

Иванов Дмитрий Викторович

*К.псих.н., доцент, Самарский государственный социально-педагогический университет
avatory@yandex.ru*

DEVIANT BEHAVIOR OF TEENAGERS USING PSYCHOACTIVE SUBSTANCES

D. Ivanov

Summary: The article presents the analysis of modern psychological concepts of deviant behavior of teenagers using psychoactive substances. The significance of adolescence in the formation of personality, self-awareness, self-esteem, I-concept is revealed. The main factors for adolescents' involvement in psychoactive substance using are discussed in detail, namely factor of family education, factor of individual mental and psychological characteristics of adolescents, factor of the situation at school, factor of motivation and reasoning, physiological age specifics of adolescents. The article shows how psychoactive substances using can contribute to deviant and delinquent behavior. The results of the study on individual characteristics of adolescents using psychoactive substances are presented: high level of aggression and hostility, situational (reactive) anxiety, high need for excitement are revealed.

Keywords: teenager, adolescent, addictive behavior, deviant behavior, state of aggression, psychoactive substances, aggressiveness, hostility.

Аннотация: В статье дан анализ современных психологических представлений об особенностях девиантного поведения подростков, употребляющих психоактивные вещества. Раскрыто значение подросткового возраста в становлении личности, самосознания, самооценки, Я-концепции. Подробно рассмотрены основные факторы вовлечения подростков в употребление психоактивных веществ: фактор семейного воспитания, фактор индивидуальных психических и психологических особенностей подростка, фактор школьной ситуации, фактор мотивации и мотивировки, физиологические возрастные особенности подростков. Показано, как употребление психоактивных веществ может способствовать девиантному и делинквентному поведению. Представлены результаты изучения личностных особенностей подростков, употребляющих психоактивные вещества: у подростков выявлены определенные акцентуации характера, высокий уровень агрессивности и враждебности, ситуативной (реактивной) тревожности, высокая потребность в поиске острых ощущений.

Ключевые слова: подросток, аддиктивное поведение, девиантное поведение, состояния агрессии, психоактивные вещества, агрессивность, враждебность.

В последние годы в обществе и в науке растет интерес к проблеме отклоняющегося поведения. Актуально становится необходимость разработки более эффективных профилактических, коррекционных, реабилитационных мер социального контроля и более глубокого исследования причин и динамики девиантного поведения. Злоупотребление психоактивными веществами в научной литературе объединяется под общим названием «аддиктивное поведение». В российской психологической литературы аддиктивное поведение чаще понимается как нарушение поведения, которое может осуществляться и в отсутствии физической и индивидуальной психологической зависимости [1].

Употребление психоактивных веществ может способствовать девиантному и делинквентному поведению. В подростковом и раннем юношеском возрасте происходит становление личности, поэтому положительное влияние социума для гармоничного развития несовершеннолетнего очень важно, в противном случае может сформироваться девиантная или делинквентная личность. Состояние «взрослости», острота ощущений и любопытство, характерное для подросткового возраста, толкает на совершение девиантных поступков.

Значительный вклад в становление представлений о видах, проявлении и коррекции отклоняющегося пове-

дения внесли научные труды Л.С. Выготского, И.С. Кона, А.Е. Личко, Н.А. Сирота, Л.Б. Шнейдер, В.М. Ялтонского [2-4]. Формирование зависимостей рассматривали в своих трудах В.С. Битенский, Е.П. Ильин, Ю.А. Клейберг, В.Д. Менделевич, А.А. Реан, А.В. Хомич [3, 5-8].

Представители различных психологических школ по-разному понимают и объясняют отклоняющееся поведение. Анализируя различные точки зрения на проблему отклоняющегося поведения, мы согласны с общепринятым в науке определением Я.И. Гилянского: «поведение людей является девиантным, если их поступки или действия не соответствуют официально установленным или фактически сложившимся в данном обществе нормам и правилам» [9, с. 74].

Следует заметить, что наряду с термином «девиантное поведение» в научно-практических работах используется множество синонимов. По мнению Ю.А. Клейберга, такое многозначное толкование девиантного поведения является методологически неверным [5]. Если детально рассмотреть синонимы девиантного поведения, то можно отметить, что каждый из них является частью отклоняющегося поведения и характеризует какую-то определенную сторону отклонений. Возьмем для примера понятия делинквентного поведения или аддиктивного. Первое наиболее точно определяется как

«преступное поведение», второе является «зависимым поведением». Однако, делинквентное поведение можно рассматривать как частный случай отклоняющегося поведения. Что касается аддиктивного поведения, то не всякое отклоняющееся поведение является результатом наличия какой-либо зависимости у субъекта.

Отклоняющееся поведение часто определяется недостатками воспитания, которые способствуют формированию устойчивых свойств личности, толкающих человека на антиобщественные поступки. Исследуя отклоняющееся поведение, психологи изучают мотивы, причины и условия формирования девиаций поведения, возможности преодоления и предупреждения отклонений. Ведущими составляющими в генезисе девиантного поведения являются дефекты нравственного и правового сознания, нарушения в потребностно-мотивационной сфере личности, особенности волевых и эмоциональных психических процессов, темперамента, отрицательные черты характера [8].

Представляют интерес модели девиантного поведения, предложенные Ю.А. Клейбергом. Действия и поступки человека всегда рассматриваются как определенное социальное поведение, которое может соответствовать нормам социума, общественным и правовым законам, а может представлять собой модель отклоняющегося поведения [5]. Среди основных видов отклоняющегося поведения называют преступность и неправомерное (уголовно не наказуемое) аморальное поведение, которое заключается в систематическом пьянстве, наркомании, сексуальной распущенности, суицидальности. В последние годы добавились такие новые виды девиантного поведения как терроризм, использование компьютера и интернета (хакерство), членство в тоталитарных деструктивных религиозных сектах.

Начало употребления психоактивных веществ, как правило, связывается с подростковым и ранним юношеским возрастом. Подростковый возраст в биологическом смысле является переходным возрастом. Активно формируется нравственное сознание, происходит личностное созревание. В этом возрасте закладываются основы самосознания, стабилизируется самооценка, формируется Я-концепция. Эти компоненты самосознания играют решающую роль в процессе личностного самоопределения и саморегулирования. По мнению И.С. Кона, Д.Б. Элькониной, Д.И. Фельдштейна, самооценка окончательно формируется к 14 годам. Ценностные ориентации к этому моменту не сложились в единую систему. Несмотря на это, они уже влияют на поведение несовершеннолетнего [10]. Формирование самосознания происходит в общении, в процессе активного взаимодействия со сверстниками. Ведущей деятельностью в подростковом возрасте является интимно-личностное общение.

Неблагоприятными условиями для формирования

личности несовершеннолетнего могут стать ошибки в школьном воспитании. Сопротивление подростка педагогическим воздействиям проявляется в отрицательном отношении к учебе, в противопоставлении себя коллективу класса, школы.

Подростковое и юношеское употребление психоактивных веществ связано с поиском новых, необычных ощущений и переживаний. Другими побуждениями являются стремление подростков не отставать от друзей и референтной группы, желание избавиться от внутреннего напряжения и беспокойства, уйти от проблем или обрести способность противостоять им [11].

Большинство отечественных исследователей сходятся во мнении, что все факторы риска наркотизации подростковой среды можно условно разделить на группы: факторы среды, или объективные факторы; личностные факторы, или субъективные, или психологические факторы; факторы физиологических особенностей как индивидуального развития подростка, так и пубертатного периода развития в целом.

Я.П. Гирич в обзоре иностранной литературы приходит к аналогичным выводам: в рассмотренных им работах указывается, что среди социальных факторов риска важным является стресс, конкуренция, недостаточный психологический надзор, нетерпимость общества к употреблению марихуаны [12, с. 31].

Российские исследователи В.А. Попов и О.Ю. Кондратьева также выделяют социально-экономические условия современности. Они отмечают, что употребление наркотиков выступает способом адаптации к сложной микросоциальной обстановке [13, с. 67].

Кроме того, к объективным факторам риска относят:

- частые переводы в другую школу и частые переезды; доступность алкоголя и наркотиков;
- законы и нормы, допускающие злоупотребления алкоголем и наркотиками (имеется в виду реальное положение дел).

Анализ работ различных авторов позволил выделить несколько основных факторов: фактор семейного воспитания; фактор индивидуальных психических и психологических особенностей подростка; фактор школьной ситуации; фактор мотивации и мотивировки; физиологические возрастные особенности подростков.

Трудно определить один из представленных факторов как приоритетный, однако большинство авторов начинают обсуждение данной проблемы именно с рассмотрения семейной ситуации. Риск употребления наркотических веществ возрастает, если подросток вырос или в неполной семье, или в так называемой «деформированной» семье, в семье с деструктивным типом вос-

питания, в асоциальной семье, в семье с генетическими особенностями предрасположенности к алкоголизму и наркомании. «Семейное неблагополучие – одна из основных причин, определяющих состояние и динамику девиантного поведения и дезадаптацию личности в целом» [14, с. 119].

Также подробно рассмотрен фактор индивидуальных психических и психологических особенностей подростка в работах В.С. Битенского, Б.Г. Херсонского, А.Е. Личко, В.Ф. Матвеева, А.Л. Гройсмана [3]. К индивидуальным психическим и психологическим особенностям подростка можно отнести органические повреждения головного мозга, хронические заболевания, интоксикации, психические заболевания, акцентуации характера и психопатии, психические травмы.

Фактор школьной ситуации подробно раскрыт в работах С.В. Березина, К.С. Лисецкого и Д.Д. Еникеевой. К школьной ситуации относят наличие академических задолженностей подростка с 10-летнего возраста, отсутствие желания продолжать обучение в школе, анти-социальное поведение и гиперактивность (особенно у мальчиков 7-10 лет увеличивает риск в юношеском возрасте).

Мотивация подростков изучалась многими исследователями. Ведущим мотивом первой пробы наркотиков у школьников является «любопытство» [15]. Кроме любопытства мотивацией потребления наркотиков подростками является стресс и внушаемость.

Физиологические особенности как индивидуального развития подростка, так и пубертатного периода развития в целом как фактор риска наркотизации рассматривали А.Е. Личко и В.С. Битенский, В.Ф. Матвеев и А.Л. Гройсман и др.

Проведенный анализ отечественной и зарубежной литературы по проблеме исследования позволил нам предположить, что употребление подростками психоактивных веществ влечет за собой изменение личности, в частности, появление у подростков спонтанной агрессивности, тревожности, потребности в поиске острых ощущений, что нарушает волевой контроль и может привести к появлению у подростка девиантного поведения.

Нами было проведено эмпирическое исследование на базе МБУ ДО «Центр “Психологическое здоровье и образование”» г.о. Самары. Целью исследования явилось выявление влияния употребления психоактивных веществ на личность и поведение подростков. В исследовании принимали участие подростки Кировского и Красноглинского районов Самары в возрасте 13-15 лет. Всего в исследовании приняли участие 40 учащихся 9-х и 10-х классов. Из 40 подростков были сформированы две

экспериментальные группы по 20 подростков в каждой в зависимости от их отношения к употреблению психоактивных веществ. Экспериментальную группу № 1 составили подростки, употребляющие ПАВ, состоящие на учете в отделе по делам несовершеннолетних отделения №3 УВД г. Самары. Склонность подростков к употреблению психоактивных веществ, была установлена по причине их постановки на учет: употребление психоактивных веществ. Также они склонны к таким проявлениям девиантного поведения, как конфликтное поведение, участие в мелких кражах, побеги из дома и др. Экспериментальную группу № 2 составили подростки, отрицательно относящиеся к употреблению психоактивных веществ, не замеченные в нарушениях социальных норм и правил поведения.

Для изучения девиантного поведения подростков, употребляющих психоактивные вещества, были использованы психодиагностические методики: 1) методика диагностики показателей и форм агрессии А. Басса – А. Дарки, в адаптации А.К. Осницкого [16]; 2) методика изучения акцентуаций личности Г. Шмишека [17]; 3) шкала реактивной и личностной тревожности Ч.Д. Спилберга в адаптации Ю.Л. Ханина [18]; 4) методика «Шкала поиска острых ощущений» М. Цукермана [19].

Для исследования показателей и форм агрессии у подростков двух экспериментальных групп была использована методика А. Басса – А. Дарки. Методика позволяет подсчитать индексы агрессивности и враждебности, которые нам необходимы для дальнейшего исследования. Рассмотрим результаты диагностики агрессии в экспериментальной группе № 1 у подростков, употребляющих психоактивные вещества. Было обнаружено, что 85% испытуемых высокий балл по той или иной форме агрессии. Самый высокий процент получен по вербальной форме агрессии – 75% испытуемых выражают негативные чувства как через форму (крик, визг), так и через содержание словесных ответов (проклятия, угрозы). Столько же испытуемых (75%) имеют высокие показатели по шкале «чувство вины». Возможно это связано с тем, что подростки, употребляющие психоактивные вещества, испытывают угрызения совести и чувство вины. У 60% подростков выражена агрессия в форме негативизма (борьба против установленных обычаев и законов). Такое же количество подростков (60%) показали высокий уровень физической агрессии. Недоверие к людям и убежденность в том, что другие планируют и приносят вред (подозрительность) обнаружены у 40% подростков экспериментальной группы № 1. Готовы к проявлению негативных чувств при малейшем раздражении 40% подростков экспериментальной группы № 1. Самые незначительные показатели обнаружены по показателям косвенной агрессии (30%) и обиды (25%). Такие результаты в целом схожи с результатами, полученными нами в более ранних исследованиях состояний агрессии у подростков, употребляющих психоактивные

вещества [20].

В экспериментальной группе № 2 среди подростков, не употребляющих психоактивные вещества можно отметить следующие результаты: 55% подростков имеют высокие показатели уровня агрессивности в той или иной форме. 30% подростков выражают агрессию вербальным способом (приказы, проклятия, угрозы). 30% подростков имеют высокие показатели по шкале «негативизм». У 15% подростков высокий уровень физической агрессии, у 10% высокий уровень косвенной агрессии, 10% подростков имеют высокие показатели по шкале «раздражение». 5% подростков имеют высокие показатели по шкале «подозрительность».

Сравним полученные результаты по двум экспериментальным группам подростков. Для подростков, употребляющих психоактивные вещества, характерен более высокий уровень агрессивности (у 85%), чем для подростков, отрицательно относящихся к приему ПАВ (у 55%). Особо значимы различия по шкале «чувство вины». Это можно объяснить тем, что употребляющие психоактивные вещества подростки часто испытывают чувство вины (у 75% подростков) и угрызения совести за содеянное, даже если сами не отдадут себе в этом отчета, по сравнению с подростками экспериментальной группы № 2 (у 5% подростков).

Существенны различия по шкале «подозрительность» (40% у подростков экспериментальной группы № 1 и 5% у подростков экспериментальной группы № 2). У подростков, не употребляющих психоактивные вещества, более доверительное отношение к людям. Подростки, употребляющие психоактивные вещества, убеждены в том, что другие люди планируют и приносят вред, представляют собой опасность.

На первом месте по частоте встречаемости в обеих группах вербальная агрессия. Это значит, что выражение негативных чувств через крик, угрозы свойственны обеим группам подростков. Возможно, это возрастная особенность подросткового возраста. Но у подростков, не употребляющих психоактивные вещества, она все-таки гораздо ниже (у 30%). На втором месте в экспериментальной группе № 2 и на третьем месте в экспериментальной группе № 1 по частоте встречаемости результаты по шкале «негативизм». Он выражается в оппозиционной манере поведения, борьбе против установившихся обычаев и законов. Возможно, это также объясняется особенностями возраста.

Индекс агрессивности складывается из показателей таких форм агрессии как физическая, вербальная и косвенная; индекс враждебности включает такие формы агрессии как подозрительность и обида. Индекс агрессивности и индекс враждебности в экспериментальной группе № 1 находятся на высоком уровне. В эксперимен-

тальной группе № 2 эти показатели находятся в пределах нормы. Таким образом, результаты, полученные по методике А. Басса – А. Дарки, показывают, что подростки, употребляющие психоактивные вещества, агрессивнее и враждебнее своих сверстников.

Рассмотрим результаты диагностики акцентуаций характера подростков обеих экспериментальных групп по опроснику Г. Шмишека. В экспериментальной группе № 1 для подростков, употребляющих психоактивные вещества, характерны следующие типы акцентуаций характера: застревающий (60%), гипертимный (55%), демонстративный (45%), возбудимый (45%) и циклотимический (40%). Подростки, употребляющие психоактивные вещества, были склонны давать крайние ответы, в результате чего у каждого из них была обнаружена та или иная акцентуация. Таким образом, подросткам, употребляющим психоактивные вещества, свойственны эмоциональная нестабильность, раздражительность, подозрительность, спонтанность в привязанностях и обидах, безудержность. Такие черты характера могут явиться причиной девиантного поведения. В экспериментальной группе № 2 для подростков, не употребляющих психоактивные вещества, наиболее характерны гипертимная (35%) и возбудимая (30%) акцентуации. У подростков экспериментальной группы № 2 были выявлены в основном тенденции к той или иной акцентуации.

Далее рассмотрим результаты исследования реактивной и личностной тревожности у подростков. Показатели реактивной тревожности, выявленной по методике Ч.Д. Спилберга, показывают, что в экспериментальной группе № 1 у 80% подростков высокая либо средняя ситуативная (реактивная) тревожность, которая характеризуется напряжением, беспокойством и нервозностью. Такое психофизиологическое состояние вполне может быть вызвано употреблением психоактивных веществ. Реактивная тревожность у большинства подростков экспериментальной группы № 2 находится на низком уровне.

В экспериментальной группе № 1 65% подростков имеют низкий и средний уровень личностной тревожности, что связано скорее всего с тем, что подростки, употребляющие психоактивные вещества, склонны к беспечности, отрицают наличие у себя каких-либо проблем и не воспринимают происходящие с ними события как угрожающие.

В экспериментальной группе № 2 процент лиц с высокой личностной тревожностью выше (у 45%). Возможно, причиной этого является чрезмерное внимание родителей к процессу воспитания; родители возможно используют минимальное количество наказаний, что заставляет подростков чувствовать высокую ответственность за свои поступки и соответствовать высоким ожиданиям со стороны родителей. Повышенная требовательность

к себе порождает и более высокий уровень личностной тревожности у подростков, не употребляющих психоактивные вещества.

Потребность в острых ощущениях исследовалась с помощью методики «Шкала поиска острых ощущений» М. Цукермана. Анализ полученных результатов подтверждает, что среди подростков, употребляющих психоактивные вещества, высокая потребность в острых ощущениях, в то время как у подростков, не употребляющих психоактивные вещества, поиск ощущений, жажда новизны и приключений находятся на среднем уровне.

Таким образом, используя комплекс психодиагностических методик, мы выявили изменения и отклонения в поведении подростков. Употребление психоактивных веществ обостряет потребность в поиске острых ощущений, провоцирует разнообразные проявления агрессивности и враждебности, что может стать причиной возникновения девиантных форм поведения у подростков. Подростки, употребляющие психоактивные вещества, проявляют более высокий уровень агрес-

сивности и враждебности, ситуативной (реактивной) тревожности, высокую потребность в поиске острых ощущений, низкий уровень личностной тревожности, вызванной скорее всего стремлением отрицать наличие у себя каких-либо проблем. Подростки, употребляющие психоактивные вещества, эмоционально нестабильны, раздражительны, спонтанны в привязанностях и обидах, безудержны. Эти черты могут стать причиной девиантного поведения.

Результаты исследования могут представлять интерес для практических психологов, работающих с подростками, имеющими различные формы девиантного поведения. Результаты проведенного исследования показывают необходимость и важность учета личностных особенностей подростков для построения профилактической работы с девиантными и зависимыми подростками. Выявленные особенности личности и характера подростков, употребляющих психоактивные вещества, позволят в будущем разработать эффективные коррекционно-развивающие программы для подростков.

ЛИТЕРАТУРА

- Кулаков С.А. Диагностика и психотерапия аддиктивного поведения у подростков: индивидуальное консультирование и психотерапия в профилактике наркомании у подростков: учеб.-метод. пособие. М.; СПб: Фолиум, 1998. 70 с.
- Шнейдер Л.Б. Девиантное поведение детей и подростков. М., 2005. 336 с.
- Битенский В.С., Личко А.Е., Херсонский Б.Г. Психологические факторы в развитии токсикоманий у подростков // Психологический журнал. 2008. Т. 12. № 4. С. 87-93.
- Сирота Н.А. Профилактика наркомании и алкоголизма: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению и специальностям психологии / Н.А. Сирота, В.М. Ялтонский. М.: Академия, 2009. 174 с.
- Клейберг Ю.А. Основы психологии девиантного поведения. М.: Алф-пресс, 2014. 231 с.
- Хомич А.В. Психология девиантного поведения: учебное пособие. Ростов-на-Дону, 2006 г. 140 с.
- Менделевич В.Д. Аддиктивное влечение: теоретико-феноменологическая оценка // Теория и практика психотерапии. 2015. №2 (6). С. 27-33.
- Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2011. 512 с.
- Гилинский Я.И. Социология девиантного поведения как специальная социологическая теория // Социологические исследования. 1991. № 4. С. 72-78.
- Тарханова И.Ю. Социально-педагогическая реабилитация безнадзорных подростков: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук: 13.00.01 / Ярослав. гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского. Ярославль, 2005. 24 с.
- Психология человека от рождения до смерти / Под общ.ред. А.А. Реана. СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2012. 656 с.
- Гирич Я.П. Проблема наркоманий трудна и для Запада, но... (обзор иностранной литературы) // Новости психосинтеза. №1, 1993. С. 30-33.
- Попов В.А., Кондратьева О.Ю. Наркотизация в России – шаг до национальной катастрофы // Социологические исследования. 1998. № 8. С. 65-69.
- Щербина С.Е. К вопросу о неблагополучии семьи как факторе дезадаптации современной молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 10-1. С. 119-124.
- Гульдан В.В., Корсун А.М. Поиск впечатлений как фактор приобщения подростков к наркотикам // Вопросы наркологии. 1990. №2. С. 40-44.
- Хван А.А., Зайцев Ю.А., Кузнецова Ю.А. Опыт стандартизации опросника измерения агрессивных и враждебных реакций А. Басса и А. Дарки // Психологическая диагностика. 2008. № 1. С. 35-58.
- Практикум по психодиагностике / авт.-сост. А.И. Гарбер, Д.В. Иванов, С.К. Бердибаева. Алматы: Казак университеті, 2019. 365 с.
- Карелин А. Большая энциклопедия психологических тестов. М.: Эксмо, 2007. 416 с.
- Дмитриев М.Г., Белов В.Г., Парфенов Ю.А. Психолого-педагогическая диагностика делинквентного поведения у трудных подростков. СПб. ЗАО «ПОНИ», 2010. 316 с.
- Иванов Д.В. Взаимосвязь акцентуаций характера и состояний агрессии у подростков, употребляющих психоактивные вещества // Мир психологии. 2017. № 1. С. 144-153.

© Иванов Дмитрий Викторович (avatory@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ САМОРЕАЛИЗАЦИЯ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

PROFESSIONAL SELF-REALIZATION OF LAW ENFORCEMENT STAFF

A. Kozhevina

Summary: The article is devoted to the problem of professional self-realization of law enforcement officers. The article presents a study aimed at identifying the features of professional self-realization of law enforcement officers. An empirical study was carried out, the data obtained were presented and analyzed, the results of a correlation analysis of indicators of professional self-realization and personal characteristics of law enforcement officers were presented.

Keywords: personality, self-control, value orientations. professional self-realization, law enforcement officers.

Кожевина Анна Павловна

*К.псх.н., доцент, Байкальский государственный университет (г. Иркутск)
apkozhevina@mail.ru*

Аннотация: Статья посвящена проблеме профессиональной самореализации сотрудников правоохранительных органов. В статье представлено исследование, целью которого было выявить особенности профессиональной самореализации сотрудников правоохранительных органов. Проведено эмпирическое исследование, представлены и проанализированы полученные данные, представлены результаты корреляционного анализа показателей профессиональной самореализации и личностных особенностей сотрудников правоохранительных органов.

Ключевые слова: личность, самоконтроль, ценностные ориентации. профессиональная самореализация, сотрудники правоохранительных органов.

В настоящее время в стране наблюдается спад производственного труда, низкая работоспособность, текучесть кадров. Одним из факторов сказанного является низкая удовлетворенность своим трудом, самовыражение в профессиональной деятельности и потребность самореализации. Чрезмерно важным является фактор удовлетворенности собственным трудом, ведь от этого зависит эффективность работы [5]. Профессиональная самореализация является важным аспектом развития личности взрослого человека на разных этапах жизни и затрагивает практически все ступени его существования [4].

Понятие «самореализация» на сегодняшний день становится одним из ключевых в психологических исследованиях. В настоящее время существует огромный ряд работ крупнейших представителей отечественной и западной гуманистической и экзистенциальной психологии, рассматривающих смысловую сферу личности и особенности ее самореализации: И.В. Абакумова, А.Ю. Агафонов, А.Г. Асмолов, Д.А. Леонтьев, А. Маслоу, Карл Роджерс, В. Франкл, Х. Хекхаузен [1].

Самореализация личности является основной движущей силой к саморазвитию и самосовершенствованию и строится через осознание субъектом собственных индивидуальных свойств, черт, качеств и путей их актуализации, способность самостоятельно принимать решения, делать выбор. Характеризуя процесс формирования основ самореализации, необходимо отметить, что все формы самореализации формируются в единстве, и предполагают раскрытие потенциала (личност-

ного, интеллектуального, творческого) в деятельности и социальном взаимодействии. Самореализация включает в себя саморазвитие, самовоспитание, самопознание, самосознание, самоактуализацию [3].

Проблема профессиональной самореализации представляет собой проявление самоактуализации и саморазвития личности в профессии (Р. Берне, К. Левин, А. Маслоу), одним из показателей которой выступает успешность в профессии. Профессиональная деятельность сотрудников правоохранительных органов сопряжена с множественными стрессогенными факторами. Современная правоохранительная система требует от сотрудников максимальной реализации своего потенциала во время выполнения поставленных служебных задач [2]. Актуальность исследования профессиональной самореализации личности сотрудников правоохранительной деятельности обусловлена высокой социальной значимостью их профессиональной деятельности. Целью исследования стало выявление особенностей профессиональной самореализации сотрудников правоохранительных органов. Исследование проводилось в 2020 году среди сотрудников правоохранительных органов г. Иркутска. Участниками исследования являлись 40 сотрудников правоохранительных органов в возрасте от 23 до 44 лет.

Для исследования профессиональной самореализации сотрудников правоохранительных органов было спланировано и осуществлено эмпирическое исследование. Эмпирическое исследование предполагает осуществление корреляционного анализа показателей

предполагающих личностных детерминант и профессиональной самореализации сотрудников правоохранительных органов.

В эмпирическом исследовании были использованы следующие методики: тест по оценке уровня самоактуализации личности (САМОАЛ); многофакторный личностный опросник Р. Кеттелла.; опросник волевого самоконтроля (ВСК); диагностика профессионального выгорания (К. Маслач и С. Джексон, в адаптации Н. Е. Водопьяновой); опросник для оценки уровня притязаний личности В. Гербачевского; методика изучения ценностных ориентаций М. Рокича; интегральная удовлетворенность трудом А. В. Батаршева.

Обратимся к описанию результатов исследования профессиональной самореализации сотрудников правоохранительных органов.

В ходе диагностики с использованием теста по оценке уровня самореализации личности в выборке сотрудников правоохранительных органов исследования было определено, что у участников исследования диагностируется достаточно высокий уровень выраженности показателя по шкале «ценность» (12,33), шкале «контактность» (12,25), а также показателю ориентации во времени (11,75). Наименьший уровень выраженности имеют показатели по шкалам «автономность» (6,50), «спонтанность» (8,00), а также шкалам «взгляды на природу человека» (8,58) и «гибкость в общении».

Можно говорить о том, что для большинства сотрудников правоохранительных органов характерным является ориентация на ценности самоактуализирующейся личности, таким, как целям добра, красоты, целостности, жизненности.

Также можно говорить о том, что они способны наслаждаться актуальным моментом жизни, а также в целом имеют достаточно выраженную ориентацию на взаимодействие с другими людьми. Также можно говорить о том, что в выборке сотрудников правоохранительных органов выступает сравнительно низкий уровень свободы и независимости, уверенности и доверия к себе и окружающей действительности, а также они склонны в отдельных ситуациях давать негативную оценку природе человека.

Таким образом, можно говорить о том, что для сотрудников правоохранительных органов характерен высокий уровень контактности, ориентации на ценности самоактуализации личности, достаточный уровень ориентации во времени, а также сниженная тенденция к автономности, спонтанности, а также взглядов на природу человека.

Обратимся к описанию результатов диагностики с использованием многофакторного личностного опросника Р. Кеттелла.

Проведенное эмпирическое исследование позволяет говорить о том, что существуют специфические особенности проявления личностных особенностей и характеристик. Сотрудники правоохранительных органов характеризуются достаточно высоким уровнем нормативности поведения (10,50), высоким самоконтролем поведения (10,22), показателями доминантности (10,08), а также напряженности (9,38).

Низкие значения диагностируются по показателю проявления экспрессивности (5,42), то есть можно говорить о сотрудниках правоохранительных органов как достаточно сдержанных людях, также можно говорить о преобладании средних значений показателей замкнутости и общительности.

Таким образом, характеризуя личность сотрудников правоохранительных органов можно говорить о том, что для них характерным является высокий уровень самоконтроля, сдержанность, высокий уровень нормативности поведения, стремление к доминантности. Помимо этого, можно говорить о высоком уровне интеллекта, а также выраженных тенденциях к проявлению подозрительности, мечтательности и дипломатичности.

Обратимся к описанию результатов диагностики особенностей волевого самоконтроля у сотрудников правоохранительных органов.

Полученные в ходе диагностики данные позволяют говорить о преимущественно среднем уровне проявления настойчивости (8,22) и самообладания (7,65). Сотрудники правоохранительных органов имеют достаточно высокий уровень сформированности волевого самоконтроля (18,57). Можно говорить о том, что в большинстве ситуаций сотрудники правоохранительных органов характеризуются достаточно выраженным самообладанием как способностью сохранять контроль над собственными эмоциональными реакциями, а также поведением в целом.

Определено, что для сотрудников правоохранительных органов характерным является достаточно высокий уровень самообладания и волевого самоконтроля, а также преимущественно умеренный уровень настойчивости. Можно заключить, что сотрудники в целом характеризуются высоким уровнем контроля собственного поведения, тогда как в отдельных ситуациях склонны к проявлению недостаточной настойчивости.

Полученные в ходе исследования данные психологического выгорания сотрудников правоохранительных

органов по методике К. Маслач, позволяют говорить о том, что большинство сотрудников имеют нормальный уровень выраженности симптомов эмоционального истощения (83,3 %). Можно говорить о том, что испытуемые не характеризуются наличием тенденций к проявлению снижения эмоционального тонуса, истощаемости, снижения уровня проявления положительных чувств и эмоций относительно других людей и профессиональной деятельности в большинстве ситуаций. Низкий уровень выраженности показателей эмоционального истощения диагностируется у 16,7 % испытуемых.

Средние значения деперсонализации диагностируются у 75 % испытуемых. Можно говорить о том, что большинство сотрудников правоохранительных органов не характеризуются проявлением эмоционального отстранения и безразличия, а также проявлением формализма к осуществлению профессиональной деятельности. Низкий уровень выраженности данного показателя выявлен у 25 % испытуемых.

Показатели профессиональных достижений на среднем уровне диагностируются у 31,7 % испытуемых. Низкий уровень выраженности редукции персональных достижений диагностируется у 66,7 % сотрудников.

Полученные в ходе исследования данные позволяют говорить о том, что большинство сотрудников правоохранительных органов в целом удовлетворены своей деятельностью, они достаточно высоко оценивают свою профессиональную компетентность, имеют адекватный уровень профессиональной мотивации.

В ходе диагностики особенностей проявления притязаний личности сотрудников правоохранительных органов по методике В. Гербачевского было определено, что для сотрудников характерным является тенденции к проявлению внутренней мотивации, мотивации самоуважения, а также тенденции к положительной оценке уровня результативности собственной деятельности.

Кроме этого, для сотрудников правоохранительных органов характерно снижение показателей значимости результатов деятельности, познавательной мотивации, а также выделения уровня собственных усилий в рамках осуществления деятельности. Сотрудники имеют достаточно выраженную внутреннюю мотивацию осуществления трудовой деятельности. В профессиональной деятельности они ориентированы на положительную оценку собственной деятельности, имеют высокий уровень выраженности мотивации самоуважения.

Таким образом, можно говорить о том, что большинство сотрудников правоохранительных органов характеризуются выраженной мотивацией самоуважения, а также предполагают достаточно высокий уровень оцен-

ки результатов собственной деятельности. Также можно говорить о наличии тенденций к проявлению мотивации избегания, состязательности при преобладании внутренней мотивации труда.

Обратимся к описанию результатов исследования особенностей проявления ценностных ориентаций личности сотрудников правоохранительных органов с использованием методики М. Рокича.

В ходе исследования было выявлено, что наиболее значимыми для сотрудников правоохранительных органов являются ценности здоровья, любви, общественного призвания, счастливой семейной жизни, а также уверенности в себе. Наименьший ранг имеют такие терминальные ценности, как ценности жизненной мудрости, ценности счастья других, а также творческой деятельности. Меньший уровень выраженности имеют ценности интересной работы, красоты природы и искусства, наличия друзей, продуктивной жизни, развлечения, свободы, а также уверенности в себе.

Обратимся к описанию результатов исследования особенностей удовлетворенности трудом (методика А.В. Батаршева), как показателя профессиональной самореализации сотрудников правоохранительных органов.

В ходе исследования было выявлено, что сотрудники правоохранительных органов характеризуются наиболее высоким уровнем удовлетворенности взаимоотношениями с сотрудниками (6,80), достаточным уровнем профессиональной ответственности (5,80), а также взаимоотношениями с руководством (5,40). Наименьший уровень удовлетворенности диагностируются по показателям удовлетворенности достижениями в работе (1,80), а также показателем интереса в работе (2,94).

На основании результатов исследования можно говорить о том, что сотрудники правоохранительных органов в целом удовлетворены взаимоотношениями с коллегами и руководством, они характеризуются достаточно высоким уровнем проявления профессиональной ответственности и общей направленностью на профессиональную деятельность.

Далее выполнен расчет общего показателя удовлетворенности трудом сотрудников правоохранительных органов. Результаты исследования позволяют говорить о том, что большинство участников исследования (70 %) имеют достаточно высокий уровень удовлетворенности осуществлением трудовой деятельности в качестве сотрудников правоохранительных органов. Низкий уровень удовлетворенности трудовой деятельностью имеют 15 % участников исследования, тогда как средний уровень значений данного показателя диагно-

стируется у 15 % испытуемых.

Таким образом, на основании результатов исследования можно заключить, что большинство сотрудников правоохранительных органов характеризуются достаточно высоким уровнем удовлетворенности осуществления собственной трудовой деятельности. Можно заключить, что сотрудники в наибольшей степени удовлетворены взаимоотношениями с коллегами и руководством, они довольны уровнем профессиональной ответственности, а также в целом удовлетворены условиями и профессиональной самореализацией.

В качестве следующего этапа исследования выступает процедура корреляционного анализа с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена. На основании проведенного статистического анализа выявлены достоверные корреляции показателей психологических детерминант профессиональной самореализации сотрудников правоохранительной деятельности, в частности:

1. Существуют корреляции между показателем ориентации во времени как одного из аспектов профессиональной самореализации личности и показателями по шкале «замкнутость — общительность» ($r=0,27$), а также показателя ожидаемого результата профессиональной деятельности ($r=-0,48$). Можно заключить, что у лиц с высоким уровнем ориентации во времени вероятнее всего будет диагностироваться высокий уровень общительности, а также сравнительно низкий уровень выраженности направленности на результативность профессиональной деятельности.
2. Существуют корреляции между показателем ценности самоактуализирующейся личности и показателями оценки достигнутых результатов ($r=0,27$), а также ценности высоких запросов ($r=0,25$). Можно заключить, что у сотрудников правоохранительных органов с высоким уровнем выраженности направленности на ценности самоактуализирующейся личности будет диагностироваться низкий уровень оценки достигнутых результатов деятельности, а также низкий уровень значимости ценности высоких запросов.
3. Выявлены корреляции между показателем сформированности взглядов на природу человека и показателями эмоционального истощения ($r=0,28$), ценности творчества ($r=-0,28$), а также чуткости ($r=0,27$). Можно заключить, что у сотрудников правоохранительных органов со сформированными положительными взглядами на природу человека, вероятнее всего будет диагностироваться высокий уровень эмоционального истощения, низкий уровень значимости ценности чуткости, а также высокий уровень значимости творчества.
4. Существуют корреляции потребности в познании

как одного из аспектов профессиональной самореализации и показателей ценностей активной деятельности жизни ($r=0,31$), познания ($r=0,27$), а также счастья других ($r=0,27$). У сотрудников правоохранительных органов с высоким уровнем потребности в познании как одного из аспектов профессиональной самореализации вероятнее всего будут проявляться высокий уровень удовлетворенности взаимоотношений с руководством, а также низкий уровень значимости ценностей активной деятельности жизни, познания, а также счастья других.

5. Существует корреляция показателя креативности и показателя ценности ответственности ($r=-0,29$). Можно предположить, что у лиц с высоким уровнем креативности как одного из аспектов самореализации личности вероятнее всего будет отмечаться высокий уровень ответственности как ценности личности.
6. Существуют корреляции показателя автономности и показателей низкой нормативности поведения ($r=-0,28$), а также показателей настойчивости ($r=0,28$), самообладания ($r=0,26$), сложности задания ($r=-0,38$), показателей оценки собственного потенциала ($r=0,26$), а также ценностей любви ($r=-0,28$) и познания ($r=0,30$). Данные обстоятельства позволяют говорить о том, что у сотрудников правоохранительных органов, обладающих высоким уровнем автономности как одного из аспектов самореализации личности вероятнее всего будет диагностироваться низкий уровень нормативности поведения, высокий уровень самообладания и настойчивости, высокий уровень оценки собственного потенциала, низкий уровень ориентированности на сложность задания, а также имеющих высокий уровень значимости ценности любви.
7. Существуют корреляции между показателем спонтанности, а также ценностями жизненной мудрости ($r=0,32$), творчества ($r=0,26$), рационализма ($r=0,30$), а также показателя удовлетворенности условиями труда ($r=0,28$). Данные обстоятельства позволяют предположить, что лица активные и самостоятельные, вероятнее всего, будут иметь достаточно высокий уровень удовлетворенности условиями труда, а также сравнительно низкий уровень значимости ценностей жизненной мудрости, творчества, а также рационализма.
8. Выявлены корреляции показателя спонтанности как одного из аспектов самореализации сотрудников правоохранительных органов и показателей жизненной мудрости ($r=0,32$), творчества ($r=0,26$), рационализма ($r=0,30$), а также удовлетворенности условиями трудовой деятельности ($r=0,28$). Данные обстоятельства позволяют говорить о том, что у лиц с высоким уровнем выраженности

спонтанности личности будет диагностироваться высокий уровень удовлетворенности трудом, а также низкий уровень выраженности жизненной мудрости, творчества, а также рационализма.

9. Существуют корреляции показателя самопонимания как одного из аспектов профессиональной самореализации и показателей радикализма ($r=0,30$), а также конформизма ($r=-0,30$), показателей честности ($r=0,32$), а также показателя притязаний в профессиональной деятельности ($r=-0,36$). Данные обстоятельства позволяют говорить о том, что у лиц с высоким уровнем сформированности самопонимания будет диагностироваться высокий уровень радикализма, конформизма, а также низкий уровень притязаний в рамках профессиональной деятельности.
10. Выявлены корреляции между показателем ауто-симпатии и показателей сдержанности ($r=-0,38$), инициативности ($r=-0,28$), ценности честности ($r=-0,30$), а также показателей удовлетворенности взаимоотношениями с руководством ($r=-0,32$), уровня притязаний в профессиональной деятельности ($r=0,26$), удовлетворенности условиями труда ($r=0,29$), а также показателя предпочтения выполняемой работы высокому заработку ($r=-0,28$). Данные обстоятельства позволяют говорить о том, что у сотрудников правоохранительных органов с высоким уровнем ауто-симпатии будет диагностироваться сдержанность, сравнительно низкий уровень инициативности, достаточно высокий уровень притязаний в профессиональной деятельности и удовлетворенности условиями труда, а также низким уровнем удовлетворенности взаимоотношениями с руководством и предпочтений выполняемой работы выполняемому заработку.

11. Выявлены корреляции между показателем контактности как одного из аспектов профессиональной самореализации и показателей доминантности ($r=0,27$), мотивации избегания ($r=0,26$), ценностей активной деятельной жизни ($r=-0,29$), а также ценности материально обеспеченной жизни ($r=-0,30$). Можно говорить о том, что у сотрудников правоохранительных органов с высоким уровнем контактности, вероятнее всего, будет проявляться доминантность, мотивация избегания, а также высокий уровень значимости активной деятельной жизни, а также ценности материально обеспеченной жизни.

12. Существуют корреляции показателя гибкости в общении и показателей радикализма ($r=0,37$), оценки уровня достигнутых результатов ($r=-0,37$), ожидаемого уровня результатов ($r=0,31$), намеченного уровня мобилизации усилий ($r=0,31$), а также ценностей здоровья ($r=-0,50$), материально обеспеченной жизни ($r=0,30$), общественного призвания ($r=0,31$), а также ценности высоких запросов ($r=0,25$). Можно говорить о том, что у лиц с высоким уровнем гибкости в общении будет диагностироваться высокий уровень радикализма, низкий уровень значимости ценности материально обеспеченной жизни, общественного призвания, ценности высоких запросов, намеченного уровня мобилизации усилий и ожидаемого уровня результатов.

Таким образом, на основании результатов исследования можно говорить о том, что в качестве психологических детерминант профессиональной самореализации сотрудников правоохранительных органов выступает степень волевого самоконтроля, уровня притязаний, удовлетворенности трудом, а также общей удовлетворенности трудом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кудинов С.И. Полифункциональная модель исследования самореализации личности / С.И. Кудинов // Прикладные исследования психологии личности: сб. трудов. – Вып. 1. – Тольятти: Изд-во ТГУ, 2019. – 252 с.
2. Нежжина Л.Ю. Изучение взаимосвязи когнитивного стиля поведения с эффективностью профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел / Л.Ю. Нежжина, Н.С. Фонталова // Baikal Research Journal. - 2019. - Т. 10, № 3. - .
3. Поваренков Ю.П. Психологическое содержание профессионального становления человека / Ю.П. Поваренков. – Москва: Норма, 2012. – 160 с.
4. Ткачева М.Л. Социально-гуманитарное знание: особенности, взаимодействия, значение / М.Л. Ткачева // Известия Байкальского государственного университета. - 2018. - Т. 28, № 3. - С. 391-395.
5. Фонталова Н.С. Влияние неформальной структуры воинского коллектива на степень удовлетворенности трудом / Н.С. Фонталова // Психология в экономике и управлении. - 2017. - Т. 9, № 2. - С. 42-52.

© Кожевина Анна Павловна (apkozhevina@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЗАЩИТЫ ЛИЧНОСТИ ОТ ВОЗДЕЙСТВИЯ НЕДОСТОВЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Латынов Владислав Викторович

*К.псих.н., с.н.с., ФГБУН Институт психологии Российской академии наук (Москва)
vladlat5@lenta.ru*

PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF PROTECTION OF PERSONALITY FROM THE EXPOSURE OF MISINFORMATION

V. Latynov

Summary: The article analyzes the results of modern research on countering the dissemination of misinformation in the modern world and protecting an individual from its influence. The psychological mechanisms underlying the influence of such information on the consciousness of people are considered. The features of fake messages, contributing to their wide distribution, are highlighted. An assessment of the effectiveness of various strategies countering misinformation has been carried out. The factors that increase the effectiveness of the fight against misinformation are highlighted. Such factors include: the characteristics of the source of misinformation and the subject from which the refutation came, the structure of the refuting message, the topic it touches, the frequency of repetition of misinformation and the time elapsed between its appearance and refutation, the degree and direction of the cognitive activity of the recipient, his attitudes and beliefs.

Keywords: misinformation, fakes, conspiracy theories, refutation strategies, «mental model», cognitive activity.

Аннотация: В статье проанализированы результаты современных исследований, касающихся противодействия распространению недостоверной (фейковой) информации в современном мире и защите личности от ее воздействия. Рассмотрены психологические механизмы, лежащие в основе влияния такой информации на сознание людей. Выделены особенности фейковых сообщений, способствующие их широкому распространению. Проведена оценка эффективности различных стратегий противодействия. Выявлены факторы, повышающие эффективность борьбы с недостоверной информацией. К такого рода факторам относятся: особенности источника недостоверной информации и субъекта, от которого исходило опровержение, структура опровергающего сообщения, затрагиваемая им тема, частота повторения недостоверной информации и время, прошедшее между ее появлением и опровержением, степень и направление когнитивной активности реципиента, его установки и убеждения.

Ключевые слова: недостоверная информация, фейки, конспирологические теории, стратегии опровержения, «ментальная модель», когнитивная активность.

Развитие новых информационных технологий значительно облегчило распространение недостоверной информации и привело к внедрению в сознание многих людей несоответствующих реальности теорий и фактов, провоцирующих их на совершение дезадаптивных, наносящих вред себе и окружающим поступков. Степень распространения такого рода фактов и теорий в современном обществе приобретает угрожающие масштабы. Так, по данным опросов, половина жителей США являются сторонниками по крайней мере одной конспирологической теории [15].

Негативные последствия распространения недостоверной информации (как отдельных фактов, так и целых теорий, в частности, конспирологических) отмечаются в многих сферах общества. Фейковая информация способна влиять на имидж фирм, снижать авторитет политиков, приводить к негативным эффектам в области здравоохранения (отказ от вакцинации и использование неэффективных способов лечения) [11].

Наличие указанных негативных эффектов делает актуальной проблему борьбы с недостоверной информацией. Ее решение невозможно без понимания того,

каковы причины появления и закономерности распространения такого рода информации; какие стратегии опровержения следует использовать в борьбе с ее распространением; при каких условиях эти стратегии оказываются наиболее эффективными. В последние годы проведено значительное количество психологических исследований, авторы которых постарались ответить на вышеуказанные вопросы. Мы в данной статье постараемся проанализировать и обобщить результаты этих исследований, последовательно останавливаясь на таких темах как механизмы появления ложных представлений о мире, закономерности распространения и способы борьбы с недостоверной информацией.

Прежде чем начинать борьбу с несоответствующими реальности фактами и теориями необходимо понять, почему они признаются истинными и встраиваются в картину мира человека. Исследования показали, что на склонность людей верить недостоверной информации влияют их личностные особенности. Так, признание людьми в качестве истинных различных конспирологических теорий сочеталось с наличием у них таких личностных черт как открытость опыту, враждебность и подозрительность по отношению к окружающим, тре-

возможность и неуверенность [10; 16].

Установлено, что не существует одного единственного личностного основания предрасположенности к недостоверной информации. Обнаружено несколько констелляций личностных особенностей, связанных с принятием человеком несоответствующих реальности представлений [8]. Оказалось, что в зависимости от возраста, пола и конкретного вида конспирологической теории склонность к ним определяется различными чертами личности. Так, у более молодых людей склонность к таким теориям чаще связана с открытостью опыту, а в более позднем возрасте основным драйвером интереса к ним становятся враждебность и подозрительность. Кроме того, установлено, что для той или иной группы конспирологических теорий существует свой набор психологических предпосылок [15].

Помимо личностных характеристик на веру в несоответствующие реальности теории влияют социально-политические и религиозные убеждения людей. Склонность к конспирологическим теориям оказалась связана с аномией, политическим радикализмом, авторитаризмом, религиозностью [12; 19; 21].

Свой вклад в принятие недостоверной информации вносят и когнитивные механизмы функционирования психики. Чаще всего для их описания используется понятие «ментальных моделей» [3]. Как свидетельствуют исследования, человек не просто сохраняет поступающую к нему информацию об окружающем мире в виде набора разрозненных фактов, но строит на ее основе целостную и относительно непротиворечивую картину реальности [7]. Новая информация интегрируется в уже имеющийся у него образ мира, дополняя или уточняя его. Даже если такая информация потом признается недостоверной, ее «удаление» из картины мира оказывается непростой задачей. Простого указания на то, что тот или иной факт не соответствует реальности, как правило, бывает недостаточно, чтобы человек изменил свою ментальную модель. Для ее коррекции требуются как новые факты, так и обоснование необходимости исключения недостоверной информации из модели и замены ее на достоверную.

Для борьбы с несоответствующими реальности представлениями необходимо не только понимать психологические основания их принятия человеком, но также иметь представление о закономерностях их распространения в социуме. Как правило, обнаруживаются ощутимые различия в скорости и масштабах распространения достоверной и недостоверной информации [11]. Так, анализ 126 000 новостей, размещенных в Твиттере в период с 2006 по 2017 гг., показал, что по сравнению с сообщениями, содержащие проверенные факты, фейки распространялись быстрее и охватывали более широ-

кий круг пользователей [22]. Эти закономерности были особенно выражены в случае политических новостей, однако они выполнялись и в отношении таких тем как наука, финансы, природные катастрофы, терроризм. Кроме того, оказалось, что вопреки традиционному мнению о том, что так называемые «боты» выступают основными «разносчиками» фейковых новостей, различий между ними и реальными пользователями не было.

Подобная активность сетевого проникновения поддерживающих недостоверную информацию сообщений связана как с их характеристиками, так и с особенностями восприятия этих сообщений пользователями [11; 18]. Проведенный С. Восочи с соавт. анализ показал, что оценки новизны и оригинальности фейковых сообщений были выше, чем у сообщений, содержащих достоверную информацию [22]. А поскольку люди, как правило, более склонны распространять новую и оригинальную информацию [1], то неудивительным выглядит широкое распространение именно фейков. Кроме того, такие сообщения вызывали специфические эмоциональные реакции: удивление, страх и отвращение (для сообщений с достоверной информацией наиболее характерными были печаль и радость).

На распространение фейковой информации влияют также социально-демографические и индивидуально-психологические характеристики людей [2; 17]. Например, высокий уровень догматизма и низкая степень развития аналитических способностей благоприятствуют распространению такой информации [2].

Поскольку, как мы уже отмечали, интерес к недостоверной информации во многом «подпитывается» индивидуально-психологическими особенностями людей, то задача коррекции несоответствующих реальности представлений людей выглядит довольно непростой. И, действительно, даже в лабораторных условиях не всегда удается добиться желаемого эффекта. Нередко попытки изменения недостоверных представлений заканчиваются неудачей, а в отдельных случаях бывает и так, что сообщения, направленные на опровержение этих представлений, даже повышают уверенность людей в их истинности [14].

Однако, если оценить весь массив проведенных исследований, то сдержанный оптимизм в отношении перспектив борьбы с недостоверной информацией все-таки появляется. Результаты нескольких мета-анализов, затрагивающих данную проблему, показали, что при помощи специальных приемов можно весьма успешно ей противодействовать и корректировать представления людей в направлении их большей адекватности [5; 23].

Почему же, несмотря на позитивные результаты мета-анализов, мы все-таки говорим о сдержанном опти-

мизме в отношении перспектив борьбы с недостоверной информацией. Дело в том, что исследования по ее опровержению бывают двух типов. В одних опровергается недостоверная информация в условиях придуманной, искусственно созданной ситуации («случившийся пожар был вызван наличием на складе взрывоопасных веществ, однако впоследствии оказалось, что причина пожара была иной»). В других же исследованиях используются реально существующие фейки (например, о серьезных негативных последствиях вакцинации). Так вот, при сравнении эффективности борьбы с недостоверной информацией в двух вышеуказанных типах ситуаций обнаруживаются существенные различия: искусственно сконструированная информация опровергается гораздо более успешно, чем реально существующий фейк [23]. Таким образом, борьба с распространением несоответствующих реальности представлений в реальной жизни оказывается весьма непростой задачей, нередко заканчивающейся неудачей.

Хотя результаты современных исследований и указывают на эффективность мероприятий по опровержению недостоверной информации, однако полностью нивелировать ее негативный эффект удается довольно редко. Так, мета-анализ результатов 32 исследований с общим числом участников в 6527 человек показал, что хотя опровержение и имело определенный эффект, делая представления людей более адекватными, однако их изначального уровня достоверности достичь все-таки не удавалось [24]. Т.о. даже несмотря на получение опровержения «след» от воздействия фейковой информации, проявляющийся в снижении достоверности представлений людей, все-таки оставался.

Проведенные исследования помимо ответа на вопрос об успешности борьбы с фейками позволили получить важные данные о том, при каких условиях она оказывается наиболее эффективной. Как оказалось, на ее эффективность влияли самые разные факторы: вид стратегии опровержения, особенности источника недостоверной информации и субъекта, от которого исходило опровержение, структура опровергающего сообщения, затрагиваемая им тема, частота повторения недостоверной информации и время, прошедшее между ее появлением и опровержением, степень и направление когнитивной активности реципиента, его аттитюды и убеждения [5; 23; 24].

Рассмотрим последовательно, каким именно образом вышеуказанные факторы влияли на эффективность опровержения. Одним из значимых в данном отношении факторов является вид стратегии, используемой для коррекции недостоверной информации [23]. Как правило, люди, оценивая истинность поступившей к ним информации, пытаются ответить для себя на следующие вопросы: Соответствует ли новая информация их пред-

ставлениям? Нет ли в содержащем ее сообщении внутренних противоречий? Следует ли доверять источнику, от которого пришло сообщение? Считают ли другие люди эту информацию достоверной? [13].

С опорой на вышеуказанные данные об основных направлениях проверки личностью достоверности были разработаны стратегии борьбы с фейковой информацией. Наиболее часто используются такие из них, как консенсус (указание на единодушие специалистов по вопросу, истинность которого ставится под сомнением вновь появившимся фейком), взаимосвязанность (объяснение того, как и почему появился конкретный фейк), апелляция к кредитности источника (указание на то, что пользующиеся доверием и компетентные лица или организации считают фейковое сообщение ложным), факт-чекинг (ссылка на специальные сайты, содержащие оценки достоверности различных фактов, появляющихся в СМИ и социальных сетях), предупреждение (подчеркивание того, что следует с осторожностью воспринимать информацию, получаемую в социальных сетях). Проведенные исследования показали, что наиболее эффективными стратегиями опровержения являлись взаимосвязанность, факт-чекинг и апелляция к кредитности источника [23].

Коррекция недостоверной информации будет более успешной в том случае, когда опровержение поступает из того же источника, что и она сама [24]. Кроме того, значимым является и уровень доверия к источнику недостоверной информации. Если этот уровень высок, то такую информацию довольно трудно опровергнуть.

Важную роль в успехе опровержения играет структура «опровергающего» сообщения [4]. Оно должно включать не только указание на то, что некоторая информация является ложной, но и аргументы в поддержку правильной точки зрения. Только при наличии таких аргументов опровержение оказывается успешным.

Эффективность опровержения недостоверной информации различается в зависимости от того, какая тема затрагивается [23]. Наиболее успешно бороться с подобной информацией удавалось в том случае, когда она касалась медицины. Если же фейки затрагивали вопросы политики или маркетинга, то их опровержение было менее успешным. Такого рода результаты, по-видимому, обусловлены различиями в субъективной значимости темы для человека и характере взаимосвязи недостоверного представления с другими психологическими образованиями личности.

Частоту повторения недостоверной информации и время, прошедшее между ее появлением и опровержением, также следует принимать в расчет при коррекции несоответствующих реальности представлений. Чем

больше это время и чем чаще недостоверная информация повторялась, тем слабее оказывается действие опровержения [6].

Важную роль при опровержении недостоверной информации играет направление когнитивной активности человека — получателя «опровергающего» сообщения [5]. Наибольшая эффективность опровержения достигалась в тех случаях, когда при помощи специальных приемов (например, наводящих вопросов) удавалось побудить человека «хорошенько задуматься» о приводимых ему доказательствах ложности некоторого представления. Если же подобной активности не было (или она была направлена на ложную точку зрения и подтверждающие ее факты), то эффективность опровержения существенно снижалась.

Таким образом, успешное опровержение должно как побуждать человека к обдумыванию сообщаемых ему аргументов в поддержку верного представления, так и препятствовать рассуждениям, затрагивающих основания ложного. Дело в том, что в процессе углубленной когнитивной обработки проходит интеграция новой информации в структуру представлений человека о мире, формируется новая ментальная модель (или корректируется уже существующая), касающейся определенного аспекта реальности [9]. Если же когнитивная активность при получении сообщения с опровержением отсутствует, то, скорее всего, старая, основанная на недостоверной информации модель продолжит свое существование.

Установлено, что значимое влияние на эффективность опровержения недостоверной информации оказывают установки и представления человека — реципиента такой информации. Хотя на первый взгляд кажется, что опровержение направлено на коррекцию частного и обособленного представления о мире, однако реагиру-

ет на него целостная личность.

Как известно, уже существующие у человека установки и убеждения во многом определяют его когнитивную активность при взаимодействии с окружающим миром. В частности, речь идет о склонности к подтверждению своей точки зрения или предвзятости (confirmation bias) — тенденции человека отдавать предпочтение такой информации, которая согласуется с уже сформировавшейся у него позицией [20]. Предвзятость приводит к поляризации суждений и появлению групп людей, для которых характерно доминирование одной точки зрения и закрытость по отношению к противоречащим ей фактам и мнениям.

Ощутимое влияние на эффективность опровержения недостоверной информации оказывают установки и убеждения, связанные с ее темой. Например, при опровержении фейков, касающихся политики, значимую роль играют политические взгляды (политическая идеология) человека [23].

Проведенные исследования показали, что несмотря на наличие многообразных психологических механизмов, усиливающих интерес человека к недостоверной информации, посредством различных стратегий опровержения можно успешно защищать личность от ее воздействия. К факторам, повышающим эффективность противодействия такой информации относятся: вид стратегии опровержения, особенности источника недостоверной информации и субъекта, от которого исходило опровержение, структура опровергающего сообщения, затрагиваемая им тема, частота повторения недостоверной информации и время, прошедшее между ее появлением и опровержением, степень и направление когнитивной активности реципиента, его установки и убеждения.

ЛИТЕРАТУРА

- Berger, J., Milkman, K. What makes online content viral? // *Journal of Marketing*. 2012. V. 49. P. 192–205.
- Bronstein, M., Pennycook, G., Bear, A., Rand, D.G., Cannon, T. Belief in fake news is associated with delusionality, dogmatism, religious fundamentalism, and reduced analytic thinking // *Journal of Applied Research in Memory and Cognition*. 2018. V. 8. P. 108–117.
- Busselle, R. Schema theory and mental models // Rossler, P. (Ed.), *The international encyclopedia of media effects*. Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell. 2017. P. 1753–1760.
- Cappella, J. N., Maloney, E., Ophir, Y., Brennan, E. Interventions to correct misinformation about tobacco products // *Tobacco Regulatory Science*. 2015. V. 1. P. 186–197.
- Chan, M.P.S., Jones, C.R., Hall Jamieson, K., Albarracín, D. Debunking: A meta-analysis of the psychological efficacy of messages countering misinformation // *Psychological Science*. 2017. V. 28. P. 1531–1546.
- Ecker, U.K., Lewandowsky, S., Cheung, C.S., Maybery, M.T. He did it! She did it! No, she did not! Multiple causal explanations and the continued influence of misinformation // *Journal of Memory and Language*. 2015. V. 85. P. 101–115.
- Ecker, U.K., Lewandowsky, S., Swire, B., Chang, D. Correcting false information in memory: Manipulating the strength of misinformation encoding and its retraction // *Psychonomic Bulletin & Review*. 2011. V. 18. P. 570–578.

8. Goreis, A., Voracek, M. A systematic review and meta-analysis of psychological research on conspiracy beliefs: Field characteristics, measurement instruments, and associations with personality traits // *Frontiers in psychology*. 2019. V. 10. 205. URL: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.00205> (дата обращения: 30.10.2020).
9. Hart, W., Albarracín, D., Eagly, A.H., Brechan, I., Lindberg, M.J., Merrill, L. Feeling validated versus being correct: A meta-analysis of selective exposure to information // *Psychological Bulletin*. 2009. V. 135. P. 555–588.
10. Hollander, B.A. Partisanship, individual differences, and news media exposure as predictors of conspiracy beliefs // *Journalism and Mass Communication Quarterly*. 2017. V. 95. P. 691–713.
11. Kumar, S., Shah, N. False information on web and social media: a survey // *arXiv preprint arXiv: 1804.08559*. 2018. URL: <https://arxiv.org/pdf/1804.08559.pdf> (дата обращения: 30.10.2020).
12. Lahrach, Y., Furnham, A. Are modern health worries associated with medical conspiracy theories? // *Journal of Psychosomatic Research*. 2017. V. 99. P. 89–94.
13. Lewandowsky, S., Ecker, U.K. H., Seifert, C.M., Schwarz, N., Cook, J. Misinformation and its correction: Continued influence and successful debiasing // *Psychological Science in the Public Interest*. 2012. V. 13. P.106–131.
14. Nyhan, B., Reifler, J. When corrections fail: The persistence of political misperceptions // *Political Behavior*. 2010. V. 32. P. 303–330.
15. Oliver, J.E., Wood, T.J.. Conspiracy Theories and the Paranoid Style(s) of Mass Opinion // *American Journal of Political Science*. 2014. V. 58. P. 952–966.
16. Orosz, G., Krekó, P., Paskuj, B., Tóth-Király, I., Bothe, B., Roland-Lévy, C. Changing conspiracy beliefs through rationality and ridiculing // *Frontiers in psychology*. 2016. V. 7. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/82849353.pdf> (дата обращения: 30.10.2020).
17. Pennycook, G., Rand, D.G. Who falls for fake news? The roles of bullshit receptivity, overclaiming, familiarity, and analytic thinking // *Journal of Personality*. 2020. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/jopy.12476> (дата обращения: 30.10.2020).
18. Pérez-Rosas, V., Kleinberg, B., Lefevre, A., Mihalcea, R. Automatic detection of fake news // *ArXiv*. 2017. Preprint arXiv:1708.07104. URL: <https://arxiv.org/pdf/1708.07104.pdf> (дата обращения: 30.10.2020).
19. Richey, S. A Birther and a truther: the influence of the authoritarian personality on conspiracy beliefs // *Politics and Policy*. 2017. V. 45. P. 465–485.
20. Sude, D.J., Knobloch-Westerwick, S., Robinson, M.J., Westerwick, A. "Pick and choose" opinion climate: How browsing of political messages shapes public opinion perceptions and attitudes // *Communication Monographs*, 2019. V. 86. N 4. P. 1–22.
21. Uenal, F. The "Secret Islamization" of Europe: exploring integrated threat theory for predicting Islamophobic conspiracy stereotypes // *International Journal of Conflict and Violence*. 2016. V. 10. P. 93–108.
22. Vosoughi, S., Roy, D., Aral, S. The spread of true and false news online // *Science*. 2018. V. 359. P. 1146–1151.
23. Walter, N., Murphy, S.T. How to unring the bell: A meta-analytic approach to correction of misinformation // *Communication Monographs*. 2018. V. 85. P. 423–441.
24. Walter, N., Tukachinsky, R. A meta-analytic examination of the continued influence of misinformation in the face of correction: How powerful is it, why does it happen, and how to stop it? // *Communication Research*. 2019. URL: <https://doi.org/10.1177/0093650219854600> (дата обращения: 30.10.2020).

© Латынов Владислав Викторович (vladlat5@lenta.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Институт психологии Российской академии наук

ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЯХ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

GENDER DIFFERENCES IN THE INDIVIDUAL VALUES OF RUSSIAN YOUTH

*P. Magomedov
G. Chanakaev*

Summary: The article presents the results of an empirical study of gender differences in individual values of Russian youth, obtained on an extensive sample of subjects represented by youth from three Russian regions. Differences in the individual values of boys and girls have been revealed, which indicate a more pronounced social orientation of girls in comparison with boys.

Keywords: individual values, gender differences, socially oriented values, individualistically oriented values.

Магомедов Пахрудин Шабанович

*к.псх.н., доцент, Дагестанский государственный университет, филиал в г. Кизляре
pakhru@mail.ru*

Чанакоев Герай Магомедзагидович

*Соискатель, Дагестанский государственный педагогический университет
insait6@yandex.ru*

Аннотация: В статье представлены результаты эмпирического исследования гендерных различий в индивидуальных ценностях российской молодежи, полученные на обширной выборке испытуемых, представленной молодежью трех российских регионов. Выявлены различия в индивидуальных ценностях юношей и девушек, которые свидетельствуют о более выраженной социальной ориентированности девушек по сравнению с юношами.

Ключевые слова: индивидуальные ценности, гендерные различия, социально ориентированные ценности, индивидуалистически ориентированные ценности.

В российской психологии гендерные исследования активно стали проводиться относительно недавно [1]. Между тем проблемы социокультурной обусловленности индивидуальных различий между представителями мужского и женского пола в зарубежной психологии исследовались давно, особенно широко во второй половине XX века [2], что было связано с зарождением и развитием на Западе феминистского движения. В России интерес к подобным исследованиям продолжает расти, вероятно, вследствие актуализации проблемы гендерного неравенства в нашей стране. При этом социокультурная неоднородность, характерная для России, только повышает значимость изучения данной проблемы.

Хотя психологических различий между мужчинами и женщинами, установленных достаточно надежно, немного, в социальном поведении, как оказалось, они различаются существенно [3]. В частности обнаружено, что мужчины более агрессивны и доминантны, а женщины дружелюбны и контактны; мужчины проявляют большее стремление к независимости, тогда как женщины склонны к взаимозависимости, что в условиях авторитарных традиций в семье и обществе часто превращается в зависимость. Кроме того, мужчины более самоуверенны, стремятся контролировать окружающий мир, женщины же в этом отношении более консервативны, склонны поддерживать сложившиеся способы взаимодействия с окружающими [Там же].

Как известно, социобиологическая модель объясня-

ет половую дифференциацию в социальных ролях анатомо-физиологическими различиями между мужским и женским полами. Исходя из этого, возникновение психологических различий между ними считается неизбежным, а культуре приписывается лишь роль посредника в их осмыслении и своеобразном проявлении.

Социокультурная парадигма, исходная для нас, объясняет указанные различия влиянием условий социализации, культурной среды, которые предписывают мужские и женские роли при их освоении детьми, т.е. считает, что социокультурные факторы определяют обучение традиционно принятым ролям женщин и мужчин, что и приводит к возникновению психологических различий между ними. Усвоенные в процессе социализации ценности и культурные нормы находят свою репрезентацию в индивидуальных ценностях, определяющих мотивацию и поведение личности. Исходя из этого, мы предполагали, что система ценностей юношей и девушек будет отличаться: для первых более значимыми по сравнению с девушками являются индивидуально ориентированные ценности, а девушки более привержены консервативным ценностям.

Данное эмпирическое исследование проходило в 2017 году. Выборка исследования включала в себя 296 юношей 260 девушек в возрасте от 15 до 23 лет, из них 96 человек представляли старшеклассников и студентов г. Санкт-Петербурга, 143 – г. Грозного, 317 – г. Махачкалы, всего 556 человек.

Эмпирические данные были получены с применением методики Ш. Шварца для изучения ценностей личности, часть II: Профиль личности [4].

В своей концепции Ш. Шварц и В. Билски рассматривают индивидуальные ценности как мотивационные цели, руководящие принципы жизни, как некие (часто неосознаваемые) критерии выбора и оценки своих поступков, оценки других людей и событий [5]. В теоретической модели Ш. Шварца выделено 10 типов ценностей, каждый из которых включает в себя ряд близких друг другу мотивационных целей. 10 типов ценностей объединены в группы «ценностей высшего порядка», которые образуют две биполярные оси измерения. На первой оси измерения расположены *открытость изменениям* (самостоятельность, стимуляция, гедонизм) – в противоположность *сохранению* (безопасность, конформность, традиция); на второй – *самоутверждение* (власть, достижения) – в противоположность *самопреодолению* (универсализм, доброта). Типы ценностей также разделены на две пары «метаценностей»: 1) ценности индивидуалистической ориентации – социальной ориентации; 2) ценности самозащиты – роста и развития.

Ниже приведены полученные эмпирические данные и результаты их первичной и статистической обработки.

В таблице 1 даны описательные статистики ценностей девушек и юношей.

На рисунках 1 и 2 представлены диаграммы рангов значимости ценностей для девушек и юношей. Сравнение иерархий ценностей, а также данные кластерного анализа ценностей показывают наличие существенных различий в иерархиях ценностей между юношами и девушками.

Как следует из данных на рисунках 1 и 2, у девушек иерархию ценностей возглавляет социально ориентированный ценностный тип *доброта* (доброжелательность), у юношей – *самостоятельность* – индивидуально ориентированный ценностный тип, который у девушек занимает второе место в иерархии. В целом, доминирующая тройка ценностей юношей и девушек одинакова по составу, но различается по иерархии, отражая большую индивидуалистическую ориентированность юношей.

Что касается ценностей среднего уровня, то *стимуляция* предпочтительнее для юношей по сравнению с девушками, более приверженными *гедонизму*, т.е. юноши активнее девушек. Ценностный тип *безопасность*, относящийся к консервативным ценностям, для девушек более значим по сравнению с *конформностью*. В иерархии ценностей юношей *конформность* вытесняет *безопасность* назад. Таким образом, эти данные под-

тверждают культурные представления о гендерных ролях. Вместе с тем для обеих групп отвергаемыми являются ценностные типы *власть* и *достижения*, связанные с самоутверждением, что свидетельствует о социальной пассивности молодежи в целом.

Ниже представлены результаты кластерного анализа ценностей по группам девушек и юношей. Как следует из анализа дендограмм на рисунках 3 и 4, структура кластеров ценностей девушек и юношей различается.

Результаты кластерного анализа ценностей девушек представлены в таблице 2 и на рисунке 3. Аналогичные данные для юношей содержатся в таблице 3 и на рисунке 4.

Сравнение кластеров ценностей на дендограммах (рисунки 3 и 4) показывает, что их структура существенно отличается друг от друга. Ценности девушек объединены в три кластера с вытеснением ценностного типа *власть*. Первый кластер включает в себя доминирующие ценности *доброта, универсализм и самостоятельность*, второй – ценности среднего уровня *конформность, безопасность и традиция*, третий кластер – менее значимые индивидуалистические ценности *стимуляция, гедонизм и достижения*.

Отметим, что ценности первого кластера девушек выражают большую открытость изменениям, по сравнению со вторым кластером, где объединены только консервативные ценности. Третий блок включает в себя как ценности открытости изменениям, так и ценности блока самоутверждения, которые являются отвергаемыми для молодежи.

У юношей структура кластеров несколько отличается от предыдущей, она не имеет четкого деления на три кластера (рисунок 4). При этом кластер консервативных ценностей (*конформность, безопасность и традиция*) у юношей и девушек полностью совпадает. Что касается первого кластера ценностей юношей, он состоит из четырех типов ценностей (по два из блока открытости изменениям и самопреодоления), в отличие от аналогичного кластера девушек, в котором преобладают ценности самопреодоления (рисунок 3). У юношей ценности, не вошедшие в первые два кластера (*достижения, гедонизм, власть*), последовательно по одному прилегают к агломерации двух вышеназванных кластеров ценностей.

Таким образом, иерархия ценностей юношей более противоречива по сравнению с таковой у девушек, при этом юноши более индивидуалистически ориентированы по сравнению с девушками. Последние отличаются большей социальной ориентированностью, ценности *доброта и безопасность* занимают более высокое место

Таблица 1.

Описательные статистики ценностей девушек и юношей

Типы ценностей по Ш. Шварцу	0-девушки 1-юноши	N	Среднее значение	Стандарт. отклонение
КОНФОРМНОСТЬ	0	260	2,2930	,89001
	1	296	2,3082	,82942
ТРАДИЦИЯ	0	260	2,3509	1,01261
	1	296	2,3742	,93513
ДОБРОТА	0	260	2,7700	,84966
	1	296	2,6526	,76610
УНИВЕРСАЛИЗМ	0	260	2,6929	,77038
	1	296	2,6582	,75537
САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ	0	260	2,7073	,77419
	1	296	2,7283	,70427
СТИМУЛЯЦИЯ	0	260	2,3857	,99634
	1	296	2,4442	,89740
ГЕДОНИЗМ	0	260	2,4625	1,19193
	1	296	2,4328	1,07412
ДОСТИЖЕНИЯ	0	260	2,2376	,99239
	1	296	2,2763	,88907
ВЛАСТЬ	0	260	1,1164	1,25022
	1	296	1,5529	1,05089
БЕЗОПАСНОСТЬ	0	260	2,3263	,81152
	1	296	2,2709	,87256

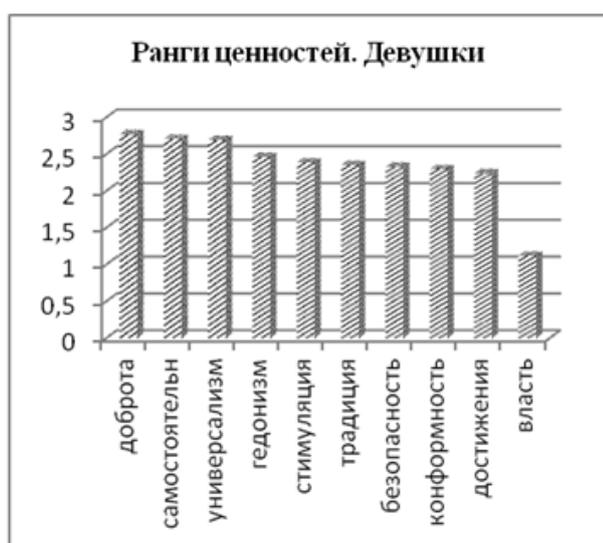

Рис. 1. Ранги ценностей девушек

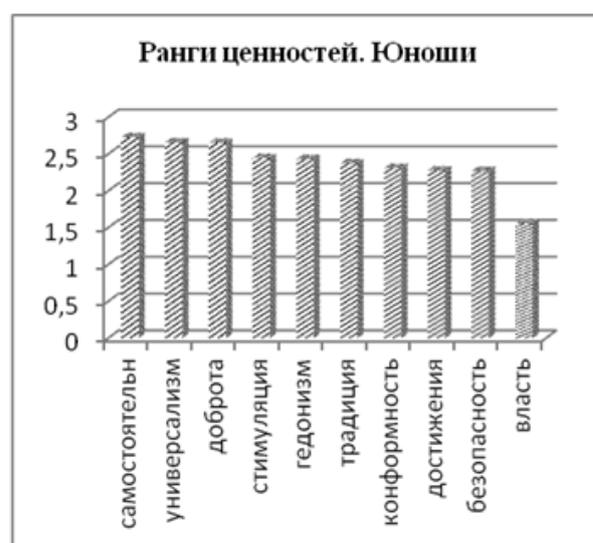

Рис. 2. Ранги ценностей юношей

Таблица 2.

Кластерный анализ ценностей девушек

Порядок агломерации (кластеров). Метод средней связи (между группами). Мера связи: квадрат расстояния Евклида						
Этап	Объединенный кластер		Коэффициенты	Этап первого появления кластера		Следующий этап
	Кластер 1	Кластер 2		Кластер 1	Кластер 2	
1	3	4	218,498	0	0	4
2	1	10	280,585	0	0	3
3	1	2	367,704	2	0	5
4	3	5	397,163	1	0	5
5	1	3	460,429	3	4	8
6	6	7	469,889	0	0	7
7	6	8	553,410	6	0	8
8	1	6	663,723	5	7	9
9	1	9	1470,471	8	0	0

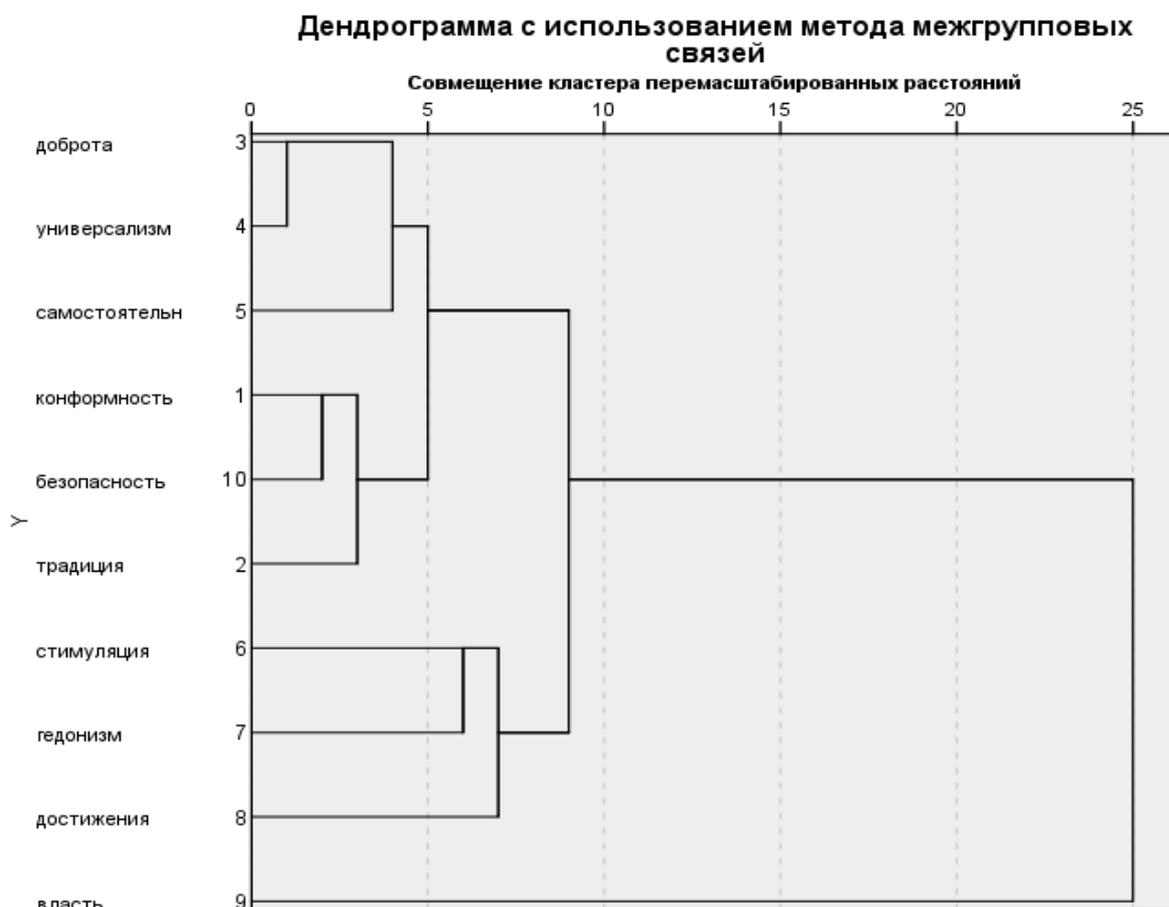

Рис. 3. Кластеры ценностей девушек

Таблица 3.

Кластерный анализ ценностей юношей

Порядок агломерации (кластеров). Метод средней связи (между группами). Мера связи: квадрат расстояния Евклида						
Этап	Объединенный кластер		Коэффициенты	Этап первого появления кластера		Следующий этап
	Кластер 1	Кластер 2		Кластер 1	Кластер 2	
1	13	14	121,677	0	0	3
2	11	20	145,030	0	0	4
3	13	15	161,472	1	0	5
4	11	12	170,403	2	0	6
5	13	16	207,964	3	0	6
6	11	13	228,595	4	5	7
7	11	18	246,712	6	0	8
8	11	17	339,942	7	0	9
9	11	19	503,878	8	0	0

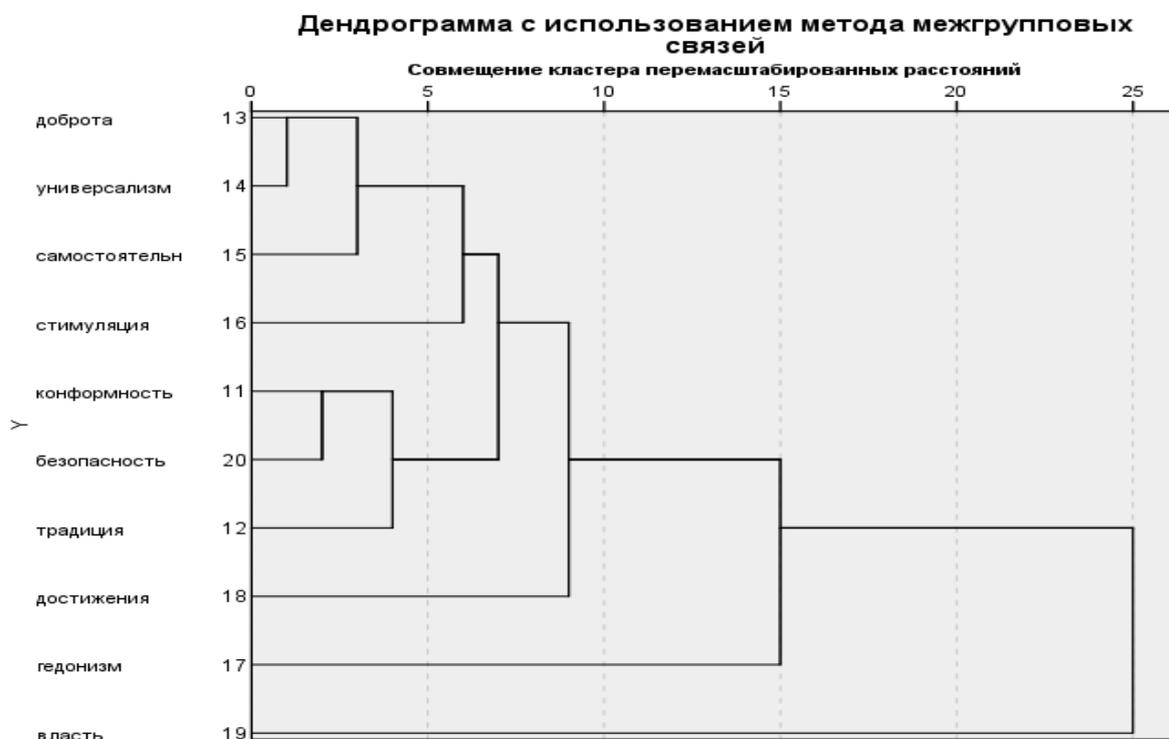

Рис. 4. Кластеры ценностей юношей

в иерархии их ценностей.

Так как этнокультурная неоднородность выборки нивелирует имеющиеся различия, в отличие от результатов данного исследования, проведенного на этнически смешанной выборке, вероятно, в рамках отдельных этнических групп гендерные различия будет выглядеть иначе. На это указывают данные, полученные на выборке дагестанской молодежи [6]. В этой связи представляется важным проанализировать гендерные различия в ценностях с учетом этнокультурного своеобразия разных групп молодежи.

Выводы

1. Иерархии ценностей юношей и девушек соответствуют культурным нормам, предписывающим большую социальную активность юношам в отли-

чие от девушек. Это проявляется в доминировании *самостоятельности* в иерархии ценностей юношей, тогда как для девушек наиболее значимый ценностный тип – *доброта* (доброжелательность).

2. Ценности самоутверждения в иерархии ценностей молодежи являются отвергаемыми, что указывает на недостаточную поддержку в российской культуре индивидуализма, а также на коллективистский характер культуры.
3. Консервативные ценности малозначимы для российской молодежи, вместе с тем юноши более открыты изменениям, а девушки более консервативны, что соответствует гендерным ролям и подтверждает социокультурную обусловленность различий в ценностях между юношами и девушками.

ЛИТЕРАТУРА

1. Клещина И.С. Развитие гендерных исследований в отечественной психологии: итоги и перспективы // Педагогика. Психология. Философия. 2017. №3 (07). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-gendernyh-issledovaniy-v-otechestvennoy-psihologii-itogi-i-perspektivy> (дата обращения: 05.10.2020).
2. Zosuls KM., Miller CF., Ruble DN., Martin CL., Fabes RA. Gender Development Research in Sex Roles: Historical Trends and Future Directions. *Sex Roles*. 2011. Jun; 64(11-12):826-842. doi: 10.1007/s11199-010-9902-3. PMID: 21747580; PMCID: PMC3131694.
3. Бэрн Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб., 1997; Bussey K, Bandura A. Social cognitive theory of gender development and differentiation. *Psychological Review*. 1999;106:676–713. doi: 10.1037/0033-295X.106.4.676; Fabes RA., Eisenberg N. Unpublished manuscript. Arizona State University; 1996. Age and gender differences in prosocial behavior: A metaanalytic examination.
4. Карандашев В.Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. – СПб.: Речь, 2004. – 70 с.
5. Schwartz S., Bilsky W. Toward a theory of the universal content and structure of values: Extensions and cross-cultural replications. Schwartz, Shalom H.; Bilsky, Wolfgang // *Journal of Personality and Social Psychology*, Vol 58(5), May 1990, 878-891. <http://dx.doi.org/10.1037/0022-3514.58.5.878>.
6. Магомедов П.Ш., Магомедова А.П., Шуруха Т.А. Гендерные различия в индивидуальных ценностях дагестанской молодежи // *Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Сер. «Психолого-педагогические науки»*. – Т.11. № 2, 2017. С. 15-21.

© Магомедов Пахрудин Шабанович (pakhru@mail.ru), Чанакаев Герай Магомедзагидович (insait6@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РЕФЛЕКСИЯ И ЗРЕЛОСТЬ ЛИЧНОСТИ

Мачуха Александр МихайловичСоискатель, Южный Федеральный Университет
aleksandrinfo@bk.ru**Васильева Ольга Семеновна**К.б.н., профессор, Южный Федеральный Университет
vos@sfnedu.ru

REFLECTION AND PERSONAL MATURITY

**A. Machukha
O. Vasilyeva**

Summary: The article presents the results of a research area of scientific interest and the purpose of which was to determine the place of reflection in the construct of mental and psychological health and maturity of the individual. Through in-depth analysis of research results presented in scientific research by both domestic and foreign scientists from different eras (Aristotle, J. Jaines, J. Lacan, J. Locke, V.A. Milovidov, Yu.A. Patsyukova, V.V. Savchuk and many others), revealed aspects of contextuality of reflection as a function that constructs consciousness, understanding the role of the social in the formation of reflection, the place and role of the Other in its formation, as well as certain qualitative characteristics of the specifics of reflection manifestations.

Keywords: reflection, personal maturity, psychological and mental health, consciousness, Super-Ego.

Аннотация: В статье представлены результаты исследования сферой научного интереса и целью которого стало определение места рефлексии в конструкте психического и психологического здоровья и зрелости личности. Посредством глубокого анализа результатов исследований, представленных в научных изысканиях как отечественных, так и зарубежных ученых – представителей разных эпох (Аристотель, Дж. Джейнс, Ж. Лакан, Дж. Локк, В.А. Миловидов, Ю.А. Пацюкова, В.В. Савчук и многих др.), были раскрыты аспекты контекстности рефлексии как конструирующей сознание функции, понимания роли социального в становлении рефлексии, места и роли Другого в её становлении, а также отдельные качественные характеристики специфики проявлений рефлексии.

Ключевые слова: рефлексия, зрелость личности, психологическое и психическое здоровье, сознание, Супер-Эго.

Введение

Будучи многомерным и одним из наиболее широких в своих проявлениях феноменов, рефлексия, так или иначе, с момента введения понятия в научный оборот, затрагивала и продолжает затрагивать умы множества ученых: в начале философов, затем психологов, а в настоящее время и представителей как смежных с этими направлениями человекознания, так и наук о мироустройстве. Здесь необходимо согласиться с тем пониманием, что иного, «внечеловеческого» мира для нас пока не известно, т.е. весь окружающий нас мир во- или о-человечен, таким образом, мы может быть и теоретически понимаем, как может, например, воспринимать свое «витальное пространство» фасеточным зрением стрекоза, но это понимание сугубо теоретическое, и «провести» такое понимание через наше собственное восприятие мира мы не сможем никогда. Мы создаем все новые и новые инструменты для познания мира, но и они являются «продолжением и «усилением» наших органов чувств, отражением степени развития нашего интеллекта, при этом весьма ограниченного предыдущими открытиями, и «перепрыгнуть» здесь мы не можем. Так, совершая гениальные открытия (например, законы механики и термодинамики), человечество еще долго проецирует их на совсем иные стороны своей жизни, произвольно вводя себя в заблуждения. При этом суть человеческой природы такова, что слишком революционные идеи могут в корне поколебать все устройство жизни человечества, и здесь уместен пример смены аподиктического понима-

ния Бога («Бог во всех его земных и небесных творениях и сущих тварях») на апофатическое («Бог есть не это, не это и не это»), и, вообще, «обезглавливание бога» (Ф. Ницше), но «если бог умер, то умер и человек». Однако при этом человечество, так или иначе, в своей рефлексии приходит к истинам, выступающим первоосновными и постулирующими. При всей неопределенности и многосмысленности понятия «сознание» очевидным является, однако, то, что сознание как специфическое «выделение» человека из всей остальной природы невозможно без феномена рефлексии. Однако если у нас есть сознание как психическая реальность, то у каждого из нас проявления сознания качественно различны, т.е. уже они во многом определяют характеристики нашей личности (также крайне широкого и слабо определенно-го явления). Но тогда и проявления рефлексии у каждого из нас различны, но если речь идет о психическом и психологическом здоровье, о здоровье и зрелости личности, то ведя о них речь, нельзя не вести разговор и об уровне или качественных характеристиках рефлексии. При этом насколько позволяет судить анализ источников, тема качественных проявлений рефлексии в связи со зрелостью личности фактически не рассматривается.

Теоретический анализ проблемы исследования

Введение термина «рефлексия» в научный оборот связывают с именем «марбургского Платона» – мыслителя и энциклопедиста Рудольфа Гоклениуса, впервые опубликовавшего статью с названием «Reflexio» в фило-

софском словаре, да и то упоминавшего рефлексию в качестве физического явления, буквально как «вращаться назад», или - «вращаться снова», а в переносном смысле – «уклоняться, воздерживаться, униматься» в противовес «incitari» - «устремляться». Позже этот термин употребляется в оптике у Иоганна Микраэлиуса (словарь 1653 г.) для описания отражения света (соотношение углов падения и отражения), и здесь в термине очевидно присутствие «флексии» как отражающей поверхности. Однако, как на это обращает внимание В.В. Савчук [11] (предыдущие материалы также представлены из его работы), для Античности как колыбели западной научной мысли самонаблюдение было, в целом, несвойственно и соотносилось скорее с болезнью, чем с нормальным процессом осмысления: только сам человек может решить, болен он или нет, и именно его больная нога или голова заставляют привлечь внимание человека к себе; так же и в иных проявлениях мысль, обращенная на себя, расценивалась как нечто ненормальное. И здесь достаточно вспомнить «Илиаду», хотя и являющуюся, как сейчас считают, плодом труда разных авторов, и, кроме того, написанную (дописываемую) в разное время, но и в ней мы не находим рассуждений матросов о собственных переживаниях или воспоминаниях, но всегда о паттернах действия, на основе чего, в частности, Дж. Джейнс приходит к теории «двухпалатного ума», согласно которому в традиционном мышлении правое полушарие «воспринимало знаки судьбы» или «веления богов» (как бы приходящие извне), а левое – их исполняло [2], и отсюда (из аутичного шизофренического мышления) полное следование фатуму у древних греков. Однако и Платон, и Аристотель обращают внимание на то, что «ум может мыслить сам себя», но речь здесь скорее идет о «мышлении о мышлении», и не столько о рефлексии как о комплексном явлении сознания. Сколь близкое понимание рефлексии в этом контексте не «трогает» умы западных философов, по крайней мере, до начала XVII в., хотя идея «собой созерцай себя» изначально присутствует уже в даосизме [11, с.42]. При этом Г.П. Щедровицкий [8, с.97] считает, что уже на рубеже XI-XII вв. рефлексия из «соотношения человека с внешним миром» (культура, мышление и деятельность) перешла в план «сознания, психики и души», т.е. формируется предположение, что человек обладает сознанием самого себя и своей деятельности, или, иначе, встает вопрос о рефлексии деятельности сознания, но сколь сформированное выражение этой идеи мы находим только в трудах Н. Кузанского, а уже емкое и оформленное ее выражение в классических работах И. Канта, И.Г. Фихте, Г. Гегеля, позже – Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, М.К. Мамардашвили, А. Камю и др.

Но сколь бы мы не рассуждали о «предощущениях» и «пред-рассуждениях» о рефлексии, первым это понятие как «способность сосредоточиться на содержании своих мыслей, абстрагироваться от внешнего, телесного» [15, с.178] ввел Р. Декарт, а развил идею о двух источниках знаний (объекты внешнего мира и деятельность нашего

ума) Дж. Локк [5], понимавший под рефлексией особое внутреннее чувство человека как способность преобразовать в мысль чувственные впечатления о мире с одной стороны, и процесс самоисследования человека посредством сознания с другой.

Не вдаваясь особо в глубину философского понимания рефлексии в трансцендентальной традиции (Р. Декарт, Дж. Локк, Л. Лейбниц, И. Кант, И.Г. Фихте, Г. Гегель, Э. Гуссерль и т.д.), где рефлексия непосредственно связывается с сознанием и считается явлением, надстоящим по отношению к чувственному восприятию мира и этим «воцарившей» идее рефлексии в философии, особое место рефлексии в психологии больше определило, на наш взгляд, развитие идеи рефлексии в герменевтико-экзистенциальной традиции (М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр, А. Камю, М. Бубур, М.М. Бахтин и др.), «вплетающей» рефлексии в коммуникативные акты, обусловленную ими и их же обуславливающую, определяющую взаимное понимание и переплетение оценок и самооценок участников взаимодействия [1].

И здесь в контексте нашего научного интереса определения места рефлексии в конструкте зрелости личности мы остановимся на некоторых общих моментах, а именно контекстности рефлексии как конструирующей сознание функции, на понимания роли социального в становлении рефлексии и на мести и роли Другого в становлении рефлексии, а также на отдельных качественных характеристиках специфики проявлений рефлексии, замеченных как рядом авторов, так и нами самими.

Чуть ли не центральными вопросами философии, а до нее теософии, выступает соотношение души и тела с одной стороны, и, с другой стороны вопроса наличия души у животных. И если по первому вопросу в научных спорах ломались копья многими маститыми авторами, перечисление имен которых займет страницы, то соотношение по второму вопросу легче всего свести к двум именам: Р. Декарт отказывал всем животным в наличии души (и трактовал поведение животных фактически механистично, как «живых автоматов»), в то время как его оппонент Г.В. Лейбниц приписывал ее наличие всем природным телам (даже традиционно считаемым неодушевленными), но здесь же Г.В. Лейбниц в корне отличал «животную душу» как неспособную думать о самой себе, от души человека, и в этом контексте слово «рефлексия» понимается Г.В. Лейбницем в контексте «отражения» как способности человека «думать о самих себе» или «осознавать себя», «знать о себе» [6, с.37].

Современный отечественный философ и лингвист В.П. Руднев считает необходимым разделять мир, окружающий человека, от его реальности, понимая в первую очередь под последней процесс динамического субъектного отражения тех явлений, которые, прежде всего, непосредственно связаны с внутренним миром челове-

ка, его смыслами, текущими целями и задачами, но также с его текущим настроением, самочувствием и т.д.: «<...> для каждого, кто идет по оживленной улице, эта улица будет разной, в зависимости от настроения, мироощущения и других субъективных факторов. Кто-то окажется на ней впервые и с интересом разглядывает здания и людей; другой живет на этой улице и вышел в соседний магазин за покупками – в таком случае он поздоровается с соседями и пойдет по известному ему направлению; третий спешит после тяжелого трудового дня и все вокруг кажется ему мрачным и раздражающим, и так далее. В этой картине реальности останется неизменным лишь название улицы, и в этом проявляется семиотический характер реальности» [13, с.165]. Таким образом, согласно В.П. Рудневу, наше восприятие реальности, во-первых, всегда субъектно (как минимум, эмоционально-пристрастно), во-вторых, знаково, т.е. преломлено через посредство знака (вербально обозначенного или написанного слова как означающего, числа как другого проявления знака, наконец, «значимого для нас», т.е. именно вписанного в канву лично значимого, т.е. соотношенного с нашими переживаниями, интимно-личностного). Но при всей «избыточности речи» в лучшем понимании явления (например, известно, что русский язык полисемантичен и способен отражать многие нюансы и оттенки), верно и лакановское «извечное скольжение по означающим» как причина постоянного человеческого невроза («отслоенности» означающих от означаемого, что нередко вызывает разночтение пониманий), но также верно и другое, высказанное одним из малоизвестных поэтов 80-х гг. XX в.: «<...> выразишь словом, смогут все украсть», где речь идет о подстройке сознания к означающему, что также ведет к искажению смысла. Иначе говоря, в ситуации с «эмоциональной» улицей В.П. Руднева непосредственно от улицы «остается» лишь ее название (знак или символ), а все остальное всегда несет на себе оттенок того или иного нашего переживания, что вызывает к нас вопросы.

Сделаем собственное отступление: наше говорение иногда оказывается гораздо меньше смысла проговариваемого. Так, выражение: «вампира можно убить только осиновым колом или серебряной пулей» восходит к записи Иуды Искариота к всенародному признанию Христа как пророка (влияние на людей, из которого, если следовать замыслу Иуды, можно получить выгоду, буквально «пить кровь») и к тому, что Иуда продал Христа за 30 тетрадрахм (серебряников, т.е. 30 монет *серебра*) и после – повесился на *осине*. В самом говорении «можно убить осиновым колом или серебряной пулей» сокрыто значение, слишком далекое от лица действия – вампира, и здесь семантический код отсылает нас к совершенно иному событию, не знакомому или не подразумеваемому нами в контексте повествования о вампире. Но знание истории Иуды и того, откуда возникла вообще идея возможности применимости средств для убийства вампира вводит нас в совершенно иное смысловое поле, изна-

чально никак не подразумеваемое. Иначе говоря, с нашей точки зрения именно смысловая нагрузка задает «тон» и семантическому полю явления, и связанных с ним так или иначе эмоционально обозначенных ассоциаций. И в этом контексте общее самоощущение жителей Малого Арбата или Монмартра будет, скорее всего, отличаться от самоощущения жителей улицы имени Яценко, хотя и эти переживания имеют под собой совершенно иную почву, нежели вопрос о «простуженной» улице. При этом можно согласиться с эмоциональным восприятием улицы с В.П. Рудневым в том аспекте, что оно отлично для человека, прожевавшего на ней в особняке, а затем посетившего ее в качестве бомжа, или посетившего ее ранее туристом и живущего на ней потом гастарбайтером, жившем на ней до войны и вернувшимся с нее в руины, но это, как говорится, другая история, и в ней место не столько рефлексии, сколько следов памяти.

И здесь мы также обращаем внимание на специфическую философскую систему В.П. Руднева, считающего, что и в восприятии внешнего решающее значение имеет наше внутреннее, откуда, в целом и следует понимание того нарратива, которым может сопровождаться описание улицы. Причем чем более этот нарратив эмоционален, тем более он отражает наше внутреннее. Но ведь чаще всего следуя по улице в различных своих состояниях, мы делаем «скидку» именно на наши состояния, и улица для нас может быть «мокрой» в дождь или «промозлой» во время ветра, но не «простуженной», «усталой» или «восторженной», т.к. именно благодаря нашей рефлексии, здесь, как и во многих случаях «работающей» на пред-сознательном уровне (при желании процесс такого осознания может быть легко восстановлен), мы «отсекаем» наше «внутреннее» от внешнего; и здесь отчасти можно согласиться с В.П. Рудневым или его поправить: «внешнее» – это «принадлежащее миру», но наше «внутреннее» и наше восприятие этого мира, на которое действует одновременно и наше внутреннее состояние (в том числе и, порождая метафоры, например, «грустной улицы»), это и есть наша (психическая) реальность, и эта реальность не может быть иной, кроме как нашей (человеческой) психической (т.е. отраженной, но отраженной специфически, в силу целого (большого) ряда особенностей), но и здесь проявление сути нашего психологического здоровья имеет место именно в «отсечении» (рефлексировании) внутреннего от внешнего.

В контексте нашего рассуждения в ракурсе приближения разговора о роли и месте рефлексии в построении сознания и о связи рефлексии со зрелостью личности (или ее своеобразном отстоянии от эмоционального, или, точнее, субъектного), сделаем неточную ссылку на Э. Гуссерля, считавшего, что наше сознание, это всегда «сознание о чем-либо», и ссылку на М. Мерло-Понти, развившего эту идею и считавшего, в отличие от Э. Гуссерля не «я мыслю», но «я могу», и этим подчеркивающего интенциональность тела как способ активного суще-

ствования в мире («чистое восприятие» невозможно, и, как следствие, всегда есть только слитное чувствование «меня и мира» или «меня в мире», что без тела невозможно, и условия восприятия мира заданы человеку только его телом и восприятие и познание мира для человека невозможны вне активности человека, т.е. без его телесной экспрессивности [9, с.131].

Однако и «сознание о чем-либо», или, перефразируя, «мысль о чем-либо», и активность «присутствия в мире», невозможная вне телесности – есть свойство всего живого, или, по крайней мере, всего высоко развитого живого: владельцы домашних собак знают, как легко возбудить животное предложением не просто прогулки, а именно прогулки в любимое собакой место. Таким образом, собака в той или иной мере способна к фантазированию, или, по крайней мере, к ментальной репродукции тех или иных образов, и это также хорошо видно при наблюдении реакций собаки на ее сновидения. Однако со всей очевидностью, понятно, что речь идет о факторах произвольности/произвольности психической регуляции, и если даже сдерживаемое и контролируемое самой собакой поведение в отсутствие человека можно считать в определенном смысле самодетерминированным, его все же нельзя считать свободным, что в корне отличает человеческое поведение. Иначе говоря, в данном случае самоограничительное поведение животного прежде всего условно-рефлекторно, но также оно может далее и иметь производную «так поступать нехорошо и я могу быть наказана», но это не свобода детерминации своего поведения, а определенная степень предвидения его последствий. Так же шимпанзе может использовать палку, чтобы достать корм, но специально искать палку, и, тем более, «в плане» делать из него орудие, чтобы достать корм, шимпанзе оказывается не в состоянии; т.е. отличительное поведение человека в этом случае – в отдаленном планировании и прогнозировании действия и его последствий. Таким образом, трудовой деятельностью не могут управлять ни инстинкт, ни рефлекс, и здесь нет готовых механизмов поведения, и, хотя человеку и свойственно часто в начале делать, а потом понимать суть делаемого, этот процесс он проходит быстрее, чем животное, в основном посредством более быстрого осмысления, и, прежде всего, трудовых операций, и это уже есть простейшие проявления рефлексии.

Специфическим явлением человеческого сознания является способность узнавать себя в зеркале, которая, согласно Ж. Лакану [4], впервые проявляет себя примерно в полугодовом возрасте, еще до установления у ребенка хорошей координации, и эта стадия, по Ж. Лакану, является фактически первой образующей функцией Я. Как известно, животные не узнают себя в зеркале (считается, что это доступно только высшим приматам), и, видящая свое отражение кошка, видит в зеркале другую кошку. Узнавание себя в зеркале представляет из себя привычную самоидентификацию как проявление

понимания отличия себя от других, однако при определенной схожести с ними. И здесь проявляется одно из важнейших функций сознания – видеть в другом себя и видеть в себе другого [6, с.37], и все это реализует себя на идеальном (воображаемом) уровне, что отличает идеальное отражение от физического: непосредственно увидеть себя со стороны невозможно, и наше «видение» себя принимает форму двойного (свернутого) опосредования, причем всегда социального: спрашивая подругу, как выглядит мое платье, девушка как бы смотрит на себя со стороны, но дальше принимает ее мнение как бы за свое (и, при этом, чаще всего, не будучи наивной, делает «сноски» на мнение этой «подруги»: «Вам нравятся сапоги? Нет?! Значит, надо брать» (примерная цитата из «Служебного романа»), что уже является рефлексивной работой сознания [6, с.37]. И эта способность увидеть себя глазами другого, со стороны, качественно отличается от непосредственно детского восприятия мира как чувственной картинки, и можно ожидать, что примерно схожее восприятие мира имеют высокоорганизованные животные (но их мировосприятие еще и сильно обусловлено необходимостью удовлетворения биологических потребностей).

Хотелось бы обратить внимание на еще одну особенность сознания: сознание – это «общее качество, присущее психологическим процессам» (по Л.С. Выготскому), но о сознании мы говорим только применительно к человеку, и оно сообщает новое, совершенно иное качество всем психическим процессам, которые, в общем, присущи и высшим млекопитающим (память, эмоции, рассудочная деятельность (в чем-то мышление), но отличие сознания в том, что оно рождается лишь при общении с себе подобными [6] (и здесь мы добавим, что только благодаря рефлексии рождается самосознание (само-о-сознание) как способность отделения себя от себе подобных, но грани сознание/самосознание всегда нечеткие). При этом сознание является «над-процессом»: здесь есть и мышление, и память, и эмоционально-чувственное отражение, и необходим определенный уровень интеллекта, но этого всего недостаточно, сознание надиндивидуально и его образование невозможно вне человеческого (социального) взаимодействия. И, кроме того, мы оказываемся неспособны найти «место» для сознания ни в мозге человека, ни, тем более, в его теле (т.е. – определить «мозговой субстрат сознания»).

При этом и в человеческом общении исключительную важность имеет наиндивидуальность его мотивов. Поясняя это, обратим внимание, что в своей обзорной статье Т.А. Росийчук [10] показывает, что у «не-человеческих обезьян» (как сейчас называют высших приматов, отделяя их тем самым от непосредственных предков человека, впоследствии ведущих к линиям Homo Erectus и Homo Habilis) отмечается и высоко развитое воображение (по крайней мере высшие приматы могут «носиться» с деревянными чурбаками, изображая нянченье, однако

здесь мы не знаем, насколько тесна проекция родительских ожидания такой обезьянкой «мамки» на этот предмет, но мы достаточно хорошо понимаем похожую ролевую игру 3-4-х летней девочки, где эта игра, конечно же, еще слишком далека от репертуара родительского поведения взрослого, но факт остается фактом, такое «нянчение» у шимпанзе прямо отражает наличие у нее достаточно развитого воображения), и предметной деятельности, и оперирования довербальными понятиями (уровень «наших» смысловых примитивов), и умение участвовать в разделенном опыте, и даже способности понимать намерения других, но перспективы коммуникации приматов ограничиваются лишь функцией *требований для себя*, и в отличие от них человек способен а) разделять общие с другими коммуникативные намерения, б) организовать совместный опыт и в) продуцировать совместное (социальное) внимание (по М. Томаселло). При этом высшим приматам, как и первобытному человеку, доступна символизация реальности на уровне жеста и звука (феномен «говорящих обезьян», фактически отражающих речь ребенка 2-3-летнего возраста с возможностью эффекта опережающего понимания). Но человеку свойственно осмысление жестового языка с прохождением его через воображаемое с произвольным управлением воображаемыми образами (в более раннем филогенезе эти образы «текут» неподконтрольно и без связи с соответствующим контекстом, почти как у нас в сновидении), и дальнейшее освоение человеком речью позволяет управлять этими образами уже в их отрыве от внешнего контекста. И здесь, на наш взгляд, уже примитивная *рефлексия говорения* создает исключительные условия для контроля образов как «слепок» реальности (и этот «слепок» никогда ей не тождественен), и как следствие является своего рода демиургом сознания, и здесь совершенно справедливо высказывание (Г.В.Ф. Гегеля, упрощенно) о том, что «я знаю о том, что я знаю (этот предмет), и я знаю, что ты этого (предмета) не знаешь», что уже определенным образом и характеризует, и качественно определяет самосознание.

При всем понимании того, что рефлексия является очень сложным явлением, и принятии того, что она, скорее всего, никогда не будет однозначно не только концептуально, но и терминологически определена (связана с самонаблюдением, интроспекцией, ретроспекцией, самосознанием (словари В.П. Зинченко и Б.Г. Мещерякова, С.Ю. Головаря и В.Б. Шапарь, Г.М. Коджаспирова, Л.В. Мардахаева, Е.С. Рапацевич и др.) [16], пониманий рефлексии, направлений ее исследований достаточно много, и здесь особое внимание, на наш взгляд, представляют идеи так называемого субстратного подхода (представители – А.В. Карпов [3], А.С. Шаров [14], Т.Э. Сизикова [12] и др.), ориентированного на выделение онтологии рефлексии и элементарных ее единиц, а также систематизацию данных, полученных в других подходах, как например, в атрибутивном, структурном, функциональном.

В связи с темой нашего исследования («месте» и «роли» рефлексии в аспектах здоровья и зрелости личности) нам бы хотелось, используя мнения ряда авторов, а также опираясь на собственные наблюдения и выводы, продолжить вектор этого (субстратного) подхода к рефлексии, и нам представляется, что наши собственные воззрения ближе укладываются именно в его рамки.

Как известно, особенностью рефлексии является как бы вынесение наблюдающего сознания за скобки восприятия внешнего мира: человек может, не отключаясь от него, быть погруженным в свои рассуждения, собственный внутренний мир (и весьма с разной глубиной и интенсивностью), и здесь в тезисе Э. Гуссерля о всегдашнем сознании как сознании о чем-либо необходимо учитывать, что «думание» о своем внутреннем – это и может быть рефлексия, совершаемая в условиях чувственного восприятия внешнего мира, но почти вне фиксации этого чувственного восприятия, т.е. с периферийным участием внимания и с сохранением необходимого автоматизма действия, но при сосредоточении на внутреннем. И здесь хотелось бы сделать одно важное замечание, произведенное В.А. Миловидовым [7] при анализе цитат из стихотворений Б. Пастернака (в частности, сюжета из «Гамлета» «Гул затих, я вышел на подмошки...»), отражающих размышления о выборе пути. В.А. Миловидов обращает внимание на феномен «мерцания» смысла (термин Б.В. Томашевского) («Содержание лишь мерцает сквозь выражение, а выражение лишь намекает на содержание» – фраза Ю.М. Лотмана [7, с.223]). Нам представляется, что фактически вся работа рефлексии реализует себя в качестве «мерцания»: рефлексия сама по себе есть отстранение, но это отстранение не есть полное отзеркаливание, но некоторая метафоризация или взаимоналожение (эта идея также заимствована нами у В.А. Миловидова) других, хотя бы косвенно связанных с анализируемым явлением, затем их многоуровневая «фильтрация», до тех пор, пока мы не придем к удовлетворяющей нас «истине».

На наш взгляд для рефлексии сознания была бы наиболее удобна метафора создающего свою Галатею Пигмалиона, но, часто, с растянутым во времени процессом «ваяния» (хотя, согласно мифу, Галатея сотворена из слоновой кости), что также зачастую обусловлено недостаточностью «средств». Поясним и метафору, и ход собственных рассуждений (далее мы имеем нескромность предложить некоторые собственные максимы о природе рефлексии).

Говоря несколько утрированно, рефлексия – это процесс, ориентированный на понимание ситуации или явления (в профанных содержаниях – себя, своего состояния, иногда своего поведения, детерминированного нашим бессознательным и в этой связи приносящего нам удивление, поведения других людей (мотивов, целей и т.д.) близких нам и с нами работающих, а также

более глубоких явлений, как например, педагогического процесса, дискурса, семинара и т.д.). Но совершенно понятно, что такая рефлексия опирается на систему наших знаний (а она – на парадигму и нашего мышления, и существующие в обществе научные парадигмы, или выборочно предпочитаемые нами), наш опыт и умение его использовать. И эти знания, и, особенно, их использование, и выборочно, и несистемны. Именно это мы прежде всего и понимаем в качестве «мерцания» рефлексии. И в этой связи мы бы хотели высказать свои дополнения в отношении основных свойств мышления – его содержательности и предметности. В вопрошающей фразе «где находится поликлиника МВД?» объектом является «поликлиника МВД», а вся фраза отражает содержание мысли. Но в целом вся эта фраза как смысловое выражение – это семантический код говорения, отражающий смысл запроса. Ответ «на улице Московской, 77» отправляет спрашивающего к новому семантическому коду «а где улица Московская?», если он не знает города. Зная же, где расположена улица Московская, житель или приезжий Ростова спросит: «а это ближе к Центральному рынку, или же к Часовому заводу?», и это уже позиционирует в мышлении поликлинику МВД, ранее существующую для него как объект, к месту. Таким образом, наше мышление, с нашей точки зрения, обусловлено не столько объектом (а все справочные издания главными свойствами мышления выделяют его предметность, и, через это свойство – его содержательность), сколько именно местом (топосом). При этом топический характер мышления, по сути, обусловленный доминированием у нас зрительной системы, и, как следствие – фактически постоянным присутствием в психическом аппарате ментальных образов, всегда опирающихся на мнестические следы, и далее на событийное содержание, и уже после них на их эмоциональную оценку, которая у нас меняется (и в этой связи образуются покрывающие воспоминания), часто играет с нами определенные «шутки», как например, поиск «места» души (а после того, как в первой половине XX столетия ее место было «отдано» сознанию) в теле, в итоге не окончившийся ничем, т.к., как это уже было показано, сознание – это над-процесс, над-явление и над-состояние, причем более чем сингулярное, как любовь, здоровье и пр., т.е. глубоко индивидуальное для переживания каждого из нас и отличное от других, и тем более, оно гораздо больше синергии проявлений мышления, памяти и т.д., и уже в этой связи не имеющее «места» в теле и даже в мозге.

И в этой связи если в нашем понимании мысль – это прежде всего место, т.е. нечто статичное, объектно-привязанное, то рефлексия – это, в некотором роде, процесс создания Пигмалионом Галатеи, процесс, лишь в редких случаях приходящий к завершению, но по своему большинству всегда производимый «при недостатке глины», а потому достраиваемый, но и в значительной степени эмоционально пристрастный уже в силу интимной связанности рефлексии с переоценкой участвующей в ней

нашей «научности». И в своей совокупности участвующих процессов и переживаний (помимо знаний и опыта, как говорилось выше, это также воображение, часто эмоционально «захвачиваемое») работа рефлексии максимально реализует себя в создании нашего индивидуального мифа мировосприятия мифа внутренней реальности.

Процесс рефлексирования, будучи в разной степени энтропийным, в своем накале может оказаться очень затратным и при малой (с точки зрения рефлексии) своей эффективности может вести к разочарованию и в отдельных случаях к фрустрации, если не к депрессии, но в этой связи состояние пребывания человека в рефлексии и итоги этого процесса могут иметь и другие следствия.

Рефлексия имеет очень специфичную временную организацию: по сути опираясь на прошлые знания, прошлый опыт и анализируя уже произошедшее, рефлексия в своем выводе ориентирована на будущее и из будущего по-своему исходит в «нуждаемости» и применимости (запросе) своих выводов, но производится она максимально в здесь-и-теперь настоящем, этим самым делая его (настоящее) в наибольшей степени рельефным. При этом она производится в некоторой «теневой», нечеткой сфере сознания, но производимую ею эмоциональную захваченность в работе когнитивной функции можно сравнить с преобладанием инсайта, и такая работа мышления и сознания в целом вкупе с некоторой такой субъективно переживаемой эмоциональной возвышенностью часто переживается как некое подобие выделенного А. Маслоу экстатического переживания как высшей ценности.

Опирающийся на рефлексии самоконтроль исходит из «думания наперед» в рефлексии, и такое «думание наперед», пожалуй, является одним из первых и наиболее важных проявлений рефлексии, в своей основе доступных уже малым детям, а также высоко организованным животным, как, например, собакам, если собака живет непосредственно с человеком и им воспитывается. Не желающая обидеть хозяина собака в его отсутствие не шкодит, что, конечно же, требует организации такого навыка. Но чем собака импульсивнее, т.е. чем выше ее возбудимость и ниже самоконтроль, тем легче собака срывается в своем поведении, невзирая на ожидаемое наказание, и, простите, шкодит. В имеющем место трагическом случае выпавшего из окна второго этажа пятилетнего ребенка роковую роль сыграло наличие под окнами играющих сверстников. Пятилетний ребенок в достаточной мере осведомлен о возможности и последствиях выпадения из окна, т.е. последствия для него в уже доступной для него степени очевидны. Однако именно новый более сильный очаг эмоционального возбуждения сводит рефлексии поступка на нет (и этим отрицается будущее как возможность реализовать себя, не

погибнув, но с высокой вероятностью став инвалидом, т.е. отрицается опыт протяженности своей жизни из прошлого в будущее, но полностью акцентируется здесь-и-теперь импульсивная поведенческая реакция). Таким образом, рефлексия в норме – это постоянная активность по самоконтролю, которая, собственно, и создает наше здесь-и-теперь переживание внутренней реальности, согласующейся со внешней; или иначе, это переживание происходит на «стыке» нашего внутреннего с внешним, что также переживается большей частью как внутреннее, но в отличие от преимущественно чувственно-контактного переживания мира ребенком, рефлексия прежде всего базируется на когнитивных характеристиках оценки внутреннего и внешнего.

Из этого может следовать вывод о динамике формирования рефлексии в онтогенезе (контроль над поступком/дееспособность – контроль над эмоциями/психическая и психологическая зрелость – контроль над способами мышления как возможностью организации планомерности поведения, что также учитывает и зрелость рефлексии в контроле над эмоциями).

«Мерцающий» характер рефлексии несколько «приближает» ее к произвольным психическим процессам (что эмоционально возбуждает, то и привлекает внимание, но это внимание может достаточно быстро угасать). Однако истинно работающая рефлексия как процесс постоянной включенности в жизнь, осмысления и смыслопостроения жизни, требует акта воли с необходимостью поиска решений для непонятого, часто отложенных решений, и, при этом отложенных на неопределенный срок, пока не поступит новая информация по предмету рефлексивного анализа, с выбором и анализом мнений, реализаций собственных решений для со-мнений (бинарных или близких к ним оппозиций) и т.д.

Рефлексия так же может обладать мотивирующим характером (сдвиг мотива познания на собственную цель, т.е. обретение в объекте рефлексии позиции объекта научного познания), но изначально рефлексия, скорее всего, не имеет своей собственной цели, но всегда имеет предмет и интерес к нему, либо обусловленную предметом рефлексии фрустрацию.

Хочется дополнительно подчеркнуть особенности рефлексии как обостренного здесь-и-сейчас переживания. Ф. Ницше указывал на то, что жизнь начинается из будущего. Близка к этому и мысль М. Хайдеггера, согласно которой исходя из планов на будущее мы меняем настоящее, но это также и влияет на наше восприятие прошлого, оценку которого мы не просто изменяем, но подвергаются изменению и наши воспоминания прошлого. Но именно рефлексия как процесс постоянного смыслопостроения укрепляет нас в бытие, в здесь-и-сейчас, как наиболее остро переживает свое бытие ребенок посредством своего чувственного ответа миру

(например, в остроте переживания солнечного луча на стене комнаты), так и рефлексия укрепляет взрослого в его здесь-и-теперь присутствии. Иначе говоря, как для ребенка его острое чувственное переживание мира отвечает его аутентичности, так и рефлексия формирует чувство аутентичности у взрослого.

Если способность контроля своего поведения отвечает вопросу вменяемости человека, а способность контроля над эмоциями критерий психологической и психической саногенности, то контроль над мыслями следует прямо связывать с нравственными качествами человека, т.к. использование человеком своего интеллекта вне проживания им нравственного поля самознания открывает ему перспективы эгоистической вседозволенности, любых объяснений несоразмерного галоцентризма, любого «убийства бога» или создания любых мифов с целью самовозвеличения (хотя на деле все и гораздо сложнее, и несколько проще, например, хочет ли человек вообще думать о том, что его развязная эмоциональность приносит дискомфорт окружающим?).

Почему мы так акцентировали внимание на связи рефлексии со здесь-и-теперь переживанием?

Аристотель считал, что «обращенность ума на себя избыточна в устоявшемся укладе жизни» [11, с.42], и мы уже говорили о том, что древние греки ориентировали себя на действие, а не на размышление и рассуждение, хотя ораторство было развито и у них, и у римлян. Но использовалось оно в основном в спорах, и, особенно, в суде, чтобы склонить судей в ту или иную сторону. Для рефлексии нужна остановка (свободное время) и место (тело), и в этой связи интересна парадоксальная идея о «зарождении» рефлексии в актах признанных для данного общества праздниках-мистериях (а эти праздники были индивидуальными, в частности, для каждого греческого полиса-государства) с осуществляемыми во время этих празднеств жертвоприношениями, «Ибо жертвоприношения по сути исполняли ту же роль *обретения надежных оснований* порядка жизни, ее безопасности и осмысленности, которую позже стала выполнять рефлексия» [11, с.46]. Но такие праздники-мистерии всегда сопровождалась и невероятным (но всегда контролируемым по своей временной ограниченности) разгулом плоти (пиршества, алкогольные возлияния, секс без разбора, агрессия). Связь идеи оргий с рефлексией на первый взгляд может выглядеть и вздорной, но в ней есть два важных, на наш взгляд, момента. Первое, это жертвоприношения как идея задабривания богов, т.е. символ жертвы прежде всего следует понимать в гарантии привычного чередования жизни: задабривание богов может дать хоть какую-то гарантию реализации привычного круговорота жизни («будет день, будет и пища», т.е. урожай, и может даже отсутствие болезней). Второе – это «возвращение в тело». Как известно, у нас может быть привычный секс с женой, может быть секс с любовни-

цей, может быть секс по принуждению (изнасилование), могут быть гомосексуальные сексуальные отношения. Отбрасывая социальные аспекты перечисленных вариантов отношений (супружеский долг, адюльтер, абьюз, аберрация), секс с физиологической точки зрения остается сексом – коитусом. Но с психологической точки зрения это совершенно разные явления, оставляющие совершенно разное впечатление. Точно также происходит и с различными другими явлениями: работая на хозяина, мы испытываем совершенно иные эмоции, чем выполняя творческую самомотивированную работу, и во всех этих переживаниях и наши временные (хронологические), и наши пространственные (топические, и, более того, субъектно-телесные) представления оказываются различными. Другой хорошо известный многим пример, это «пятница-развратница», когда отдельные индивиды в пятничный вечер не без применения алкоголя, а иногда и с «участием» секса (часто с сослужив(и)цами) «сбрасывают» с себя весь гнет рутинных переживаний недели: встал, умылся, позавтракал, сел в автобус, отвел ребенка в школу, пришел на работу, отработал, пришел домой, покормил ребенка, проверил уроки, получил отказ «у меня голова болит», поспал, проснулся, умылся. Мы не задумываемся о том, что такая монотония встраивает нас в один и тот же жизненный ритм, повторимость которого гарантирует нам надежду, что завтра мы так же проснемся, умоемся, позавтракаем, и что, в лучшем случае, мы не умрем во сне. Таким образом, такая повторимость событий с нашим обсессивным в них участием – это защита от наших страхов перед неопределенностью будущего. Но ведя ребенка в школу, мы думаем о своем, сев в автобус, утыкаемся в гаджет и т.д. Таким образом, мы в этих случаях присутствуем не здесь, и по большей части не полностью в «своем теле»: мы существуем преимущественно в фантазийном мире, который определяется как «не здесь» и «не сейчас». Часто мы так или иначе думаем о том, что нам необходимо сделать (временная перспектива – будущее, реализация которого вероятна), к нам приходят воспоминания (прошлое), которые мы еще менее способны контролировать (менять). Но вот, наконец, пятница! Можно выпить, и почувствовать, как разливается по телу приятное тепло, затуманивается мозг и многое из негативного выходит за скобки, и здесь уже «вагонные споры» или кухонный треп – это уже почти рефлексия. Мы, наконец то, остановили время и так глубоко почувствовали свое тело: наконец-то, вот оно, и здесь, и теперь. А если еще секс с сослуживицей?! Да это же какой полет воображения?! И здесь уж точно слилось и воображаемое, и реальное, и знаковое (это в понедельник мы не будем знать, что с такими «знаками» делать). И даже негативный опыт регулярного похмелья не в счет: боль в голове, нытье в печени, несварение желудка – все это то, что лишний раз нас фиксирует на теле, замечательно отвлекая от пространства («нужно же убраться в квартире!», но я не могу!) и времени. Вот оно заветное «здесь-и-теперь».

Фактически через все работы В.Д. Руднева, посвященные характерам, а таких работ достаточно много (и он делает очень глубокие психоаналитические обзоры целого ряда характеров), проходит подробный анализ наиболее представленных в «человеческой выборке» характеров группы обсессивно-компульсивных (это объединенная признанная многими маститыми психоаналитиками (Н. Мак-Вильямс, О. Кернберг и др.) группа по специфике психологических защит, общности объектных отношений, «места» характера «среди» стадий психосексуального развития и пр., но характеров, также несколько отличающихся между собой. Так если для компульсивного характера более свойственно почти всегда навязчивая деятельность (редуцируя, можно сказать, что если обладатель такого характера не начинает свой день с привычной работы, то испытывает тревожность), то для обсессивного – это постоянное обдумывание. И тот, и другой характер, естественно, имеют глубокие исторические вполне объяснимые корни, что особенно объяснимо в случае компульсивного характера: выполняя работу, ты не только оказываешься отвлечен от своих страхов и опасений за будущее, но также и в отношении иных переживаний, но тем самым своей работой ты гарантируешь себе в той или иной мере свое обеспеченное будущее. Обсессивный характер чаще объясняют стремлением человека упорядочить мир вокруг себя, или, точнее, упорядочить собственные здания о мире. В этой связи приводятся типичные представители компульсивного типа характеров почти все «трудовые» профессии, а в несколько «интеллигентном» «ракурсе» – бухгалтеры, хозяйственники и т.д., и обсессивного – ученые, нотариусы, адвокаты, психологи и пр. И здесь, если основной вектор реализации компульсивного поведенческого повторяемого акта можно свести к снижению страха перед будущим методом повторения процесса труда, то навязчивое повторение через поиск новых интеллектуальных граней анализируемого для обсессивного характера не всегда объясним, т.к. его «омысливание» далеко не всегда касается вещей и явлений, которые «помогут жить» (проще говоря, будут гарантировано оплачены, т.е. позволят иметь столь «сытое» будущее). Обсессивный человек продолжает «обсессию» своей мысли почти постоянно.

Другим важным наблюдением В.П. Руднева является то, что он считает самым рефлексивным типом психастенический характер, и здесь В.П. Руднев вслед за М.Е. Бурно, сочетает его с мазохистской и меланхолической (т.е. депрессивной) конституциями в психоаналитической характерологии. Однако также необходимо иметь ввиду и высокую обсессивность такого характера, и, пожалуй, чуть ли не самую слабую его социальную адаптивность. Иначе говоря, психастеник претерпел чуть ли не все неудачи на этапном пути своего стадийного психосексуального развития (в аспектах психодинамического подхода), какие было возможно.

В чем же тогда особенность обсессивного характера, прежде всего состоящая в столь свойственном ему навязчивом обдумывании?

На наш взгляд, если компульсивный человек именно навязчивым деланием (в обиходе это трудоголизм) спасает тем самым себя от тревоги за будущее, то обсессивный человек посредством «магии своих мыслей» (эта идея развивается уже З. Фрейдом) пытается оградить себя и от страхов за будущее, но, что мы особо подчеркиваем, он более пытается оградить себя от собственного соскальзывания в столь приятное для всех невротических характеров прошлое (а специфика нашей памяти больше помнить «хорошее» прошлое всем известна), от своей оральности.

Таким образом, как следствие, особенно часто встречающийся компульсивный тип характера «живет» преимущественно в психологическом будущем, а обсессивный, как бы он его не старался избегать и от него защищаться, в психологическом прошлом.

Еще одно важное замечание В.П. Руднева, касающееся психастенического характера, это слабая связь этого характера с телесностью, и то, что такой человек всегда пребывает и не полностью в настоящем теле, и не до конца в настоящем времени, а всегда где-то.

Мы считаем, что то же самое, но в несколько меньшей выраженности, можно говорить и об компульсивном, но еще более чем для компульсивного, это свойственно обсессивному характеру. Хорошая связь с телом и относительно хорошая связь со временем (субъективным пребыванием во всех трех временных перспективах) более свойственна сангвиническому характеру (именно характеру), являющемуся синтонным проявлением циклоидного характера.

Из всего сказанного мы делаем заключение, что и рефлексия, на примере являющая себя болезненной зарефлексированностью психастеника, очень различна для представителей разных типов характеров (которые, как известно, «чистыми» не бывают), и это также следует принимать во внимание при рассмотрении включенности рефлексии в структуру зрелой личности. Но и «пребывание в теле» как субъективное ощущение может быть разным у представителей разных характеров, или иначе, каждый из нас, будучи в определенном смысле заложником своего характера, в каждый данный момент времени в определенном смысле не в полном объеме находится в здесь-и-сейчас для разных аспектов своей телесности.

И, наконец, еще одна история, поведенная матерью двоих детей, владелицей достаточно крупной породистой собаки, и, в целом, очень внимательным человеком. Выведа собаку, проживающую в квартире, на прогулку,

эта женщина была свидетельницей следующей истории. По улице очень медленно и поминутно останавливаясь, и уделяя друг другу внимание, дефилирует пара: женщина лет 65-ти (бабушка) и молодой человек лет 5-ти (внучик), восседающий на двухколесном велосипеде, задние колеса которого опираются на страхующую малую колесную пару (почти советский сюжет). Будучи вынужденной обогнать эту пару, владелица собаки застаёт сцену: бабушка, почти все время придерживающая велосипед внука за сиденье сзади (все известно – ребенок только учится ездить), лезет рукой в свою корзинку, сопровождая движение словами: «Опять пить?! Да ты только что пил! Ты не делай вот этих звуков, у тебя от них рот и пересыхает». При этих словах мальчик обеими ножками почти изо всех сил так лупит по педалям велосипеда, и при этом его движения никоим образом не напоминают попытку их вращения, что это больше похоже на истерическую фугу. Ну, ситуация как ситуация. Хозяйка собаки продолжает свое движение, ибо физиология животного такова, что ему необходимо, некоторым образом, размяться, чтобы, простите, совершить свое естество. Значительно опередив эту пару, женщина с собакой возвращается назад, но ситуация такова, что на улице примерно на ближайšie 7-8 метров всем будет разойтись сложно, и владелица собаки, ее придерживая, берет в сторону. В это время она слышит диалог подходящих к ней мальчика и бабушки. Доступным ему языком ребенок замечает: «Собачка прошла вперед, а теперь уже возвращается». На что бабушка отвечает: «Ну, ты же медленно едешь, а собачка быстро ходит, вот она уже и возвращается». При этом выражение лица ребенка – абсолютно кукольное, которое любят изображать режиссеры, когда хотят показать в кино, что ребенок лукавит, а в подтексте фразы бабушки легко прочесть весь объем сдерживаемого ею раздражение всей прогулкой с ребенком.

К чему такое длинное повествование? Рефлексия – это, фактически двухуровневость или двусложность мышления (не путать с раздвоением личности). Бабушка совершенно не хочет замечать (по крайней мере во внешнем плане), что ребенок всеми своими силами пытается ею манипулировать, и его разговор о собаке – это уже рассогласование планов говорения и думания, цель которой именно прикрыть свои манипулятивные эгоистические намерения в отношении бабушки.

Вернемся к трагедии выпавшего из окна второго этажа пятилетнего ребенка. Это девочка, и именно того «типа», который сейчас принято называть «принцесской», т.е. воспитанная в условиях безотказности для ее капризов.

Вывод, который мы можем сделать из обеих сюжетов с детьми: 1) «рефлексия для себя», т.е. двухплановый характер мышления (с целью получения эгоистической выгоды, но с желанием это скрыть) появляется в онтогенезе достаточно рано, и, скорее всего, это качество доступно

животным (белка ловит другую белку на воровстве спря-
танных орехов, делает новую закладку, наблюдает за
белкой-воровкой и наказывает ее); 2) процесс становле-
ния реальной рефлексии, не «сработавшей» у девочки,
выпавшей из окна, происходит совместно со становле-
нием Супер-эго, и качественные характеристики реф-
лексии нельзя рассматривать вне качественных харак-
теристик Супер-эго.

Выводы

Осуществленное исследование позволило сформу-
лировать следующие выводы:

1. рефлексия – это, с одной стороны, обязательный атрибут сознания, но также и его фактический демиург, строитель, и качественные характеристики сознания нельзя рассматривать вне качественных характеристик рефлексии;
2. при рассмотрении участия, места и роли рефлексии в конструкторе личностной зрелости необходимо учитывать множество и количественных

моментов ее приложения, от частных до общих, и характер работы самой рефлексии (психопат чаще примет один из полюсов интересующего его бинара и будет следовать ему неуклонно, полностью реализуя «тезис», использованный Высоцким: «Если я чего решил, то выпью обязательно!»; невротик будет постоянно колебаться между двумя альтернативами, не умея принять ни одну из них; относительно здоровый человек вынудит себя принять «единственно правильное» для себя решение, в целом понимая и величину жертвы другой альтернативы, но также и понимая, что почти всегда можно многое исправить), и то, какими средствами и способами она (рефлексия) осуществляется (один человек ограничится эмоционально обоснованным для себя выбором, другой будет искать пути научного анализа через поиск своего решения при учете множественности сомнений). Наконец, итогом рефлексии может быть мнение, убеждение, поступок, качества которых также неоднородны и неоднозначны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникина В. Философские традиции изучения рефлексии в контексте решения проблем самопознания. // Развитие личности. М.: Изд-во Московского педагогического государственного у-та. 2010. №3. С.127-138.
2. Джейнс Дж. Сознание и голоса внутри. [Электронный источник] URL: <http://transmission.lenin.ru/Jaynes-Consciousness.html> (дата обращения 03.09.2020)
3. Карпов А.В. Рефлексия в структуре сознания. // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. 2012. №1(19). С. 6-12.
4. Лакан Ж. Стадия зеркала как образующая функция Я. [Электронный источник] URL: <https://psychic.ru/articles/modern/modern64.htm> (дата обращения 03.09.2020)
5. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении. [Электронный источник] URL: https://nibiryukov.mgimo.ru/nb_russian/nbr_teaching/nbr_teach_library/nbr_library_classics/nbr_classics_locke_an_essay_concerning_human_understanding_book-1.htm (дата обращения 03.09.2020)
6. Мареев С.Н. Рефлексивная природа сознания. // Эпистемология и философия науки. 2010. №26(4). С.35-52.
7. Миловидов В.А. Цитата как инструмент активизации рефлексии. // Понимание рефлексии в коммуникации, культуре, образовании. Всероссийская (с международным участием) научно-практическая конференция, посвященная памяти заслуженного деятеля науки, профессора, доктора филологических наук Г.И. Богина. 2019. Тверь: Тверской государственный университет. 2019. С.222-228.
8. Мышление. Понимание. Рефлексия. / Составители и отв. ред. А.А. Психоппель, В.Р. Рокитянский, Г.П. Щедровицкий. М.: Наследие ММК. 2005. 800 с.
9. Пацюкова Ю.А. Субъект воплощенный. Телесные границы субъективности: сравнительный анализ теории «интенциональной телесности» М. Мерло-Понти и концепции аффективной субъективности Ж-Ф. Лиотара. // Социально-экономические исследования, гуманитарные науки и юриспруденция: теория и практика. Новосибирск: ООО «Центр развития научного сотрудничества». 2015. №3. С.124-136.
10. Росийчук Т.А. Развитие языка и речи в соотношении с культурным психогенезом. // Актуальные вопросы речевого взаимодействия. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной юбилею профессора Л.А. Месеняшиной. 2019. Челябинск: ЧГУ. 2019. С.39-56.
11. Савчук В.В. Становление рефлексии. // Мысль: журнал Петербургского философского общества. 2010. Т.10. №2. С.41-56.
12. Сизикова Т.Э. Рефлексивное психологическое консультирование: монография. Новосибирск: Изд-во НГПУ. 2018. 518 с.
13. Сударева Д.А. Проблема реальности в философии В.П. Руднева. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: ООО Издательство «Грамота». 2016. №3(65). С.164-166.
14. Шаров А.С. Онтология рефлексии: природа, функции и механизмы. // Рефлексивные процессы и управление. 2005. №1. С.71-92.
15. Шеленговская К.О. Историко-логический анализ подходов к проблеме рефлексии в философских исследованиях. // Альманах современной науки и образования. Тамбов: ООО «Грамота». 2009. №1-2. С.178-180.
16. Шигабединова Г.М. Феномен рефлексии: границы понятия. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социология. Психология. Философия. 2014. №2(1). С.415-422.

© Мачуха Александр Михайлович (aleksandrinfo@bk.ru), Васильева Ольга Семеновна (vos@sfedu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ДИДАКТИЧЕСКАЯ ИГРА КАК СРЕДСТВО АКТИВИЗАЦИИ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ НА УРОКАХ ОКРУЖАЮЩЕГО МИРА

Мирзаянова Рената Рустемовна

Технический институт (филиал) Северо-Восточный
федеральный университет имени М.К. Аммосова,
г. Нерюнгри
mirrenru14@inbox.ru

Мамедова Лариса Викторовна

К.п.н., доцент, Технический институт (филиал) Северо-
Восточный федеральный университет
имени М.К. Аммосова, г. Нерюнгри
larisamamedova@yandex.ru

DIDACTIC GAMES AS A MEANS OF ACTIVATING COGNITIVE ACTIVITY IN PRIMARY SCHOOL STUDENTS IN THE CLASSROOM OF THE SURROUNDING WORLD

**R. Mirzayanova
L. Mamedova**

Summary: In modern educational practice, teachers are increasingly faced with the problem of selecting the best methods, techniques and types of work to activate the cognitive activity of students, which in turn is very important in the formation of a versatile personality from the very first days of school. To solve this problem, we conducted a study on the basis of MBOU SOSH No. 15 in Neryungri. The study was aimed at determining the level of formation of cognitive activity, as well as students' interest in conducting didactic games in the classroom of the surrounding world, which in turn would allow us to justify the importance of using this method of work as one of the most effective means of activating the cognitive activity of primary school students in the classroom of the surrounding world. The study involved students of class 2B in the number of 24 people. The complex diagnostics that we used helped us to identify the level of cognitive activity of students, as well as the importance of using didactic games in activating cognitive activity in the classroom of the surrounding world.

Keywords: didactic game, level of formation, cognitive activity, cognitive activity, surrounding world.

Аннотация: В современной образовательной практике учителя все чаще сталкиваются с проблемой подбора оптимальных методов, приемов и видов работы для активизации познавательной деятельности учащихся, которая в свою очередь является очень значимой при формировании разносторонне развитой личности с самых первых дней обучения в школе. Для решения данной проблемы нами было проведено исследование на базе МБОУ СОШ №15 в г. Нерюнгри. Исследование было направлено на определение уровня сформированности познавательной активности, а также заинтересованности учениками в проведении дидактических игр на уроках окружающего мира, что в свою очередь позволило бы нам дать обоснование значимости использования данного метода работы как одного из самых эффективных средств активизации познавательной деятельности учеников начальной школы на уроках окружающего мира. В исследовании приняли участие ученики 2В класса в количестве 24 человек. Комплексная диагностика, которую мы использовали, помогла нам выявить уровень познавательной активности учеников, а также значимость использования дидактических игр в активизации познавательной деятельности на уроках окружающего мира.

Ключевые слова: дидактические игры, уровень сформированности, познавательная деятельность, познавательная активность, окружающий мир.

Актуальность выбранной темы исследования обуславливается тем, что в современной образовательной системе большое внимание уделяется познавательной деятельности как одной из ведущих форм деятельности ребенка, которая так или иначе сказывается на развитии его личности и служит основой для прочного построения фундамента из знаний, подкрепленных различными умениями и навыками.

Активизация познавательной деятельности выступает в качестве одной из первостепенных задач, решаемых педагогом начальных классов на протяжении всего периода четырехлетнего обучения.

Показательнее всего познавательная активность и деятельность в начальной школе проявляется на уро-

ках окружающего мира. На данный момент это является одной из насущных проблем, а именно – низкая заинтересованность в данном предмете со стороны обучающихся, с которой сталкивается учитель. Для ее решения до сих пор ведутся поиски новых эффективных методов обучения, способных заинтересовывать учащихся не только пользоваться готовыми знаниями, но также и самостоятельно добывать новые. В первые годы обучения одними из самых эффективных методов по праву являются дидактические игры.

В ФГОС НОО второго поколения предмет «Окружающий мир» рассматривается как часть системы начального образования, а значит, он призван решать не только частные, но и общие задачи начальной школы. Общие требования к результатам освоения программы курса

занятий по предмету «Окружающий мир» отражают основную идею данного исследования: активизация познавательной деятельности способствует формированию устойчивого интереса к изучаемому предмету, как следствие учит добывать и использовать знания, путем применения различных способов деятельности, а также устанавливать причинно-следственные связи в окружающем мире [5 с. 13].

Как писал советский педагог В.А. Сухомлинский «В игре раскрывается перед детьми мир, раскрываются творческие способности личности. Без игры нет и не может быть полноценного умственного развития» [4, с. 33]. Рассмотрев различные научные труды, нами было установлено, что изучением активизации познавательной деятельности путем использования дидактических игр занимались следующие педагоги и психологи: Ю.К. Бабанский, Е.В. Бондаревская, Л.С. Выготский, Г.И. Щукина. В последние годы теоретическими и практическими вопросами применения дидактических игр в учебной практике занимались такие исследователи, как: А.П. Усова, Е.И. Радина, Ф.Н. Блехер, Б.И. Хачапуридзе, З.М. Богуславская, Е.Ф. Иваницкой, А.И. Сорокина.

Анализируя вышеизложенную информацию, можно сделать вывод, что проблема активизации познавательной деятельности у учеников начальных классов рассматривалась и рассматривается достаточно подробно. Однако цель нашего исследования – определение уровня сформированности познавательной активности, а также заинтересованности учениками в проведении дидактических игр на уроках окружающего мира.

По результатам данного исследования можно будет дать обоснование значимости использования дидактических игр для активизации познавательной деятельности младших школьников на уроках окружающего мира.

Исследование проводилось на базе МБОУ СОШ №15 г. Нерюнгри у учеников 2В класса.

Для того, чтобы составить комплексную диагностику, в ходе проведения исследования нами было задействована методика «Оценка уровня познавательной активности», разработанная учителем начальных классов Авдошиной А.Ф. на основе опросника Ч.Д. Спилбергера [1], а также анкетный опросник «Выявление отношения детей к игре на уроке» [3, с. 45].

На первом этапе работы нами была проведена диагностика по методике А.Ф. Авдошиной «Оценка уровня познавательной активности», где уровень познавательной активности младших школьников определялся по пятибалльной шкале, путем вывода среднего балла по всем ответам на вопросы.

Высокий уровень – 4,0 – 5 баллов
Средний уровень – 3,0 – 3,9 балла
Низкий уровень – 2,5 – 2,9 балла

При обработке данных подсчитывались баллы, и выводилось среднее значение для каждого младшего школьника в отдельности, затем выводилось среднее значение по испытуемой группе. В Таблице 1 представлены результаты младших школьников по уровням познавательной активности, которые были распределены в соответствии со шкалой.

По полученным результатам, отраженным в таблице 1. средний балл оценки познавательной активности младших школьников составил 4,2 – это достаточно высокий показатель, который свидетельствует о том, что ученики 2В класса отличаются не только стремлением к изучению нового материала, но и заинтересованностью в установлении взаимосвязей между различными явлениями. Однако если рассматривать каждую группу отдельно, то можно увидеть, что 5 учеников показывают средний и 3 низкий уровень познавательной активности. Эти показатели несколько отличаются от предыдущего, говоря нам, что ученики хоть и пытаются понять, запомнить и воспроизвести знания, но их препятствие характеризуется неустойчивостью волевых усилий, отсутствием интереса к углублению знаний и вопросов по типу «Почему?».

Следующим этапом нашего исследования было проведение анкетирования среди учеников с целью выявить их отношение к применению дидактических игр на уроках.

Анкета «Выявление отношения детей к игре на уроке» состоит из пяти вопросов, на каждый из которых ученикам предлагается выбрать один из трех вариантов ответа.

В ходе анкетирования были получены следующие данные (таблицы 2, 3, 4, 5, 6).

По результатам ответов на данный вопрос из общего количества учеников – 24 (100%) 18 (75%) предпочитают уроки, в которые включены различные дидактические игры, 3 (15%) ученика считают, что на уроке должно быть интересно вне зависимости от выбранных видов работы, оставшиеся 2 (10%) ученика выбирают работу, не связанную с активной игровой деятельностью, предпочитая изучать материал с использованием схем, таблиц и наглядного материала.

Таким образом, больше половины детей от общей выборки – 14 (60%) отмечают желание принимать участие в играх на уроках, однако нельзя не заметить, что при ответе на этот вопрос 40% учеников (6 (25%) и 3 (15%) со-

Таблица 1.

Результаты оценки познавательной активности младших школьников

Школа	Класс	Количество учеников в классе	Количество учеников, показавших		
			4,0-5 баллов (высокий уровень)	3,0-3,9 баллов (средний уровень)	2,5 – 2,9 балла (низкий уровень)
МБОУ СОШ №15	2В	24	16	5	3
Общий уровень в группе			4,2		

Таблица 2.

Какие уроки ты больше всего любишь?

Урок	главное, чтобы было интересно	с использованием игр	с использованием схем, таблиц и рисунков
Кол-во выборов в %	15%	75%	10%

Таблица 3.

Если бы ты был учителем, чего больше было бы у тебя на уроке?

Приемы работы	использование игр	работа с учебником	таблицы, схемы, рисунки
Кол-во выборов в %	60%	25%	15%

Таблица 4.

Как часто в вашем классе на уроках окружающего мира бывают игры?

Частота применения	не очень часто	часто	очень часто
Кол-во выборов в %	20%	54%	26%

Таблица 5.

Как ты относишься к игре на уроке окружающего мира?

Отношение	очень хочется участвовать	нет большого желания поддерживать игру	игра на уроке - пустая трата времени
Кол-во выборов в %	75%	25%	-

Таблица 6.

Как ты думаешь, какая польза от игры на уроке окружающего мира?

Отношение	очень большая	большая	нет пользы
Кол-во выборов в %	75%	25%	-

ответственно) выбрали традиционные приемы работы при изучении как нового материала, так и повторении пройденного.

Анализируя ответы на данный вопрос можно сделать вывод, что чуть больше половины учеников – 13 (54%) отмечают частое использование игр на уроках. Это можно объяснить тем, что наиболее эффективным средством включения ребенка в процесс творчества на уроке является игровая деятельность. Стоит учесть и то, что исследование проводилось в первый месяц первой четверти 2 класса, поэтому ответы учеников на этот вопрос основывались в своем большинстве на опыте предыдущих четвертей 1 класса.

Таким образом, большинство детей из общей выборки – 18 (75%) положительно относятся к участию в раз-

личных играх, проводимых учителем. Остальные 6 (25%) учеников не проявляют большого желания поддерживать игру. Также никто из учеников, вне зависимости от отношения к игре, не считают ее пустой тратой времени на уроке.

Как можно заметить, результаты остались теми же, что и в ответе на предыдущий вопрос. Многие дети видят пользу в использовании игр, также эта положительная динамика была отмечена при проведении данного опроса. Большинство детей очень активно включаются в деятельность, которая требует от них быстрой реакции, сообразительности и принятия самостоятельных решений.

Также в дополнение к данному вопросу мы решили провести небольшой устный опрос, где ученики долж-

ны были поочередно назвать, какую именно пользу приносит использование дидактических игр на уроках окружающего мира. Ответы учеников были проанализированы, обобщены и распределены по трем главным показателям результативности:

1. «игры повышают познавательный интерес» – 14 (58%);
2. «игры помогают лучше узнать окружающий мир» – 7 (29%);
3. «игры помогают лучше запоминать новый материал» – 3 (12%).

Из результатов диагностики можно сделать вывод, что учащиеся начальной школы положительно относятся к использованию дидактических игр. Основная масса учеников видит в этом практическую значимость, а нами было отмечено, что использование дидактических игр оказывает большое влияние на активизацию познавательной деятельности учащихся на уроках окружающего мира.

После проведенного исследования нами был сделан вывод, что дидактическая игра – это сложное, многогранное явление. «В дидактических играх происходит не только усвоение учебных знаний, умений и навыков, но и развиваются все психические процессы у детей, их

эмоционально-волевая сфера, способности и умения» [2, с. 7]. Умелое использование игры в учебном процессе заметно облегчит его, так как игровая деятельность привычна для ребенка. Через игру быстрее познаются закономерности обучения. Положительные эмоции значительно облегчают процесс познания.

Подводя итоги нашего исследования, можно сказать, что ценность дидактических игр заключается в том, что в процессе игры дети в значительной мере самостоятельно приобретают новые знания, активно помогают друг другу в этом. Игра побуждает учащихся к игровым действиям, даёт возможность каждому ребёнку лучше представить разыгрываемую ситуацию. «В игре дети учатся концентрировать свое внимание на игровых правилах и следить за их выполнением. Игра позволяет ребёнку заново пережить яркие впечатления и события» [6, с. 7]. В процессе использования дидактической игры на уроках окружающего мира у обучающихся развивается познавательный интерес, т.е. у младших школьников появляется желание учиться, узнавать, что – то новое, самим добывать знания.

Статья выполнена под руководством научного руководителя: к.п.н., доцента Мамедовой Л.В.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдошина Н.Ф. Диагностические мероприятия по определению уровня познавательной активности младших школьников. – 2017. – 8 с.
2. Глушенко Л.В. Использование дидактической игры в процессе обучения младших школьников. – 2014. – 9 с.
3. Лунегова Ж.С. Активизация познавательной деятельности младших школьников посредством использования дидактических игр. – 2013. – 52 с.
4. Сухомлинский В.А. Сердце отдаю детям. - Киев: Радянська школа, 1974 г. - 288 с.
5. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования. - М.: Просвещение, 2010. - 29 с. (Стандарты второго поколения)
6. Шibaева И.А. Дидактические игры как средство формирования познавательного интереса детей младшего школьного возраста. Методическая разработка. – 2016. – 48 с.

© Мирзаянова Рената Рустемовна (mirrenru14@inbox.ru), Мамедова Лариса Викторовна (larisamamedova@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РЕЛИГИОЗНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ БЕЗОПАСНОГО ТИПА

Мишин Юрий Викторович

Преподаватель, ГБОУ ВО Республики Крым «Крымский инженерно-педагогический университет»
(г. Симферополь)
skmax1@mail.ru

RELIGIOUSNESS IN THE CONTEXT OF FORMATION OF A SAFE TYPE PERSONALITY

Iu. Mishin

Summary: The article presents the results of the study the relationship a religiousness and subjective control, built on the correlation analysis a result of diagnostic methods of locus control and personality religiousness. The findings indicate the characteristic features of subjective control of people with different types of religiousness, which cause the formation of a safe type personality. The results can be used in the study of models a safe personality, adaptive capabilities a students of educational institutions, as well as for the diagnosis and prediction a social success of the personality.

Keywords: external religiousness, internal religiousness, locus of control, subjective control, safe type personality.

Аннотация: В статье представлены результаты исследования взаимосвязи религиозности и субъективного контроля, построенного на основе корреляционного анализа данных применения методик диагностики локус-контроля и религиозности личности. Выводы свидетельствуют о характерных особенностях субъективного контроля людей с различным типом религиозности, которые обуславливают формирование отдельных качеств личности безопасного типа. Результаты могут быть использованы в исследованиях моделей личности безопасного типа, адаптационных возможностей обучающихся образовательных организаций, а также в целях диагностики и прогноза социальной успешности личности.

Ключевые слова: внешняя религиозность, внутренняя религиозность, локус контроля, субъективный контроль, личность безопасного типа.

Введение

Потребность человека в самореализации, социально желательном и безопасном раскрытии внутреннего потенциала является важным предиктором социальной успешности. Субъективный (локус) контроль личности наряду с доминирующим мотивационным стереотипом обуславливает процессы саморегуляции человека, организует его активность на достижение успеха. Очевидно, что путь к цели сопровождается проблемными ситуациями, вызывающими необходимость поиска внутренних ресурсов поддержки. Результативность этого процесса во многом связана с религиозностью, как резервом преодоления и совладания. Религиозность, являясь интегративным качеством личности, детерминирует формирование всей ценностно-смысловой сферы человека [2] и, в частности, процессы самоконтроля, безопасного взаимодействия со окружающей средой и представления о личной безопасности. В связи с изложенным, очевидна актуальность исследования влияния религиозности на формирование социально желательных и безопасных аспектов субъективного контроля.

Анализ литературы

Результаты исследований в области психологических аспектов безопасности представляют обширный научный материал. Серьезные исследования по проблемам

информационно-психологической безопасности велись Е.В. Бурмистровой, Б.А. Еремеевым, психологической безопасности образовательной среды – И.А. Баяевой, Н.А. Лызь, Ю.И. Поповой, комплексной безопасности образовательного учреждения – Л.А. Гаязовой, социально-психологической безопасности – Т.В. Эксакусто.

Исследования проблем субъективного контроля – способности личности брать на себя либо уклоняться от ответственности за результаты происходящих с ней и вокруг нее событий, велись Е.Ф. Бажиным, Е.А. Голынкиной, А.М. Эткиндоном на базе концепции Дж. Роттера.

Религиозность (религиозная идентичность, личностная религиозность, религиозное сознание) является давним объектом исследований отечественных (Ф.Е. Васильев, О.А. Войновская, Р.М. Угринович, И.Н. Яблоков) и зарубежных (У. Джеймс, Г. Олпорт, З. Фрейд) психологов.

Между тем, аспекты влияния религиозности на формирование социально желательных и безопасных свойств субъективного контроля личности остаются недостаточно раскрытыми.

Формулировка цели – проанализировать результаты исследования, интерпретировать полученные корреляционные связи типов религиозности и соответствующих аспектов субъективного контроля личности с позиции их социальной желательности и безопасности.

Изложение основного материала

Становление личности безопасного типа – комплексный, многоуровневый процесс, определяемый рядом внешних и внутренних факторов. Внутренние факторы рассматриваются современными исследователями как совокупность психологических свойств и качеств, индивидуально-типических особенностей личности, которые позволяют поддерживать достаточный уровень безопасности, устойчивость к негативным воздействиям, минимизацию производимых опасностей для себя, социума и природы [7].

Анализируя безопасный просоциальный тип личности, Э. Фромм называет его продуктивным, обладающим внутренней независимостью, объективностью, честностью, способностью совершать социально-значимые полезные поступки. Социально ориентированный характер такого типа личности позволяет наиболее эффективно приспособиться к требованиям общества и обрести чувство безопасности и защищенности [13].

Исследуя психологические особенности личности безопасного типа, Н.А. Лызь в рамках личностно-развивающего подхода к обеспечению безопасности предполагает формирование качеств, позволяющих быть устойчивым к деструктивным, в первую очередь информационно-психологическим, влияниям. С этой позиции процесс обеспечения безопасности человека включает образование его личностной целостности (формирование интегративного центра, который объединяет подструктуры «Я» и выполняет управляющие функции) и субъектности (способности регулировать и направлять свою активность, жизненный путь как целостное образование, подчиненное экологичным и безопасным целям и ценностям). Безопасность человека обеспечивается тем, что он осознанно минимизирует количество опасностей, создаваемых для самого себя и для окружения, располагая целостностью, самостоятельностью, независимостью, эмоциональной устойчивостью, внутренней согласованностью и непротиворечивостью. Такая личность обладает потенциалом целеполагающего субъекта и способна преобразовывать опасности в фактор собственного развития и самоактуализации [5]. На наш взгляд, такие устойчивые личностные качества с характерными смысловыми структурами мировоззрения являются социально желательными и безопасными. Очевидно, что социальная желательность не ситуативное явление. Это устойчивое качество личности и один из факторов поведения человека.

Т.А. Басанова и Н.А. Лызь установили следующую зависимость - чем больше личность чувствует себя активным субъектом собственной жизнедеятельности, тем значительнее для нее являются внутренние (образ жизни, социальная среда, результаты своей деятель-

ности) и психологические (защищенность личностных ценностей, направлений самореализации, право самостоятельного выбора жизненного пути) условия безопасности, тем более он уверен в обеспечении собственной безопасности. Ориентация личности на духовные и просоциальные ценности в противовес эгоцентрическим (группоцентрическим) сочетается с интегративностью и большей адекватностью представлений о безопасности [5, 6].

Таким образом, личность безопасного типа – это личность с характерными социально желательными (просоциальными) личностными качествами, которые позволяют быть активным субъектом собственной жизнедеятельности, предполагать возможные риски и опасности, сохранять устойчивость к деструктивным воздействиям, минимизировать производимые опасности для себя, общества и природы.

Обеспечение безопасности во многом зависит от типа локус контроля личности, который является важным фактором социальной успешности. Результаты исследований в этой области свидетельствуют о том, что субъективный (локус) контроль личности наряду со сложившимся доминирующим мотивационным стереотипом обуславливает процессы саморегуляции человека, организует его деятельность на безопасное достижение успеха или избегание неудач [7, 8].

Согласно концепции Д. Роттера для результативного прогнозирования поведения человека необходимо проведение анализа восприятия им результата собственной деятельности как зависящего от его личной активности или зависящего от внешних обстоятельств и условий (других людей, случая и пр.). Локус контроля в первом случае соответствует интернальному типу, характерной чертой которого является способность брать ответственность за результат собственной деятельности на себя, объясняя его своими способностями, активностью, настойчивостью и пр. Локус контроля во втором случае связан с экстернальным типом личности, имеющим особенность переносить ответственность за результативность своей деятельности на внешние факторы (случай, обстоятельства, вмешательство других людей и пр.) [16, 17]. Интернальный и экстернальный типы личности обладают определенным набором качества и уровнем самооценки. Человек, обладающий экстернальным (внешним) локусом контроля характеризуется недостатком самостоятельности и решительности, тревожностью, неуверенностью, зависимостью, конфликтностью. Вместе с тем, людям с интернальным локусом контроля свойственны рассудительность, независимость, решительность, самостоятельность, социальная зрелость и ответственность [1], что наиболее соответствует изложенным выше критериям личности безопасного типа.

Путь достижения стоящих перед человеком целей зачастую сопряжен с трудностями и проблемами, которые вынуждают искать внутренние резервы поддержки и преодоления. Многие исследователи относят к такому резерву религиозность.

Используя интегративный подход исследования религиозной личности, Л.В. Густова приходит к выводу, что «психика – это индивидуальная организация жизни и поведения, в которой происходит постоянный процесс поддержания равновесия и целостности, обеспечивающий работу интегративных механизмов. Любое психическое воздействие влечет за собой повышение или снижение интеграции психики» [3]. Принятие и усвоение человеком религиозных норм и правил во многом определяет степень интеграции психики. У испытуемых с развитым религиозным чувством отмечается некоторая дезинтеграция психики на эмоциональном, социальном и духовном уровнях. Вместе с тем, для испытуемых с низким уровнем религиозности характерен более высокий уровень интеграции на этих уровнях [4]. При этом, для респондентов с высоким уровнем религиозности характерны настороженность, тревожность, беспокойство, напряжённость, зависимость, неуверенность, нерешительность. Частые состояния фрустрации, ощущения вины и расположенность к депрессии сопряжены с недостатком конформности и желанием работать в коллективах. Зачастую такие люди ожидают подвоха и не доверяют окружению. Испытуемые с низким уровнем религиозности проявили независимость, самостоятельность, находчивость, жизнерадостность, гибкость и конформность в социальных отношениях [4].

Исследования И.Э. Соколовской показали, что религиозность стимулирует процессы духовной трансформации, результатом чего является переориентация содержания ценностно-мотивационно сферы личности. Религиозность влияет на оценку контролируемости жизненных событий в жизни человека, позволяет интегрироваться вокруг религиозных ощущений и чувств с появлением субъективных возможностей нового качества. Личные профили религиозных респондентов показали тревожность, эмоциональную неустойчивость, зависимость, нежелание брать ответственность на себя. Вместе с тем, нерелигиозные испытуемые проявили склонность к контролю, независимость, самостоятельность, ответственность, эмоциональную устойчивость [11], что положительно коррелирует с психологическими характеристиками личности безопасного типа.

Таким образом, являясь интегративным свойством, религиозность в значительной мере определяет формирование всей ценностно-смысловой сферы человека, образует самостоятельную знаково-символическую систему, психологическую установку, влияющую, в частности, на организацию субъективного контроля [2, 8].

Согласно типологии Г. Олпорта личность может обладать внешней или внутренней религиозностью. Одни люди живут религией, другие ее используют. Для одних – это цель, для других – средство. Человек, обладающий внешним типом религиозности использует религию для своих прагматических целей. Он может использовать ее как средство покровительства, защиты, утешения или самоуспокоения [9]. Религия для людей с внутренней религиозностью – это основной жизненный ориентир. Свою веру они считают «высшей самоценностью», пытаются усвоить и полностью ей следовать. Именно в этом смысле они «живут» религией [10].

Целью статьи является анализ результатов исследования влияния религиозности на формирование аспектов субъективного контроля, присущих личности безопасного (социально желательного) типа.

В исследовании приняли участие 415 испытуемых (студенты техникума, православные христиане), которые с помощью опросника «Индивидуальный уровень религиозности» И.С. Шемет [14] были распределены на 3 выборки: с низким уровнем религиозности, со средним уровнем религиозности, с высоким уровнем религиозности. Выборка с низким уровнем религиозности была принята как выборка нерелигиозных людей. Обоснованием этому послужили показатели минимального уровня осведомленности и практической вовлеченности в религиозный культ данных респондентов.

На следующем этапе в выборках испытуемых со средним и высоким уровнем религиозности была применена методика «Шкала религиозной ориентации Г. Олпорта, Д. Росса» [10], которая позволила дифференцировать данных респондентов на 2 подвыборки: испытуемые с внутренним типом религиозности, испытуемые с внешним типом религиозности.

Далее в целях установления локализации субъективного контроля испытуемых с внешним, внутренним типом религиозности и нерелигиозных испытуемых нами использована «Методика диагностики уровня субъективного контроля Д. Роттера» [18].

Семь итоговых шкал методики позволили оценить общую интернальность, интернальность в области достижений, неудач, семейных отношений, производственных отношений, межличностных отношений, здоровья. При этом, высокие показатели по каждой шкале позволили судить о высоком уровне субъективного контроля (внутренний локус контроля), способности личности нести ответственность за результативность собственной деятельности в соответствующей области. Низкие показатели предполагали низкий уровень субъективного контроля (внешний локус контроля), атрибуцию ответственности за результат внешним обстоятельствам.

Для выявления статистически значимых связей между особенностями религиозной сферы и уровнем субъективного контроля использован коэффициент корреляции Спирмена. Расчетная функция реализована в программе STATISTICA (таблица 1).

Результаты приводят к следующим выводам:

- общая интернальность (способность быть активным субъектом своей деятельности) и интернальность в области достижений (понимание ответственности за достижение собственных целей) находится в прямой связи с внешней религиозностью ($r = 0,33$, $p \leq 0,05$; $r = 0,35$, $p \leq 0,05$) и в обратной – с внутренней религиозностью ($r = -0,39$, $p \leq 0,05$; $r = -0,51$, $p \leq 0,05$). Это может объясняться тем, что степень принятия религиозного культа влияет на уровень развития осознания личностью собственной независимости и контроля достижения цели. С ростом способности использовать религиозные ценности для достижения утилитарных целей повышается общая интернальность и интернальность в сфере достижений. Человек с внешним типом религиозности чувствует мнимую внешнюю защищенность на пути к цели, которая вступает залогом благополучного достижения успеха. Внутренняя религиозность, напротив, способствует понижению общей интернальности и интернальности в сфере достижений. При этом, человек склонен объяснять неудачи в достижении целей влиянием внешних сил («судьбы», «темных сил» и иных обстоятельств);
- нерелигиозные испытуемые проявили склонность к самостоятельности, внутреннему субъективному контролю, управлению событиями собственной жизни в целом ($r=0,24$, $p \leq 0,01$), и в области достижения конкретной цели ($r=0,31$, $p \leq 0,05$);
- анализ корреляций интернальности в области не-

удач проявил тенденцию обратной зависимости с внешней религиозностью ($r = -0,28$, $p \leq 0,01$) и статистически значимый результат прямой корреляции с внутренним типом религиозности ($r = 0,32$, $p \leq 0,01$). Это может объясняться тем, что глубокое принятие религиозных ценностей способствует развитию чувства вины в связи с неудачами реализации планов и снижает ощущение субъективного удовлетворения (благополучия), стимулирует самообвинение за неудачные действия, как результат влияния внешних сил согласно религиозным убеждениям. Респонденты с внешним типом религиозности, напротив, проявили слабо выраженную тенденцию объяснения неудач внешними обстоятельствами (влиянием других людей, невезением и т.д.);

- интернальность в семейных отношениях имеет прямую связь с обоими типами религиозности и подвыборкой нерелигиозных людей ($r = 0,62$, $p \leq 0,05$; $r = 0,31$, $p \leq 0,05$; $r = 0,37$, $p \leq 0,05$), что свидетельствует о достаточно высоком мотиве достижения в области семейных ценностей, несмотря на различное отношение к религии. При этом, для респондентов с внутренней религиозностью характерен результат, практически в два раза выше показателей других подвыборок. Это может объясняться значимостью семьи и внутрисемейных ценностей в религиозной культуре;
- интернальность в производственных отношениях прямо коррелирует с внешней религиозностью ($r = 0,26$, $p \leq 0,01$) и обратно – с внутренним типом религиозности ($r = -0,27$, $p \leq 0,01$), что может свидетельствовать о конформности, сдержанности и подчиненности в производственных отношениях при условии принятия религии, как внутренней ценности. Утилитарный тип религиозности, напротив, способствует достижениям целей в этой сфере. В среде нерелигиозных респондентов от-

Таблица 1

Коэффициенты корреляции Спирмена показателей методики диагностики уровня субъективного контроля Дж. Роттера (адаптация Бажина Е.Ф., Голынкиной С.А., Эткинда А.М.) и шкалы религиозной ориентации (Г. Олпорта, Д. Росса)

п=415 М 216, ж 199	Внутренняя религиозность	Внешняя религиозность	Нерелигиозные люди
Общая интернальность	$r=-0,39$	$r=0,33$	$r=0,24^*$
Интернальность в области достижений	$r=-0,51$	$r=0,35$	$r=0,31$
Интернальность в области неудач	$r=0,32$	$r=-0,28^*$	$r=0,11$
Интернальность в семейных отношениях	$r=0,62$	$r=0,31$	$r=0,37$
Интернальность в производственных отношениях	$r=-0,27^*$	$r=0,26^*$	$r=0,32^*$
Интернальность в межличностных отношениях	$r=-0,26^*$	$r=0,12$	$r=0,02$
Интернальность в области здоровья	$r=0,28^*$	$r=0,33$	$r=0,30^*$

Примечание. Выделенные значения значимы при $p \leq 0,05$; * - показатель на уровне тенденции ($p \leq 0,1$).

мечена статистически значимая прямая связь с интернальностью в производственной среде ($r=0,32$ $p \leq 0,05$). Это говорит о важности собственного участия испытуемых данной подвыборки в организации производственной деятельности и поддержания конструктивных отношений в коллективе;

- отсутствие корреляционных связей по линии «интернальность в области межличностных отношений» – «внешняя религиозность» и «интернальность в отношении здоровья и болезни» – «внешняя религиозность» свидетельствует о незначительном влиянии такого типа религиозности в сфере мотивов построения и поддержания межличностных отношений и формирования взглядов на здоровье и болезни.
- в подвыборке респондентов с внутренней религиозностью выявлена тенденция обратной зависимости с «интернальностью в области построения межличностных отношений» ($r=-0,26^*$ $p \leq 0,01$), что может говорить о снижении способности внутренне религиозных людей формировать и поддерживать свой круг общения, а также склонности считать межличностные отношения результатом действия внешних обстоятельств или других людей.

Выводы

Локализация субъективного контроля (локус контро-

ля) детерминирована различными свойствами личности, в частности, личной религиозностью, имеющей интегративный характер. Исследование выявило статистически значимые корреляции религиозности и субъективного контроля личностью важных жизненных событий с позиции их социальной желательности и безопасности.

В частности, респонденты, обладающие внешним типом религиозности, и нерелигиозные респонденты более ориентированы на просоциальные и безопасные ценности, проявив способность ощущать себя активным субъектом собственной деятельности и нести ответственность (внутренний локус контроля) в области достижений и производственных отношений. Исключение составила область неудач, в которой данные испытуемые проявили склонность к атрибуции внешним обстоятельствам – другим людям, невезению и т.д. (внешний локус контроля).

Внутренне религиозные люди проявили меньшую степень ориентированности на социально значимые и безопасные ценности. Такой тип религиозности способствует снижению как общей интернальности, так и интернальности в области достижений, производственных и межличностных отношений (внешний локус контроля).

Между тем, оба типа религиозных респондентов и нерелигиозные испытуемые проявили солидарные показатели интернальности в области собственного здоровья и семейных отношений (внутренний локус контроля).

ЛИТЕРАТУРА

1. Бажин, Е.Ф. Метод исследования уровня субъективного контроля / Е.Ф. Бажин, Е.А. Голынкина, А.М. Эткинд // Психол. Журн. – 1984. – Т. 5. - №3. – С. 152-162.
2. Гумницкий, М.Е. Исследование взаимосвязи ценностно-смысловой сферы и религиозности личности // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Педагогика и психология. 2013. № 5. С.113 – 120.
3. Густова, Л.В. Исследование взаимосвязи между уровнем религиозности и интегративными личностными качествами: Дис. ... канд. психол. наук. Кострома, 2014. 152 с.
4. Густова, Л.В. Влияние религиозности на развитие индивидуальности // Материалы второй Всерос. конф. «Психология индивидуальности». – М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2008. – С. 261-263.
5. Лызь, Н.А. Модельные представления о безопасной личности / Н.А. Лызь // Известия ТРТУ. – 2005. – № 7 (51). – С. 21–25.
6. Лызь, Н.А. Формирование безопасной личности в образовательном пространстве вуза: автореф. дис. ... д-ра пед. наук / Н.А. Лызь. – Ставрополь, 2006.
7. Мишин, Ю.В. Психологические аспекты формирования личности безопасного типа // Человек-Природа-Общество: теория и практика безопасности жизнедеятельности, экологии и валеологии. Выпуск 4 (11) : сборник научных трудов – Симферополь : РИО КИПУ, 2018. – С.40 – 42.
8. Мишин, Ю.В. Аспекты субъективного контроля религиозной и нерелигиозной личности // Гуманитарные науки. – Сборник научных трудов: - Ялта: РИО ГПА, 2019. – Вып. 2 (46). – С. 153 – 159.
9. Олпорт, Г. Становление личности : Избр. труды / Г.Олпорт. - М. : Смысл, 2002. - 462 с.
10. Олпорт, Г. Тенденции в теории мотивации / Г. Олпорт // Проективная психология. - М., 2000. - С. 55 - 67.
11. Соколовская, И.Э. Социальная психология религиозной идентичности современной российской молодежи: дисс. ... докт. психол. наук / И.Э. Соколовская. – М., 2015. – 315 с.
12. Сучкова, О.В. Методика изучения социально-психологического свойства личности «Религиозность» // Вестник Тверского государственного университета. – 2008. – № 13 (73). – С. 136 – 146.

13. Фромм, Э. Искусство любить / Э. Фромм; пер. с англ. А. В. Ярхо. – СПб.: Азбука, 2002.
14. Шемет, И.С. Методика исследования религиозности // Сборник статей «Психология XXI столетия». – Т. 2; под редакцией В.В. Козлова - Ярославль, МАПН, 2007 – С. 304-305.
15. Allport, G. The Religious Context of Prejudice. — Journal for the Scientific Study of Religion, 1966, vol. 5, p. 454–455.
16. Rotter, J.B. (1989). Internal versus external control of reinforcement: A case history of a variable. Amer. Psychologist, 45, 489-493.
17. Rotter, J.B. Generalized expectancies for internal versus external control of reinforcement // Psychol. Monographs. 1966. V.80, K1.

© Мишин Юрий Викторович (skmax1@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Крымский инженерно-педагогический университет

АНАЛИЗ ПОДХОДОВ К ИЗУЧЕНИЮ ФЕНОМЕНА ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО ВЫБОРА

Мясникова Зоя Вячеславовна

Аспирант, Тихоокеанский государственный университет
myasnikovazoya@yandex.ru

THE ANALYSIS OF APPROACHES TO STUDYING EXISTENTIAL CHOICE PHENOMENON

Z. Myasnikova

Summary: The analysis of the authors' various approaches to understanding existential choice category is represented in this article. Also the necessity of studying this phenomenon is proved.

Keywords: existential choice, valuable orientations, life choice, personal growth, life style, indeterminacy.

Аннотация: В рамках настоящей статьи представлен анализ различных подходов исследователей к пониманию категории экзистенциального выбора. Также обоснована потребность изучения данного феномена.

Ключевые слова: экзистенциальный выбор, ценностные ориентации, жизненный выбор, личностный рост, жизненный стиль, неопределенность.

В психологии экзистенциального направления принято считать, что развитие личности определяется ее выбором, путем диалога с внешним и внутренним миром личность создает сама себя, проходит этапы своего развития. В связи с развитием современной цивилизации происходит обострение фундаментальных проблем человеческого существования. Этим обусловлена потребность в изучении взаимоотношений человека с миром, смысла жизни, факторов утраты смысла, а также условий и механизмов его восстановления. Так, Дружинин В.Н. определял экзистенциальную психологию как науку «о том, как человеческая судьба зависит от отношения человека к жизни и смерти, «о разнообразии и типологии человеческих жизней», «о человеческом сознании и субъективной реальности, которая является отражением жизни в образе индивидуального жизненного пути» [2].

Ярчайшими примерами исследователей, занимавшихся проблемой экзистенциального выбора, являются Эрих Фромм, Ролло Мэй, Виктор Франкл. Также большой вклад в развитие теории экзистенциального выбора внесли Василюк Ф.Е., Наумова Н.Ф., Петровский В.А., Мадди С.Р. В рамках настоящей статьи планируется рассмотреть подходы данных авторов к изучению экзистенциального выбора. На наш взгляд, значимость и практическая ценность изучения подходов к теории экзистенциального выбора очевидна для психотерапевтической, тренинговой и консультативной работы специалиста. поскольку в реальности путем применения простых методик в ситуациях опустошенности и обреченности от бытия позволяет личности найти новые смыслы и выборы, выйти из позиции жертвы.

Поддерживая идеи философов-экзистенциалистов

относительно выбора, данные авторы позиционируют выбор как проявление фундаментальной человеческой свободы, мужества и реализацию смыслов и ценностных ориентаций личности. В своих взглядах они уделяют внимание самоопределению личности, ее активной позиции и происходящих в ней изменениях вследствие совершения акта выбора. Авторы понимают выбор как процесс, наиболее значимым компонентом которого является акт принятия на себя ответственности за последствия своего решения, при этом колоссальное значение придается тому, насколько обдуманно, ответственно или, напротив, импульсивно и спонтанно совершается выбор. При этом не берется во внимание конкретный результат и то, произошло ли принятие и осознание личностью совершенного выбора. Другими словами, под выбором следует понимать не единичное явление, акт, а совокупность жизненных выборов, которые и формируют индивидуальную стратегию поведения личности в ситуации неопределенности.

В соответствии с теорией С. Мадди, существуют две кардинально различающиеся стратегии – выбор прошлого и выбор будущего – на основании которых и происходит формирование жизненного стиля личности. Так, например, человек, выбирающий прошлое, лишает себя возможности саморазвития, но при этом сохраняет спокойствие, так как ему не нужно рисковать, он руководствуется опытом прошлого, исход ситуации для него, скорее всего, известен. Человек, выбирающий будущее, напротив, подвержен сомнениям и тревогам перед неопределенностью, однако именно так и происходит качественный личностный рост.

С данной концепцией схожи идеи отечественного психолога Н.А. Логиновой, которая занималась иссле-

дованием выборов человека на протяжении жизни во временной перспективе его развития. Автор убеждена, что «связь психологического прошлого с настоящим и будущим выступает в каждом случае жизненного выбора» [3]. Кроме того, она подчеркивает влияние структуры индивидуальности личности и работы ее сознания на экзистенциальный выбор и жизнедеятельность личности в целом.

Признавая свободу человека, А. Лэнгле отмечает, что «при многократном повторении определенных поступков какие-то жизненные пути становятся привычными, а другие зарастают» [4]. По мнению автора, зависимость от ситуации и автоматизм, с которым личность совершает выбор, сужают ее свободу.

Интересным для исследования представляется подход Василюка Ф.Е. к изучению экзистенциального выбора. Автор разрабатывает представление о жизненных мирах и описывает их внешний и внутренний аспекты, которые отражают степень легкости или трудности немедленного и полного удовлетворения возникшей потребности и степень простоты или сложности потребностей личности [1]. Согласно его теории, данные категории служат основой для выделения «четырех типов жизненных миров: инфантильный (внутренне простой и внешне легкий), реалистический (внутренне простой и внешне трудный), ценностный (внутренне сложный и внешне легкий) и творческий (внутренне сложный и внешне трудный)» [1].

С точки зрения Василюка Ф.Е., ввиду несложной структуры внутренней простоты жизни, наличия у субъекта единственной потребности (жизненного отношения) или целого ряда жизненных отношений, неперекрещивающихся между собой, выбор в качестве предпочтения одной из имеющихся альтернатив невозможен. Кроме того, выбор также не может базироваться на основе принципиального сравнения альтернатив из-за постоянно возникающих внешних затруднений.

Подлинный выбор, по мнению Василюка Ф.Е., возможен только в ценностном мире. Это обусловлено отсутствием со стороны внешнего мира препятствий для выполнения намерений личности, при этом конфликтующие между собой жизненные отношения сопоставляются сами по себе. Данная система является «мотивационно-смысловым ядром личности» [1]. Основой для выбора служит ценность, устойчивая, общечеловеческая, которая выполняет смыслообразующую и смысло-различающую функции, при этом ценность подвержена произвольным изменениям со стороны личности.

Автор убежден, что во внешне легком мире любая актуализировавшаяся у субъекта выбора потребность воплощается в полной мере, мгновенно и окончательно,

что несет в себе оттенок трагичности. В соответствии с идеями автора, этапами подобного ценностного выбора для личности являются следующие:

1. отвлечение от трудности мира при одновременном удержании его сложности;
2. актуализация глубинных ценностей;
3. оценка альтернатив;
4. жертва.

Последний этап – жертва – связан с осознанием необратимости и «экзистенциальной ценности сделанного выбора».

Взгляды Василюка Ф.Е. находят отражение в теории Папуша М., согласно которой человек в ситуации экзистенциального выбора оказывается в точке пересечения двух или нескольких несогласованных действительностей, в каждой из которых он имеет определенный способ поведения, что, в свою очередь, не требует от него принятия решения. Таким образом, ситуация выбора существует в том случае, когда личность сама удерживает пересечение действительностей. Следовательно, выбор и необходимость его осуществить уже существуют, а возможности выбора у личности еще нет, поскольку она не может исключить из числа имеющихся действительностей ни одну.

Поддерживая идеи Ф. Перлза и Э. Берна, Папуш М. приходит к выводу о том, что выбор является «виртуальной ситуацией, поддерживаемой личностью, поверх субличностей выбирающей себя, поскольку в прочих «гомогенных» ситуациях те или иные субличности справляются сами» [7].

Согласно концепции Петровского В.А., личность, осуществляющая выбор, представлена как «единомножие субъектов»: Родителя, Взрослого и Ребенка [8]. Автор руководствовался идеей описания, объяснения и предсказания поведения личности в ситуации жизненной неопределенности. Петровским В.А. был введен термин «виртуальной состоятельности» личности, посредством которого возможно обозначить ее нижний и верхний пределы, на что может рассчитывать личность в тех или иных обстоятельствах, благоприятных или нет. Данные обстоятельства, в свою очередь, зависят от стечения импульсов, которые производятся указанными выше категориями (Родитель, Взрослый, Ребенок).

Колоссальное значение в своей теории Петровский В.А. придает опыту прошлого, сосредоточенному в Ребенке, значению этого опыта для процесса бессознательной интерпретации окружающей действительности и способности к совершению экзистенциального выбора, поскольку виртуальная состоятельность не может быть ниже ресурсов, предоставляемых Ребенком. Автор отмечает, что прекращение либо отсутствие поддержки

со стороны Родителя, которые «выражаются в виде наставительных импульсов, а также заинтересованность Взрослого, который служит в качестве разумной части личности, приводят к ее повышению. Другими словами, отсутствие полного контроля над ситуацией выбора со стороны инстанции «Родитель» позволяет инстанции «Ребенок» повысить свою состоятельность, развивать зрелость и способность к осуществлению выбора. Согласно идее Петровского, «внутренняя состоятельность личности, осуществляющей экзистенциальный выбор, должна еще быть испытана миром» [8]. Данная позиция понимается нами следующим образом: только зрелая личность с приобретенным в процессе своей жизни опытом, положительным или отрицательным, способна рационально прожить и принять все этапы, предшествующие экзистенциальному выбору.

Более лаконичен и понятен подход Мадди С.Р. к феномену экзистенциального выбора. По его мнению, подлинный выбор выступает как шаг, содержание и направленность которого «наделяют жизнь уникальным смыслом, в соответствии с чем выделяются две различающиеся стратегии выбора человека, являющиеся основой его жизненного стиля: выбор прошлого и выбор будущего» [5].

Согласно его теории, постоянный выбор личностью прошлого, привычных способов реагирования на различные сложности, уготованные жизнью, свидетельствует о стремлении личности к безопасности и комфорту. Однако подобный склад вещей со временем приводит личность к «информационному вакууму», в результате которого определенность и однозначность отношений личности с миром, в которых нет ни намека на какие-либо изменения, приводит к жизненному застою, скуке, ощущению собственного бессилия, растрачиванию моральных энергетических ресурсов и, как следствие, к переживанию вины, связанной с упущенными возможностями, и осознанию бессмысленности собственного существования.

В основе такого жизненного стиля, по мнению Мадди С.Р., заложен конформизм, уязвимость перед стрессогенными обстоятельствами, страх и неспособность «держать удар». Личности, придерживающиеся подобного жизненного стиля, подвержены таким негативно заряженным «крайностям» как авантюризм, нигилизм и вегетативность.

Выбирая будущее, личность находится в процессе постоянного саморазвития, накопления опыта, расширения границ личностного потенциала и своего представления о мире, в результате чего происходит формирование жизнестойкости, отваги. Под жизнестойкостью в рамках настоящей концепции Мадди С.Р. понимал «ядро личности, верность человека самому себе и опору

на собственные силы в тяжелые моменты, позволяющую уменьшить онтологическую тревогу, возникающую из-за той непредсказуемости, неизвестности, с которой сталкивается личность в процессе выбора в пользу будущего» [5].

Качество жизнестойкости формируется в процессе контроля ситуации личностью, борьбы со стрессогенными обстоятельствами и готовностью непрерывно учиться на собственном опыте. Формирование и развитие индивидуализма, полноценного продуктивного взаимодействия человека с другими людьми, основанного на взаимовыручке, помощи, способности поддержать, а также забота о собственном здоровье как о бесценном даре, являются следствием выбора личности в пользу будущего.

Занимаясь проблемой экзистенциального выбора, автор сформулировал основные задачи экзистенциально-ориентированной психотерапии, вытекающие из его концепции:

- воспитание индивидуализации в человеке, облегчение для него регулярного выбора будущего;
- формирование жизнестойкости как важного качества для управления тревогой.

На наш взгляд, в стремительно меняющемся, прогрессивном мире, в ситуациях, когда необходимо незамедлительно принять решение и осуществить выбор, одной из приоритетных характеристик личности должна выступать ее способность принимать неопределенность будущего и риск как нечто естественное, обыденное.

Анализируя особенности экзистенциального выбора, Лэнгле А. в своем подходе ключевую роль отводит процессу воли. С точки зрения автора, фундаментальной базой для воли являются «возможности личности, затронутость некоторой ценностью, совесть и смысл» [4]. Согласно данной теории, внутреннее «да» по отношению к определенной ценности является решением личности, и оно может быть целостным и свободным только в случае сосредоточенности в воле ее четырех компонентов: «я могу», «мне нравится», «я имею право» и «я должен». Если данное условие не соблюдено, решение переживается личностью как принуждение, в котором не может быть свободы и, соответственно, выбора. Образно говоря, сам акт воли подобен пружине между запросом ситуации и действием человека в ответ на этот запрос.

Очень логично и последовательно Лэнгле А. разложил процесс воли, входящий в структуру экзистенциального выбора, на этапы. В соответствии с этим, на первом этапе личность испытывает чувство затронутости ценностью, которое сменяется взвешиванием ценностей (с точки зрения рациональности и эмоций), после чего принимается решение, которое еще Кьеркегор С. опи-

сал как «прыжок личности к себе», благодаря которому освобождаются силы, потенциал, личность устремляется навстречу выбранной ценности, испытывая при этом внутреннюю ясность и очевидность, что выбранная ею ценность будет реализована. В процессе воли наблюдаются интересные трансформации, затрагивающие личность: наполненность энергией, концентрированность, чувство персональной свободы, чувство облегчения в ответ на потребности личности делать то, что именно она хочет делать вместо реализации навязанного. На последнем этапе воли происходит действие, личности предоставляется решение, и она чувствует, что готова отвечать за свой выбор.

Кроме того, автор подхода отмечал, что «принимаемое в процессе волевого акта решение не является и не должно восприниматься как некий идеал; это то, что на данный момент является для человека приемлемым» [4]. В соответствии с этим воля является связующим компонентом между личностным идеалом и реальной ситуацией, воля личности свидетельствует о том, что при сложившихся обстоятельствах человек предстает именно таким, и решение принимает его «Я».

Не менее интересным для исследования феномена экзистенциального выбора представляется подход Наумовой Н.Ф., согласно которому выделяются три основные стратегии целеполагания: экстремистская (стратегия спонтанного, иррационального выбора, ведущая к формированию гибкости человека, то есть отсутствию устойчивых качеств его личности), принятие решений (редукция целеполагания, сведения деятельности к автоматизмам) и стратегия свободного выбора. В соответствии с теорией автора, необходимым условием свободного выбора является обеспеченность индивида «потребностями, ценностями, логиками, ресурсами для построения альтернатив выбора и готовности к наибольшему числу вариантов событий» [6]. Следует отметить, что данные параметры возникают у личности, по мнению автора, вынужденно, в процессе осуществления личностью выбора и «сравнения несравнимого по определению», другими словами, осуществления нелогичных, необъединяемых между собой операций.

Стратегия свободного выбора делает сложным взаимодействие личности с окружающей ее действительностью, «делая адаптивное, реактивное поведение невозможным» [6].

В рамках своего подхода Наумова Н.Ф. выделяет такие принципы свободного выбора как:

- альтернативность индивидуальной жизни (внутренняя готовность к осуществлению любой выбранной альтернативы);
- антиномичность (существование логически несовместимых предположений о собственном суще-

ствовании, обусловленных двойственностью природы человека);

- неопределенность (неопределенность связи между системой ценностей и возможностями индивида, которые позволяют ему конструировать новые альтернативы выбора);
- случайность (невозможность обоснования выбора в рамках известных критериев);
- время (свободное упорядочивание и трактовка как объективного, так и субъективного времени);
- непосредственное социальное взаимодействие индивида [6].

Анализ подходов к изучению экзистенциального выбора в рамках настоящей статьи позволил нам определить основные принципы и идеи исследуемого феномена. Так, свободная воля личности помогает ему находиться в постоянном развитии, избегая регресса. Природа же личности такова, что она постоянно нуждается в самораскрытии и непрерывном развитии своего потенциала. При этом, личность обладает свободой, волей и возможностью выбора в рамках своих ценностных ориентаций.

Опираясь на высказывание Франкла В. относительно того, что «у каждого времени свои невроты – и каждому времени требуется своя психотерапия», можно утверждать, что перемены, которые происходят в социальной реальности, изменяют отношения человека с окружающим миром, его взгляды и направления, устраняя одни проблемы и порождая новые. Так, экзистенциальный подход в изучении проблемы выбора в психологии является важным этапом выхода психологической науки на новый уровень выявления и описания проблем личности, ее взаимоотношений с окружающим миром. Потребность в новом уровне описания человеческих проблем обусловлена тем, что традиционная психология не способна в полной мере осветить некоторые феномены, которые выходят за пределы традиционно заданных рамок, опираясь на психологические и ситуационные характеристики. В этой связи совершенно справедливо, что экзистенциальный подход в психологии выбора возникает в качестве ответа на современные кризисы и потребности современного общества.

Так, изучение экзистенциального выбора позволит усовершенствовать психотерапевтические практики, направленные на решение жизненных задач, которые современная реальность ставит перед человеком. По мере становления и развития практической психологии и психологической практики появляются потребности решения все более сложных задач, которые заключаются в помощи человеку при решении проблем адаптации и самореализации, а также – более комплексных задач – решения экзистенциальных проблем, поиска смысла своего существования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Василюк Ф.Е. Психотехника выбора // Психология с человеческим лицом: Гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / под ред. Д.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 1997. – 330 с.
2. Дружинин В.Н. Варианты жизни: очерки экзистенциальной психологии. М.: ПЕР СЭ; СПб.: ИМАТОН-М, 2000. – 214 с.
3. Логинова Н.А. Жизненный выбор личности // Психобиографический метод исследования и коррекции личности: Учебное пособие. – Алматы: Казак. Университет, 2001. – 172 с.
4. Лэнгле А. Экзистенциально-аналитическая теория личности. – М.: Генезис, 2005. – 159 с.
5. Мадди С. Смислообразование в процессах принятия решения // Психологический журнал. – 2005. – Т. 26. – № 6. – С. 87-101.
6. Наумова Н.Ф. Психологические механизмы свободного выбора // Системные исследования: Методологические проблемы. Ежегодник. – 1983. – М.: Наука. – С. 197.
7. Папуш М. Психотехника экзистенциального выбора. М., 2001. – 184 с.
8. Петровский В.А. Метаимпликативная модель экзистенциального выбора // Актуальные проблемы психологии. Самарский регион: Спец. выпуск. – Самара: СамГУ, ПИРАО, 2002. – С. 95-102.

© Мясникова Зоя Вячеславовна (myasnikovazoya@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Тихоокеанский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ МИГРАНТОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ С ЛИЧНОСТНОЙ БЕСПОМОЩНОСТЬЮ И САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬЮ¹

FEATURES OF CULTURAL VALUES OF CENTRAL ASIAN MIGRANTS WITH PERSONAL HELPLESSNESS AND INDEPENDENCE

*Ya. Pakhomova
I. Ponomareva*

Summary: The article presents the results of a study of cultural values among migrants with personal helplessness and independence. According to the data obtained, the value system is more formed among migrants with independence. A stable system of values allows migrants to adapt more successfully to the new socio-cultural environment, relying on their own resources, one of which is values. The identified features of cultural values of migrants allow creating a theoretical basis for solving applied problems of socio-psychological support of adaptation and integration of migrants.

Keywords: cultural values, migrant, personal helplessness, independence, adaptation.

Пахомова Яна Николаевна

*к.псх.н., доцент, Челябинский государственный университет,
sizova159@yandex.ru*

Пономарева Ирина Владимировна

*к.псх.н., Челябинский государственный университет,
ivp-csu@yandex.ru*

Аннотация: В статье представлены результаты исследования культурных ценностей среди мигрантов с личностной беспомощностью и самостоятельностью. Согласно полученным данным, система ценностей в большей степени сформирована у мигрантов с самостоятельностью. Устойчивая система ценностей позволяет мигранту успешнее адаптироваться к новой социокультурной среде, опираясь на собственные ресурсы, одним из которых выступают ценности. Выявленные особенности культурных ценностей мигрантов позволяют создать теоретическую базу для решения прикладных задач социально-психологического сопровождения адаптации и интеграции мигрантов.

Ключевые слова: культурные ценности, мигрант, личностная беспомощность, самостоятельность, адаптация.

Глобальный контекст существования современного общества характеризуется нарушением целостности гуманитарного мира. Это нарушение проявляется, в первую очередь, в массовых миграциях населения. Миграция является, с одной стороны, важной частью национальной политики отдельных государств, неотъемлемым компонентом трансформации и модернизации социума, фактором национальной безопасности, демографического и экономического роста, а с другой – фактором напряженности экономических взаимоотношений, межэтнической конфликтности, деформации этнической идентичности принимающего сообщества.

Социально-психологические последствия миграционных процессов проявляются в двух основных аспектах. Во-первых, в контексте проблем интеграции мигрантов в принимающее сообщество, особенностей восприятия новых культуры, законов и норм, гармонизации взаимоотношений с местным сообществом. Интеграция мигранта предполагает его включение в си-

стему социальных, правовых и культурных отношений принимающего общества в качестве полноправного и постоянного члена; как правило, интеграция связана с получением мигрантом права на временное или постоянное проживание в стране, а также с получением гражданства принимающей страны. Во-вторых, в контексте изучения проблем принимающего мигрантов общества через проблематику восприятия мигрантов, отношения к определённым культурным и конфессиональным группам, готовности взаимодействовать с сообществами мигрантов [2, 5, 10].

В процессе адаптации мигрантов к новой социокультурной среде происходит переоценка ценностей, формируются новые личностные смыслы, социальные установки, иные особенности поведения и деятельности [1, 4, 8, 11]. Особенности системы ценностей играют важную роль в процессе адаптации мигранта. Однако, важно понимать не только то, каких ценностей придерживается субъект, совпадают ли они с ценностями принимаю-

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ (проект № 19-013-00949 А Культурно-этнические детерминанты самостоятельности-личностной беспомощности молодежи России и стран ближнего зарубежья (на материале мигрантов из Центральной Азии)).

щего сообщества, но и как связаны система ценностей мигранта и его личностные особенности. Это позволит осуществить целенаправленную помощь в сложной ситуации – ситуации приспособления к новым условиям жизни – с учётом личностных характеристик.

В этой связи, цель данного исследования: изучить особенности культурных ценностей мигрантов Центральной Азии с личностной беспомощностью и самостоятельностью. Теоретико-методологическим основанием исследования выступают общеметодологические принципы отечественной психологии (принцип развития, системности, субъекта), положения субъектно-деятельностного подхода (С.Л. Рубинштейн, К.А. Абульханова, А.В. Брушлинский), субъектной психологии (В.В. Знаков, Е.А. Сергеев и др.), концепция личностной беспомощности Д.А. Циринг, кросс-культурный подход. В качестве инструментов психодиагностического исследования выступили: методика диагностики личностной беспомощности-самостоятельности (Д.А. Циринг, М.О. Климова), методика изучения культурных ценностей Ш. Шварца, а также анкета для сбора данных о социальных показателях (пол, возраст, страна происхождения, уровень образования, причины миграции). Статистический анализ данных производился с использованием методов: первичная описательная статистика, непараметрический метод сравнения (U-Манна-Уитни).

В данном исследовании приняли участие представители различных культур из Центральной Азии (N=222): Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан. В качестве причин миграции обозначены получение образования, поиск работы, переезд на постоянное место жительства. На данном этапе исследования испытуемые в зависимости от цели приезда и страны происхождения не объединялись в подгруппы, в связи с тем, что основной целью работы является изучение специфики культурных ценностей у мигрантов с разными личностными особенностями. Так, личностная беспомощность и самостоятельность выступили группирующим фактором.

Основываясь на этом, в результате диагностики личностной беспомощности испытуемые были определены в две группы. Респонденты с высокими показателями по шкалам методики вошли в группу «мигранты с личностной беспомощностью» (N=55), испытуемые с низкими показателями по шкалам методики вошли в группу «мигранты с самостоятельностью» (N=94). Данные испытуемых с промежуточными показателями (N=73) методики в исследовании не анализировались.

Способность личности противостоять силам, нарушающим её внутреннее равновесие – чрезвычайно важная характеристика её жизнедеятельности. Повседневные наблюдения показывают явную связь между личност-

ными образованиями, специфической организацией психических особенностей субъекта и тем, как субъект преодолевает различного рода трудности.

Концепция личностной беспомощности описывает беспомощность как комплексную характеристику личности, раскрывает её специфические особенности, факторы формирования, структурные компоненты, индивидуальные особенности личностной беспомощности, проявление личностной беспомощности в деятельности и поведении субъекта, а также раскрывает противоположную личностной беспомощности характеристику личности – самостоятельность [6]. Субъектно-деятельностный подход, выступая теоретико-методологической основой изучения личностной беспомощности, определяет содержание этого понятия. Так, личностная беспомощность – это характеристика личности, ограничивающая способности субъекта преобразовывать действительность [6]. Она выражается в пассивности субъекта, неспособности справляться со сложностями, зависимости от окружающих, обуславливает трудности целеполагания в силу пессимистических ожиданий, затрудненность достижения целей [6]. Самостоятельность, как и личностная беспомощность, определяет особенности жизнедеятельности субъекта с той разницей, что его поведение, деятельность и взаимоотношения оказываются проявлением его высокой способности преобразовывать действительность, выступать активным началом собственной жизненной позиции [6].

Личностная беспомощность и самостоятельность, являющиеся комплексными характеристиками личности, рассматриваются как внутренние условия, которые обуславливают влияние внешних условий, например, особенности адаптации к новым жизненным условиям. Личностная беспомощность при подобных ситуациях обуславливает реализацию низкого уровня субъектности в деятельности и поведении, тогда как самостоятельность обуславливает активное преобразование ситуации субъектом, то есть характеризует высокий уровень субъектности.

Ценности являются важной основой для построения жизненного сценария, выбора стратегий профессионального и личного самоопределения. На основе собственной системы ценностей человек совершает тот или иной выбор, формирует отношение к окружающему миру, к другим людям и к самому себе [9]. Ценности определяют направленность поведения и значимость поступков людей. Ценности – это устойчивые убеждения в том, что определенный способ поведения предпочтительнее с личной или социальной точки зрения, чем противоположный или обратный способ поведения [3]. Под ценностями Ш. Шварц подразумевал те потребности, которые непосредственно зависят от культуры, среды, менталитета конкретного общества [7].

Устойчивая и непротиворечивая система ценностей позволяет в непростой этап адаптации мигранта к новой социокультурной среде сохранить целостность личности. Оказавшись в отличных от привычных условиях жизни, мигрант вынужден осваивать новые социальные нормы и правила, однако полный отказ от собственных убеждений и ценностей может негативно сказаться на процессе адаптации и последующей интеграции. Дисгармоничность структуры ценностей способствует отрицательному восприятию сложившейся ситуации, чувству одиночества, беспомощности и ощущению ненужности мигрантами.

В связи с этим нами были изучены культурные ценности мигрантов с разными личностными особенностями: личностной беспомощностью и самостоятельностью. В результате проведенного сравнительного анализа было обнаружено, что у мигрантов с самостоятельностью ценности «Доброта» ($p=0,000$), «Самостоятельность» ($p=0,000$), «Гедонизм» ($p=0,002$), «Власть» ($p=0,019$), «Безопасность» ($p=0,000$), «Достижения» ($p=0,000$), «Конформность» ($p=0,011$), «Традиции» ($p=0,000$), «Универсализм» ($p=0,000$), «Стимуляция» ($p=0,001$) являются более выраженными, чем у мигрантов с личностной беспомощностью.

Ценность «Доброта» предполагает сохранение и повышение благополучия близких людей, доброжелательность в повседневном взаимодействии с людьми, с которыми индивид находится в тесном контакте. Для человека, у которого выражена ценность «Доброта», важно быть полезным, честным и снисходительным для своих родных и друзей. Определяющей целью ценности «Самостоятельность» является стремление к самостоятельности мышления, выбора способов действий, к проявлению активности, обусловленные потребностью субъекта быть автономным и независимым. Ценность «Гедонизм» подразумевает необходимость удовлетворения потребностей с последующим чувством удовольствия. Данная ценность подразумевает стремление субъекта к удовольствию и чувственному удовлетворению [7]. В основе ценности «Власть» лежит потребность в доминировании, лидерстве, признании, достижении определённого социального статуса и влиянии на других людей. Мотивационной целью ценности «Безопасность» является стремление к стабильности, к понижению неопределённости и повышению предсказуемости происходящих событий и явлений, что позволяет снизить тревожность и эмоциональный дискомфорт.

Стремление к проявлению собственной компетентности в соответствии с принятыми социальными нормами и образцами составляет ценность «Достижение». Определяющей целью данной ценности является достижение одобряемого группой успеха. Мотивационной направленностью ценности «Конформность» является

сдерживание побуждений к действию и предотвращение действий, которые не соответствуют ожиданиям окружающих и могут им навредить, по мнению субъекта. Производными данной ценности являются самодисциплина, послушание, проявление уважения, вежливость. Ценность «Традиции» предполагает следование выработанным социумом ритуалам и соблюдение принятых группой норм. Поведение, определяемое уважением и принятием традиций, становится символом солидарности и единства с группой. Мотивационной целью ценности «Универсализм» является забота о других, стремление к пониманию и терпимости, обеспечению благополучия окружающим людям и миру в целом. Выраженность данной ценности предполагает, во-первых, направленность личности к равенству, справедливости, защите людей и природы, во-вторых, принятие и понимание тех, кто отличается от тебя. Стремление к новизне, разнообразию и переменам для поддержания оптимального уровня активности составляет ценность «Стимуляция» [7].

Сформированная устойчивая система ценностей позволяет мигранту успешнее адаптироваться к новой социокультурной среде, избежать состояний безнадёжности, апатии, депрессии и тревожности, опираясь на собственные ресурсы, одним из которых выступают ценности. Мигрант с самостоятельностью способен ставить перед собой цели и, в большинстве случаев, достигать их, ему свойственны «высокая гибкость, оптимистичность, проявление творческих способностей, настойчивость и целеустремлённость при разрешении проблемных ситуаций, уверенность в своих силах» [6, 12]. Субъект, характеризующийся самостоятельностью, демонстрирует активное поведение, направленное на построение взаимоотношений с другими людьми, характеризуется лидерскими качествами. Ценности, которые ярче выражены у самостоятельных мигрантов, являются важным ресурсом, позволяющим совладать с трудной значимой жизненной ситуацией – адаптацией к новой социокультурной среде.

Для более полного понимания особенностей культурных ценностей среди мигрантов с личностной беспомощностью и самостоятельностью мы проанализировали средние стандартизированные показатели выраженности ценностей в обеих сравниваемых группах. Согласно полученным данным, наиболее выраженными ценностями среди самостоятельных респондентов являются «Доброта» ($M=5,19$) и «Самостоятельность» ($M=5,07$), наименее выраженной ценностью является «Власть» ($M=3,4$). Для личностно беспомощных испытуемых наиболее значимыми являются ценности «Доброта» ($M=4,04$) и «Гедонизм» ($M=3,9$), наименее значимой – ценность «Власть» ($M=2,8$). Оказавшись в другой стране, мигранты вне зависимости от личностных особенностей стремятся к позитивному взаимодействию с близкими

людьми в целях сохранения и повышения благополучия группы. Также самостоятельные мигранты проявляют собственную активность, стремление быть автономными и независимыми, что позволяет ему в большей степени адаптироваться к новым условиям. Для респондентов с личностной беспомощностью гедонизм в период адаптации может выступать в виде ресурса, снижающего эмоциональный дискомфорт. Полученные данные относительно низких значений ценности «Власть» мы объясняем тем, что проявление стремления занять лидирующую позицию, обретение статуса, позволяющего оказывать влияние на других людей, могут быть встречены непониманием и непринятием мигранта в новой социокультурной среде.

Таким образом, не смотря на близость культур стран постсоветского пространства, переселенцы так или иначе вынуждены адаптироваться к условиям современной России, к темпу и особенностям жизнедеятельности граждан принимающего сообщества. Культурные отличия между родной страной и Россией заключаются в разнице в обычаях, ценностях, традициях. Новое социальное окружение, другая этнокультурная и языковая среда, иные ценности и нормы взаимоотношений в обществе, отличающиеся требования к организации деятельности и неконтролируемые стрессовые события,

связанные с переездом, могут вызывать сложности процесса адаптации. В результате проведенного исследования было обнаружено, что система ценностей в большей степени сформирована у мигрантов с самостоятельностью. При изучении ценностей у мигрантов, мы обнаружили, что вне зависимости от личностных особенностей наиболее выраженной ценностью является «Доброта», предполагающая преданность группе и поддержание благополучия ее членов, а также стремление стать членом группы, что позволяет удовлетворить потребности мигранта в позитивном взаимодействии и в аффилиации.

Выявленные особенности культурных ценностей мигрантов с разными личностными особенностями (личностная беспомощность / самостоятельность) позволяют создать теоретическую базу для решения прикладных задач социально-психологического сопровождения адаптации и интеграции мигрантов. В качестве перспектив дальнейших исследований можем отметить возможность изучения культурных ценностей на разных этапах адаптации мигрантов, а также среди учебных и трудовых мигрантов, с последующей разработкой практических рекомендаций для психологов, работающих с разными категориями приезжих.

ЛИТЕРАТУРА

1. Короткина Е.Д. Влияние ценностных ориентации мигрантов на успешность адаптации к новой культурной среде // В сборнике: Теоретические проблемы этнической и кросскультурной психологии. Материалы Пятой Международной научной конференции. Смоленск: Издательство Смоленского гуманитарного университета. 2016. С. 89-92.
2. Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Ценности культуры и развитие общества. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2007. 529 с.
3. Рокич М. Природа человеческих ценностей. М.: Нью-Йорк, 1973. 276 с.
4. Татарко А.Н. Социальный капитал и аккультурационные стратегии как факторы социокультурной адаптации мигрантов из Центральной и Средней Азии в московском регионе // Культурно-историческая психология. 2018. Т. 14. № 2. С. 33-43.
5. Триандис, Г.К. Культура и социальное поведение. Москва: Форум, 2007. - 382 с.
6. Циринг Д.А. Психология личностной беспомощности. М.: Академия, 2010. 410 с.
7. Шварц, Ш. Культурные ценностные ориентации: природа и следствия национальных различий // Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2008. Т. 5, № 2. С. 37-67.
8. Якунина Ю.Е., Котомкина Е.Е. Ценности как фактор адаптации личности к новой социокультурной среде (на примере эмигрантов в Таиланд) // Современная психология: методология, парадигмы, теории. Сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции. НОУ «Профессиональная наука»; Редакторы: Н.А. Краснова, Т.Н. Плесканюк. Нижний Новгород. 2016.
9. Яницкий М.С. Ценностные ориентации личности как динамическая система. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2000. 204 с.
10. Bieda, A., Hirschfeld, G., Schönfeld, P., Brailovskaia, J., Zhang, X. C., & Margraf, J. (2017). Universal happiness? Cross-cultural measurement invariance of scales assessing positive mental health. *Psychological Assessment*, 29(4), 408-421. <https://doi.org/10.1037/pas0000353>.
11. Suslova T. F. Adaptation of migrants: understanding the problem in the context of a constructivist approach // *International research journal*. 2016. Vol. 9 (51). P. 100-103. <https://doi.org/10.18454/IRJ.2016.51.037>
12. Ponomareva I., Sizova Y. Evstafeeva E. Cultural and ethnic factor contributing to personal helplessness: theoretical foundation of research // *Dilemas contemporaneos: Educacion, Politica y Valores*. 2019. Vol. 1 (91). P. 1-13.

© Пахомова Яна Николаевна (sizova159@yandex.ru), Пономарева Ирина Владимировна (ivp-csu@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВНУТРЕННИЙ ДИАЛОГ ПРИ СОВЕРШЕНИИ ПОСТУПКА: УРОВНИ И ЭФФЕКТЫ

Пчелина Ольга Викторовна

Аспирант, Тюменский государственный университет

polga-mk@yandex.ru

INTERNAL DIALOGUE WHEN DOING A DEED: LEVELS AND EFFECTS

O. Pchelina

Summary: The article reveals the theoretical idea of committing a deed through an internal dialogue that takes place on a conscious and unconscious level.

Empirical study has shown that when solving a complex life task, two types of internal dialogue contribute to increasing the level of maturity of a deed: explicit (conscious) and implicit (unconscious). The study sample consisted of 115 people aged 30-50 years. Methods of study are «Structured in-terview», «Internal Dialogical Activity Scale».

Keywords: deed, decision-making, internal dialogue, explicit dialogue, implicit dialogue.

Аннотация: В статье раскрывается теоретическое представление о совершении поступка посредством внутреннего диалога, протекаемого на осознаваемом и неосознаваемом уровне.

Эмпирическое исследование показало, что при решении сложной жизненной задачи повышению уровня зрелости поступка способствуют два вида внутреннего диалога: эксплицитный (осознаваемый) и имплицитный (неосознаваемый). Выборка составила 115 человек 30-50 лет. Использованные методы исследования: «Структурированное интервью», «Шкала внутренней диалоговой активности».

Ключевые слова: поступок, принятие решений, внутренний диалог, эксплицитный диалог, имплицитный диалог.

Тема поступка, принятия важного решения в ситуации неопределенности никогда не утратит своей актуальности. Встречаясь с задачей на поступок, субъект стремится найти по возможности лучшее решение, придумать сравнительно новый способ разрешения конфликта, тем самым творить свое будущее и себя как личность. Многие исследователи, например, [18; 24; 26] природу личности и мышления видят во внутреннем диалоге.

Принятая в отечественной психологии аксиома социального происхождения сознания позволяет говорить о том, что принятие решения в трудной жизненной ситуации (взвешивание альтернатив, прогноз результата, поиск творческого решения и т.д.) есть интериоризированный процесс, который прежде был межсубъектным. Некогда развернутый вовне диалог вращивается внутрь, делая возможным диалог внутренний – «вид интраперсонального общения» [27, р. 2049], сомнения – «опрос возможных позиций, каждая из которых обладает своим голосом и соответствующим набором аргументов в пользу отстаиваемой альтернативы» [5, с. 114]. Л.П. Гримак определяет внутренний диалог как «борьбу мотивов» – наличие различных точек зрения на собственные переживания и действия, «когда четко осознается потенциальное наличие различных способов действия» [4, с. 23-24], а разрешение мотивационного конфликта и есть поступок.

Проблема заключается в том, что, с одной стороны, поступок принято считать сознательным действием

[2, с. 326], [12, с. 26], а с другой – «бывает порой трудно назвать сознательным выбором то, чем мы руководствуемся» [13, с. 83], «одни знания и рассуждения, как правило, не являются достаточными для принятия благоприятного решения» [15, р. 337]. «Практически все, что раньше считалось исключительной прерогативой сознания: принятие сложных решений, семантические преобразования, постановка целей, социальные оценки, моральные суждения и многое другое, – все это вроде бы сначала делается неосознанно и лишь потом осознается» [1, с. 42].

Логично предположить, что помимо сознательного внутреннего диалога при совершении поступка есть еще иной вид внутреннего диалога, который, по аналогии с неосознаваемым мотивом по А.Н. Леонтьеву, «скрыт», и при этом «он действует, он побуждает» [9, с. 450].

Подтверждение идеи находим у нескольких авторов. Так, Ж. Лакан считает, что монолог в целом предполагает наличие другого, но и «бессознательное субъекта есть дискурс другого» [8, с. 35]. Л.В. Розанова выделяет осознанный и неосознанный внутренний диалог: между сознательными частями психического; между сознательными и бессознательными структурами психики; неосознаваемый диалог внутри бессознательного [10, с. 149]. Н.А. Евченко описывает внутренний диалог как «процесс внутренней коммуникации, актуализируемый проблемными ситуациями и протекающий в вербальной и невербальной формах» [6, с. 45].

Точка зрения, что большая часть эффективной обработки информации происходит вне осознания, сегодня является все более разделяемой [14; 19; 20]. «Возможности бессознательной переработки информации зачастую превышают возможности сознательной когнитивной деятельности» [7, с. 136], а познавательные процессы протекают одновременно на двух уровнях: осознаваемом и неосознаваемом, и в их взаимодействии «имеют место как восходящие, так и нисходящие эффекты» [там же, с. 137] (эта идея будет использована в экспериментальном дизайне).

С. Эпштайн в рамках своей когнитивно-экспериментальной Я-теории (Cognitive-experiential self-theory) развивает представления о двух системах обработки информации. Рациональная (когнитивная) система – сознательная, относительно медленная, аналитическая, словесная; эмпирическая (экспериментальная) – быстрая, автоматическая, невербальная [25, р. 972]. При этом эмпирическая система «для решения проблем во многих обстоятельствах оказывается более эффективной, чем рациональная» [17, р. 719], поскольку ее компонентами являются, в частности, воображение и креативность [21].

Таким образом, есть достаточно теоретических оснований считать, что внутренний диалог при совершении поступка может протекать на двух уровнях: осознаваемом и неосознаваемом. Эксплицитный (осознаваемый) диалог сравнительно легко выносится вовне, в то время как имплицитный (неосознаваемый) практически не вербализуем. При этом имплицитный внутренний диалог может быть даже более эффективным при поиске творческого решения в задаче на поступок.

Под поступком понимается выбор между мотивационно оправданными поведенческими возможностями, за каждой из которых стоят альтернативные ценности. Уровень зрелости поступка определяется в соответствии с классификацией видов поступков Е.Л. Доценко:

1. Отказ от поступка – бездействие, игнорирование задачи на поступок.
2. Псевдопоступок – уступка обстоятельствам.
3. Ответственный поступок – выбор одной из альтернатив с отказом от второй.
4. Творческий (наиболее зрелый) поступок – решение, направленное на поддержание по возможности всех альтернатив и, соответственно, ценностей, составляющих суть ситуации [5; 11].

Эмпирическое исследование направлено на подтверждение теоретического положения о роли двух уровней внутреннего диалога при совершении поступка.

Гипотезы:

1. Разворачивание эксплицитного внутреннего диалога способствует повышению зрелости поступ-

ков.

2. Перевод диалога на имплицитный уровень способствует повышению зрелости поступков.
3. Между уровнем зрелости поступка и уровнем внутренней диалоговой активности наблюдается прямая положительная связь.

Выборка

В исследовании приняли участие 119 человек 30-50 лет, четыре протокола были отбракованы, таким образом рабочая выборка составила 115 человек ($M = 37,957$, $SD = 5,810$), из которых 61 жен., 54 муж.

Метод

Авторская методика «Структурированное интервью» (Е.Л. Доценко, В.А. Старцева, О.В. Пчелина) предназначена для выявления уровня зрелости поступков. Стимульный материал представляет собой пять проблемных ситуаций (задач на поступок). Процедура сбора данных состоит из четырех этапов:

1. Типичное принятие решения испытуемым в пяти проблемных ситуациях (начальные предпочтения).
2. Принятие решения в тех же ситуациях после беседы с воображаемым собеседником. Задача заключается в том, чтобы в диалоге с представляемой фигурой еще раз рассмотреть каждую задачу на поступок для поиска по возможности лучшего решения. Идея этапа процедуры – развернуть эксплицитный внутренний диалог.
3. Полезное отвлечение (придумывание названий для пяти абстрактных картинок). Предположительно, во время отвлечения на нерелевантную задачу внутренний диалог в отношении задач на поступок продолжился, но уже неосознаваемо. Идея этапа процедуры – актуализировать имплицитный внутренний диалог.
4. Окончательное, итоговое, принятие решений сразу после полезного отвлечения.

Для определения уровня поступка использовалась стандартизированная кодировка, в спорных случаях – дискуссия для выработки единого мнения экспертов-психологов. Уровень зрелости поступков оценивался по шкале от 0 до 8, где 0 – отказ от принятия решения и какого-либо действия (отказ от поступка); 8 – творческое решение, поддерживающее сразу две или более ценности (наиболее зрелый поступок).

Перед выполнением методики «Структурированное интервью» испытуемые заполняли опросник «Шкала внутренней диалоговой активности П. Олесь» (ШВДА) в адаптации Д.А. Астрецова и Д.А. Леонтьева (2015). Под внутренней диалоговой активностью П. Олесь понимает

«вовлеченность в диалоги с воображаемыми фигурами, моделирование социальных диалогических отношений и взаимное противостояние точек зрения, представляющих различные Я-позиции, имеющих отношение к личной и / или социальной идентичности» [23 p. 242].

Опросник ШВДА включает три шкалы: «Внутренний диалог», «Внутренний мир» и «Внутренний конфликт». «Внутренний диалог» характеризуется как общий показатель диалоговой активности человека. «Внутренний мир» связан с мысленным моделированием окружающего мира, в основном в словесной форме. «Внутренний конфликт» отражает сферу внутренних противоречий, противостояний различных сторон личности человека [3].

Обработка данных выполнялась с помощью Microsoft Excel, SPSS Statistics20, STATISTICA10. Характер сдвига уровня зрелости поступков оценивался с помощью Т-критерия Вилкоксона (W).

Результаты и обсуждение

Таблица 1.

Значения уровня зрелости поступков

Первое решение		Второе решение после разговора с воображаемым собеседником		Окончательное решение после полезного отвлечения	
в пяти задачах на поступок	в среднем	в пяти задачах на поступок	в среднем	в пяти задачах на поступок	в среднем
18,252	3,650	19,426	3,885	20,339	4,068

Визуализация результатов по изменению уровня зрелости поступков при проведении процедуры представлена на рис. 1.

Критерий Вилкоксона показал, что этап разговора с воображаемыми собеседниками (эксплицитный, вербализуемый диалог) статистически значимо повысил уровень зрелости поступков $T = 617, Z = 2,194, p = ,028$. Эксплицитный диалог, похоже, способствовал осознанному погружению в ценностный конфликт, уточнению условий и противоречий, лучшей ориентировке в сторону желаемого результата; поддерживал расширение зоны поиска, приращение, а не редукцию возможного репертуара действия.

Повышение уровня зрелости поступков после этапа полезного отвлечения так же является статистически значимым $T = 761,5, Z = 2,667, p = ,008$. Здесь мы склонны видеть работу имплицитного, неосознаваемого диалога. Исследования творческого процесса свидетельствуют, что мышление продуктивно на неосознаваемом уровне, который соотносится с фазами инкубации и вызревания инсайта [28; 16]. Возможно, имплицитный внутренний диалог более тотален в дискурсе внутренних позиций и поэтому обеспечивает принятие более творческого, зрелого, решения.

Совокупная работа двух уровней внутреннего диалога ожидаемо повысила уровень зрелости поступков $T = 643, Z = 4,359, p = ,000$.

Таким образом, гипотезы 1 и 2 получили подкрепление.

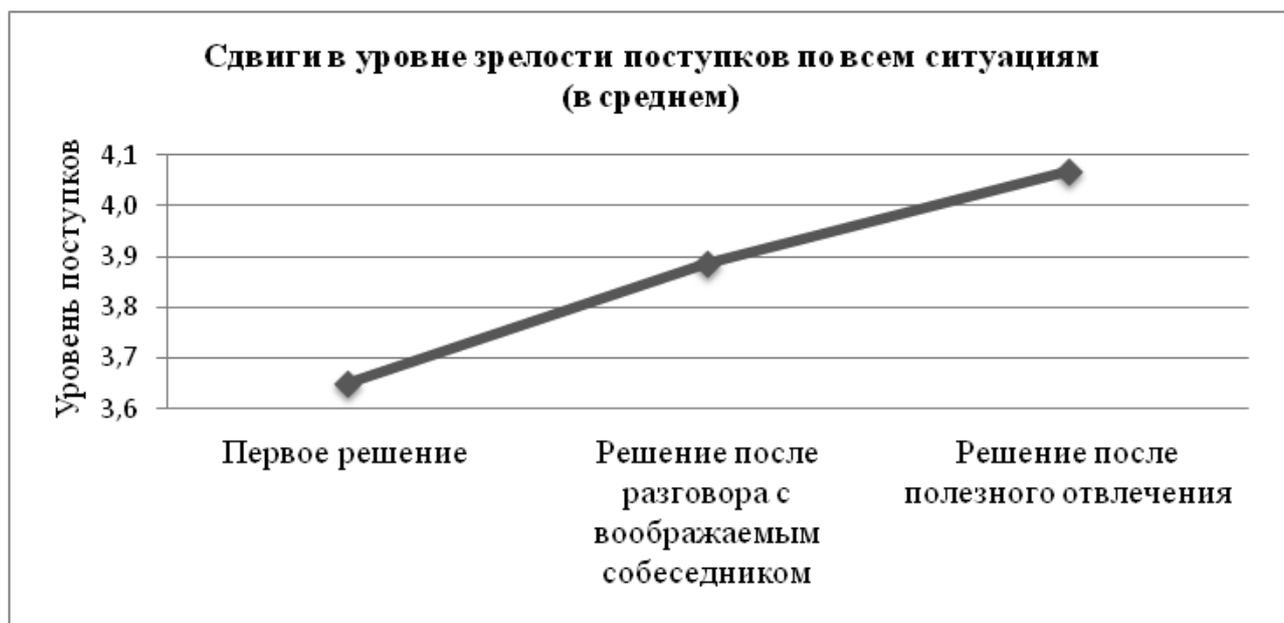

Рис. 1. Сдвиги в уровне поступка (в среднем)

Таблица 2.

Результаты корреляционного анализа уровней зрелости поступков со шкалами опросника ШВДА

	ШВДА	Внутренний Диалог	Внутренний Мир	Внутренний Конфликт
Первое решение	-0,126	-0,071	-0,009	-0,264*
Второе решение после разговора с воображаемым собеседником	-0,082	-0,037	-0,029	-0,174
Окончательное решение после полезного отвлечения	-0,095	-0,059	-0,017	-0,212*

Примечание. Представлены коэффициенты корреляции r -Спирмена (Spearman Rank Order Correlations).

* – корреляция значима на уровне $p < ,05$

Неожиданным оказался слабый результат корреляции уровня поступка с факторами опросника «Шкала внутренней диалоговой активности». Как видно из таблицы 2, на уровне статистической значимости только связь шкалы «Внутренний конфликт» с первым (типичным для испытуемого) и с окончательным решениями. Причем все полученные величины (как значимые, так и не значимые) корреляционного анализа имеют отрицательный знак! Эти данные, казалось бы, не только не подкрепляют гипотезу 3, но и противоречат рассмотренной нами теории.

Однако, во-первых, ШВДА выявляет скорее представления испытуемых о собственном уровне диалоговой активности, чем фактическую сложность внутреннего диалога. Тем более, что часть внутреннего диалога (его имплицитный уровень) остается за границами осознания, а значит, не может быть замерен прямыми вопросами. Как резонно замечает П. Олесь, не все внутриличностные коммуникации представлены в сознании, опросники ограничиваются лишь теми ситуациями и переживаниями, которые респонденты могут вспомнить [22].

И, во-вторых, Д.А. Астрецов и Д.А. Леонтьев обращают внимание на некоторую ограниченность инструментария ШВДА, поскольку факторы опросника «отражают скорее негативный и деструктивный полюс внутреннего плана личности» [3, с. 79].

Внутренняя диалоговая активность, согласно ав-

тору опросника П.Олесь, заостряет интеграцию или конфронтацию различных точек зрения [22]. Puchalska-Wasyl описывает интегративные и конфронтационные внутренние диалоги следующим образом: первые направлены на учет и интеграцию всех вовлеченных точек зрения и, следовательно, могут привести к творческим решениям. Конфронтационные внутренние диалоги, напротив, подчеркивают различия между точками зрения и стремятся усилить одну из них, игнорируя или осуждая другие [26, с. 249].

Поскольку испытуемые по ходу процедуры обследования повышали уровень зрелости поступков (в том числе с точки зрения поиска творческого решения), а положительной корреляции со шкалами ШВДА нет, можно предположить, что при работе с ситуациями, содержащими задачу на поступок, испытуемые актуализировали интегративный внутренний диалог, а заполняя опросник ШВДА – конфронтационный. Как замечают Д.А. Астрецов и Д.А. Леонтьев, «ответы по всем шкалам демонстрируют значимую связь с такими неблагоприятными характеристиками, как низкое самоотношение, склонность к самообвинению, ощущение неблагоприятия жизни» [3, с. 79].

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о подкреплении теоретических представлений о решении задачи на поступок посредством внутреннего диалога, протекающего на двух уровнях: эксплицитном (осознаваемом) и имплицитном (неосознаваемом). Показано наличие эффектов от двух уровней внутреннего диалога: повышению зрелости поступка способствуют как эксплицитный, так и имплицитный. Похоже, что методика «Структурированное интервью» способствует интеграции различных внутриличностных позиций, содействуя поиску творческого решения в задаче на поступок.

Полученная значимая отрицательная связь первого, типичного для испытуемого, и окончательного решений со шкалой «Внутренний конфликт» опросника ШВДА (все прочие связи незначимы и отрицательны), возможно, говорит о том, что с помощью методики «Шкала внутренней диалоговой активности» выявлена выраженность конфронтационных внутренних диалогов. Однако это предположение требует нашей дальнейшей исследовательской работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аллахвердов В.М. Сознание, научение и контроль: вперед к теории // Вестн. С.-Петерб. ун-та, Сер. 16. Психология. Педагогика. 2014. Вып. 4. С. 41-51.
2. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Словарь конфликтолога / А.Я. Анцупов, А.И. Шипилов. 2-е изд. — СПб.: Питер, 2006. — 528 с.: ил.
3. Астрецов Д.А.; Леонтьев Д.А. Психодиагностические возможности «Шкалы внутренней диалоговой активности» П. Олесь // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2015. № 4. С. 66-82.
4. Гримак Л.П. Общение с собой: начала психологии активности. Изд. 3-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 336 с.
5. Доценко Е.Л. Психология личности: Учебное пособие. Тюмень: ТюмГУ, 2009. С. 512.

6. Евченко Н.А. Внутренняя коммуникация «Я – Другое Я» в динамике субъектных проявлений личности: дисс. ...к-та псих. наук. Москва, 2015. 186 с.
7. Куделькина Н.С., Свиридова Т.А. Семантический перенос как эффект взаимодействия осознаваемого и неосознаваемого уровней познания // По обе стороны сознания. Экспериментальные исследования по когнитивной психологии. Самара: Издательский Дом «Бахрах-М». 2012. С. 135-151.
8. Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. М.: Гнозис. 1995. С. 192.
9. Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. М.: Смысл, 2000. С. 511.
10. Розанова Л.В. Внутренний диалог как фактор преодоления жизненного кризиса. Омский научный вестник. 2008. №3 (67). С. 148-150.
11. Старцева В.А. Роль поступков в достижении личностной интегрированности: дисс. ...к-та псих. наук. Екатеринбург, 2016. 205 с. Режим доступа: <http://lib.urfu.ru/mod/data/view.php?id=51&rid=259805&filter=1>
12. Тульчинский Г.Л. Разум, воля, успех. О философии поступка / Г.Л. Тульчинский. Л.: Издательство Ленинградского Университета. 1990. С. 216.
13. Хахалова А.А. Судьба влечений в этике психоанализа // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2010. №3. С. 79-86.
14. Aldous C.R. Attending to Feeling: It May Matter More than You Think // Creative Education. 2014. Vol. 5. № 10. DOI: 10.4236/ce.2014.510091
15. Bechara A., Damasio A.R. The somatic marker hypothesis: A neural theory of economic decision // Games and Economic Behavior. 2005. Vol. 52, № 2. P. 336-372.
16. Botella M., Zenasni F., Lubart T. What Are the Stages of the Creative Process? What Visual Art Students Are Saying // Frontiers in Psychology. 2018. Vol. 9. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.02266>
17. Epstein S. Integration of the Cognitive and the Psychodynamic Unconscious // American Psychologist. 1994. Vol. 49. № 8. P. 709-724 DOI: 10.1037//0003-066X.49.8.709
18. Hermans H.J. The Dialogical Self: Toward a Theory of Personal and Cultural Positioning // Culture & Psychology. 2001. Vol. 7. № 3. P. 243-281.
19. Kiefer M. Cognitive control over unconscious cognition: flexibility and generalizability of task set influences on subsequent masked semantic priming // Psychological Research. 2019. № 83. P. 1556-1570 <https://doi.org/10.1007/s00426-018-1011-x>
20. Michael I., Ramsoy T., Stephens M., Kotsi F. A study of unconscious emotional and cognitive responses to tourism images using a neuroscience method // Journal of Islamic Marketing. 2019. Vol. 10. № 2. P. 543-564. <https://doi.org/10.1108/JIMA-09-2017-0098>
21. Norris P., Epstein S. An experiential thinking style: Its facets and relations with objective and subjective criterion measures // Journal of Personality. 2011. Vol. 79. № 5. P. 1043-1079. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.2011.00718.x>
22. Oles` P.K., Brinthaup T.M., Dier R. and Polak D. Types of Inner Dialogues and Functions of Self-Talk: Comparisons and Implications // Frontiers in Psychology. 2020. Vol. 11. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.00227>
23. Oles` P.K., Puchalska-Wasył M. Dialogicality and personality traits // In H. Hermans & T. Gieser (Eds.), Handbook of Dialogical Self Theory. Cambridge: Cambridge University Press. 2012. P. 241-252. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139030434.017>
24. Osatuke K., Gray M., Glick M., Stiles W., Barkham M. Hearing voices: Methodological issues in measuring internal multiplicity // In H. Hermans, & G. Dimaggio (Eds.), The dialogical self in psychotherapy. Brunner-Routledge. 2004. P. 237-254. DOI: 10.4324/9780203314616
25. Pacini R., Epstein S. The relation of rational and experiential information processing styles to personality, basic beliefs, and the ratio-bias phenomenon // Journal of Personality and Social Psychology. 1999. Vol. 76. № 6. P. 972-987. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.76.6.972>
26. Puchalska-Wasył M.M. Determinants of Integration and Confrontation in Internal Dialogues // Japanese Psychological Research. 2016. Vol. 58. № 3. P. 248-260. doi:10.1111/jpr.12115
27. Puchalska-Wasył M.M., Zarzycka B. Internal Dialogue as a Mediator of the Relationship Between Prayer and Well-Being // Journal of Religion and Health. 2020. 59. P. 2045-2063. <https://doi.org/10.1007/s10943-019-00943-2>
28. Zhong C., Dijksterhuis A., Galinsky A.D. The merits of unconscious thought in creativity // Psychological science. 2008. Vol. 19. № 9. P. 912-918. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9280.2008.02176.x>

© Пчелина Ольга Викторовна (polga-mk@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПСИХОСОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА С ЛИЧНОСТЬЮ, НАХОДЯЩЕЙСЯ В КРИЗИСНОЙ СИТУАЦИИ

Рубанова Евгения Юрьевна

к.псих.н., Тихоокеанский государственный
университет, г. Хабаровск,
blizru@bk.ru

PSYCHOSOCIAL WORK WITH A PERSON IN A CRISIS SITUATION

E. Rubanova

Summary: During the review of the main technologies of psychosocial work with a person in a crisis situation, the author considered such concepts as crisis, its place in human life and the process of its development, situations that can lead to a crisis. Overcoming the crisis, the individual goes through a process of experience, which is an internal work to fill his life with a new meaning, restore his state of mind. The emotional sphere changes greatly, and a person begins to experience loneliness, depression, or a destructive feeling as the dominant feeling. The author considers the technologies and components of psychosocial work with a person in a crisis situation.

Keywords: crisis, crisis situation, emotional sphere, traumatic crisis, experience.

Аннотация: В ходе рассмотрения основных технологий психосоциальной работы с личностью, находящейся в кризисной ситуации автором были рассмотрены такие понятия как кризис, его место в жизни человека и процессе его развития, ситуации, которые могут привести к кризису. Преодолевая кризис, личность проходит через процесс переживаний, представляющую из себя внутреннюю работу по наполнению новым смыслом своей жизни, восстановлению душевного состояния. Сильно меняется эмоциональная сфера, человек начинает испытывать в качестве доминирующего чувства одиночества, депрессию или деструктивное чувство. Автором рассмотрены технологии и компоненты психосоциальной работы с личностью, находящейся в кризисной ситуации.

Ключевые слова: кризис, кризисная ситуация, эмоциональная сфера, травматический кризис, переживание.

Кризис представляет собой нарушение психического, душевного и эмоционального состояния человека, внутреннего равновесия или саморегуляции человека, повлекшие за собой воздействия внешней среды. В развитии личности кризис имеет большое значение, так как дальнейший путь развития человека в посткризисный период, будь то конструктивный путь или деструктивный сложит его дальнейшую жизнь. Кризис не существует сам по себе, он является последствием чувственного восприятия различных природных, социальных, экономических ситуаций или воздействий, который влекут за собой переживания или действия, которые человек не может разрешить самостоятельно. Любой человек на протяжении своей жизни сталкивался с различными кризисами и переживаниями, связанные с ним, например, возрастные кризисы. В теории ведущих к кризису называются жизненные события, если они «создают потенциальную или актуальную угрозу удовлетворению основных потребностей...» [1] и ставят перед человеком такую проблему «от которой он не может уйти и которую не может разрешить при помощи имеющихся в его опыте способов адаптации» [1]. В итоге мы имеем, что кризис – критический момент, пункт, решающий дальнейшую жизнь, кризис жизни. Согласно В. В. Козлова «кризис – это всегда момент выбора из нескольких возможных альтернатив, момент выбора регрессивного или прогрессивного решения в дальнейшем развитии» [2].

Ситуации, которые могут привести к тому или иному кризисному состоянию бывают:

- Возрастные кризисы, возникающие при переходе на следующую возрастную ступень;
- Травматический кризис как ответ на стрессовые события (война, потеря близких, болезнь, травма и т.п.) выражается через кризисные реакции: посттравматическое стрессовое расстройство – затяжная или отставная реакция переживания последующая после травматического стресса; острая реакция на некое событие в жизни, несущее угрозу жизни и здоровью человека (катастрофа, война, изнасилование); шоковая травма – болезненная реакция, отсроченная во времени на шоковую травму, может проявиться через несколько лет, может быть выражено через психосоматическое заболевание или необъективное поведение. Травматический кризис в любом случае нарушает базовое чувство безопасности человека.
- Экзистенциальные кризисы – когда личная трансформация переходит на новый этап развития.

Кризис в своем развитии проходит через 4 последовательные стадии [4]:

1. На первой стадии развития кризиса происходит рост напряжения и стимуляция привычных способов решения проблем;
2. Привычные способы разрешения проблем становятся безрезультативными, напряжение все боль-

ше увеличивается;

3. Напряжение продолжает расти, на помощь приходит мобилизация внутренних и внешних источников сил;
4. Если все предпринятые усилия оказываются напрасными, далее следует стадия повышения тревоги и депрессия, сопровождающаяся чувством безнадежности и беспомощности, приводящая в конечном итоге к дезорганизации личности.

Преодолевая кризис, личность проходит через процесс переживаний, представляющую из себя внутреннюю работу по наполнению новым смыслом своей жизни, восстановлению душевного состояния [4]. Различают такие виды переживаний как:

- Реалистическое переживание. Человек спокойно и трезво воспринимает случившееся, приспосабливается к новой реалии, понимая, что возврат прошлого не возможен.
- Ценностное переживание – человек признает само наличие кризисной ситуации, но не признает ее пассивное принятие, дальнейшая жизнь строится с учетом понесенной потери.
- Гедонистическое переживание – человек не принимает факт случившихся перемен, игнорирует и отрицает их, в дальнейшем он формирует иллюзию благополучия и поддерживает ее.
- Творческое переживание чаще всего возникает у волевых сложившихся людей, в кризисной ситуации такой человек будет сознательно искать выход.

В кризисной ситуации происходит воздействие на разные аспекты жизни человека:

- Воздействие на саму личность приводит к появлению чувства одиночества, стыда, низкой самооценки, повышенной раздражительности; возникает апатия, тревога, депрессия, агрессия и пр.
- Воздействие в целом на поведение приводит к таким негативным последствиям как: нарушение сна, алкоголизм, наркомания, тремор, нарушение речи, эмоциональные срывы и пр.
- Воздействие на здоровье приводит к развитию многочисленных психосоматических заболеваний: бронхиальная астма, болезни сердца, обмороки, диабет, бессонница и пр.
- Воздействие на физиологию приводит к повышению глюкозы в крови, артериального давления, приступам жара и озноба, усиленному потоотделению, ощущение кома в горле и пр.
- Когнитивные эффекты – психологические симптомы, такие как невозможность принять решения или сосредоточиться, заторможенность, повышенное внимание к критике.

Эмоциональная сфера сильно меняется в кризисной ситуации, человек начинает испытывать в качестве доминирующего чувства одиночества (чувство ненужности, тупика, безнадежности), депрессию (апатия, равнодушие, тоска, усталость, безразличие) или деструктивное чувство (обида, злость, досада, ненависть, зависть, упрямство).

Обратимся к непосредственному рассмотрению психосоциальной работы с личностью, находящейся в кризисной ситуации. Структура технологии психосоциальной работы имеет два подразделения – это общие (функциональные) и частные. К первым относятся методы и методики, имеющие всеобщий характер и могут быть применимы к большинству категорий лиц, в том числе к лицам, находящимся в кризисной ситуации. Система психосоциальной работы включает в себя такие важные компоненты как: коррекция, экспертиза, терапия, диагностика, посредничество, адаптация, профилактика, страхование, моделирование, опека, реабилитация, консультирование, благотворительная деятельность. В отличие от общих частные технологии работы направлены на помощь конкретным категориям людей и социальным слоям: безработным гражданам, лицам с девиантным поведением, инвалидам, пожилым людям, подросткам, людям без определенного места жительства, малообеспеченным и т.д.

Психосоциальная работа с личностью, находящейся в кризисной ситуации, включает в себя следующие технологии:

- Диагностика – социологический опрос, интервью, мониторинг, биографический метод, экспертная оценка и прогноз, и т.д.
- Профилактика – социальная терапия, группа социальной поддержки, превентивный метод и т.д.
- Контроль – социальная опека, социальное обслуживание, социальный надзор и т.д.
- Реабилитация – психодрама, трудотерапия, социальная опека и т.д.

Во всех перечисленных технологиях психосоциальной помощи можно наблюдать три основных компонента:

- Инициирование потенциала самопомощи в кризисной ситуации;
- Оказание помощи посредством поддержки, консультирования, патронажа, реабилитации и других психосоциальных услуг;
- Формирование и реализация грамотной социально-экономической политики с целью создания системы поддержки граждан и обеспечения психосоциальной среды жизнедеятельности человека пригодной для жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Осухова Н.Г. Психологическая помощь в трудных и экстремальных ситуациях: учебное пособие. - М., 2008. – С. 28
2. Козлов В.В. Работа с кризисной личностью. Методическое пособие. - М., 2007.- С. 10
3. Тарабрина Н.В. Практикум по психологии посттравматического стресса. - СПб., 2001.
4. Василюк Ф.Е. Психология переживания - М.: Изд-во Московского ун-та, 1984. - 200 с.
5. Фирсов М.В., Шапиро Б.Ю. Психология социальной работы: Учеб. пособие. - М., 2002. - 192 с.

© Рубанова Евгения Юрьевна (blizru@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ РАЗВИТИЯ РЕЧИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРНОГО ЧТЕНИЯ

METHODS FOR RESEARCHING THE SPEECH DEVELOPMENT OF YOUNGER SCHOOL PERSONS IN THE LITERARY READING LESSONS

*N. Safarova
L. Mamedova*

Summary: In this article we present the essence of speech and speech development. We also identified tutorial methods of speech development for elementary students in literature readings classes. We also reviewed the Federal state standard and the Federal law on education. The research facility was MEI SGES №15 in Neryungri town. For the diagnostic study, we used the methods for determining the active dictionary, for determining the passive dictionary of Nemov R. S. We applied complex diagnosis for students. The research involved 46 third-grade students. In conclusion we would like to come up with work on speech development for elementary students in literature readings classes. Besides, after this research we will be able to develop teaching-aid package of literature readings classes for speech development and teaching elementary students essay writing techniques.

Keywords: elementary students, speech, speech development, literature readings, diagnosis, tutorial methods, research, study.

Сафарова Нармин Абид кызы

*Технический институт (филиал) Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова в Нерюнгри
nartinag_99@mail.ru*

Мамедова Лариса Викторовна

*к.п.н., доцент, Технический институт (филиал) Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова в Нерюнгри
larisamamedova@yandex.ru*

Аннотация: В данной статье нами была раскрыта сущность понятия «речь», речевое развитие, также нами были выявлены методические приемы развития речи младших школьников на уроках литературного чтения, также была проведена опытно-экспериментальная работа, цель которой было апробировать методические приемы по развитию речи младших школьников на уроках литературного чтения. База нашего исследования МБОУ СОШ № 15 г. Нерюнгри, в исследовании нами была использована комплексная диагностика учащихся. В исследовании приняли участие учащиеся третьих классов в количества 46 человек. Также по завершению проведенных нами исследований, мы сделали выводы, и предлагаем провести работу по развитию речи у детей младшего школьного возраста на уроках литературного чтения. Также наше исследование состоит в том, что в будущем мы сможем разработать комплекс уроков литературного чтения с целью развития речи, обучения сочинениям на литературном материале для младших школьников.

Ключевые слова: младшие школьники, речь, развитие речи, литературное чтение, диагностика, методика, исследования.

Учителя начальных классов, несут ответственность за развитие речи, к тому же они не только учат детей читать и писать, но также и выбирать точные слова, свободно и правильно строить предложения, владеть интонациями, дыханием и т.д.

В современном мире развитие речи у учащихся является актуальной задачей, и в первую очередь данная задача решается на уроках русского языка и литературного чтения. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования (ФГОС НОО, введенный в действие с 1.01.2010 г.) и Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» (ФЗ № 273, введенный в действие 29.02.2012 г.) выделяет то, что учащиеся начальной школы должны обладать различными речевыми навыками, в том числе сознательно уметь выстраивать речевые высказывания в соответствии с задачами общения, и также уметь писать и списывать текста.

В современном мире учащиеся начальной школы

испытывают трудности в правильном формулировании основной мысли, и высказывании своего мнения. Нами была рассмотрена письменная речь, и мы выявили трудности у учащихся начальной школы. В большинстве случаев они возникают от не сформированности умений правильно составлять текста-рассуждения. Большая часть обучающихся не умеют развивать мысль в тексте, выражать свое отношение к главным героям литературных произведений.

Таким образом, мы можем сформулировать проблему в виде вопроса: как методически правильно построить работу по развитию речи младших школьников на уроках литературного чтения.

Далее мы изучили научно-педагогическую литературу, что позволило нам, рассмотреть понятия слова «речь», речевое развитие.

Общая психология, рассматривает понятия «речь», как «исторически сложившаяся в процессе материаль-

ной преобразующей деятельности людей форма общения, опосредованная языком» [8, с. 252].

Научные деятели И.А. Зимняя и М.Р. Львов отмечают, что понятия «речь» и «язык» не тождественны. И.А. Зимняя, исследуя вопрос соотношения понятий «язык» и «речь», заключает, что язык – это средство, а речь – способ формирования и выражения мысли в речевой деятельности. «Язык – это система вербальных знаков, относительно независимая от индивида, служащая для цели коммуникации, формирования мыслей, закрепления и передачи общественно-исторического опыта. Язык – это многоуровневая система со своими требованиями и ограничениями по всем уровням» [2, с. 67]

По своей сути речевая деятельность является интеллектуальным видом деятельности. Это определено природой и свойствами предмета речевой деятельности и основных ее целей. Адекватное отображение определенного мысленного содержания с помощью системы знаков языка и невербальных знаков является одной из главных задач речевой деятельности.

В начальной школе учащиеся активно овладевают монологической речью, приобретают умения, необходимые для построения текстов публицистического, официально-делового (большой частью учебно-научного) стиля речи.

После того как мы рассмотрели понятие слова «речь» и речевая деятельность, мы начали изучать научно-педагогическую литературу, чтобы установить связь между речью и мышлением. По итогу мы определили, что ведущим является мышление, а не речь. Мышление и речь возникают совместно на основе практики. Также речь и мышление совместно применяются в различных формах и видах. Через познавательную деятельность, у ребенка формируется способность к мышлению.

Также нами были рассмотрены методические приемы обучения младших школьников по развитию речи на основе литературного материала.

При работе на уроках литературы, детей учат пересказывать текст, писать эссе и сочинения, остановившись подробно над написанием сочинений.

Для того, чтобы учащийся грамотно написал сочинение по литературе педагог должен научить его соблюдать три основных этапа:

1. Накопление материала (наблюдение, чтение, анализ художественного произведения и т.д.);
2. Отбор и расположение материала (обсуждение, выделение главного, составление плана работы);
3. Речевое оформление (составление связного текста, его письменного оформления, проверка, редактирование).

Также для того, чтобы учащийся смог обладать грамотной и правильно поставленной речью, на уроках литературного чтения, проводится анализ художественного текста, он включает в себя конкретную операцию, которую совершает читатель в процессе понимания идеи произведения. Данный вид деятельности очень полезен, в начальной школе, так как с помощью него учитель может вовремя направить и скорректировать восприятие обучающихся.

К анализу художественного текста, также есть требования:

1. Целенаправленность. Цель анализа, должна состоять в углублении восприятия прочитанного;
2. Анализ текста должен производиться только после целостного и эмоционального восприятия, прочитанного;
3. Также должен быть соблюден учет возрастных и индивидуальных особенностей читателя;
4. Анализ должен отвечать потребности ребенка разобраться в прочитанном;
5. Также необходимо научить анализировать не саму жизненную ситуацию, описанную в произведении, а то, как ее изображает автор;
6. В конце анализа обязательно должен быть проведен синтез.

Нами были выявлены речевые умения, формируемые в процессе обучения младших школьников сочинениям на литературном. Речевые умения представлены в таблице 1.

Таблица 1
Речевые умения, формируемые в процессе обучения младших школьников сочинениям на литературном материале

Отзыв о прочитанной книге	Ученик должен научиться составлять развернутые высказывания, отражающие личное отношение к произведению и его главным героям, уметь обосновывать свое отношение у прочитанному.
Аннотация	Ученик должен научиться выделять главное в произведении, уметь кратко излагать основное содержание, строить текст по заданному образцу использовать при составлении текста разные способы его сжатия.
Описание героев произведения	Ученик должен научиться на основе информации о герое, заданной в произведении, уметь описать внешность, особенности поведения, качества героя, уметь перестроить текст по-новому таким образом, чтобы дать оценку героя произведения.
Сравнение героев произведений	Ученик должен научиться подбирать материал о действующих лицах, уметь строить текст на сравнении героев по выделенным характеристикам, уметь формулировать самостоятельные выводы и критически оценивать героев произведения.

Опытная работа была проведена в 3 классах МБОУ СОШ № 15 г. Нерюнгри. В данной работе приняли участие обучающиеся двух классов в количества 46 человек. На констатирующем этапе была проведена диагностическая работа, состоявшая из двух методик.

1. Методика определения активного словарного запаса (Немов Р. С.) [3];
2. Методика определения пассивного словарного запаса (Немов Р. С.) [3].

Таблица 2

Результаты методики определение активного словарного запаса Немов Р. С.

Уровень	Баллы	%
Очень высокий	0	0
Высокий	8	17
Средний	26	56
Низкий	8	17
Очень низкий	4	8

По результат можем сделать вывод, что не все из учащихся справились хорошо. В этом протоколе была отмечена частота употребления различных частей речи, сложных предложений с союзами и вводных конструкций, что свидетельствует об уровне развития его речи. только 8 (17%) детей, смогли использовать в своем рассказе практически все части речи. Дети, которые получили низкие баллы, рассказ по картинке составляли неуверенно, практически не составляли предложения или составляли предложения из двух трех слов. Учащиеся получившие низкие баллы, плохо смогли дать полное описание по картинке.

Завершающая диагностика была по определению пассивного словарного запаса учащихся. Результаты по диагностике представлены в таблице 4.

Таблица 3

Результаты методики определение пассивного словарного запаса Немов Р.С.

Уровень	Баллы	%
Очень высокий	0	0
Высокий	7	15
Средний	28	60
Низкий	11	23

По результат можем сделать вывод, что не все из учащихся справились хорошо. Не каждый ребенок смог подобрать подходящее по смыслу к слову, найти пару слов,

которая составляет с предложенным словом единую группу. Это свидетельствует о необходимости у учащихся, повышать уровень в активном словарном запасе, и учить детей подбирать слова, которые относятся в одну обобщающую их группу.

По результатам проведенных диагностик, можно сделать вывод, что большинство обучающихся обоих классов находятся на низком уровне знаний в данном аспекте, то есть испытывают затруднения при определении обобщающих понятий, не всегда могут составить связный текст по выданной им картинке. Нами были отмечены серьезные затруднения в смысловой организации высказываний. Выполнение творческих заданий оказалось для детей практически недоступным. Был сделан вывод, что дети не владеют навыками самостоятельного составления описания по картинке. Для их высказываний характерны крайняя бедность используемых языковых средств, наличие грубых ошибок, нарушающих связность повествования. Таким образом, полученные результаты подтвердили необходимость организации формирующего этапа эксперимента, направленного на развитие речи у младших школьников.

Также по результатам проведенной диагностики, можно сделать некоторые рекомендации по развитию речи у детей младшего школьного возраста на уроках литературного чтения. Для того чтобы повысить активный словарь детей, нужно объяснить им каждое непонятное для них слово, и рассказывать детям об определении этого слова. На уроках чтения, необходимо в процессе урока, спрашивать детей значение какого-нибудь слова, на выбор учителя. Также педагог может урок чтения начинать с сюжетных картинок и разговора о них, начинать опрос каждый урок в алфавитном порядке, чтобы у каждого ребенка была возможность потренироваться в составлении рассказов с помощью сюжетных картинок. Следует уделить внимание и практической работе, как можно чаще задавать детям задания связанные с составлением письменных текстов-рассуждений, с помощью такой практики учащиеся не только будут практиковаться в использовании в тексте новых слов, а также будут учиться писать красивые текста. После написания учениками их практической работы, а именно мини-сочинений, можно попросить учеников прочитать для одноклассников, что они написали и чтобы каждый мог поделиться своим мнением. Это будет хорошая практическая деятельность, через которую дети научатся, не только развивать свою речь, но также наладят коммуникативное общение.

Статья выполнена под руководством научного руководителя: к.п.н., доцента Мамедовой Л.В.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 2011. – 424 с.
2. Зимняя И.А. Лингвopsихология речевой деятельности. – М.: НПО
3. «МОДЭК», 2001. – 432 с.
4. Немов Р.С. Психология: Учеб. для студ. Высш. Пед. Учеб. заведений: В 3 кн. - 4-е изд. - М. : ВЛАДОС, 2001. - 640 с.
5. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. – М.: Просвещение, 2006. – 214 с.
6. Львов М.Р. Методика развития речи младших школьников. – М.: Просвещение, 2011. – 176 с.
7. Ткаченко Л.В. Психолого-педагогические и психолингвистические особенности развития речи младших школьников в период обучения грамоте // Концепт. – 2015. – №7 – 6 с.
8. Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. – М.: Артик, 2005. – 68 с.
9. Ярцева В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 2002. – 682 с.

© Сафарова Нармин Абид кызы (narminag_99@mail.ru), Мамедова Лариса Викторовна (larisamamedova@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АНАЛИЗ ДЕЛОВЫХ И ЛИЧНОСТНЫХ КАЧЕСТВ ЭФФЕКТИВНОГО РУКОВОДИТЕЛЯ

Сушко Наталья Геннадьевна

*К.псх.н., доцент, Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск
nat135@mail.ru*

ANALYSIS OF BUSINESS AND PERSONAL QUALITIES OF AN EFFECTIVE MANAGER

N. Sushko

Summary: A competent company Manager can organize work correctly, build a development strategy, and fully manage employees and the organization as a whole. That is why it is so important to understand what business and personal qualities an ideal Manager should have. business qualities are not separable from personal qualities, and their consideration should be cumulative. In the article, the author analyzes the main business and personal qualities of an effective Manager and, not least, considers the limitations that prevent the full implementation of the qualities.

Keywords: business qualities of a Manager, effective Manager, personal qualities of a Manager.

Аннотация: Грамотный руководитель компании может правильно организовать работу, построить стратегию развития и полноценно управлять сотрудниками и организацией в целом. Поэтому так важно понимать, какие деловые и личные качества должны быть у идеального руководителя, деловые качества не отделимы от личных, рассмотрение их должно носить совокупный характер. В статье автором проанализированы основные деловые и личные качества эффективного руководителя и, что не маловажно, рассмотрены ограничения, которые препятствуют полноценной реализации качеств.

Ключевые слова: деловые качества руководителя, эффективный руководитель, личные качества руководителя.

Управлять компаний может только грамотный руководитель, знающий свое дело, но кроме профессиональных качеств, включающих его опыт и знания как специалиста в своей сфере деятельности, знания внутренних процессов производства, он обязательно должен обладать рядом деловых и личных качеств. Совокупность этих качеств позволит руководителю организовать работу, эффективно руководить людьми и строить стратегию развития организации.

К деловым качествам руководителя относят: знание структурного строения компании; навыки общения и управления; умение контролировать действия подчиненных, координировать их между собой; умение вести переговоры с партнерами, а также настраивать дружеский лад с подчиненными.

К личностным качествам относится целый комплекс личных, моральных и нравственных устоев человека, особенности его воспитания, индивидуальные особенности, характер, темперамент и т.д. Стиль управления компанией зависит больше от личных качеств. Мало быть просто профессионалом своего дела, эффективный руководитель должен развиваться по всем трем направлениям.

Успешный руководитель, обладая «деловой хваткой», объединяет в себе оперативные и стратегические качества, то есть он умеет в теории и на практике планировать, а также организовывать процесс стратегическо-

го развития компании. В условиях быстрого принятия решений, сопровождающееся часто эмоционально-стрессовым состоянием, важно объективно оценивать всю сложившуюся ситуацию, держать под контролем собственные эмоции и четко ставить первостепенные задачи перед подчиненными. Очень важно не просто выставлять задачи сотрудникам, но уметь их оптимизировать, расставляя в порядке приоритетности. Анализируя деловые, управленческие качества эффективного руководителя, выделим на наш взгляд основные:

- умение оперативно и объективно оценивать и анализировать информацию, мыслить, решать и действовать в сложившейся обстановке;
- разумно использовать различные ресурсы для решения поставленных задач;
- умение выстраивать эффективную стратегию развития;
- работать в режиме многозадачности;
- умение психологически грамотно оценивать сотрудников, выявлять их сильные и слабые стороны, распределять роли между ними;
- четкая расстановка задач между подчиненными, координирование работы всей компании;
- способность самостоятельно принимать объективные и обоснованные конкретным ситуациям решения;
- умение налаживать контакты и коммуникации с руководством, партнёрами и подчиненными и поддерживать их на высоком уровне;
- умение оперативно ориентироваться в какой бы

- то ни было ситуации;
- умение управлять мотивацией сотрудников к достижению целей и повышать организационную культуру;
- умение грамотно выражать свои мысли, ораторские способности.

Рассматривая качества эффективного руководителя важно понимать, что его деловые качества не отделимы от личностных, только совокупное их рассмотрение дает цельное представление об идеальном руководителе. Руководитель не может быть профессионалом во всех отраслях и по всем задачам (когда мы говорим о крупных компаниях), очень важно уметь делегировать свои полномочия и создавать эффективную команду.

Выделим на наш взгляд основные важные личные качества, которые должны быть у эффективного руководителя:

- целеустремленность и высокие амбиции, нацеленность на успех;
- стрессоустойчивость, уравновешенность и выдержка, без этих важных качеств становится невозможно принятие объективных решений, повышенная эмоциональность в данном случае – это качество неэффективного руководителя;
- требовательность, обязательность и умение брать на себя всю полноту ответственности. Данные качества вкупе с имеющимся авторитетом руководителя помогают держать в коллективе дисциплину и поддерживать выполнение должностных обязанностей на должном уровне;
- адекватная самооценка, не умея объективно оценивать самого себя человек не в состоянии адекватно оценить и других людей;
- новаторство, сюда же можно отнести креативность – важное в современных экономических ус-

Таблица 1.

Ограничения в эффективной деятельности руководителя

Ограничения	Характеристика
Отсутствие умения влиять на людей	Руководители, обладающие высоким уровнем влияния, имеют презентабельный внешний вид, уверены в себе, умеют грамотно излагать свои мысли и давать указания. Невлиятельный руководитель не имеет взаимопонимания с сотрудниками
Заторможенное личное развитие	Обладая способностью к саморазвитию, руководитель получает дополнительные теоретические знания и умеет применять их на практике
Неспособность руководить или плохие организаторские способности	Эффективный руководитель должен уметь оптимально организовать трудовой процесс. Неправильно подобранные методы работы приводят к неуверенности работников и отсутствия у них удовлетворения от проделанной работы, снижается общая эффективность и моральное состояние коллектива
Неумение формировать коллектив	Формирование трудового коллектива должно происходить с учетом целей его членов и их интересов, и перенаправление интересов сотрудников на достижение целей компании
Неясность личных целей руководителя, размытые личные ценности	Руководитель, обладая неясными личными целями, не способен достичь успеха в управленческой деятельности, так как принятие каждодневных решений базируется на личных принципах и ценностях.
Неумение обучать	Важный элемент управленческой деятельности – повышение квалификации, эффективный руководитель способствует повышению компетентности своих сотрудников, непосредственно участвуя в обучении
Отсутствие творчества в работе	Руководители, использующие в своей деятельности ситуационный (неопределенный) подход, способны играть много ролей, своевременно корректировать свои действия в зависимости от сложившейся ситуации. Руководитель, не желающий экспериментировать, рисковать или сохранять творческий подход в работе, не способен заставить других творчески мыслить и использовать новые идеи в работе
Неумение принимать решения и решать проблемы	Эффективный руководитель способен правильно и быстро принимать решения
Неумение управлять собой, отсутствие самоконтроля	Общение с сотрудниками должно проходить только на основе уважения, эффективный руководитель должен уметь управлять собой и своими эмоциями. Неспособность контролировать себя, бороться со стрессовыми и конфликтными ситуациями приводит к не возможности полноценно управлять другими людьми
Непонимание специфики управленческого труда	Руководитель, не понимающий мотивацию своих работников, не может полноценно понять управленческий труд, важно понимать всю ценность эффективности своего управления другими людьми

ловиях стремление к новому, к преобразованиям, а также готовность внедрять эти новые методы и идеи в процесс работы.

- самокритика и самоконтроль, не умея контролировать себя, невозможно контролировать других, тем более, когда речь идет о большом коллективе;
- уважение к окружающим (вне зависимости от занимаемой должности), тактичность в общении и коммуникабельность;
- настойчивость, упорство и решительность в решении повседневных и сложных вопросов компании;
- напоследок отметим довольно редко встречаю-

щееся, но, тем не менее, тоже очень важное качество – объективность.

Проанализировав основные на наш взгляд деловые и личные качества эффективного руководителя, хотелось бы остановиться напоследок на ограничениях, которые препятствуют полноценной реализации всех возможностей руководителя и представить их в виде таблицы.

Кто такой эффективный руководитель? Это открытый, спокойный, обаятельный, внимательный и внушающий доверие человек, решительный, смелый, опытный, гибкий, ориентированный на результат и свободный от предрассудков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адаир Д. Психология лидерства / Джон Адаир; пер. с англ. М. Котельниковой. - Москва: Эксмо, 2008. - 342 с.
2. Вавилова Н.В. Личностные качества руководителя как фактор его карьерного роста на предприятии. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. - 2010. - Т. 12. - № 5-3. - С. 682-685.
3. Деркач А.А. Акмеология: личностное и профессиональное развитие человека. Кн. 1-5. / Деркач А.А. Акмеологические основы управленческой деятельности. Кн. 2. - М.: РАГС, 2010. - 230 с.
4. Кричевский Р.Л. Психология лидерства: учебное пособие. - М.: Статут, 2007. - 541 с.

© Сушко Наталья Геннадьевна (nat135@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Тихоокеанский государственный университет

СООТНОШЕНИЕ РАЗНЫХ ВИДОВ И СТОРОН ПАМЯТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ С ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ НЕДОСТАТОЧНОСТЬЮ

RELATIONSHIP OF DIFFERENT TYPES AND SIDES OF MEMORY OF THE MENTALLY RETARDED YOUNGER SCHOOL CHILDREN

E. Ushakova

Summary: This article is devoted to the problem of inclusive education at the present stage of the development of society. Intellectual disability, as a result of memory impairment of students of primary school age, is considered in detail. A study of the volume of short-term auditory and visual memory was carried out. The features of recognition of mentally retarded children of primary school age were investigated, the volume of short-term auditory and visual memory was determined, the relationship of recognition with the volume of short-term auditory and the volume of short-term visual memory of mentally retarded primary schoolchildren was revealed and analyzed. The research results are presented.

Keywords: inclusion, education, law, student, developmental disorders, memory, forms and types, results.

Ушакова Елена Леонидовна

К.п.н., доцент, ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», Липецк
ushakowa.e@yandex.ru

Аннотация: Данная статья посвящена проблеме инклюзивного образования на современном этапе развития общества. Подробно рассмотрены интеллектуальная недостаточность, как следствие нарушения памяти обучающихся младшего школьного возраста. Проведено исследование объёма кратковременной слуховой и зрительной памяти. Исследованы особенности узнавания умственно отсталых детей младшего школьного возраста, определен объем кратковременной слуховой и зрительной памяти, выявлена и проанализирована взаимосвязь узнавания с объемом кратковременной слуховой и объемом кратковременной зрительной памяти умственно отсталых младших школьников. Представлены результаты исследования.

Ключевые слова: инклюзия, образование, закон, обучающийся, нарушения развития, память, формы и виды, результаты.

Этап развития, на котором находится современное общество, выдвигает перед образовательными организациями ряд задач, в которые входит предложение широкого круга образовательных услуг, их качественное предоставление, а также образование, доступное для всех категорий граждан. Организация комфортной образовательной среды в учреждениях, в которых учебный процесс протекает в наиболее благоприятных для обучающихся условиях, гарантирует реализацию данных задач.

К сожалению, в настоящее время отмечается увеличение инвалидности, что обуславливает модификацию образовательного пространства и его эффективность и качества. «Данные Минобрнауки предоставили следующую информацию касательно количества детей с ограниченными возможностями здоровья: в 2008-2009 учебном году в общеобразовательных учреждениях России, в обычных классах, обучалось 142 659 учеников с ограниченными возможностями здоровья, а в коррекционных классах общеобразовательных школ - 148 074 ученика с ограниченными возможностями здоровья. В коррекционных школах и школах-интернатах – 210 842 детей-инвалидов и детей с ограниченными возможностями здоровья, из них 21,3% – 10 152 – школьники с умственной отсталостью (УО) разной степени, часть из которых обучается в системе домашнего образования» [4]. Ввиду данных показателей, все чаще можно услышать о таком процессе как инклюзивное образование.

Бахуринская А.В. в своем научном труде писала: «Инклюзия является одной из последних стратегий специального образования. Это образование находится в России на начальной стадии развития и получает государственную нормативную поддержку в виде Конституции РФ, Федерального закона «Об образовании», Закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», а также большого количества международных конвенций» [3].

«Начало учебной деятельности - тяжелое испытание для многих детей, поступающих в первый класс, особенно для детей с ограниченными интеллектуальными возможностями. Им необходимо достаточное количество времени для того, чтобы привыкнуть к новым требованиям, новому коллективу и распорядку дня. В основном, обучающиеся в УО имеют мотивацию ходить в школу, но для многих из них распорядок дня, кажется, строго регламентирован.» [4].

«По сведениям, предоставленным Росстатом, общее количество детей-инвалидов в России постоянно возрастает. Так, если в 2016 году это было 617 тыс. человек, то в 2017 году – 636 тыс. детей, в 2018 году - 651 тыс. детей, а по данным на 1 января 2019 года возросло до 670 тыс. детей», - отмечается в общедоступном сообщении.

В своем научном труде, Бакланов О.С. пишет: «Характерной чертой дефекта умственной отсталости является

недоразвитие не только познания, но и других аспектов умственной деятельности, то есть эмоционально-волевая сфера, речь, моторика и всей личности ребенка. У большинства детей с умственной отсталостью степень их недоразвития совпадает со степенью интеллектуального дефекта. Из чего следует, что дефект можно охарактеризовать как полнотой и относительная равномерность недоразвитости различных сторон психики ребенка. Тотальность, т.е. полнота, проявляется в том, что, так как все нервно-психические и даже соматические функции недоразвиты из-за врожденных пороков развития ряда внутренних органов (порок сердца, нарушение структуры желудочно-кишечного тракта и других систем), недоразвитие в росте костной, мышечной систем, чувствительности, моторики, простых эмоций до недоразвитию высших психических функций (речи, мышления) и личности в целом. Иерархия нервно-психического недоразвития заключается в недостатке гнозиса, практика, речи, эмоций, памяти, и в большинстве случаев, проявляется в меньшей степени, чем недоразвитие мышления, то есть в недоразвитии большинства психических функций страдает их основное ядро: память, внимание, восприятие и моторика»[2].

У детей со схожим дефектом заметны проблемы с когнитивными процессами, что является серьезной проблемой. К таким процессам, например, причисляется память. Память является по праву одним из самых важных когнитивных процессов человека, потому что это процесс восприятия, усвоения и последующего воспроизведения необходимой важной информации. Существует большое количество факторов, влияющих на умственную отсталость людей, необходимо найти силы и средства, чтобы предотвратить их влияние на психическое и физическое развитие. Исследование памяти обучающихся с ограниченными интеллектуальными возможностями - одна из актуальных проблем психологии [8].

Цель исследования: исследование взаимосвязи узнавания с объемом кратковременной слуховой памяти и объема кратковременной зрительной памяти.

Задачи исследования:

1. Изучить особенности распознавания умственно отсталых детей младшего школьного возраста.
2. Определить объем кратковременной слуховой и объем кратковременной зрительной памяти умственно отсталых младших школьников.
3. Выявить и проанализировать взаимосвязь узнавания с объемом кратковременной слуховой и объемом кратковременной зрительной памяти умственно отсталых младших школьников.

Проблема индивидуальных различий в соотношении сторон памяти учащихся начальной школы с задержкой умственного развития определена необходимостью создания оптимальных условий для их развития. В научных

трудах Власовой Т.А., Выготского Л.С., Забрамной С.Д., Лурия А.Р. и других исследуются особенности памяти детей – олигофренов.

А.Р. Лурия писал: «Поэтому под памятью мы понимаем запечатление (запись), сохранение и воспроизведение следов прошлого опыта, что дает человеку возможность накапливать информацию и иметь дело со следами прошлого опыта, после исчезновения вызвавших их явлений»[9].

В статьях Г.М. Дульнева, Т.А. Власовой представлены результаты сравнительного исследования у детей с задержкой умственного развития «произвольной и произвольной памяти, а также запоминания и воспроизведения различных видов деятельности (труд и досуг).

В исследованиях С.Я. Рубинштейна, Е.М. Маслюковой, А.Д. Виноградовой уделяются особое внимание результатам исследования прочности и удержания памяти, а также особенностям запоминания [6; 10;15].

Сохранение определенного материала в памяти обучающихся с задержкой умственного развития обладает своими особенностями. Нарушение процесса сохранения памяти у олигофренов выражается в быстрой исчезновении сформированных связей и ассоциаций. Причины тому - функциональные нарушения процессов с высшей нервной деятельностью (ослабление замыкательной функции, патологическая инертность нервных процессов, возбуждение и торможение и др.). Известно, что функциональные нарушения тесно связаны с первичным дефектом - органическим поражением головного мозга. Но на специфику процесса сохранения большое влияние оказывают вторичные нарушения - недоразвитие личности умственно отсталых людей. По этой причине часто сохраняется не смысловое целостное содержание запоминаемого материала, а отдельные его части, заметные по цвету, форме, звуку и т. д. [7].

«Воспроизведение основано на качественном запоминании и сохранении. У детей с умственной отсталостью этот процесс также имеет свои специфические особенности. При отложенном и мгновенном воспроизведении обнаруживаются дополнения и замены, часто воспроизводимый материал искажается. Более того, в случае отсроченного воспроизведения эти дефекты оказываются более выраженными. В воспроизведенном материале часто обнаруживается отождествление, нарушение последовательности и неполнота содержания. Наибольшие искажения возникают при воссоздании вербального материала»[5].

Формирование смысловых и ассоциативных связей у умственно отсталых людей сильно нарушено, что проявляется в следующем:

- искажение, отсутствие структурного оформления

смысловых связей,;

- быстрое угасание или случайная замена ассоциативных связей;
- преобладание образной памяти над словесно - логической.

Специальная коррекционная работа оказывает действие в устранении недостатков памяти. Организация и проведение учебно-воспитательной работы с уклоном на развитие осмысленного запоминания - один из наиболее эффективных способов оптимизации запоминания, сохранения и воспроизведения. В специальной психологии присутствуют подтверждения того, что у детей с умственной отсталостью с помощью специальной коррекционной работы логическая память начинает заметно развиваться после десятилетнего возраста. Объясняется это возрастным созреванием, развитием интеллектуальной деятельности, формированием структур личности, ведущих к сознательному и целенаправленному запоминанию и усвоению материала, а также пониманием важности учебной и практической деятельности.

Активная деятельность памяти начинается с запоминания, то есть с закрепления тех образов и впечатлений, возникающих в сознании под влиянием предметов и явлений действительности в процессе ощущения и восприятия. С точки зрения физиологии запоминание - это процесс образования и фиксации следов возбуждения в мозгу.

Успех в учебной деятельности обучающегося во многом зависит от успешности запоминания учебного материала. Запоминание может быть произвольным, если оно выполняется без заранее определенной цели запоминания и когда выполняется естественно, без волевых усилий.

Следующий процесс - «сохранение» - это удержание в памяти того, что было изучено и выучено, то есть подержание следов и связей в мозгу. Забывание - исчезновение, небольшая потеря памяти, т.е. процесс угасания, устранения, «стирания» следов, торможения связей»[19].

Воспроизведение - процесс появления в сознании представлений памяти, ранее воспринятых мыслей, осуществление заученных движений, в основе чего лежит оживление следов, возникновение в них возбуждения. Узнавание - появление чувства знакомости при повторном восприятии (благодаря наличию слабого, минимального следа, который остался в коре головного мозга после предыдущего восприятия).

Воспроизведение в отличие от узнавания характеризуется тем, что образы, закрепленные в памяти, актуализируются (оживляются) без опоры на вторичное восприятие тех или иных объектов. Физиологически это означает наличие различных следов - стойких, прочных

(воспроизведение) или слабых, нестойких и не прочных (узнавание).

- Образная память - это запоминание, сохранение и воспроизведение образов, ранее воспринимавшихся предметов и явлений действительности. Различают подвиды образной памяти - зрительную, слуховую, осязательную, обонятельную и вкусовую.
- «Словесно - логическая память выражается в запоминании, сохранении и воспроизведении мыслей, понятий, словесных формулировок»[19].
- Двигательная (моторная) память проявляется в запоминании и воспроизведении движений и их систем. Она лежит в основе выработки и формирования двигательных навыков (ходьбы, письма, трудовых и спортивных навыков и т.д.).
- «Эмоциональная память — это память на пережитые чувства, имеет большое значение в формировании личности человека. Она позволяет ему регулировать поведение в зависимости от ранее пережитых чувств. Пережитое и сохраненное в памяти чувства выступают как побудительные силы либо к совершению того или иного действия, поступка либо к откызу от действия, если с ним связаны отрицательные переживания в прошлом»[18].
- Произвольная и произвольная память - эти виды памяти различаются в зависимости от степени волевой регуляции, от цели и способов запоминания и воспроизведения. Если не ставят специальной цели запомнить и припомнить тот или иной материал и последний запоминается как бы сам собой, без припоминания специальных приемов, без волевых усилий, то это память произвольная. Если ставят специальную цель запомнить, применяют соответствующие мнемические приемы, производят волевые усилия, то это память произвольная.

Память умственно отсталых детей формируется по тем же законам, что и у нормально развивающихся, но различные дефекты анализаторного аппарата и центральной нервной системы неизбежно сказываются на мнестических процессах.

«Необходимо указать и на такую особенность памяти, как эпизодическая забывчивость. Она связана с переутомлением нервной системы из-за общей ее слабости. У детей с умственной отсталостью отмечают и трудности в воспроизведении образов восприятия - представлений. Недифференцированность, фрагментарность, уподобление образов и иные нарушения представлений отрицательно влияют на развитие познавательной деятельности умственно отсталых детей»[20].

Анализ материалов выявил особенности, которыми характеризуется мнестическая деятельность умственно отсталых школьников. Одной из них является нарушение соотношения между произвольным и произволь-

ным запоминанием.

У умственно отсталых школьников нет существенных различий между продуктивностью преднамеренного и непреднамеренного запоминания.

Для того чтобы обучение детей протекало успешней и носило творческий характер, необходимо достаточно развитое воображение. У умственно отсталых детей оно отличается фрагментарностью, неточностью и схематичностью, так как их жизненный опыт беден, а смысловые операции несовершенны[20].

Умственно отсталые дети усваивают все новое очень медленно, лишь после многих повторений, быстро забывают воспринятое и, главное, не умеют вовремя воспользоваться приобретенными знаниями и умениями на практике. Замедленность и непрочность процесса запоминания проявляется прежде всего в том, что программу четырех классов массовой школы умственно отсталые дети усваивают за семь-восемь лет обучения.

Причины замедленного и плохого усвоения новых знаний и умений кроются прежде всего в свойствах нервных процессов умственно отсталых детей. Слабость замыкательной функции коры головного мозга обуславливает малый объем и замедленный темп формирования новых условных связей, а также непрочность их. Кроме того, ослабление активного внутреннего торможения, обуславливающее недостаточную концентрированность очагов возбуждения, приводит к тому, что воспроизведение учебного материала многими умственно отсталыми детьми отмечается крайней неточностью[1].

Анализ материалов выявил особенности, которыми характеризуется мнестическая деятельность умственно отсталых школьников. Одной из них является нарушение соотношения между произвольным и непроизвольным запоминанием.

У умственно отсталых школьников нет существенных различий между продуктивностью преднамеренного и непреднамеренного запоминания.

С целью изучения взаимосвязи узнавания с объемом кратковременной слуховой памяти и объемом кратковременной зрительной памяти было проведено экспериментальное исследование с умственно отсталыми младшими школьниками коррекционной школы г. Липецка (второй класс 10 человек) и младшими школьниками с нормальным психическим развитием массовой школы (второй класс 10 человек).

В исследовании приняли участие двадцать детей.

На предварительном этапе разрабатывались, уточнялись методы исследования.

На первом этапе работы выполнена теоретическая проработка проблемы особенности памяти умственно отсталых детей. Был проведен срез, выявляющий особенности узнавания, объема зрительной и объема слуховой кратковременной памяти умственно отсталых младших школьников.

На втором этапе проводился анализ работы предыдущего этапа, были обобщены, описаны и математически обработаны результаты эксперимента и сформирован

вывод по всей работе.

В процессе работы были использованы методики Р.С. Немова «Узнай фигуры», «Запомни рисунки», «Запомни цифры».

«Память ребенка младшего школьного возраста, как и его внимание, должна оцениваться не в целом, а дифференцированно, по отдельным показателям, и по каждому из них необходимо делать о памяти ребенка независимое заключение. Что же касается общих выводов о состоянии мнемических процессов у ребенка, то они имеют условное значение и только в общем характеризуют то, в какой степени развитой является его память»[11].

Сравнивая в целом результаты выполнения заданий умственно отсталыми детьми и детьми с нормальным умственным развитием, необходимо обратить внимание на поведение детей в процессе выполнения заданий. Умственно отсталые дети инертны, у них отсутствует интерес к заданию, и поэтому эмоциональный контакт со взрослыми, возник не сразу, а в течение эксперимента. Эмоциональное общение педагога и ребенка возникло на основе совместных действий, которые сопровождались приветливой улыбкой и ласковым голосом. После этого умственно отсталые дети приступили к выполнению задания.

При выполнении методики «Узнай фигуры» среди умственно отсталых детей были наиболее активными Денис Л., Олеся Г., Алина К. Они проявили интерес к заданиям, были заинтересованы результатами своей деятельности, справились со всеми заданиями быстро и правильно. Татьяна П., Егор Д. испытывали трудности в выполнении заданий. Они не поняли устные инструкции, однако показ им помог понять цель заданий и выполнить его. Такие дети, как Антон С., Артем Б. проявили меньше интереса к выполнению задания. Они были безразличны к результатам своей деятельности, не проявляли усилий в работе, до конца с заданием так и не справились. В процессе выполнения этой методики всем умственно отсталым детям требуется помощь со стороны взрослого, похвала, одобрение - для стимулирования их деятельности. В основном все дети медлительны при выполнении заданий.

При выполнении этой же методики детьми с нормальным умственным развитием того же возраста были получены совсем другие результаты. С детьми сразу же был установлен эмоциональный контакт. Они быстро поняли словесную инструкцию и цель задания, задания заинтересовали их. Помощь со стороны экспериментатора не требовалась. Все задания выполнены правильно и быстро.

Методика «Запомни рисунки» и вызвала наибольший интерес у умственно отсталых детей. Данная методика предназначена для определения объема кратковременной зрительной памяти. При выполнении данной методики наиболее активными были Олеся Г., Денис Л. Словесную инструкцию экспериментатора и цель задания

поняли и показали следующие результаты. Они запомнили и воспроизвели наибольшее количество фигур (по шесть). Хуже с тем же самым заданием справился Антон С., который запомнил и воспроизвел всего лишь две фигуры. Данная методика для Егора Д. не вызвала никакого интереса, он не был заинтересован в быстром и правильном выполнении задания, постоянно отвлекался. Вначале эксперимента Артур правильно воспроизвел две фигуры, а спустя некоторое время начал бесцельно показывать все подряд фигуры, пока его не остановил экспериментатор. Остальные умственно отсталые дети запомнили и воспроизвели от трех до шести фигур.

Данная методика была проведена с детьми, не имеющих отклонения в умственном развитии результаты исследования были значительно лучше. Больше всего фигур запомнили и воспроизвели Ольга Н., Марина З. и некоторые другие учащиеся. Им удалось запомнить восемь фигур. Остальные дети запомнили от шести до семи фигур.

Сравнивая результаты выполнения данной методики детьми, имеющими недостатки в умственном развитии с умственно нормальными детьми, нужно отметить, что умственно отсталые дети находятся на среднем уровне развития кратковременной слуховой памяти, а дети в норме на высоком уровне.

При выполнении методики «Запомни цифры и умственно отсталыми детьми и детьми с нормальным умственным развитием были получены следующие результаты: при выполнении данной методики умственно отсталые дети проявили интерес к выполнению задания, инструкцию и цель задания поняли. Были получены следующие результаты. Лучше всего справилась с заданием Татьяна П., она безошибочно воспроизвела семь цифр. Самые худшие результаты показали такие дети, как Егор Д., Артем Б., Антон С. - эти дети воспроизвели по три цифры. Такие ученики как Олеся Г., Денис Л. воспроизвели по пять цифр.

При проведении этой же методики с детьми с нормальным умственным развитием того же возраста были получены следующие результаты. Дети задания выполняли активнее, проявили интерес к результатам своей деятельности. Самые лучшие результаты показали Марина З., Людмила С., Ольга К., которые запомнили и воспроизвели по семь цифр.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о снижении уровня памяти умственно отсталых младших школьников по сравнению с тем, что наблюдается у их сверстников, развивающихся нормально.

В отличие от своих сверстников, у умственно отсталых младших школьников формирование смысловых «ассоциативных связей протекает с большими нарушениями. Смысловые связи искажаются, заменяются

привнесениями, оказываются структурно неформальными. Ассоциативные связи быстро угасают, случайно заменяются. Образная память преобладает над словесно-логической»[5].

Без специального обучения они значительно хуже, чем нормально развивающиеся дети запоминают учебный материал. Плохое понимание воспринимаемого материала приводит к тому, что учащиеся вспомогательной школы лучше запоминают внешние признаки предметов и явлений в их чисто случайных сочетаниях. Они с трудом запоминают внутренние логические связи и отношения, так как просто не вычлениают их. Также плохо понимают и запоминают отвлеченные словесные объяснения. Именно поэтому так важно умело и одновременно сочетать при изучении нового материала предъявление наглядных пособий с отвлеченными словесными объяснениями.

Характерной особенностью всех умственно отсталых младших школьников является неумение целенаправленно заучивать и припоминать. Когда умственно отсталым детям читают вслух рассказ, они стремятся запомнить наизусть отдельные фразы, но не вникая в его содержание. Учитель должен подсказать детям наиболее целесообразные приемы заучивания и припоминания учебного материала, помочь им сформировать эти сложные навыки. Поэтому «при обучении этих детей требуется специальная коррекционная работа, способствующая устранению недостатков в памяти. Проведение учебно-воспитательной работы с установкой на развитие осмысленного запоминания - один из самых эффективных путей оптимизации запоминания сохранения и воспроизведения. В специальной психологии имеется указание на то, что после десятилетнего возраста у умственно отсталых детей при специальной коррекционной работе особенно заметно начинает развиваться логическая память. Это объясняется возрастным созреванием, развитием мыслительной деятельности, формированием личностных структур, приводящим к осознанному и целенаправленному запоминанию и усвоению материала, пониманию важности учебной и практической деятельности»[5].

Таким образом, в ходе работы была достигнута поставленная цель – были исследованы взаимосвязи узнавания с объемом кратковременной слуховой памяти и объема кратковременной зрительной памяти. Подробно были рассмотрены особенности узнавания умственно отсталых детей младшего школьного возраста, определены объемы кратковременной слуховой и зрительной памяти. Хотелось бы отметить, что в игровой деятельности этих детей проявляется бедность запаса знаний и представлений об окружающем мире, слабо выражен интерес к игре, беспорядочность и не целенаправленность игры, отсутствие творческих замыслов. Умственно отсталые младшие школьники затрудняются

назвать то, чем в данный момент заняты. Их действия не соотносятся с речью.

Деятельность этих детей нуждается в постоянном стимулировании и контроле за ее ходом. Нет выраженной эмоциональной реакции на успех и ее удачу. Нередко отмечается отказ от коллективной игры. Учителю - дефектологу необходимо учить детей играть.

В заключение следует отметить, что «...память характеризуется достаточно сложными процессами, которые

включают в себя свои механизмы. Также существуют различные виды памяти и их достаточно много. Каждый вид уникален, имеет свои особенности, но самое главное, каждый из них значим и необходим для полного развития умственных способностей человека. Несмотря на многолетний опыт исследования, и изучения памяти многие вопросы остаются не решёнными, но сейчас психология располагает обширным материалом по этой проблеме, и этого вполне достаточно, чтобы понять, что такое память, как она развивалась, и узнать различные подходы к изучению процессов памяти»[13].

ЛИТЕРАТУРА

1. Алентьева Е.А. Особенности развития психических процессов у детей с проблемами в интеллектуальном развитии// проблемы педагогики. – 2017. - №3(26). – С. 37-43 URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28789886>
2. Бакланова О.С. Особенности памяти при умственной отсталости. [Электронный ресурс]. - URL: <https://nsportal.ru/nachalnaya-shkola/psikhologiya/2019/06/13/osobennosti-pamyati-pri-umstvennoy-otstalosti>
3. Бахуринская А.В. Инклюзивное образование // Студенческий форум: электрон. научн. журн. 2020. № 28(121). URL: <https://nauchforum.ru/journal/stud/121/76330> (дата обращения: 05.11.2020).
4. Бетанова С.С. Развитие коммуникативных навыков детей младшего школьного возраста, имеющих легкую степень умственной отсталости // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). 2012. № 3. с. 97-107.
5. Виноградова Л.Д. Практикум по психологии умственно отсталого ребенка: учеб. Пособие для студентов [Электронный ресурс]. - URL: <http://disus.ru/knigi/3536-1-praktikum-psiologii-umstvenno-otstalogo-rebenka-sostavitel-kandidat-psiologicheskikh-pauk-d-vinogradova-dopuscheno-mini.php>
6. Власова Г.А. Отбор детей во вспомогательную школу. – М.: «Просвещение», 1983. – 176 с.
7. Григорьевская И.В. Особенности произвольной и произвольной памяти умственно отсталых детей // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. – 2008. - №1. – С. 354-358 URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21134016>
8. Долгова В.И., Капитанец Е.Г., Сметанина Д.А. Исследование видов памяти у младших школьников с интеллектуальными нарушениями // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2015. – Т. 31. – С. 111–115. – URL: <http://e-koncept.ru/2015/95529.htm>.
9. Лурия А.Р. Лекции по общей психологии. [Электронный ресурс]. - URL: https://bookap.info/genpsy/luriya_lektsii_po_obshchey_psiologii/gl54.shtm
10. Методы исследования детей при отборе во вспомогательные школы./Под ред. А.Р. Лурия, В.И. Лубовского. – М.: «Просвещение», 1964. – 120 с.
11. Немов Р.С. Психодиагностика: Учеб. для студ. высш. пед. учеб. заведений: В 3 кн. — 4-е изд. — М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2001. — Кн. 3: Психодиагностика. Введение в научное психологическое исследование с элементами математической статистики. — 640 с.
12. Обучение и воспитание умственно отсталых детей./Под ред. Г.М. Дульневой, - Из-во «Академия пед-ких наук», 1960. – 152 с.
13. Парфёнова Е.А., Репринцева Ю.С. Теоретико-методологические основы исследования памяти // Студенческий форум: электрон. научн. журн. 2019. № 20(71). URL: <https://nauchforum.ru/journal/stud/71/53106> (дата обращения: 05.11.2020).
14. Психолого-педагогическая диагностика умственного развития детей. /Под ред. С.Д. Забрамной, - М.: «Просвещение», 1985. – 190 с.
15. Рубинштейн С.Я. Психология умственно отсталого школьника. – М.: «Просвещение», 1986. – 192 с.
16. Стародубов В.И., Пузин С.Н., Амастьянц Р.А. Стратегия формирования и развития системы организации комплексной реабилитации детей-инвалидов в Российской Федерации: Монография. – М., 2006, – 300 с.
17. Тезисы докладов II международной конференции «Развитие инклюзивных школ». – М., 2011 г.
18. Фахрутдинова Р. А., Ахмадуллина Р.М. Развитие памяти одаренных школьников на младшем этапе обучения (на материале экспериментального исследования) // Филология и культура. – 2014. – №3(37). – С. 288-294 URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22939607>
19. Физиологические основы памяти [Электронный ресурс]. - URL: <https://wikidalka.ru/3-102336.html>
20. Щербетова А.Ю. Особенности познавательной деятельности дошкольников с нарушением интеллекта// Проблемы педагогики. – 2018. - №7(39). – С. 54-69 URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36654372>

© Ушакова Елена Леонидовна (ushackowa.e@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ ПОДРОСТКОВ С РАЗЛИЧНЫМ СОЦИОМЕТРИЧЕСКИМ СТАТУСОМ

FEATURES OF INTERPERSONAL RELATIONSHIPS AMONG ADOLESCENTS WITH DIFFERENT SOCIOMETRIC STATUS

S. Khairova

Summary: The article discusses individual psychological factors that ensure the effectiveness of interpersonal communication of adolescents in the space of the educational environment. Among the key components of such communication are perceptions of oneself, perceptions of others, perceptions of acceptable and unacceptable ways to resolve problem situations, as well as internal and external resources to solve them. In addition, the role of communicative skills and skills for building effective relationships is discussed. The results of an empirical analysis of the relationship of communicative skills with the level of integration of a teenager into the system of social relations in the space of the educational environment are discussed. The results of an empirical analysis of the relationship of communicative skills with the level of integration of a teenager into the system of social relations in the space of the educational environment are discussed.

Keywords: group relations, sociometric status, communication skills, self-organization, psychological well-being.

Хаирова Селиме Изетовна

*К.псх.н., доцент, ГБОУ ВО РК «Крымский
инженерно-педагогический университет»
имени Февзи Якубова, Симферополь
Selime_khairova@mail.ru*

Аннотация: В статье обсуждаются индивидуально-психологические факторы, обеспечивающие эффективность межличностной коммуникации подростков в пространстве образовательной среды. Среди ключевых компонентов такой коммуникации рассматриваются представления о себе, представления о других, представления о допустимых и недопустимых способах разрешения проблемных ситуаций, а также о внутренних и внешних ресурсах для их решения. Обсуждается роль коммуникативных навыков и умений для построения эффективных отношений. Обсуждаются результаты эмпирического анализа взаимосвязи коммуникативных навыков с уровнем интегрированности подростка в систему социальных отношений в пространстве образовательной среды.

Ключевые слова: групповые отношения, социометрический статус, коммуникативные навыки, самоорганизация, психологическое благополучие.

Обсуждение психолого-педагогических условий всестороннего и полноценного развития подростка в пространстве образовательной среды невозможно без обсуждения межличностных отношений с членами школьной группы как одного из факторов этого развития.

По мнению Мясищева В.Н. отношения личности выступают с одной стороны показателем уровня сформированности личности, ее системы ценностей, потребностей и мотивов, с другой – отражают степень интегрированности или адаптированности к той среде, в которой она находится, отражая одновременно ресурсы и возможности среды, которые использует субъект для проявления и разворачивания своей индивидуальности.

Особую актуальность межличностные отношения приобретают в подростковом возрасте. Они становятся платформой, где разворачиваются многие процессы личностного и социального созревания подростка. Благополучие в системе групповых отношений во многом определяет благополучие психического и социального развития подростка. В свою очередь, положение под-

ростка в иерархии групповых отношений может выступать индикатором уровня развитости навыков и умений, необходимых для эффективного построения взаимодействия с другими людьми. Как показывает практика, если эти навыки не получили должного развития, подростку оказывается очень сложно установить гармоничные отношения со своим окружением, возникает состояние внутренней дисгармонии и дезадаптированности, что отражается, в числе прочего, и на его положении в групповой иерархии.

Исходя из сказанного в качестве объекта исследования были определены межличностные отношения подростков с различным социометрическим статусом.

Цель работы заключается в том, чтобы проследить как взаимосвязаны социальные и коммуникативные навыки подростка с его положением в социальной структуре класса и определить основные направления психологической поддержки процесса групповой социализации.

Предметом обсуждения в данной статье являются результаты эмпирического исследования особенностей

построения межличностных отношений у подростков с различным социометрическим статусом.

Проведем краткий экскурс в теорию обсуждаемого вопроса. Проблемам подросткового развития посвятили свои труды множество отечественных и зарубежных. В рамках этих исследований особое внимание уделялось проблеме отношения, обуславливающего не только личностное развитие подростка, но и качественную ассимиляцию им социального опыта (В.Н. Мясищев, А.Г. Асмолов, М.К. Павлова, А.А. Кроник, Е.А. Кроник, Б.С. Братусь, А.А. Петровский, А. Бандура, А. Айхорн, Э. Берн, А. Маслоу, М. Кле и др.) [2, 6, 8]. Как показано в работах этих авторов, многоуровневая система отношений предполагает развитие функционально-ролевых, эмоционально-оценочных, смысловых структур личности, выступающих ключевыми факторами социогенеза. Устойчивое рассогласование отношений приводит к искаженному восприятию социального опыта, формированию негативных личностных образований и в конечном итоге - к дезадаптации личности в системе межличностных коммуникации [1, 2, 3].

Значимость межличностной коммуникации для целостного гармоничного развития личности подростка раскрывали в свои работах Л.С. Выготский, Л.Н. Леонтьев, Д.Б. Эльконин, Л.И. Божович, В.В. Столин, и др. Как писала Л.И. Божович центр жизни подростка переносится из учебной деятельности в общение. Здесь происходят самые важные процессы личностного созревания, становление социального Я, освоения моральных норм и ценностей, осмысления перспектив. Если в школе подростку не удастся найти удовлетворяющей его системы общения он «уходит» из школы в переносном, а иногда и в прямом смысле слова [3, 9].

Общение – это сложный процесс, навыки которого ребенок осваивает с самого рождения. Их недостаточное развитие иногда является основной причиной, по которой подросток не может интегрироваться в систему отношений в классе. Сегодня этот процесс осложняется еще и тем, что стремительная цифровизация общества с одной стороны делает жизнь подростка более насыщенной событиями, с другой - меняет условия и характер общения. На страницах родительских интернет-форумов регулярно поднимаются вопросы о том, как заставить подростков общаться с другими детьми в очном формате. Среди подростковых проблем родители и педагоги указывают отчуждение, нежелание поддерживать контакты с другими подростками в школе и вне ее. Следствием становится несформированность навыков межличностной коммуникации и проблемы построения адекватных социальных отношений в детских коллективах, о чем пишут в своих работах А.И. Лучинкина, И.С. Лучинкина, А.А. Гребенюк, Л.В. Жихарева, Т.В. Юдее-

ва, и многие другие [5, 7]. Ко всему прочему виртуальная среда, освобождая подростка от нормативных рамок, ограничивающих поведение в реальной коммуникации, искажает механизмы социальной рефлексии, способствуя формированию дезадаптивных форм поведения. А несформированность нормативных представлений, как показали в своих исследованиях М.Н. Расходчикова, А.В. Сидоренков, Д.В. Сипягин, С.И. Хаирова, тесно связана с низким статусом в системе межличностных отношений в классном коллективе [6, 10, 11].

Теоретический анализ научной литературы дал возможность выстроить модель структурных компонентов межличностного взаимодействия подростков, определяющих его эффективность. В качестве основных компонентов здесь выступают:

- представление о себе: самооценка, цели, ценности, представление о себе как о личности, о своих возможностях и своих желаниях;
- представления о других: кто они, что значат для подростка, чего ждут от него, и т.д.;
- представления о нормах: что можно и что нельзя допускать в отношениях, допустимые и недопустимые способы достижения цели;
- представления о ресурсах для достижения целей.

Уровень сформированности данных компонентов обеспечивает подростку эффективность построения межличностных отношений и определяет его статус в группе сверстников.

Эмпирическая проверка выдвинутых предположений осуществлялась с помощью комплекса методик, включающих социометрические и референтометрические процедуры, тестирование, анкетирование, индивидуальные и групповые интервью. Выборку исследования составили ученики 6-7 классов в возрасте 12-14 лет (64 человека) одной из Симферопольских школ.

На начальном этапе, с помощью процедуры социометрической экспертизы были определены группы подростков с разным уровнем интегрированности в групповую иерархию класса, условно названные «звезды», «принимаемые», «отвергаемые». Все дальнейшее исследование осуществлялось в сравнительном ключе между этими тремя группами.

Анализ коммуникативных и организаторских способностей испытуемых с различным социометрическим статусом, выполненный с помощью методики «КОС» В.В. Синявского, В.А. Федоришина, показал, что у подростков из группы звезд данные способности выражены на более высоком уровне, чем у представителей двух других групп: средний балл составлял 0,75 коммуникативные и 0,73 организаторские способности. У «предпо-

читаемых» показатели коммуникативных способностей составляли 0,66 и 0,59 соответственно и на самом низком уровне данные способности были выражены у испытуемых группы «отвергаемые» – 0,47 и 0,38 баллов.

Высокий уровень коммуникативных способностей у так называемых звезд выражается в непринужденности установления контактов, четкой формулировке целей и задач взаимодействия, легкости управления процессом коммуникации. Сочетание высокого уровня коммуникативных навыков с организаторскими способностями свидетельствует об успешном использовании коммуникации как ресурса влияния на других. У подростков группы принимаемых высокий уровень коммуникативных навыков свидетельствует о выраженных способностях понимать собеседника, вступать в сотрудничество и поддерживать процесс коммуникации. Более низкий, чем у «звезд» уровень организаторских способностей может отражать менее выраженную инициативу в управлении отношениями и меньший ресурс влияния на других. Данное сочетание качеств свидетельствует скорее о направленности на адаптацию в существующей системе отношений и ее поддержание в том виде, как она сконструирована лидерами. Показатели коммуникативных и организаторских навыков у подростков группы «отвергаемые» свидетельствуют о том, что в этой группе выше доля ребят, которые испытывают затруднения, вступая в коммуникацию с другими. Им сложнее проявлять инициативу в управлении отношениями, труднее отстаивать свои интересы и разрешать конфликтные ситуации в духе переговоров. Слабо выраженные навыки самоорганизации свидетельствуют о несформированном умении подчинять свое поведение нормам и задачам межличностного взаимодействия (или школьной дисциплины).

Как развитие этих навыков отражается на психологическом самочувствии и групповом статусе подростков показано ниже.

Выраженность показателя самооценки в разных социометрических группах исследовалась с помощью тест-опросника «Определение уровня самооценки» С.В. Ковалева. Чем меньше здесь полученные значения, тем выше уровень самооценки. Наиболее высокая самооценка отмечается у представителей группы звезд (средний показатель – 23 балла), наиболее низкий уровень самооценки фиксируется в группе отвергаемых – 63 балла.

Методика Л.М. Фридман «Наши отношения» позволяет оценить не только атмосферу в классе, но отразить эмоциональное восприятие этих отношений каждым учеником в отдельности, а также обобщенное восприятие этой атмосферы представителями социометрических групп (рис1).

Как видно из графика на рисунке 1 представители группы предпочитаемых дают позитивные оценки атмосфере класса, но в сравнении с оценками представителей группы звезд, их можно назвать более умеренными. «Звезды» также высоко оценивают дружность класса, но в сравнении с «предпочитаемыми» они ее как бы переоценивают. В оценках, отвергаемых чаще представлены такие характеристики как класс не дружный, конфликтный и разобщенный. Очевидно, что эти оценки отражают положение самих «отвергаемых».

Точно также по-разному характеризуют представители социометрических групп готовность одноклассников оказывать помощь друг другу (рис. 2).

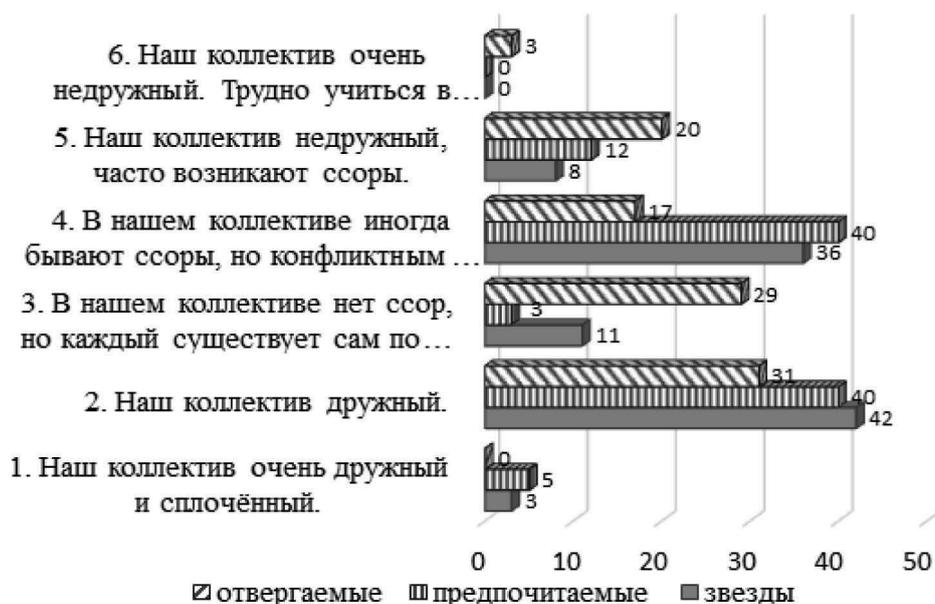

Рис.1. Оценка атмосферы в классе представителями разных социометрических групп

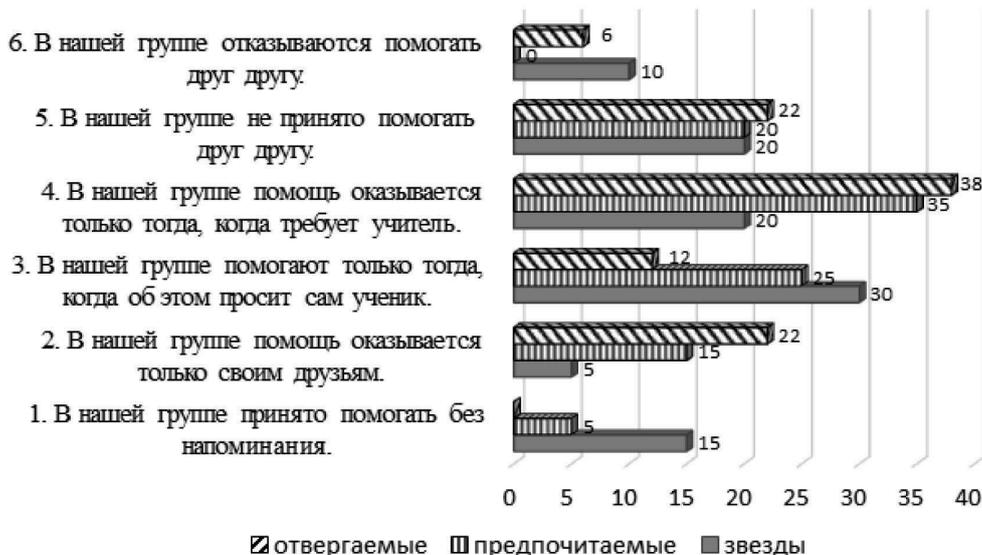
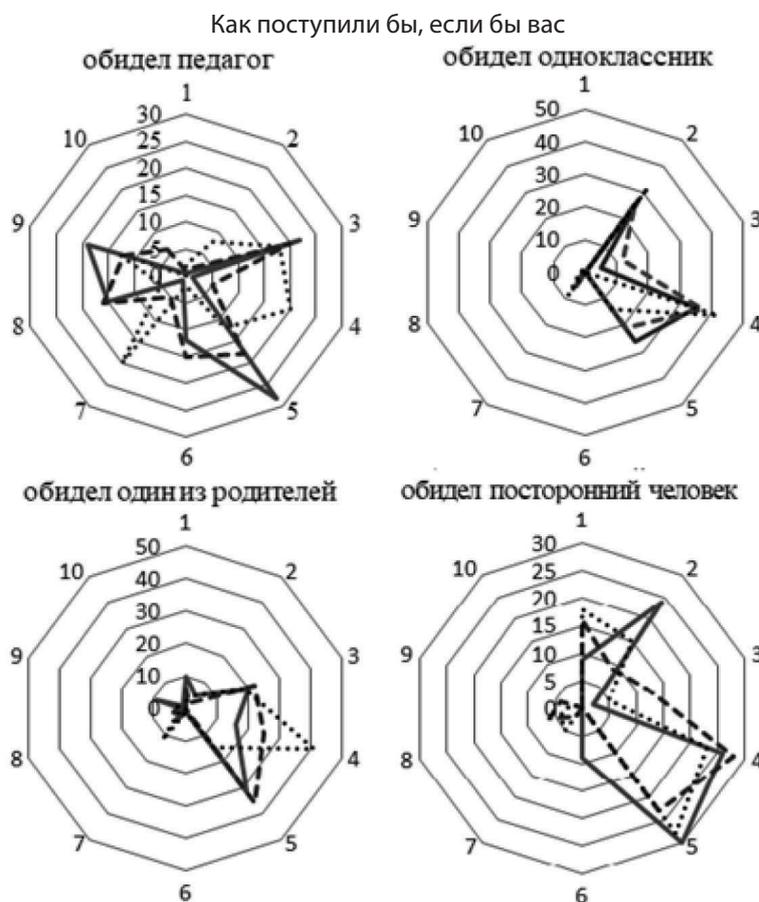

Рис. 2. Отношение к взаимопомощи в классе представителей разных социометрических групп.

Варианты ответов:

1. промолчу;	6. пожалуюсь администрации школы;
2. ответу дерзостью;	7. при случае отомщу;
3. обращусь к родителям за поддержкой;	8. обращусь к классному руководителю;
4. обращусь к товарищам за поддержкой;	9. обращусь к педагогу, которому доверяю;
5. спокойно попытаюсь доказать свою правоту;	10. попрошу поставить мой вопрос на классном собрании

Рис. 3. Реакция представителей социометрических групп на конфликт в различных ситуациях

Умеренными можно назвать оценки «предпочитаемых», здесь распределение показателей ближе к нормальному. Среди звезд больше тех, кто считает, что оказывать помощь необходимо только тогда, когда одноклассник сам об этом просит, еще какая-то часть утверждает, что они помогают без напоминаний и просьб учителя. Однако «отвергаемые» видят ситуацию иначе. В их оценках преобладают такие характеристики как «помощь оказывается только по приказу учителя», «помощь оказывается только своим друзьям».

Очевидно, что подростки тяжело переживают изоляцию и самое главное – не могут изменить ситуацию самостоятельно. Кто же из взрослых пользуется у подростков доверием и может повлиять на ситуацию? Подросткам был представлен список лиц и предложено выбрать из них тех, с кем они могли бы быть откровенны: с ребятами из нашей компании; директором учебного заведения; товарищами по классу; с родителями; руководителем кружка, секции; с бабушкой или дедушкой; классным руководителем; старым знакомым; любимым человеком; ни с кем. Анализ показал, что «звезды» и «предпочитаемые» в качестве доверенных лиц выбирают родителей (43% и 38%), друзей из своего круга (21% и 13%), руководителя спортивной секции (12% и 16%). Классного руководителя в качестве доверенного лица выбрали лишь 7% «звезд». Существенно отличается круг доверенных людей у «отвергаемых». Их авторитеты лежат за пределами класса, основную долю которых составляют ребята из своей компании (33%), старые знакомые (26%), руководители спортивного кружка (13%), бабушка или дедушка (11%). Практически не попали в список доверенных лиц родители и школьные учителя. На наш взгляд это является серьезным индикатором неблагополучных отношений представителей данной группы не только с одноклассниками, но и окружающими взрослыми. Тут встает вопрос – что первично: подросток попал в группу отвергаемых из-за того, что у него не сложились отношения с учителем, или отношения не складываются потому, что личностные особенности подростка не позволяют выстроить нормальную коммуникацию с педагогом? Безусловно, эти два явления тесно связаны, однако понимание что первично, позволяет точно сфокусировать направление усилий, чтобы разорвать этот порочный круг.

На последующих графиках показано, как реагируют подростки на проблемы, возникающие в различных ситуациях общения (рис. 3).

Реакция на несправедливую обиду со стороны учителя. Представители группы звезд и предпочитаемых, решая проблемы взаимоотношений с учителем, чаще всего прибегают к помощи родителей, администрации или стараются разобраться сами, опираясь на собственные

силы. Иначе построена стратегия поведения «отвергаемых». Здесь доминируют поиск поддержки у товарищей, либо декларация готовности свести счеты с преподавателем. В меньшей мере такие подростки склонны обращаться за помощью к авторитетному взрослому (родителю или педагогу) и в еще меньшей мере верят, что смогут решить проблему самостоятельно.

В ситуации конфликта с родителями в группах звезд и предпочитаемых преобладающей является стратегия самостоятельного разрешения ситуации. В случае, если самостоятельно решить проблему не удастся, подростки стремятся прибегать к помощи товарищей или другого родителя. «Отвергаемые» реже опираются на свои силы и больше рассчитывают на поддержку друзей. Вероятно, это является отражением того факта, что у подростков этой категории изначально сложные отношения с родителями, поэтому попытка решить проблему в диалоге с ними изначально выглядит как безнадежная. В беседах с подростками обсуждался вопрос в чем именно заключается поддержка друзей. Спектр ответов варьировал от «найти эмоциональную поддержку», до «уйти из дома».

В конфликтах со сверстниками референтными лицами являются одноклассники, к поддержке взрослых подростки апеллируют значительно реже. «Звезды» и «предпочитаемые» наравне с «отвергаемыми» позволяют себе агрессию, которую сдерживают в отношениях с взрослыми. Лишь незначительная часть представителей группы предпочитаемых в случае возникновения трудностей в решении конфликта со сверстником выражают готовность обратиться за поддержкой к родителям, а представители звезд – к администрации школы. В отношениях с посторонними взрослыми все подростки ведут себя примерно сходным образом, с той лишь разницей, что «звезды» решительнее противостоят давлению взрослых, нежели представители двух других групп.

Нормативное поведение – это поведение, направленное на реализацию потребностей и целей и организованное в соответствии с установленными в обществе ценностями и образцами поведения. Исследование нормативных представлений подростков осуществлялось с помощью модифицированной методики Must-тест П.Н. Иванова и Е.Ф. Колобовой, в которую были добавлены два пункта – «тебя будут уважать, если ты...» и «тебя никто не будет уважать, если ты...». Было установлено, что наиболее значимым условием социального принятия подростки называют разделение групповых ценностей (72% выборов), проявление собственного достоинства (67%), взаимную поддержку и проявление социально одобряемых качеств (54%). Обращает на себя внимание тот факт, что общение с социально отвергаемыми членами своего окружения расценивается как фактор, который может пошатнуть собственные позиции в со-

циальной иерархии группы. Это свидетельствует о конформизме подростков и значительной подверженности социальному давлению.

Исследование выраженности нормативного поведения представителей различных социометрических групп осуществлялось с помощью шкалы «G» Многофакторного личностного опросника Р.Б. Кеттелла. Умеренную нормативность поведения продемонстрировали «звезды». Здесь примерно в равных долях представлены те, кто ориентирован на поддержание норм (52 %) и те, у кого уровень нормативности фиксируется как низкий (48 %). Высокую нормативность поведения продемонстрировали представители группы предпочитаемых: 76% выборы показывают высокий уровень нормативности и 24% - низкий. В группе отвергаемых наиболее низкий уровень нормативности поведения: здесь 13% тех, кто ориентирован на поддержание норм и 87% тех, кто показывает низкий уровень нормативности поведения. Полученные данные можно объяснить с позиции отношения представителей разных социометрических групп к нормам. Звезды сами устанавливают групповые нормы, меньше от них зависят и соответственно демонстрируют умеренное отношение к ним. Отвергаемые находятся вне структуры групповых связей, соответственно они не разделяют групповых норм. Возможно, это является ответной реакцией представителей данной группы на ту социальную изоляцию, в которой они оказались. И лишь представители предпочитаемых являются той частью классного коллектива, которая в большинстве своем поддерживает стабильность и престиж групповых норм.

Анализ полученных материалов позволяет сделать следующие выводы.

Причинами социальной успешности подростков являются не только сформированные коммуникативные и организаторские навыки, а также высокий уровень самооценки, обусловленный положительным опытом построения межличностных взаимоотношений в пространстве класса. Наиболее сформированными подобными навыками можно назвать у представителей группы звезд. Они более автономны, социально ориентированы, умеют и хотят использовать поддержку окружающих – взрослых и сверстников.

Отношение подростков к групповым нормам условно можно определить как «законодательное», «законопослушное» и «оппозиционное». Оно отражает меру влияния подростков на отношения в классе, на свое положение и на поведение других. В данной ситуации отрицание групповых норм изолированными членами классной группы видится как способ защиты своего «Я» от группового давления.

Обобщая рефлексивное восприятие атмосферы в классе, можно отметить, что подростки не просто по-разному себя в ней чувствуют, но по-разному ее рефлексивуют. Подростки из группы звезд склонны переоценивать ее благополучие, завышать свой уровень готовности к взаимопомощи и общей сплоченности. Тогда как отвергаемые характеризуют атмосферу в классе как разобщенную, с низким уровнем взаимопомощи, корпоративностью групповых интересов и значимостью межличностных отношений для получения психологической и иных видов поддержки.

Анализ стратегий поведения в различных типах конфликтных ситуаций показывает, что подростки, называемые звездами, в решении проблем опираются в большей мере на собственные силы и на помощь авторитетных взрослых (то есть, они умеют искать и получать эту помощь).

За пределами знакомого (безопасного) пространства отношений – родителей и педагогов, – в отношениях с незнакомыми взрослыми людьми более уверенно ведут себя подростки группы звезд. Вероятно, это объясняется тем, что подростки этой группы в большей мере психологически подготовлены к построению социальных отношений вне школы, более информированы, уверены в себе. В то время как у представителей двух других групп еще значительно выражена опора на близких взрослых и друзей.

Подытоживая сказанное можно сделать вывод, что причинами социальной успешности лидеров класса, именуемых звездами, являются не столько сформированные коммуникативные и организаторские навыки, сколько позитивный опыт построения межличностных взаимоотношений: как с ровесниками, так и взрослыми. Они уверены, решительны, социально более подготовлены. Труднее всего приходится подросткам группы отвергаемых: низкий уровень самооценки, слабый ресурс влияния на отношения и собственное положение в социальной иерархии класса ставит их в условия изоляции. Очевидно, что изменить ситуацию самим, без помощи взрослых им не под силу.

Можно с уверенностью утверждать, что именно неблагоприятные отношения со взрослыми – родителями и педагогами – зачастую способствуют тому, что у подростка стремительно растут ком проблем, мешающих нормальной социализации и интеграции в систему групповых отношений в классе. В значительной мере вера в себя, позитивная оценка своих способностей формируется из отношения взрослых – родителей и педагогов. Не зря ведь в ситуациях решения проблем именно подростки из группы отвергаемых реже всего прибегают к помощи родителей и учителей.

Резюмируя изложенное можно сказать, что порочный круг, где неуверенность в себе порождает неудачи при построении системы отношений, а неудача подкрепляет неуверенность в себе, может быть разорван с помощью взрослых. В первую очередь необходимо сформировать позитивный опыт отношений. Этому немало способствует создание ситуации успеха: во внешкольной деятельности, школьных достижениях, спортивных победах – всем том, что позволяет поднять авторитет подростка. Заблуждением является мысль, что для подростка низка значимость учительской похвалы или школьной отметки. Если она сделана грамотно, «по-взрослому», подростки ценят и добиваются ее. Однако для эффективного

решения проблем дезадаптации подростка необходима целенаправленная и методичная работа психологической службы школы.

Задачи формирования социальных и коммуникативных навыков подростков, навыков саморегуляции и самоорганизации, расширения спектра социально адаптивных моделей поведения, изменения установок относительно себя и окружающего мира могут быть решены методами социально-психологического тренинга. Отдельной задачей должна стоять оптимизация отношений подростка с окружающими его взрослыми – педагогами и родителями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абраменкова В.В. Подростковая субкультура как пространство самореализации // Мир психологии, – 2008. № 1. С. 175-189
2. Асмолов А.Г. Движущие силы и условия развития личности. // Психология личности. Т.2. Хрестоматия. – Самара: Издательский Дом «Бахрах», 2006.
3. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. – М.: Прсвещение, 1968. – 464 с.
4. Выготский Л.С. Психология развития ребенка. – М: Изд-во. Смысл, Изд-во Эксмо, 2004. – 512с.
5. Жихарева, Л.В. Виртуальные группы смерти: методология исследования / Л.В. Жихарева // Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. - 2018. - Т.37, №1. -С. 141-146. - Doi: 10.18413/2075-4574-2018-37-1-161-168. - Библиогр.: с. 145-146.
6. Коломинский Я.Л. Социальная психология школьного класса: Науч.-метод. пособие для педагогов и психологов. / Я.Л. Коломинский. –Минск: ООО «ФУАинформ», 2003. -312с.
7. Лучинкина А.И., Юдеева Т.В. Информационно-психологическая безопасность детей и подростков в интернет-пространстве // Лучинкина А.И., Юдеева Т.В. Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Серия: Педагогика. Психология. 2015. № 1. С. 19-24.
8. Мясищев, В.Н. Психология отношений : избранные психологические труды / В.Н. Мясищев. – Москва : Институт практической психологии; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1998. -368 с.
9. Сачкова М.Е. Статусные отношения в подростковых ученических группах // Вопросы психологии, 2006, №4. С. 58-63.
10. Сипягин Д.В. Влияние психосоциальной идентичности личности на статусно ролевую позицию индивида в группе. Автореф. канд. дисс. Москва. 2007.
11. Хаирова С.И. Особенности нормативного поведения подростков в школьной среде. // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Серия: Педагогика. Психология. 2018. № 3 (13). С. 50-57.

© Хаирова Селиме Изетовна (Selime_khairova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РИСКА ЗАБОЛЕВАНИЯ ЗЛОКАЧЕСТВЕННЫМИ НОВООБРАЗОВАНИЯМИ: АКТУАЛЬНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ¹

SOCIO-PSYCHOLOGICAL RISK FACTORS FOR MALIGNANT NEOPLASMS: RELEVANCE AND PROSPECTS OF THE STUDY

**D. Tsiring
Ya. Pakhomova
A. Vazhenin
M. Mironchenko**

Summary: Cancer is a disease that poses a threat to human life and health. There is no clear opinion on the influence of social and psychological factors on the development of cancer. This paper attempts to generalize and systematize the available data on the nature of malignant neoplasms. The analysis revealed that the most important psychosocial risk factors in the development of cancer are difficulties in expressing negative emotions, feelings of despair and helplessness in the face of difficulties, hopelessness as a specific reaction to stressful events, the presence of depressive states, increased levels of anxiety, the predominance of external locus of control and low significance of the value of health. Understanding the mechanisms of the impact of stressful events on the individual's psyche, studying the factors that influence the morbidity and survival of patients with cancer diagnosis, will help to identify the psychosomatic nature of the disease and show the existence of additional important predictors of survival of patients with malignant neoplasms.

Keywords: oncology, oncopychology, malignant neoplasms, stress, difficult life situation.

Циринг Диана Александровна

д.псих.н., г.н.с., Томский государственный университет;
профессор, Челябинский государственный университет
L-di@yandex.ru

Пахомова Яна Николаевна

к.псих.н., н.с., Томский государственный университет;
доцент, Челябинский государственный университет
sizova159@yandex.ru

Важенин Андрей Владимирович

д.мед.н., гл.врач, Челябинский областной клинический
центр онкологии и ядерной медицины
vav222@mail.ru

Миронченко Марина Николаевна

к.мед.н., ст.н.с., Томский государственный университет;
доцент, Южно-Уральский государственный медицинский
университет (Челябинск),
thoraxhir@mail.ru

Аннотация: Онкологическое заболевание является заболеванием, представляющим угрозу для жизни и здоровья человека. В вопросе влияния социальных и психологических факторов на развитие онкологического заболевания нет однозначного мнения. В данной работе предпринята попытка обобщения и систематизации имеющихся данных относительно природы злокачественных новообразований. В результате проведённого анализа было выявлено, что наиболее важными психосоциальными факторами риска в развитии рака являются сложности в выражении негативных эмоций, чувство отчаяния и ощущение собственной беспомощности перед трудностями, проявление безнадёжности как специфической реакции на стрессовые события, наличие депрессивных состояний, повышенный уровень тревожности, преобладание экстернального локуса контроля и низкая значимость ценности здоровья. Понимание механизмов воздействия стрессовых событий на психику индивида, изучение факторов, оказывающих влияние на заболеваемость и выживаемость пациентов с онкологическим диагнозом, позволят обозначить психосоматическую природу заболевания и показать существование дополнительных важных предикторов выживаемости пациентов со злокачественными новообразованиями.

Ключевые слова: онкология, онкопсихология, злокачественные новообразования, стресс, трудная жизненная ситуация.

Динамический темп жизни, усиливающиеся процессы глобализации и информатизации, нестабильная социально-экономическая ситуация оказывают влияние на современного человека и предъявляют

особые требования к нему. В условиях необходимости эффективного разрешения негативных событий и явлений становится актуальным вопрос о стрессоустойчивости индивида. Одним людям в процессе преодоления

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проект № 20-013-00824 «Психологические факторы риска заболевания злокачественными новообразованиями у женщин, проживающих в промышленном мегаполисе и сельской местности»).

трудностей свойственны высокая эффективность, способность организовывать и регулировать свои поведение и деятельность, рациональное распределение собственных ресурсов, другим – ощущение беспомощности и невозможности своими силами изменить ситуацию и предсказать ход её развития. Особенно остро проблема стрессоустойчивости индивида и продуктивного совладания с трудными жизненными условиями проявляется в ситуациях, несущих угрозу для жизни и здоровья человека, в том числе при онкологическом заболевании.

Исследования психологических параметров у пациентов с онкологическими заболеваниями различных локализаций ведутся уже несколько десятков лет, однако интерес к этой теме у ученых всего мира не только не ослабевает, но и увеличивается.

Результаты исследований последних десятилетий выявили негативное влияние стрессовых событий на здоровье людей [1, 2, 4, 7, 10, 11 и другие]. В данных исследованиях учёными отмечается опосредованность заболеваемости и выживаемости индивидов с онкологическим диагнозом социальными и психологическими особенностями последних. Однако, определить конкретные социальные и психологические механизмы и факторы, приводящие к развитию злокачественных новообразований, учёным пока не удаётся, получаемые результаты являются неоднозначными и иногда противоречат друг другу.

Исходя из вышеизложенного, представляется важным и актуальным систематизировать имеющиеся в науке данные по проблеме социально-психологической детерминации онкологического заболевания.

Так, целью данной работы является выявление и теоретическое обоснование социально-психологических факторов заболевания злокачественными новообразованиями. Понимание механизмов воздействия стрессовых событий на психику индивида, изучение факторов, оказывающих влияние на заболеваемость и выживаемость пациентов с онкологическим диагнозом, позволят обозначить психосоматическую природу заболевания и показать существование дополнительных важных предикторов выживаемости пациентов со злокачественными новообразованиями.

Основными методами данного исследования выступили теоретический обзор и анализ литературных источников, методы систематизации и обобщения материала.

Психологические предпосылки развития злокачественных новообразований описаны в работах P. Revidi, H.J. Eysenck, L. Temoshok, Y. Chida, И.Г. Малкиной-Пых, М.Г. Ивашкиной, К.П. Балицкого, Н.В. Тарабриной и других. P. Revidi отмечает, что возникновению онкологических заболеваний способствуют склонность к депрессивным реакциям, сдержанность в проявлении эмоций,

выраженное чувство вины и неуверенности в себе. Автор отмечает, что переживание длительного стресса и опыт психотравм могут привести к развитию злокачественных новообразований в сроки от 1 года до 15 лет [по 5].

Согласно данным исследования H.J. Eysenck, с возникновением ракового заболевания связаны такие особенности личности, как подавление гнева, тревоги, беспоконства и других эмоциональных реакций, ригидность установок, чувство отчаяния, депрессия, самопожертвование. Во взаимоотношениях такие люди склонны избегать открытых конфликтов, конформны, испытывают сложности в отстаивании своей точки зрения, терпеливы и услужливы. При совладании с трудностями им свойственно чувство беспомощности. H.J. Eysenck отмечает, что человеку с указанными характеристиками с большей вероятностью грозит появление злокачественных новообразований, а также в случае заболевания раком более быстрая смерть, чем у людей с другими личностными особенностями [9].

В работе L. Temoshok предпринята попытка создания интегративной модели, учитывающей психологические и физиологические характеристики личности с онкологическим заболеванием и особенности процесса совладания с болезнью. В данной модели автор старается сгладить имеющиеся противоречия между пониманием природы рака. Также L. Temoshok приводит данные относительно факторов, детерминирующих образование злокачественных опухолей. К ним относятся ощущения безнадёжности и собственной беспомощности в стрессовых ситуациях, трудности в выражении эмоций [12].

По данным Y. Chida и соавторов, психосоциальные факторы влияют на возникновение злокачественного новообразования у изначально здоровых людей. Непродуктивные стратегии совладающего поведения, переживание негативных эмоциональных состояний, низкое качество жизни выступают не только в роли факторов, повышающий риск заболевания раком, но и влияют на выживаемость пациентов с уже диагностированным онкологическим заболеванием [8].

В исследовании психологического профиля онкологических больных отмечаются ряд личностных особенностей, характерных для большинства людей с онкологическими заболеваниями. Данные особенности рассматриваются также в качестве факторов риска развития злокачественных новообразований: наличие ригидных установок и стереотипов относительно здоровья и болезни, доминирующая детская позиция в коммуникации, превалирование экстернатальности локуса контроля, низкая значимость ценности здоровья [2, 3].

В исследовании Н.В. Тарабриной и соавторов отмечается важная роль таких социальных факторов, как природные катастрофы, смерть близких людей, несчастные

случаи, которые существенно влияют на развитие онкологических заболеваний. Кроме того, авторы отмечают, что «стрессы, связанные с рождением детей, с переживаниями угрозы для жизни детей или их смертью, относятся к числу серьезных факторов, ведущих у женщин к развитию рака молочной железы» [1, 4]. Говоря о семье как социальном факторе риска развития онкологического заболевания и в контексте выживаемости пациентов с раком, следует упомянуть результаты исследования О.Н. Шаровой. Полученные автором данные свидетельствуют о том, что опыт семейной жизни, как положительный, так и отрицательный (развод, смерть одного из супругов), играет более позитивную роль в продуктивности совладания с ситуацией онкологического заболевания, нежели отсутствие такого опыта [6].

Обобщая рассмотренные психологические факторы риска развития злокачественных новообразований, в качестве основных выделим: сложности в выражении негативных эмоций и их вербализации, ощущение беспомощности и чувство отчаяния, проявления безнадёжности как реакции на стресс, наличие депрессивных состояний и повышенный уровень тревожности. Говоря о социальных факторах, провоцирующих появление и развитие онкологического заболевания, отметим роль стрессовых жизненных событий, низкий уровень социальной поддержки, стрессы семейных взаимоотношений.

Таким образом, согласно приведённым результатам исследований, стресс, определённые характеристики личности и особенности социальной среды могут способ-

ствовать возникновению онкологического заболевания. Изучение психосоциальных факторов риска развития злокачественных новообразований представляет не только научный интерес, но и практический, так как позволяет разработать реабилитационные психологические программы, способствующие улучшению качества жизни пациентов с онкологией и повысить их выживаемость.

Вместе с тем, важно подчеркнуть, что изучать психологические факторы в отрыве от других, очевидно влияющих на состояние пациента с данным диагнозом, не верно. Однако, количество исследований, выполненных совместно специалистами различных наук (медиками, биологами, психологами, психотерапевтами, социологами и др.), чрезвычайно незначительно. Кроме того, результаты исследований влияния психологических факторов на развитие онкозаболеваний неоднозначны. Важным условием плодотворного поиска решения проблемы природы онкологического заболевания является объединение исследований различных научных дисциплин, изучающих человека и его здоровье на разных уровнях. Проведённый теоретический обзор исследований, посвящённых социально-психологическим факторам риска заболевания злокачественными новообразованиями, послужит основой дальнейшего эмпирического изучения личностных особенностей онкопациентов в рамках системного пролонгированного изучения психологических, медицинских и социальных факторов выживаемости онкобольных, проживающих в промышленном мегаполисе и сельской местности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Журавлев А.Л., Тарабрина Н.В., Генс Г.П., Коробкова Л.И., Ворона О.А., Падун М.А. Роль психосоциальных стрессоров в динамике угрожающих жизни болезней (на примере рака молочной железы) // *Фундаментальные науки – медицине*. М.: «Слово», 2005. С. 42-44.
2. Ивашкина М.Г. Психологические особенности личности онкологических больных : дис. ... канд. психол. наук. М., 1998.
3. Малкина-Пых И.Г. Психосоматика. М.: Эксмо, 2008. 1024 с.
4. Тарабрина Н.В. Посттравматический стресс у больных угрожающими жизни (онкологическими) заболеваниями // *Консультативная психология и психотерапия*, 2014, № 1. С. 40-63;
5. Усманова Е.Б. Психологические факторы качества жизни больных с опухолевым поражением костей : дисс. ... канд. пс. наук: 19.00.04. СПб, 2016.
6. Шарова О.Н. Стрессоустойчивость как показатель медико-психолого-социальной адаптации лиц с онкологическими заболеваниями // *Живая психология*. 2017. Том 4. № 2. С. 157-174. doi: 10.18334/jp.4.2.38386.
7. Avison W.R., Gotlieb I.H. (Eds.). *Stress and mental health. Contemporary issues and prospects for the future*. New York: Plenum Press, 1994. P. 15–73.
8. Chida Y., Hamer M., Wardle J., Steptoe A. Do stress-related psychosocial factors contribute to cancer incidence and survival? // *Nat. Clin. Pract. Oncol.* 2008. № 5(8). P. 466-475.
9. Eysenck H. *Cancer, personality and stress: prediction and prevention* // *Advances in Behaviour Research and Therapy*. 1994. № 16. P. 167-215.
10. House J.S., Landis K.R., Umberson D. *Social relationships and health* // *Science*. 1988. № 241. P. 540-545.
11. Lehto U.-S., Ojanen M., Kellokumpu-Lehtinen P. Predictors of quality of life in newly diagnosed melanoma and breast cancer patients // *Annals of Oncology*. № 16, Issue 5. P. 805-816. DOI: <https://doi.org/10.1093/annonc/mdi146>.
12. Temoshok L. *Personality, coping style, emotion and cancer: towards an integrative model* // *Cancer Surv.* 1987. №. 6. P. 545-567.

© Циринг Диана Александровна (L-di@yandex.ru), Пахомова Яна Николаевна (sizova159@yandex.ru),
Важенин Андрей Владимирович (vav222@mail.ru), Миронченко Марина Николаевна (thoraxhir@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЕТОДИКА ВЫЯВЛЕНИЯ КОГНИТИВНЫХ СХЕМ ПРОСОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ¹

Чернов Александр Юрьевич

Д.псих.н., доцент, с.н.с., Волгоградский государственный университет, г. Волгоград.
achernov1@yandex.ru

METHODS FOR IDENTIFYING COGNITIVE PATTERNS OF PROSOCIAL BEHAVIOR²

A. Chernov

Summary: Prosocial behavior is rarely studied in terms of the content and structure of a person's cognitive organization. Therefore, the article proposes a tool for identifying cognitive patterns of prosocial behavior. It was assumed that cognitive schemas contain various aspects of the experience of a person's prosocial activity. They concentrate knowledge, strategy and decision-making rules in pro-social situations, expectations about potential consequences, about the differentiation of areas, points of view, time parameters that are individual for a person.

The aim of the study was to develop, validate and standardize an original technique for diagnosing the severity of cognitive patterns of prosocial behavior. The study sample consisted of 200 people (50% of men, 50% of women aged 18 to 57). In the process of constructing the methodology, the retest reliability, obvious and meaningful validity were checked, which allows us to consider it a tool that adequately establishes individual differences in the severity of cognitive schemes of prosocial behavior.

The developed methodology describes four factors corresponding to differentiated cognitive schemes of prosocial behavior: normative-situational scheme, dispositional scheme, affective-altruistic scheme, affective-normative scheme.

Keywords: prosocial behavior, cognitive schemes, normative-situational scheme, dispositional scheme, affective-altruistic scheme, affective-normative scheme.

Аннотация: Просоциальное поведение редко изучается с точки зрения содержания и структуры когнитивной организации человека. Поэтому в статье предложен инструмент для выявления когнитивных схем просоциального поведения. Предполагалось, что когнитивные схемы содержат различные аспекты опыта просоциальной активности личности.

В них сконцентрированы знания, стратегия и правила принятия решений в просоциальных ситуациях, ожидания о потенциальных последствиях, о дифференциации областей, точек зрения, временных параметров, которые являются индивидуальными для человека.

Целью исследования являлась разработка, валидизация и стандартизация оригинальной методики диагностики выраженности когнитивных схем просоциального поведения. Выборка исследования составила 200 человек (50% мужчин, 50% женщин в возрасте от 18 до 57 лет). В процессе конструирования методики осуществлена проверка ретестовой надежности, очевидной и содержательной валидности, что позволяет считать ее инструментом, адекватно устанавливающим индивидуальные различия выраженности когнитивных схем просоциального поведения.

Разработанная методика описывает четыре фактора, соответствующих дифференцированным когнитивным схемам просоциального поведения: нормативно-ситуативная схема, диспозициональная схема, аффективно-альтруистическая схема, аффективно-нормативная схема.

Ключевые слова: просоциальное поведение, когнитивные схемы, нормативно-ситуативная схема, диспозициональная схема, аффективно-альтруистическая схема, аффективно-нормативная схема.

Введение

Актуальность разработки методики

Изучение закономерностей просоциального поведения осуществляется преимущественно экспериментальными и опросными методами. Существующие методики отражают теоретические представления их разработчиков об основных характеристиках просоциального поведения – нормативные, персонологические, ситуативные. [1; 2; 13]

Относительно мало исследованной областью являются социокогнитивные основания просоциального поведения. В рамках социокогнитивного подхода декларируется центральная роль личного опыта челове-

ка в следовании нормам просоциального поведения, в проявлении релевантных ему индивидуальных свойств личности, в принятии решений в ситуациях, требующих оказания помощи. [3; 8; 12]

Функцию актуализации опыта человека в контексте просоциального поведения, приведения его в соответствие с опознанными внешними условиями и с целями выполняет система когнитивной организации, центральным звеном которой являются когнитивные схемы. [6; 7; 9; 11]

В них сконцентрированы знания, стратегия и правила принятия решений в просоциальных ситуациях, ожидания о потенциальных последствиях, о дифферен-

1 Работа выполнена при поддержке РФФИ грант № 19-013-00236 «Нормативная регуляция и саморегуляция просоциального поведения»

циации областей, точек зрения, временных параметров, которые являются индивидуальными для человека. Актуальной в этом случае является разработка инструмента, позволяющего выявлять содержание и структуру когнитивных схем просоциального поведения. Теоретической основой такой работы было обобщение совокупности подходов, позволяющих реконструировать индивидуальную систему расчленений, противопоставлений и обобщений, лежащую в основе субъективных оценок, отношений и предсказаний.

Таким образом, целью исследования была разработка, валидизация и стандартизация оригинальной методики диагностики **когнитивных схем просоциального поведения**.

Задачи исследования:

1. Сформулировать перечень утверждений для измерения когнитивных схем просоциального поведения, исходя из научных представлений о данном феномене и из результатов качественного этапа исследования.
2. Сформировать репрезентативную выборку респондентов путем простого рандомизированного отбора.
3. Осуществить проверку очевидной, содержательной, конвергентной валидности и характеристик надежности методики.

Этапы разработки методики

Конструирование методики проходило в несколько этапов. На первом этапе ходе индивидуальных и групповых интервью был получен лингвистический материал, отражающий различные аспекты просоциального поведения. Для того, чтобы обеспечить соответствие высказываний респондентов просоциальному контексту, им предлагался стимульный материал в виде короткого описания просоциальной ситуации: «Несколько лет назад я разговаривал с человеком, который время от времени появлялся в обществе с прикрепленной к пиджаку медалью «За спасение утопающих». Это произошло через десять дней после перенесенной им довольно сложной операции на желчном пузыре. Одновременно ему удалили аппендикс. В тот вечер он впервые, выписавшись из больницы, прогуливался со своей девушкой по многолюдному пляжу. Они услышали крик тонущей женщины. Тогда он прыгнул в воду, подплыл к ней и удерживал ее на плаву, пока не подоспели спасатели. Когда его самого вытащили из воды, он был чуть живой». Вопросы интервью формулировались так, чтобы ответы респондентов могли выражали их отношение к описываемым событиям с опорой на их личный опыт оказания помощи людям в различных ситуациях. Отдельные высказывания респондентов обобщались и соответствующим образом редактировались с тем, чтобы придать форму-

лировкам пунктов опросника однозначный психологический смысл.

Первоначальная версия опросника включала 49 пунктов. Она была предложена непрофессиональным экспертам (5 человек). Им предлагалось оценить утверждения с позиций их понятности, ясности, стилистической грамотности, адекватного подбора лексических форм.

Содержательная валидность, характеризующая степень релевантности и репрезентативности содержания утверждений опросника диагностируемой области, также определялась путем экспертных оценок. Трех экспертам – психологам было предложено оценить утверждения из первоначальной версии опросника на предмет их соответствия исследуемому феномену по четырехбалльной шкале (0 – не соответствует совсем, 1 – скорее не соответствует, 2 – скорее соответствует, 3 – абсолютно соответствует). По результатам работы экспертной группы был получен средний балл для каждого утверждения опросника, который, наряду с иными критериями, учитывался при отборе пунктов для его окончательной версии. Кроме этого, экспертам предлагалось определить, какой аспект просоциального поведения соответствует каждому пункту опросника.

На втором этапе осуществлялся отбор утверждений в окончательный вариант опросника, для чего были использованы следующие критерии:

1. Согласованность распределения эмпирических баллов каждого утверждения опросника с нормальным законом (после проведения процедуры эмпирической нормализации пункты методики, по которым показатели теста Колмогорова – Смирнова $p < 0,005$) исключались из перечня.
2. Средний показатель для каждого утверждения по оценкам экспертов, проводивших содержательную валидизацию опросника (в опросник включались утверждения со средним баллом не ниже 2,7).

Исследование проводилось на выборке из 140 человек (50% мужчин и 50% женщин) в возрасте от 18 до 57 лет, представляющих разные социально-демографические группы.

Третий этап конструирования методики был посвящен исследованию конвергентной валидности, направленной на оценку значений коэффициентов корреляции с переменными, с которыми он должен коррелировать, исходя из теоретических предположений. Использовались следующие методики:

1. Методика измерения просоциальных тенденций Г. Карло и Б.А. Рэндалл (адаптация Н.В. Кухтовой) выявляет различные типы проявления просоциальности: публичный тип, уступчивый тип, экстрактивный тип, эмоциональный тип, альтруистиче-

ский тип. [4;10]
 2. Методика «Справедливость–Забота» (С.В. Молчанов) предназначена для выявления уровня развития моральных суждений в соответствии с двумя

основными периодизациями развития морального сознания: периодизацией Л. Кольберга и периодизацией К. Гиллиган. [5]
 3. Методика «Социальные нормы просоциального

Таблица 1

Когнитивные схемы просоциального поведения
 (по результатам факторного анализа)

Фактор и вес фактора	Пункты опросника	Значения	Когнитивная схема	Атрибуты просоциального поведения
Первый фактор. Объясняет 23,5% дисперсии	Он чувствовал ответственность за жизнь человека, попавшего в опасность	0,649	Ситуативно–нормативная схема	Норма ответственности
	Он убежден, что каждый человек имеет право и возможность получить помощь в трудной ситуации.	0,453		Норма справедливости
	Он убежден, что помогать попавшему в беду, долг каждого порядочного человека.	0,648		Норма ответственности
	Он видел, что попавший в беду человек очень сильно нуждается в помощи.	0,842		Вовлеченность в ситуацию
	Он понимал, что если не придет на помощь, все закончится очень плохо.	0,795		Экстремальность ситуации
	Он предполагал, что его действия не нанесут вреда ему самому.	0,699		Оценка ресурсов
Второй фактор Объясняет 14,8% дисперсии	Проявление смелости и решительности в «острых» ситуациях всегда были ему свойственны.	0,738	Диспозиционная схема	Твердость характера
	Он всегда думал, что независимо от обстоятельств, человек принимает решения, исходя из того, что сам считает правильным и необходимым.	0,706		Интернальность
	Он считал себя достаточно сильным, чтобы справиться с опасностью, грозившей попавшему в беду человеку и ему самому	0,738		Уверенность
	Трудная, опасная ситуация всегда мотивировала его на проявление его лучших качеств.	0,689		Решимость
	В жизни он всегда руководствовался принципом «Кто, если не я?».	0,456		Ответственность
Третий фактор Объясняет 9,6% дисперсии	Спасая человека, попавшего в беду, он стремился вызвать восхищение своей подруги.	0,725	Аффективно-альтруистическая схема	Гедонистический альтруизм
	Он знал, что его усилия не пропадут даром: другие люди оценят его самопожертвование.	0,761		Рациональный альтруизм
	Ему было легче подвергнуть себя опасности, чем оставаться на месте и смотреть, как человек тонет.			Моральный альтруизм
	Ему было жаль человека, попавшего в беду.	0,568		Спонтанное переживание эмоций
	Эмоции «захлестнули» его, и он не отдавал отчета в собственных действиях	0,525		Спонтанное переживание эмоций
Четвертый фактор Объясняет 8,8% дисперсии	В этот момент он еще раз пережил страх, который испытывал перед операцией, и почувствовал то, что переживает тонущий человек.	0,707	Нормативно-аффективная	Эмпатия
	Он испытал такое же отчаяние, как тонущий человек.	0,644		Эмпатия
	Он считал, что было бы несправедливо, если бы человек погиб по собственной неосторожности или вследствие стечения обстоятельств.	0,731		Норма справедливости
	Он убежден, что каждый человек имеет право и возможность получить помощь в трудной ситуации.	0,514		Норма справедливости

поведения» (И.А. Фурманов, Н.В. Кухтова), направленная на изучение позиций присвоения социальных норм и построения межличностных отношений на основе норм, оказывающих влияние на просоциальную направленность поведения: норма социальной ответственности, норма взаимности, норма справедливости, норма «затраты» и «вознаграждения».

По результатам данного этапа получена окончательная версия методики выявления когнитивных схем просоциального поведения. Она включает 25 утверждений. Надежность результатов при повторном предъявлении одним и тем же респондентам из случайной выборки (N=40) через две недели после первого предъявления составила $\alpha=0,92$.

Для выявления структуры и содержания когнитивных схем саморегуляции просоциального поведения был проведен факторный анализ результатов, полученных при использовании разработанной методики. Результаты объясняют 56,7% дисперсии, мера адекватности выборки Кайзера-Майера-Олкина = 0,825, критерий сферичности Бартлетта $<0,001$. Результаты факторного анализа приведены в Таблице 1.

Обсуждение результатов исследования

Результаты факторного анализа когнитивных схем саморегуляции просоциального поведения позволяют сформулировать ряд суждений, отражающих их структурные и содержательные свойства.

Первая разновидность схем образована элементами, представляющими нормативные и ситуативные аспекты просоциального поведения. Соответственно, она названа «ситуативно-нормативная» схема (23,5% дисперсии). Ведущим элементом этой схемы является атрибут «вовлеченность в ситуацию» (собственное значение = 0,842). Вовлеченность в данном случае, означает, что человек, оказывающий помощь, осознает значения специфических социальных стимулов и осведомлен действиях, которые он собирается совершить и о месте этих действий в более широком социальном контексте. Кроме этого, значение имеют восприятие того, насколько экстремальна просоциальная ситуация (0,795) и оценка собственных возможностей оказать помощь (0,699). Нормативная составляющая этой разновидности когнитивных схем представлена нормой ответственности (0,649) и 0,648 и нормой справедливости (0,453).

Вторая разновидность схем – диспозициональная схема (14,8% дисперсии). В ней отражены черты и свойства личности, ассоциируемые с просоциальным поведением: твердость характера (0,738), уверенность

(0,739), интернальность (0,796), решимость (0,689), ответственность (0,456). Ведущими элементами этой схемы являются «твердость характера» и «решимость».

Третья разновидность когнитивных схем просоциального поведения названа «аффективно-альтруистической» (9,6% дисперсии), так как ее структуру образуют различные виды альтруизма в сочетании с сопутствующими просоциальному поведению эмоциями. Ведущее положение в этом факторе занимает «рациональный альтруизм» (0,761). Буквальное определение альтруизма – ориентация на интересы и потребности другого человека, а не свои собственные. В этом случае альтруизм тождественен действию по оказанию любой помощи, сопровождаемой скрытым личным мотивом. Тогда альтруизм имеет смысл только в связи с реализацией собственных интересов и удовлетворением собственных потребностей. Другими атрибутами альтруизма в этой схеме являются «гедонистический альтруизм» (0,725) и «моральный альтруизм» (0,502). Гедонистический альтруизм подразумевает получение удовольствия от помощи другим людям. Однако нельзя игнорировать, что любое удовольствие – это наше собственное удовольствие. Тогда не важно, направлены ли усилия человека на то, чтобы доставить радость и удовольствие окружающим людям. Смысл этой активности все равно заключается в удовлетворении собственных потребностей и интересов. Она не более, чем компромисс между различными векторами мотивации. Моральный альтруизм, понимается как феномен, регулирующий социальное поведение человека в соответствии с его системой ценностей. Как следствие, моральная сторона альтруизма соотносится с пониманием человеком своих обязательств перед другими людьми и своей ответственности перед ними вне зависимости от фактов, характеризующих конкретную ситуацию. Действительно, многие современные теории морали отождествляют альтруизм и нравственность, которые, в свою очередь, составляют предмет ответственности перед другими людьми. Аффективный элемент просоциального поведения представлен в этой схеме атрибутом «спонтанное переживание эмоций» (0,568 и 0,502).

Четвертая схема – нормативно-аффективная» (8,8% дисперсии). Именно в ней проявлен атрибут эмпатии (0,707 и 0,644) в сочетании с нормой справедливости (0,731 и 0,514).

Логично утверждать, что каждая схема имеет средний показатель выраженности в выборке респондентов. Средний показатель складывается из суммы средних значений относящихся к схеме пунктов опросника или составляющих ее атрибутов просоциального поведения. Тогда:

$$M_{\text{ситуативно-нормативная схема}} = (1.1+1.5)/2+(1.4)+(4.1+4.2+4.5)\backslash 3$$

$$M_{\text{пропозициональная схема}} = (5.1+5.2+5.3.+5.4+5.5)/5$$

$$M_{\text{аффективно-альтруистическая схема}} = (2.1+2.2+2.3)\backslash 3+ (3.1+3.5)/2$$

Средние значения показателей когнитивных схем саморегуляции просоциального поведения

Когнитивные схемы	N	Минимум	Максимум	Среднее значение	Стандартная отклонения
Ситуативно-нормативная схема	200	9,50	30,00	23,6767	4,91018
Диспозициональная схема	200	1,00	10,00	6,8880	2,09960
Аффективно-альтруистическая схема	200	4,00	20,00	11,5317	3,30575
Нормативно-аффективная схема	200	3,00	20,00	12,4400	4,05286

$$M_{\text{нормативно-аффективная схема}} = (3.3+3.4)\sqrt{2}+(1.3+1.4)\sqrt{2}$$

В Таблице 2 приведены средние значения показателей каждой схемы.

Выводы

1. Методика диагностики когнитивных схем просоциального поведения является надежным и валидным инструментом, позволяющим качествен-

но оценить их структуру и содержание.

2. Выявлена внутренне согласованная когнитивная структура просоциального поведения, включающая нормативно-ситуативную, диспозициональную, аффективно-альтруистическую и нормативно-аффективную схемы.
3. Данная методика может применяться как в исследовательских, так и в диагностических целях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акимова М.К., Персиянцева С.В. Влияние нормативности и конкретно-ситуативных факторов на просоциальное поведение молодежи разных региональных выборок // Мир педагогики и психологии. - 2019. - № 9 (38). - С. 118-127.;
2. Алтунина И.Р., Немов Р.С. Мотивы и мотивация социального поведения как проблема социально-психологических исследований // Современная социальная психология: теоретические подходы и прикладные исследования. - 2009. - № 1. С. 7-17.
3. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М.: Институт социологии РАН, 2003. - 752 с.
4. Кухтова Н.В. Адаптация методики «Измерение просоциальных тенденций» (Г. Карло, Б.А. Рэндалл) // Вестник гродненского государственного университета имени Янки Купалы. – Серия 3. Филология. Педагогика. Психология. – 2013. - №2 (113). – С. 102-107.
5. Молчанов С.В. Морально-ценностные ориентации как функция социальной ситуации развития в подростковом и юношеском возрасте // Культурно-историческая психология. - 2007. - № 1. - С. 73-78.
6. Плотников М.В. Индивидуальные социально-психологические механизмы социального поведения человека // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2011. - № 4-1. - С. 361-367.
7. Шилкина Н.Е. Основания типизации социального поведения и понятийный аппарат исследования социального поведения в социологии // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. - 2009. - № 1. - С. 180-186.
8. A Sociocognitive Approach to Social Norms. Contributors \ Nicole Dubois - Editor. New York, Routledge. – 2002. – p. 38.
9. Caigler V. Organization of self-knowledge: Features, functions, and flexibility // In M. Leary J. P. Tangney (Eds.) Handbook of self and identity. - New York: Guilford, 2003. - pp. 47–67.
10. Carlo G, Hausmann A., Christiansen S., Randall B. Sociocognitive and Behavioral Correlates of a Measure of Prosocial Tendencies for Adolescents // Journal of Early Adolescence. – 2003. - 23:1. - pp. 107-134.
11. Dweck C.S., Leggett E.L. A social-cognitive approach to motivation and personality // Psychological Review. - 1988. – N. 95. – pp. 256–273.
12. Fiske S.T., Taylor S.E. Social Cognition. New York: McGraw-Hill, 1991. – 471 p.
13. Lampridis E., Papastylianou, D. Prosocial behavioural tendencies and orientation towards individualism–collectivism of Greek young adults // International Journal of Adolescence and Youth. - 2014. - N. 4. - pp. 45-59.

© Чернов Александр Юрьевич (achernov1@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КИНЕЗИОЛОГИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВРАЧА

EDUCATIONAL KINESIOLOGY IN THE PROFESSIONAL ACTIVITY OF A DOCTOR

**N. Chistiakova
A. Korobko**

Summary: Educational kinesiology is a holistic psychological and pedagogical direction at the intersection of neuropsychology, psychophysiology and pedagogy. As a health-preserving technology in the doctor's practice, it is aimed at a healthy lifestyle promoting and health self-preservation skills teaching. The problematic field of educational kinesiology includes the prenosological direction in the practice of active use of preventive-corrective methods of the organism's functional recovery.

Keywords: doctors' psychological and pedagogical activity, educational kinesiology, stable pathological state, operated movements.

Чистякова Наталья Викторовна

К.н.с.х.н., ассистент, ФГАОУ ВО «РНИМУ им. Н.И. Пирогова»

Минздрава России

chistiakova_nv@rsmu.ru

Коробко Андрей Иванович

К.воен.н., ФГАОУ ВО «РНИМУ им. Н.И. Пирогова»

Минздрава России

korobko_ai@rsmu.ru

Аннотация: Образовательная кинезиология представляет собой холистическое психолого-педагогическое направление на стыке нейропсихологии, психофизиологии и педагогики. Как здоровьесберегающая технология в практической деятельности врача, она направлена на пропаганду здорового образа жизни и обучение навыкам самосохранения здоровья. Проблемное поле образовательной кинезиологии включает донозологическое направление в практике активного применения превентивно-коррекционных методов функционального восстановления организма.

Ключевые слова: психолого-педагогическая деятельность врача, образовательная кинезиология, устойчивое патологическое состояние, произвольные движения.

В основе психолого-педагогической компетентности врача лежит здравоцентрическая парадигма, направленная на сохранение здоровья человека, формирование мотивации для ведения здорового образа жизни. Согласно Е.Ю. Васильевой и соавт., психолого-педагогическая деятельность врача – процесс обучения и воспитания пациентов основам самосохранительного поведения [2]. Как здоровьесберегающая технология [4], образовательная кинезиология в современной превентологии направлена на пропаганду и популяризацию здорового образа жизни, обучение навыкам самосохранения здоровья за счет интеграции современных достижений педагогики, психологии и медицины.

Образовательная кинезиология в практической деятельности врача с активным применением миофасциальных техник, комплекса дыхательных упражнений, рефлексотерапии обеспечивает проприорецептивный контроль наружного контура тела и способствует развитию внутреннего ресурсного потенциала у пациента, выполняя защитную функцию с целью сохранения целостности организма.

Рассматривая этапы прогрессивного течения заболевания в анализе функциональных изменений организма, подход гомотоксикологии Г. Реккевега позволяет оценить степень влияния воздействия внешних и вну-

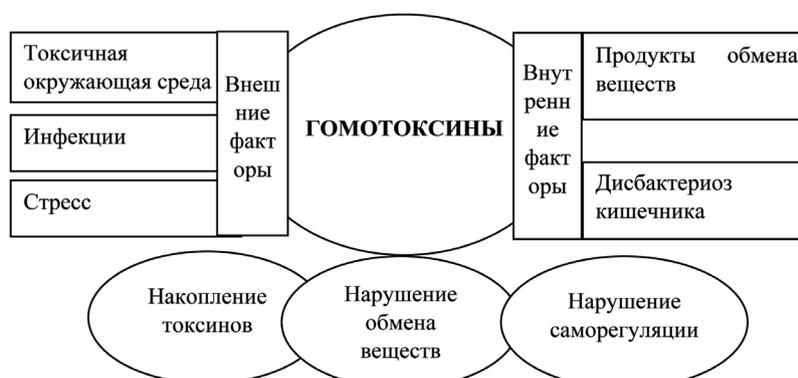

Рис. 1. Образовательная кинезиология как здоровьесберегающая технология в практической деятельности врача

тренних факторов на состояние как физического, так и психического здоровья (см. рис. 1) [8].

При превышении порогового значения в системе проприоцептивной чувствительности в ходе терапевтического воздействия запускаются адаптационные механизмы внутреннего реагирования, что согласуется с общепризнанными остеопатическими теориями (А. Т. Still, R. В. Fuller). В качестве примера можно привести стрессовый (или усталостный) перелом, причиной которого служит мышечное ослабление, связанное с выпадением соответствующих движений на фоне чрезмерно резкого повышения тонуса мышц.

Теория устойчивого патологического состояния (УПС) Н.П. Бехтеревой как наиболее общего механизма развития болезни демонстрирует эффективность применения немедикаментозных методов лечения, в особенности при лекарственной резистентности [1]. Указанная группа методов предлагает активное применение факторов, аналогичных адаптационным защитным механизмам по характеру воздействия на функциональное состояние организма. Основная цель немедикаментозной терапии – переход от патологического к устойчивому нормальному состоянию (УНС). УНС обеспечивается сбалансированным взаимодействием центральной и периферической нервной системы. Одним из инновационных направлений немедикаментозной терапии является прикладная кинезиология [5].

Образовательная кинезиология, сформированная на основе прикладного направления, представляет собой холистическое психолого-педагогическое направление на стыке нейропсихологии, психофизиологии и педагогики [6]. «Гимнастика мозга», предложенная П. Деннисоном [3], как основа образовательной кинезиологии направлена на формирование переключения внимания,

гибкости мышления, пластичности поведения и снижение тревожности в парадигме «мышление – эмоции – тело», условно называемой «триадой здоровья».

Исходя из здравоцентрической парадигмы, проблемное поле образовательной кинезиологии в профессиональной деятельности врача включает донологическое направление в практике превентивно-коррекционных методов функционального восстановления организма за счет актуализации биопсихосоциальных ресурсов личности через развитие проприоцептивной чувствительности, рефлекторной регуляции движений и мышечного тонуса (см. рис. 2).

Н.А. Бернштейн подробно описал систему уровневой организации произвольных движений, а также их связи с высшими корковыми отделами мозга. Произвольные движения как сложные многоуровневые системы основываются на кинестетической афферентации, которая является важнейшим фактором регуляции поведения субъекта. В своей концепции функциональных систем П.К. Анохин выделяет предпусковую, текущую и обратную формы афферентации в анализе структуры поведенческого акта. А.Р. Лурия включил в корковое звено двигательного анализатора сенсорные, моторные и ассоциативные поля [7]. У. Пенфилд и Г. Джаспер указывали на их особое функциональное значение. Согласно современным представлениям в физиологии и нейропсихологии, произвольные движения представляют собой сложные афферентированные системы, которые реализуются благодаря интегративной деятельности центральной нервной системы.

В базовой программе образовательной кинезиологии «балансы действий» как специальные двигательные упражнения способствуют общему функциональному восстановлению организма, развитию самоорганизации

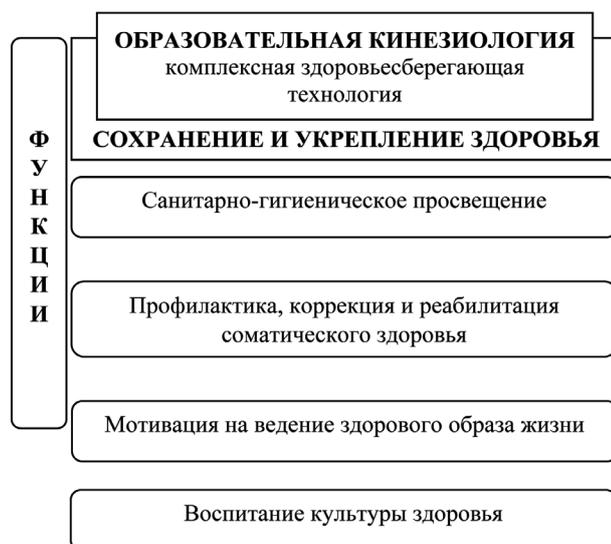

Рис. 2. Образовательная кинезиология как здоровьесберегающая технология в практической деятельности врача

и саморегуляции с целью сохранения внутриличностного равновесия. Активное применение образовательной кинезиологии как здоровьесберегающей технологии в

современной превентологии способствует укреплению здоровья, благодаря повышению координации в деятельности жизненно важных систем организма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бехтерева, Н.П. Магия мозга и лабиринты жизни / Н.П. Бехтерева. — Москва: АСТ, сор., 2019. — 383 с.
2. Васильева, Е.Ю. Педагогика в клинической практике врача: учебное пособие / Е.Ю. Васильева, М.Ю. Гайкина, Т.В. Тагаева ; Министерство здравоохранения Российской Федерации, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Северный государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации. Архангельск: Изд-во Северного гос. мед. ун-та, 2017. — 117 с.
3. Деннисон, Пол Е. Гимнастика мозга : книга для учителей и родителей : дополнение к «Гимнастике мозга» : простые упражнения для активизации обоих полушарий / Пол Е. Деннисон, Гейл Е. Деннисон. Санкт-Петербург: Весь, 2015. — 307 с.
4. Морозов, М.А. Здоровый человек и его окружение. Здоровьесберегающие технологии : учебное пособие / М.А. Морозов. Санкт-Петербург [и др.]: Лань, 2016. — 371 с.
5. Разумов, А.Н., Бобровницкий, И.П., Шакула, А.В. Служба восстановительной медицины и ее роль в охране здоровья населения / А.Н. Разумов, И.П. Бобровницкий, А.В. Шакула / Вестник восстановительной медицины. 2003. № 4. С. 3-5.
6. Синицина, И.А. Основы образовательной кинезиологии : учебно-методическое пособие / И.А. Синицина, Р.М. Салимова ; Министерство образования и науки Российской Федерации, Стерлитамакский филиал Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Башкирский государственный университет». Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БашГУ, 2016. — 127 с.
7. Хомская, Е.Д. Нейропсихология: учебник для студентов, обучающихся по направлению «Психология» и специальностям «Психология» и «Клиническая психология» / Е.Д. Хомская ; Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. 4-е изд. Москва [и др.] : Питер, 2014. — 496 с.
8. Ernst, E., Schmidt, K. Homotoxicology — a review of randomised clinical trials / E. Ernst, K. Schmidt // Eur. J. Clin. Pharmacol. 2004 Jul.; 60(5): 299-306. doi: 10.1007/s00228-004-0776-6. Epub 2004 Jun 9. PMID: 15197516.

© Чистякова Наталья Викторовна (histiakova_nv@rsmu.ru), Коробко Андрей Иванович (korobko_ai@rsmu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РНИМУ им. Н.И. Пирогова

ОСОБЕННОСТИ СИНДРОМА ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ У СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ

FEATURES OF EMOTIONAL BURNOUT SYNDROME IN STUDENTS OF PEDAGOGICAL DIRECTION

**I. Shakhmalova
L. Mamedova
D. Kabardaeva**

Summary: This article discusses the features and stages of emotional burnout syndrome as a psychological and pedagogical phenomenon. The results of a theoretical and empirical study of burnout syndrome in 3rd-year students of the technical Institute (f) «North-Eastern Federal University» in Neryungri are presented. The authors used diagnostics of emotional burnout (V. V. Boyko) and diagnostics of emotional burnout (K. Maslach, S. Jackson, adapted by N.E. Vodopyanova). The authors found that students are characterized by emotional reflection of discontent and internal discomfort. It also considers preventive measures to reduce the burnout syndrome in students of the pedagogical direction.

Keywords: burnout syndrome, students, diagnostics, level, prevention.

Будущие педагоги намного чаще, чем остальные люди, сталкиваются с депрессией, эмоциональным выгоранием и многими другими психическими проблемами, при этом на протяжении образования их психическое здоровье ухудшается. На данный момент проблема эмоционального выгорания распространяется и на студентов, будущих специалистов. Обучение в высшем учебном заведении – это социальная деятельность, которая связана с взаимодействием между людьми. Конечно же, не стоит забывать и о внутренних причинах, таких как личностные черты, социальные и коммуникативные стратегии, особенности мировосприятия, ценности, а также мотивация [1,4,5,6].

«Эмоциональное выгорание развивается постепенно и проходит три стадии, такие как эмоциональное истощение, деперсонализация, редукция личных достижений»[12].

Первая стадия, чаще всего, проявляется в эмоцио-

Шахмалова Ирина Жаповна

к.п.н., доцент, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет», Технический институт (филиал) РС(Я) г. Нерюнгри
irinashachmaiova@mail.ru

Мамедова Лариса Викторовна

к.п.н., доцент, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет», Технический институт (филиал) РС(Я) г. Нерюнгри
larisamamedova@yandex.ru

Кабардаева Диана Арсеновна

ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет», Технический институт (филиал) РС(Я), г. Нерюнгри
dkabardaeva@mail.ru

Аннотация: В данной статье рассматриваются особенности и стадии синдрома эмоционального выгорания, как психолого-педагогического явления. Представлены результаты теоретического и эмпирического исследования синдрома эмоционального выгорания у студентов 3 курса Технического института (ф) «Северо-Восточный федеральный университет» в г. Нерюнгри. Авторами использованы диагностика эмоционального выгорания личности (В.В. Бойко) и диагностика эмоционального выгорания (К. Маслач, С. Джексон, в адаптации Н.Е. Водопьяновой). Авторами выявлено, что для студентов характерно эмоциональное отражение недовольства и внутренний дискомфорт. Также рассматриваются профилактические меры по снижению синдрома эмоционального выгорания у студентов педагогического направления.

Ключевые слова: синдром эмоционального выгорания, студенты, диагностика, уровень, профилактика.

нальном напряжении, чувстве нехватки сил до конца рабочего дня и на следующий день, и, как результат – в снижении эмоционального фона.

Вторая стадия проявляется в чувстве раздражения к окружающим людям, коллегам по работе, теряется интерес к общению. В коллективе, человек который начинает «эмоционально выгорать» может начать негативно отзываться о людях, которые его окружают (коллеги, подчиненные, клиенты).

Третья стадия эмоционального выгорания проявляется довольно резким падением самооценки, которая может проявиться в негативном оценивании самого себя, своих профессиональных достижений и успехов [5,8,9].

Можно сделать вывод, что сущность эмоционального выгорания заключается в ответной реакции на длительное стрессовое влияние общения с окружающими.

Эмоциональное выгорание зачастую можно встретить у педагогов, так как их профессиональная деятельность связана с высокой производительностью и напряженностью труда, широким спектром профессиональных обязанностей и требований, а также повышенной ответственностью за результаты образования.

Целью нашего исследования является выявление особенностей эмоционального выгорания студентов 3 курса Технического института.

Для исследования эмоционального выгорания студентов были использованы:

1. Диагностика эмоционального выгорания личности (В.В. Бойко) [3];
2. Диагностика эмоционального выгорания (К. Маслач, С. Джексон, в адаптации Н.Е. Водопьяновой).

В рамках данного исследования были исследованы студенты третьего курса обучающиеся по очной форме обучения по направлению подготовки «Педагогическое образование». В исследовании приняли участие 15 человек, из них 10 девушек, 5 юношей.

Результаты исследования уровня эмоционального выгорания у студентов по методике В.В. Бойко указывают, что переживание психотравмирующих обстоятельств на уровне сложившегося симптома сформировано у 9 испытуемых, что составляет 60% от общего числа участников исследования. Значения на уровне не сложившегося симптома выявлены у 2 студентов, что составляет 13,3% от общего числа испытуемых. При этом значения на уровне складывающегося симптома характерны еще для 26,7% участников исследования (4 человека).

Другим симптомом, который выявлен у студентов, является «загнанность в клетку», на уровне сложившегося симптома он сформирован у 8 испытуемых, что составляет 53,3% от общего числа участников исследования. Для 26,7% студентов (4 человека), принимавших участие в исследовании, характерно проявление симптома как складывающегося. Также значения на уровне не сложившегося симптома характерны для 13,3% студентов (2 человека).

Полученные данные в фазе «напряжение» выражены симптомом неудовлетворенности собой у 53,3% студентов, принимавших участие в исследовании; симптомы тревоги и депрессии также у 46,7% студентов изучаемой группы. Ведущим симптомом выгорания у студентов в фазе «напряжение» является переживание психотравмирующих обстоятельств.

Результаты полученные в фазе «резистенция» указывают на симптом редукции профессиональных обязанностей, на уровне сложившегося симптома у 10 ис-

пытуемых, что составляет 66,6%, из них на уровне не сложившегося симптома зафиксированы значения у 5 испытуемых, что соответствует 33,3% от общего числа участников исследования.

Характеризуя у студентов сложившиеся и доминирующие симптомы в фазе «резистенция», можно отметить, что симптом эмоционально-нравственной дезориентации у студентов изучаемой группы является сложившимся у 73,3% (11 студентов), из них 26,7% (4 студента) от общего количества участников имеют значения, указывающие на складывающийся симптом.

Расширение сферы экономики эмоций на уровне сложившегося симптома представлено у 9 испытуемых, что соответствует 60%, из них на уровне не сложившегося симптома 6 испытуемых, что составляет 40% от общего числа участников.

В фазе «истощение» полученные данные указывают на эмоциональный дефицит на уровне сложившегося симптома у 8 испытуемых, что составляет 53,3% от общего числа участников исследования. Значения на уровне не сложившегося симптома получены у 3 испытуемых, что составляет 20%. Результаты на условнее складывающегося симптома выявлено у 26,7% (4 студента) от общего числа испытуемых.

В фазе «истощение» эмоциональная отстраненность на уровне не сложившегося симптома у студентов изучаемой группы представлена у 2 человек, что составляет 13,3%. Значения показателя на уровне сложившегося симптома представлены у 9 студентов, что соответствует 60% от общего числа участников. На уровне складывающегося симптома получены результаты у 4 студентов, что составляет 26,7%.

Личностная отстраненность на уровне сложившегося симптома проявляется у 53,3% студентов (8 человек). На уровне складывающегося симптома этот показатель выявлен у 6 испытуемых, что составляет 40% от общего числа участников. Результаты, полученные на уровне не сложившегося симптома выявлены у 2 студентов, что составляет 13,3%.

Психосоматические и психовегетативные нарушения на уровне сложившегося симптома представлены у 7 студентов, что составляет 46,7% от общего числа участников, среди которых несложившийся симптом обнаружен у 6 испытуемых, что составляет 40% от общего числа испытуемых. Уровень складывающегося симптома оказался незначительным.

Исходя из полученных данных, можно сделать вывод, что в фазе «напряжение» преобладающим симптомом является переживание психотравмирующих об-

стоятельств, а остальные симптомы сформированы или имеют стадию формирования. В фазе «резистенция» доминирующими является симптом «редукции профессиональных обязанностей». Остальные симптомы в данной фазе синдрома эмоционального выгорания представлены у студентов в меньшей степени, но имеются как на уровне сложившегося симптома, так и складывающегося. Полученные значения говорят о том, что фаза «напряжения» сформировалась у 55% от общего числа испытуемых, находится на фазе формирования у 23,3% студентов, а несформированная фаза составляет 21,7% от общего числа участников.

Фаза «резистенция» не сформировалась у 23,3% от общего числа испытуемых. Однако формируется у 8,3% и сформировалась у 68,3% от общего числа участников исследования.

Фаза «истощение» не сформировалась 21,7%, формируется у 25% от общего числа испытуемых, а является сформированной у 53% участников.

На рисунке 1 графически представлены результаты

исследования эмоционального выгорания у студентов.

Таким образом, мы видим, что самой многочисленной оказалась группа студентов со сформировавшейся фазой, по сравнению с формирующейся и несформировавшейся фазами эмоционального выгорания. Стоит отметить, что важно уделить внимание тем симптомам и фазам, которые уже сформированы и доминируют. С ними и нужно работать.

После проведения и обработки результатов первой диагностики, мы приступили к изучению, проведению и подготовке результатов по второй методике.

Результаты исследования уровня эмоционального выгорания у студентов по методике К. Маслач, С. Джексон в адаптации Н.Е. Водопьяновой представлены в таблице 1.

Таким образом, согласно полученным данным по шкале «эмоциональное истощение» 39,6% испытуемых продемонстрировали очень низкий уровень, а 29,2% показали средний уровень данного показателя. Следо-

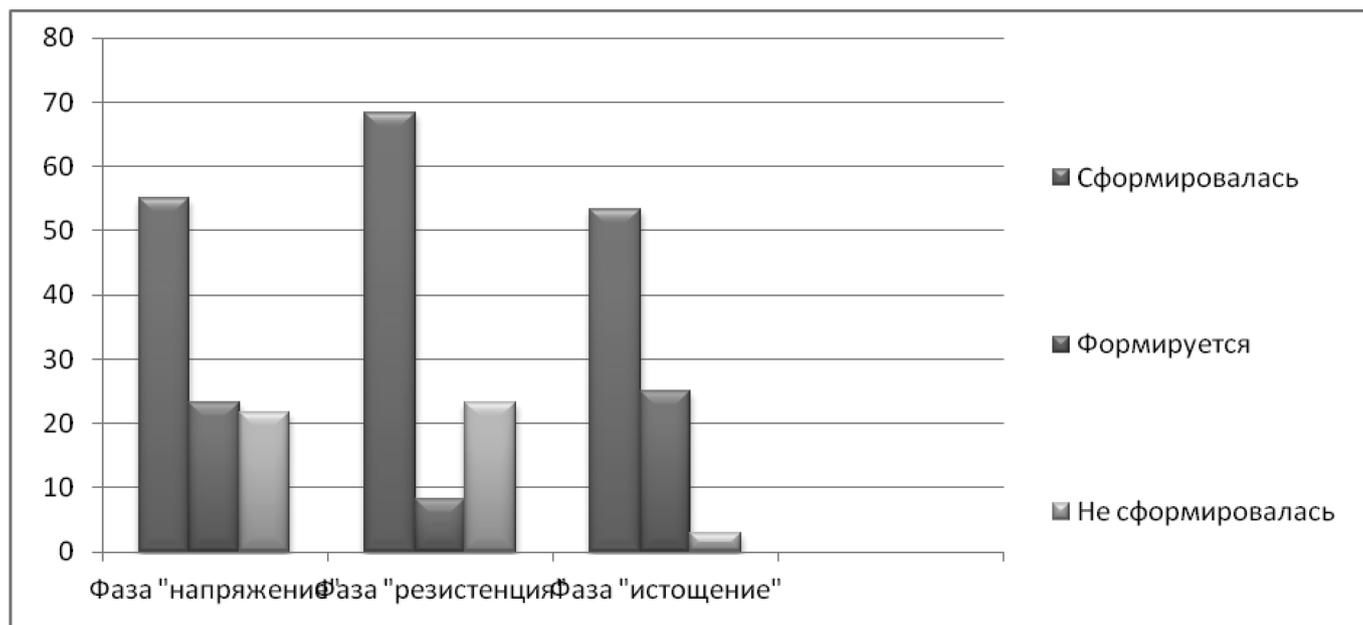

Рис. 1. Соотношение групп студентов по сформированности фаз эмоционального выгорания

Таблица 1

Уровни эмоционального выгорания (в %)

Шкала	Очень низкий уровень	Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень	Очень высокий уровень
Шкальные оценки	1	2	3	4	5
Эмоциональное истощение	39,6	16,7	29,2	8,3	6,2
Деперсонализация	32,1	32,1	28,6	7,2	0
Профессиональная успешность	5,8	7,9	29	31,6	25,1

вательно, это указывает на стабильный эмоциональный фон, отсутствие эмоционального перенапряжения и чувства опустошенности, поддержки собственных эмоциональных ресурсов на достаточно положительном уровне.

По шкале «деперсонализация» 32,1% опрошенных показали очень низкий и низкий уровни, а 28,6% показали средний уровень данного показателя, высокий уровень показало незначительное количество опрошенных. Это говорит о том, что у этих опрошенных прослеживается тенденция к развитию позитивного, душевного, доброжелательного отношения к окружающим.

По шкале «редукция личных достижений» 29% испытуемых продемонстрировали средний уровень, 31,6% показали высокий уровень, а 25,1% опрошенных показали очень высокий уровень данного показателя, что указывает на положительное отношение к самому себе, адекватное оценивание (без завышения и занижения) своих профессиональных достижений и успехов.

Согласно значению показателя низкая степень эмоционального выгорания представлена у меньшей части от общего числа студентов, которые принимали участие в исследовании. Средняя степень эмоционального выгорания характерна для 29 % участников опроса. Высокая степень выраженности интегрального показателя выявлена у 11,8% от общего числа испытуемых и крайне высокая степень эмоционального выгорания обнаружена у 9 студентов, что составляет 18,4%.

Выявленные особенности эмоционального выгорания студентов 3 курса помогли определить необходимость профилактики синдрома эмоционального выгорания студентов.

Переживания и стрессы, которые связаны с учебной, довольно часто возникают в случаях, когда студенты не способны справиться с требованиями, которые предъявляются им в учебных заведениях. Для того, чтобы

справиться со всеми эмоциональными нагрузками современной жизни, в которых студентам приходится существовать, необходимо проводить комплекс профилактических мероприятий по эмоциональному выгоранию.

В психологической практике профилактики синдрома эмоционального выгорания можно выделить просветительское направление и личностные тренинги на развитие личностных ресурсов.

Прежде всего, студентам необходимо научиться планировать свое время, режим труда и, соответственно, отдыха — перерывы в течение учебного дня могут помочь поддерживать энергию на протяжении дня и восстанавливать силы.

Тренинги на развитие личностных ресурсов должны включать развитие психологической компетентности, уровня психологической грамотности и культуры; активной мотивации преодоления, отношение к стрессам как возможности приобретения личного опыта и возможности личностного роста; адекватной и высокой самооценки; позитивность и рациональность мышления и т.д.

Таким образом, уровень синдрома эмоционального выгорания у студентов 3 курса соответствует выше среднему. Для данного уровня характерно эмоциональное отражение недовольства и внутренний дискомфорт респондентов, злоба и агрессия в отношениях с людьми, с которыми необходимо общаться на протяжении всего дня. Во избежание агрессии, студенты могут отстраняться от окружающих, замыкаться в себе и выполнять минимум работы и не проявлять активности, для того, чтобы меньше контактировать с окружающими людьми. Для того, чтобы не допустить роста уровня синдрома эмоционального выгорания, студентам необходимо четко планировать свой день, правильно оценивать свои силы и заботиться о своем здоровье. Разработка комплекса профилактических мероприятий по снижению синдрома эмоционального выгорания станет предметом нашего дальнейшего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Березовская Л.Г., Слабинский В.Ю., Подсадный С.А. К вопросу критериев риска развития синдрома «эмоционального выгорания». СПб.: Санкт-Петербургская государственная медицинская академия им. И.И. Мечникова, 2007. — 189 с.
2. Безнососов С.П. Профессиональная деформация личности. СПб.: Речь, 2004. 272 с.
3. Бойко В.В. Методика диагностики уровня эмоционального выгорания // Практическая психодиагностика / ред. Д.Я. Райгородского. Самара, 1999. — 120 с.
4. Бойко В.В. Синдром эмоционального выгорания в профессиональном общении. СПб., 2009. 278 с.
5. Водопьянова Н.Е. Синдром выгорания. Диагностика и профилактика. СПб.: Питер, 2009. 336 с.
6. Горшков Е.А. Исследование синдрома эмоционального выгорания у студентов-старшекурсников // Молодой ученый. 2015. № 23. С. 51-55
7. Гришина Н.В. Помогающие отношения: профессиональные и экзистенциальные проблемы // Психологические проблемы самореализации личности / под ред. А.А. Крылова и Л.А. Коростылевой. СПб.: Питер, 2000. 256 с.
8. Изотова Е.Г. Специфика синдрома эмоционального выгорания у учителей средней школы // Дошкольное и начальное образование: варьирование подходов в условиях смены образовательных парадигм: материалы междунац. конф. «Чтения Ушинского», пед. фак. ЯГПУ. — Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2013 — Ч.1

9. Лапина И.А. Эмоциональное выгорание: причины, последствия /И.А. Лапина. // Молодой ученый. – 2016 - №29 (133) – URL: <https://moluch.ru/archive/133/37222/> (дата обращения – 16.10.2020г.)
10. Очирова Е.А., Дугарова Т.Ц. Эмоциональная напряженность как фактор психологической дезадаптации студентов 1 курса//сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции студентов и аспирантов. Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова. Киров. 2014. С. 246-248.
11. Профилактика синдрома эмоционального выгорания педагогов: диагностика, тренинги, упражнения / авт. – сост. О.И. Бабич. – Изд. 2-е. – Волгоград.2018. 122 с.
12. Maslach C, Jackson SE, Leiter MP. Maslach Burnout Inventory Manual. 3rd ed. California: CPP, Inc; 1996.

© Шахмалова Ирина Жаповна (irinashachmaiova@mail.ru), Мамедова Лариса Викторовна (larisamamedova@yandex.ru), Кабардаева Диана Арсеновна (dkabardaeva@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЯЗЫК КАК ОНТОЛОГИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ И СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ КУЛЬТУРЫ

Агафонов Евгений Александрович

К.ф.н., доцент, Вологодский институт права
и экономики ФСИН России
evgenagafonov@inbox.ru

LANGUAGE AS AN ONTOLOGICAL FOUNDATION AND A SYSTEM-FORMING ELEMENT OF CULTURE

E. Agafonov

Summary: In the article, based on the synthesis of modern ideas of cultural studies, cognitive linguistics and non-classical epistemology, an attempt is made to comprehensively analyze the language as the foundation of culture. The systematic meaning of language in relation to such elements of culture as values, norms, traditions is shown. The author analyzes language not only as a specific means of human cognition of the surrounding world, but also as a form of expression of ethnic, social characteristics of culture. The influence of language on various types of human activity is considered as the reason for the actualization of linguistic problems in modern philosophy, which today claims the role of a general methodology of humanitarian knowledge.

Keywords: language, culture, being, man, cognition, meaning, sign, system, element, norms, traditions, values, subculture, sociolect.

Аннотация: В статье на основе синтеза современных идей культурологии, когнитивной лингвистики и неклассической эпистемологии дана попытка комплексного анализа языка как основания культуры. Показано системообразующее значение языка по отношению к таким элементам культуры, как ценности, нормы, традиции. Автор анализирует язык не только как специфическое средство познания человеком окружающего мира, но и как форму выражения этнических, социальных особенностей культуры. Влияние языка на различные виды деятельности людей рассматривается как причина актуализации в современной философии языковой проблематики, которая претендует сегодня на роль всеобщей методологии гуманитарного познания.

Ключевые слова: язык, культура, бытие, человек, познание, смысл, знак, система, элемент, нормы, традиции, ценности, субкультура, социолект.

Известно, что изначально латинское слово «cultura» использовалось в качестве сельскохозяйственного, аграрного термина и означало «обработку земли», «уход за полем», «земледелие». Подчеркнем, что уже в этом первом значении слова, культура есть то, что противостоит природе, изменяет и облагораживает ее. Затем слово «культура» стали употреблять в переносном смысле как «возделывание», воспитание, образование и развитие человеческой души. Таким образом, культура есть все, что связано с деятельностью человека, противостоит природе, является результатом осознанных, целенаправленных действий людей. Поэтому мир культуры, как и общественное бытие в целом, зачастую называют «вторая природа», т. е. совокупность искусственно созданных в результате материальной и духовной деятельности людей объектов (артефактов).

В широком смысле культуру можно определить как способ и результаты жизнедеятельности людей. Она представляет собой не только совокупность всех материальных и духовных ценностей, накопленных человечеством, но и является важнейшим механизмом приспособления индивида к обществу. Культура есть одновременно и средство, и цель деятельности человека [1, с. 127]. «Ядро» культуры составляют четыре элемента: язык, ценности, нормы, обычаи и традиции, каждый из которых играет определенную роль в системе соци-

ального взаимодействия. Но, несомненно, сущностным, фундаментальным среди них является язык, определяющий специфику бытия человека в мире.

Язык – это естественная знаковая система, которая служит орудием выражения мыслей и чувств людей, является важнейшим специфическим средством познания мира и человеческого общения. Абстрактно-логическое мышление, переход к которому в процессе познания осуществляется уже на уровне представления, невозможно без языка, т.к. понятия выражаются с помощью слов. Поэтому, еще Аристотель подчеркивал, что главное отличие человека от животного – это наличие речи [2, с. 466]. Так, животные имеют голос, с помощью которого выражают чувства, могут оперировать предметами для достижения цели, механически запоминать отдельные слова, но не способны обобщать и абстрагировать. Им не доступны такие отвлеченные понятия как «добро», «зло», «жизнь», «смерть». Таким образом, язык необходимо рассматривать как начало и основу человеческой культуры.

Развивая идеи античной классики, М. Хайдеггер утверждает, что наличие языка не есть одна из многих, рядовых способностей людей. «Дар речи отличает человека, только и делая его человеком» [3, с. 259]. В языке раскрывается сущность человека, бытие которого

возможно «прежде всего в языке и при языке» [там же]. По мнению мыслителя, ошибочно считать, что язык соответствует сущности человека, которого традиционно рассматривают как «рациональное животное», триединство тела, души и духа. Подобное телесно-духовное истолкование затем распространяют и на определение языка, находя в звуках и письме «телесность» слова, «в мелодии и ритме – душу, в семантике – дух языка» [4, с. 203]. Такой подход скрывает бытийно-историческое существо языка.

С точки зрения экзистенциальной антропологии, существо языка необходимо определять через его соответствие бытию, как некое онтологическое вместилище, «жилище» человека. Животные и растения ограничены окружающей средой, не выходят за пределы органики, т. к. не имеют языка. Людям дан иной род бытия – экзистенция, которая является не просто возможностью разума, а есть источник их самоопределения, осмысления сущего с помощью языка.

При этом язык не становится средством господства живого существа, организма над сущим. Язык, напротив, «есть осуществляемый бытием и пронизанный его складом дом бытия» [там же], существуя в котором человек открывает и хранит истину самого бытия. По М. Хайдеггеру, человек не создатель и господин, а «пастух», «сосед» бытия, субъективной задачей которого становится явить сущее, не конструировать новые смыслы, а вернуться к испытующему вопрошанию, «чтобы истина бытия нашла себя в слове и чтобы мысль дала ей это слово» [4, с. 209]. Содержащиеся в языке понятия (концепты, идеи) упорядочивают опыт людей, становятся объективной, внеличностной, онтологической основой познания человеком окружающего мира.

Таким образом, понятия «человек», «общество», «культура» и «язык» во многом тождественны, нераздельны. Можно сказать, что, так или иначе, все эти явления возникают одновременно, одно из них не может существовать без другого. Так, мы знаем, что в природе деятельность животных основана на инстинкте и естественном отборе. Это частично сохраняется и в человеке на уровне индивидуальной психики, в бессознательном. Но общество в целом тем и отличается от животного стада, что в нем доминируют основанные на абстрактно-логическом, понятийном мышлении культурные нормы и ценности, без регулирующей силы которых невозможно взаимодействие между людьми.

Так, мы все хотим, чтобы другие люди поступали с нами честно и справедливо. Можно утверждать, что общечеловеческие, проверенные тысячелетиями нравственные нормы, существующие вне зависимости от сиюминутных стремлений и потребностей индивидов, и есть сущность, истинное содержание бытия, которое, по

утверждению М. Хайдеггера, призван раскрыть человек с помощью языка. Отталкиваясь от начального значения слова, философ трактует этику как осмысление бытия, местопребывания человека. Субъект не рассматривается им как средоточие сущего, а необходимость нормирования и всеобщая этика становятся результатом потерянности, заброшенности человека. Бытие дает правила и законы как предназначения, раскрывающие его миссию, способные поддерживать и обязывать. Только истина бытия определяет уместность поведения, иначе «всякий закон остается просто подделкой человеческого разума» [4, с. 218], мысль посредством слова выражает смысл бытия.

Таким образом, язык, прежде всего, выполняет гносеологическую функцию: является специфическим средством освоения человеком мира, концентрирует, накапливает и закрепляет в устной и письменной форме социальный опыт множества людей, формирует систему знаний о мире. Являясь важнейшим средством человеческой коммуникации, язык реализует возможность культурного взаимодействия, обмена информацией. Но как системообразующее ядро культуры язык связан и с другими ее элементами. Так, язык историчен и сберегает бытие в памяти людей. Без него невозможна передача накопленного культурой социального опыта, существующая в форме обычаев и традиций. Усвоение индивидом знаний и ценностей, приобщение к социальным ролям и нормативному поведению, формирование личности человека, как было показано выше, также происходит только на основе языка, который дает бытию слово.

Язык есть явление социальное, приобщение к нему возможно только в рамках общественного взаимодействия. Известно, что ребенок, выросший в лесу, среди зверей, имея физиологические предпосылки к развитию речи, сам языка не освоит. Через язык человек впитывает сущность и своеобразие родной культуры, утверждает свою связь с ней. При этом язык отражает психические особенности, ментальность конкретного народа, которая сформировалась через опыт жизни в определенных природных условиях.

С этнической точки зрения, культуру можно рассматривать как способ групповой адаптации, своеобразный механизм выживания социальной общности. Представители «различных культур структурируют мир вокруг себя по-разному, по крайней мере в языке, который они используют для описания этого мира» [5, с. 264]. Язык как сложная система отражает эти особенности восприятия реальности на лексическом, грамматическом, синтаксическом и даже фонетическом уровнях. Например, эквивалентные слова отдельных языков могут нести разные оттенки смысла, иметь подтексты, сопутствующие значения и ассоциации, использовать в разном контексте. В зависимости от значимости смысла, одно явление в

национальных языках может обозначаться разным количеством слов. Языковые различия между культурами проявляются также в использовании местоимений и числительных, специфике организации грамматической структуры предложения.

Известно, что даже в рамках одного языка существуют диалекты, имеющие, зачастую, не только своеобразную лексику, но и особый фонетический строй речи. Ярким примером тому является различие типов безударного вокализма русских говоров. Так, характерной чертой северного наречия стало «оканье» – «протягивание», проговаривание звука «о» в неударных слогах. Исток этого, несомненно, стал неспешный, размеренный уклад жизни земледельца в условиях северной природы, где большую часть года лежит снег.

Местные диалекты и говоры как варианты географических разновидностей языка активно изучались лингвистами уже в XIX–XX веках. Сегодня особый интерес представляет социолингвистика, возникшая на стыке языкознания, социологии и культурологии, выделяющая в общенациональном языке особые, групповые разновидности. Эти социальные языки, коренной причиной появления которых является общественное разделение труда, Р. Барт предлагает именовать «социолектами». Мыслитель призывает отказаться от эмпирического взгляда на лингвистический материал и рассматривать разделение языков как «всеохватывающее явление, затрагивающее самые основы нашего экономического строя, культуры, быта, даже истории» [6, с. 525].

Напомним, что одним из актуальных терминов современной социологии культуры является понятие «субкультура», отражающее особый способ жизнедеятельности отдельных социальных групп в обществе. Стремясь к обособлению, каждая субкультура воспроизводит общую модель морфологии культуры, имеет свой «язык», нормы, ценности, обычаи и традиции. Наличие субкультур помогает человеку приспособиться к сложности, раздробленности современного общества, и разделение языков играет в этом не последнюю роль.

Так, в советском языкознании термин «жаргон» использовался «для обозначения явлений дифференциации языка, которые имеют узкую социальную базу» [7, с. 129], возникают на основе единства профессии,

интересов, увлечений, возраста или положения в обществе. Жаргон, таким образом, рассматривался как речевой феномен, используемый для вербального обособления социальной группы от базовой части языковой общности.

В современной социолингвистике на основе поведенческого подхода и анализа актуальных видов общественной активности индивидов выделяют все новые разновидности социальных диалектов: политический, биржевой, компьютерный, рекламный, автомобильный жаргоны. Подобные социолекты раскрывают культуру во всей полноте ее общественного бытия, становятся для современного человека вербальными ориентирами выбора ценностных приоритетов и форм деятельности. Поэтому когнитивная лингвистика и лингвокультурология, отказываясь от поверхностного, описательного взгляда, рассматривают языковые единицы как своеобразные культурные коды, определяющие способы презентации концептуальных смыслов [8, с. 152]. Конечной целью подобных исследований является не просто реконструкция языковой «картины мира», но выявление специфики его восприятия и способов жизнедеятельности индивида, социальной группы или общества в целом на определенном этапе развития.

По справедливому утверждению Б. Уорфа, необходимо «признать влияние языка на различные виды деятельности людей не столько в особых случаях употребления языка, сколько в его постоянно действующих общих законах и в повседневной оценке им тех или иных явлений» [9, с. 158]. Неслучайно в современной философии языковая проблематика, становясь одной из ведущих тем, занимает место мышления, «пустого» cogito. Неклассическая традиция «развертывается в ситуации погруженности в культуру» [10, с. 143], акцентирует внимание на маргинальном, нерелевантном, непредъявленном сознанию содержанию. Архетипы, желания, воля, обыденное, полисемичное и метафоричное, отражающие фрагментарный опыт культуры, артикулируются в амбивалентности языка, который одновременно обнаруживает и скрывает смыслы, разъединяет и связывает людей. Можно сказать, что сегодня философия языка выросла до всеобщей методологии гуманитарного познания и во многом определяет специфику современных подходов к пониманию сущности человека, общества и культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бачинин В.А. Культура // Бачинин В.А. Культурология. Энциклопедический словарь. СПб. Изд-во Михайлова В.А., 2005. С. 127–129.
2. Аристотель. Политика. // Антология мировой философии. В 4-х томах. Т. 1. Философия древности и средневековья. Ч. 1. М.: Мысль, 1969. С. 465–475.
3. Хайдеггер М. Путь к языку // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 259–273 с.
4. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 192–220.
5. Мацумото Д. Психология и культура. СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2002. 416 с.

6. Барт Р. Разделение языков. // Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. С. 519–534.
7. Руденко М.Ю. Исследование арго, жаргона и сленга: вопросы терминологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2016. № 5(59): в 3-х ч. Ч. 3. С. 127–134.
8. Хомяков Е.А. Коды культуры в жаргонной фразеологии // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2014. № 3 (31). С. 151–160.
9. Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Языки как образ мира. М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2003. С. 157–201.
10. Автономова Н.С. Перевод как рефлексивный ресурс понимания // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2009. № 1. С. 139–162.

© Агафонов Евгений Александрович (evgenagafonov@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Вологодский институт права и экономики ФСИН России

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ КЛАССИЧЕСКОГО РАЦИОНАЛЬНОГО ЗНАНИЯ И ПРИНЦИПОВ ПОСТСТРУКТУРАЛИЗМА

Вагайцев Вячеслав Михайлович

преподаватель, Барнаульский юридический институт
МВД России, г. Барнаул
bacha1972@mail.ru

ON THE CORRELATION OF CLASSICAL RATIONAL KNOWLEDGE AND THE PRINCIPLES OF POSTSTRUCTURALISM

V. Vagaitsev

Summary: The article highlights the problem of the relationship between the attitudes of classical rationality and the philosophical principles of poststructuralism. The relevance of the problem is due to the state of modern philosophical knowledge. That is, on the one hand, there is a noticeable process of philosophical creativity based on processing and a detailed study of philosophical heritage, and, on the other hand, attempts are being made to apply poststructuralist ideas in constructing philosophical concepts (A.K. Sekatsky, S.I. Korovin, P.V. Krusanov and others). The article also indicates the characteristic features of the poststructuralist discourse, their significance as opponents of the methods of classical rationality.

Keywords: classical rationality; poststructuralism; decentrations; deconstruction; rhizome; intertextuality.

Аннотация: В статье освещается проблема соотношения установок классической рациональности и философских принципов постструктурализма. Актуальность проблемы обусловлена состоянием современного философского знания. То есть, с одной стороны, замечен процесс к философскому творчеству на основе переработки и детального изучения философского наследия, а, с другой, осуществляются попытки применения постструктуралистских идей при построении философских концепций (А.К. Секацкий, С.И. Коровин, П.В. Крусанов и др.). Также в статье указывается на характерные особенности постструктуралистского дискурса, их значении в качестве оппонентов методам классической рациональности.

Ключевые слова: классическая рациональность; постструктурализм; децентрация; деконструкция; ризома; интертекстуальность.

По мысли Т. Куна, научная парадигма заменяется другой по средствам научной революции. И думается, что мыслители Нового времени осуществили такую революцию, заменив средневековые установки мышления на принципы новоевропейской философии, ключевым звеном которых выступает великая человеческая разумность. Из пространства мысли были также удалены пережитки средневековой научности. Теоцентризм сменил антропоцентризм, за человеком закрепилось право на свободу и на творчество, природа трансформировалась из низшей материи в площадку для проведения научных экспериментов и пр. Но можно ли утверждать о том, что подлинно коренных изменений научная революция Нового времени не принесла?

В метафизических координатах изменилось лишь наименование точки отсчета. Субстанциональное начало Б. Спинозы можно сравнить и элеатовским Бытием, и с Перводвигателем Аристотеля, и с Единым в платонизме и т.д. Абсолют можно идентифицировать через одни и те же признаки; он существовал всегда, потому как не был никем сотворен, он обладает подлинным знанием, на основе которого создает физический мир, он непознаваем, но мудрецы способны интуитивно уловить его присутствие. Ярким примером новоевропейской метафизики субстанции выступает учение Г. Гегеля об абсолютной идее. Идея, переживая состояние ничто, осознает себя

как нечто (нечто переживающее), далее идея-нечто творит физический мир и как бы растворяется в нем для того, чтобы через человеческий разум, который охвачен философской рефлексией, предстать перед собой же [4].

Новоевропейская теория познания охвачена попытками постижения рациональным знанием трансцендентного объекта. Однако субъект познания вынужден довольствоваться данными, полученными по средствам чувств, на основе которых он накапливает эмпирический опыт. Рефлексия над трансцендентным приводит субъекта к неразрешимым противоречиям (мир конечен или бесконечен, бог есть или бога нет и пр.) [6]. Пессимизм в отношении познавательных способностей человека присутствует еще в греческих мифологемах, действующие лица которых получают наказания от богов за то, что они пытались завладеть знанием о трансцендентном. Метафизическими истинами могут оперировать только боги.

Тем не менее, европейское сознание никогда не оставляло попыток прорыва к трансцендентному, оно всегда страдало от тяги к подлинному. И этот внутренний надлом привел субъекта к дурному кругу в процессе познания – помыслить объект тождественно наложить на него свои смыслы. Познать объект — значит присвоить ему собственное понимание. К примеру, архитекто-

ру город кажется в качестве схематичного плана улиц и домов, для полицейского город, скорее всего, будет разделен на районы с большим и меньшим криминогенным уровнями, художник будет рассматривать город как своеобразную арт-среду, элементы которой следует отразить на холсте. И такое положение субъекта познания заметно и в немецкой классической философии, и в позитивизме, и в философии жизни, и в феноменологии, и в экзистенциальной философии, и в герменевтике.

Историю XX века можно охарактеризовать как время великих потрясений; произошли две Мировые войны, множество локальных конфликтов и, как их следствие, появление терроризма, случались эпидемии, голод и другие кризисы (политические, экономические, социальные и пр.). Европейская рациональность не покорила природу, ей не удалось создать и крепкой политической конфедерации, европоцентризм теперь можно считать пустым понятием. Бытие человека так же ускользает из фокуса внимания. Человек считает себя одиноким, заброшенным. Он утратил веру в бога, в прогресс, в мораль. Другой для человека воспринимается в качестве опасного чужака, который ограничивает его свободу. Ж.-П. Сартр замечает: «Ад – это другие».

Человек XX века – это ни микрокосм, желающий единство с Абсолютом, это ни субъект познания, скрупулезно исследующий вещь и понятие, это ни моральное существо, рефлексирующий над этическими и над эстетическими образованиями. Человек XX века суть неизвестный или как охарактеризовал его А. Камю – посторонний. Его окружают симулякры, которые создавались на протяжении 2500 лет европейской рациональностью [2]. Удалить эти симулякры из интеллектуально-культурного пространства предложили во второй половине XX века представители постструктурализма.

Основным принципом постструктуралистских учений принято считать принцип деконструкции. Недаром постструктуралистов в научном сообществе называют деконструктивистами. Деконструкция осуществляется за счет удаления из философского вопрошания элементов, которые обладают как бы, сверхпризнаками – истинность, непротиворечивость, безусловность и пр. Такие элементы укорены в философском дискурсе слепой надеждой на познание Абсолюта. Весь гносеологический потенциал человека устремлен на познание абсолютной истины. Постструктуралисты подвергают критике онто-тео-телео-фалло-фоно-лого-центризм. Философия постструктурализма представляет собой ни что иное, как рефлексия над Многим, в ней отсутствуют устоявшиеся, «мертвые» конструкты. Учения постструктуралистов, как правило, полисемантически. Иными словами, они разрабатывают свой философский язык, оперируют своими понятиями.

Принцип деконструкции в постструктурализме связан с принципом децентрации. Типичным образом классического рационального знания является дерево; этакий могучий дуб с широким стволом и с раскидистыми ветвями. В этом образе ствол дерева может быть истолкован как проявление Единого, а ветви представляют собой виды знания (науки), которые изливаются от ствола как от источника. Постструктуралисты обращают свое внимание на корневище дерева, обозначая его понятием «ризомы». «Ризома так устроена, – пишет У. Эко, – что в ней каждая дорожка имеет возможность пересечься с другой. Нет центра, нет периферии, нет выхода. Потенциально такая структура безгранична. Пространство догадки – это пространство ризомы» [9, с. 63].

Ризома суть явление неисчерпаемого полисемантизма постструктуралистской мысли. Ризома охвачена четырьмя ключевыми принципами:

1. Принцип гетерогенности. Действие принципа сводится к тому, что любые точки ризомы соотносимы друг с другом. В постструктурализме нет обособленных категорий. Постструктурализм выступает в качестве пространства эклектики, в котором Сократ может вести диалог о справедливости с В.И. Лениным.
2. Принцип множественности. Ризома наполнена бесконечным множеством точек.
3. Принцип «незначущего разрыва». В ризоме не могут существовать бинарные пары. В постструктурализме добро не может быть определено через зло, истина – через заблуждение и т.д.
4. Принцип детерриториализации. Любая точка ризомы уникальна, ризому не следует делить на центр и периферию.

Ж. Деррида, как яркий представитель постструктурализма, полагал, что мысль следует как бы рассеивать в потоке текстов и интерпретаций. «Все есть текст»: провозглашает французский философ. Бытие ему видится в качестве собрания текстов, смыслы которых переплетены словно корни ризомы, а точки их пересечения – это акты интерпретации. Поэтому в тексте всегда содержится другой текст. Бытие объято принципом интертекстуальности. Интертекстуальное мышление представляет собой несистемное, а, лучше, внесистемное размышление над смыслом. «Смысл» в постструктурализме не следует сводить к «сущности» в классической рациональности. Постструктуралистское осмысливание есть свободный акт, в котором отсутствуют притязания на целостное восприятие, это, скорее, игра с текстуальными образами, это прогулка по «саду расходящихся тропок» [3].

Таким образом, подводя итоги статьи, отметим то, что мы выделили три основных принципа постструктуралистской парадигмы: принцип деконструкции, принцип

децентрации и принцип интертекстуальности. Эти принципы обнажили как бы мертвые слои классического рационального знания. Идеологи постструктурализма указали на формы западной культуры, которые изжили

себя. Такие структуры классической рациональности следует подвергнуть реформации. И в данном случае опыт постструктурализма выступает надежным основанием для предстоящего просвещения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агацци, Э. Человек как предмет философии / Э. Агацци // Вопросы философии. – 1989. – № 2. – С. 24-35.
2. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляция / Ж. Бодрийяр. – Тула: Тульский полиграфист, 2013. – 204 с.
3. Борхес, Х.Л. Сад расходящихся тропок / Х.Л. Борхес. – М.: Амфора, 2007. – 51 с.
4. Гегель, Г. Наука логики: в 3 т. Т. 1 / Г. Гегель. – М.: Мысль, 1970. – 501 с.
5. Деррида, Ж. О грамматологии / Ж. Деррида. – М.: Ad Marginem, 2000. – 512 с.
6. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант. – М.: Мысль, 1994. – 591 с.
7. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун. – М.: ООО «Изд-во АСТ», 2003. – 605 с.
8. Тарнас, Р. История западного мышления / Р. Тарнас. – М.: КРОН-ПРЕСС, 1995. – 448 с.
9. Эко, У. Заметки на полях «Имени розы» / У. Эко. – СПб.: Симпозиум, 2007. – 92 с.

© Вагайцев Вячеслав Михайлович (bacha1972@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Барнаулский юридический институт МВД России

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В ПРОЦЕССАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ПОЛИЭТНИЧНОГО СОЦИУМА¹

HISTORICAL MEMORY IN THE PROCESSES OF POLITICAL MODERNIZATION OF MULTI-ETHNIC SOCIETY

**K. Vodenko
O. Labadze
M. Tihonovskaya**

Summary: The article analyzes the role of historical memory in the processes of political modernization in a modern multi-ethnic society. It is concluded that the processes of political modernization should be guided by the cultural and national traditions of peoples, it is necessary to use their potential in integrating and mobilizing society for further development. To create a favorable social and investment climate in the region, modern political institutions are needed, whose activities are aimed at identifying the causes of the crisis state of society, determining the strategy of socio-economic development of territories, and searching for resources that can ensure the introduction of innovations that meet the needs of society.

Keywords: historical memory, political institutions, political modernization, multi-ethnic society, society.

Воденко Константин Викторович

Д.ф.н., профессор, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.М. Платова, г. Новочеркасск, vodenkok@mail.ru

Лабадзе Олеся Евгеньевна

К.с.н., доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.М. Платова, г. Новочеркасск, efitmowa.olesya@yandex.ru

Тихоновскова Мария Петровна

М.н.с., Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.М. Платова, г. Новочеркасск, tikhonovskova.maria@yandex.ru

Аннотация: В статье анализируется роль исторической памяти в процессах политической модернизации в условиях современного полиэтничного социума. Делается вывод о том, что процессы политической модернизации должны ориентироваться на культурно-национальные традиции народов, необходимо использовать их потенциал в интеграции и мобилизации общества для дальнейшего развития. Для создания благоприятного социально-инвестиционного климата в регионе необходимы современные политические институты, деятельность которых направлена выявление причин кризисного состояния социума, определение стратегии социально-экономического развития территорий, поиск ресурсов, способных обеспечить внедрение инноваций, отвечающих потребностям жизни общества.

Ключевые слова: историческая память, политические институты, политическая модернизация, полиэтничский социум, общество.

Общественные процессы, происходящие в российском обществе, свидетельствуют о наличии в нем инерционной составляющей, которая обусловлена культурно-историческим прошлым, оказывающим существенное влияние на политическую модернизацию социума. Глобализационные процессы, идущие в мире, значительно усилили процессы модернизации во многих странах. Это стало следствием необходимости интеграции государств в мировую политическую и экономическую систему, доступа к мировым рынкам и технологическим инновациям.

В такой ситуации и перед Россией стоит задача модернизации своих институтов, от успешного решения

которой будет зависеть ее конкурентоспособность в мировой системе. Это актуализирует проблему поиска оптимального проекта модернизации российского полиэтничного общества, который бы одновременно учитывал как лучшие образцы зарубежного опыта модернизации западных стран, так и культурно-исторические особенности развития России.

В настоящее время сложилось понимание того, что классическая модернизация, как переход от традиционного общества к современному, происходит исключительно на основе копирования пути развития стран Запада и не является для многих других государств эффективным способом достижения экономического ро-

¹ Исследование выполнено в рамках гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых – докторов наук (МД-1493.2020.6) на тему «Ресурс исторической памяти в системе институциональных параметров социально-инвестиционного развития и обеспечения культурной безопасности региона».

ста. Напротив, ученые заметили, что сегодня «все более очевидным является тот факт, что разнообразие институтов, существующих в современных обществах, причем не только модернизирующихся или переживающих переходный период, но и развитых, и даже высоко развитых, весьма велико» [Durkheim, 1972, 422]. Данная ситуация порождает дискурс о наличии множества моделей модернизации, эффективность которых опирается на культурно-исторические традиции народов, сохранение которых в политических и экономических институтах при использовании новых технологических достижений обеспечивает их социально-экономические успехи.

Достижения многих незападных стран свидетельствуют об успешном сочетании традиционных институтов с рациональным использованием международного опыта. Ярким примером такого симбиоза являются страны Восточной Азии (Япония, Южная Корея, Тайвань, Сингапур) которые сумели синтезировать демократические принципы и конституционный либерализм с особенностями своей политической культуры, включая специфику конфессиональной организации общества...» [Воскресенский, 2014, 121].

Показательным примером успешной модернизации считается опыт Сингапура, который представляет собой город-государство, которое не имея никаких природных ресурсов стало мировым финансовым центром и заняло лидирующие позиции в области высоких технологий. Эксперты утверждают, что основными факторами достижения такого уровня развития страны являются «продуманная инвестиционная политика, ужесточение законодательства, эффективная борьба в процессе модернизации с коррупцией (что особенно актуально для России)» [Ашурова, 2016, 146-146].

В условиях нового витка геополитического противостояния с Западом и затянувшегося социально-экономического кризиса в стране, перед Россией остро стоит задача модернизации, от решения которой во многом будет зависеть ее экономический и политический суверенитет, а, следовательно, национальная безопасность государства.

Сегодня в российском обществе сложился запрос на модернизацию политических институтов, которые в силу своей неэффективности, забюрократизированности, разбалансированности не способствуют улучшению инвестиционного климата и существенно тормозят экономическое развитие общества. В этой связи одним из важных вопросов является влияние фактора исторической памяти на деятельность политической системы страны. Причем это влияние носит двоякий характер: с одной стороны, историческая память обеспечивает духовную интеграцию государства на основе общего понимания прошлого, межпоколенную приемственность и т.п., а с другой стороны, воспроизводит архаические способы управления обществом, не отвечающие совре-

менным вызовам, стоящим перед Россией.

В научной литературе понятие «политическая модернизация» отражает процесс качественного обновления политических институтов общества. В современных подходах политическая модернизация непосредственно связана с «реальной активизацией политического участия населения, развитием многопартийности, становлением и развитием открытых плюралистических политических систем» [Абрамов, 2012]. Данный процесс характерен для обществ переходного периода и связан, прежде всего, с изменениями политической системы, которые способны, «обеспечить внедрение инноваций, отвечающих назревшим потребностям жизни общества» [Матвиенко, 2002, 3]. В этом случае речь идет о таких трансформациях в деятельности политических институтов, которые соответствовали бы потребностям экономической и социальной сфер жизни социума.

В тоже время, рассматривая политическую модернизацию как формирование современной политической структуры общества, специалисты считают что «под современными политическими институтами и практиками следует понимать не слепок с политических институтов стран развитой демократии, а те политические институты и практики, которые в наибольшей степени способны обеспечивать адекватное реагирование и приспособление политической системы к изменяющимся условиям, к вызовам современности» [Баранов, 2004].

В связи с этим перед российским обществом остро стоит проблема выбора модели политической модернизации. Сложность решения этой проблемы обусловлена не только самобытностью российских политических институтов, но и их спецификой, проявляющейся в «сочетании собственной цивилизационной основы с рядом черт западного и восточного типов...» [Лебедев, 2010, 291-292]. Такой синкретизм значительно затрудняет выбор модели политической модернизации страны.

Кроме того, в России сам процесс модернизации обладает рядом особенностей. Во-первых, в российском обществе процессы модернизации традиционно носили догоняющий характер. Последний представляет собой такой «путь национального ускорения, когда в результате социального напряжения страна в форсированном порядке пытается повторить этапы развития, пройденные в течение нескольких столетий Западом» [Коровицына, 2000, 9]. В этом плане институциональные трансформации осуществляются преимущественно в результате копирования институтов западного мира.

Специалисты подчеркивают, что «целью «догоняющей» модернизации является преодоление в короткие сроки разрыва между отсталыми и передовыми странами. «Догоняющая» модернизация проводится, как пра-

вило, авторитарным государством «сверху» жесткими, зачастую деспотическими методами» [Суздалева и Федоров, 2013, 2]. В такой ситуации ключевым субъектом, инициирующим развитие общества, выступает государство, которое посредством насилия и принуждения стремились преодолеть инерцию социума, внедряя в него инновационные компоненты. По мнению историков, такой способ модернизации общества является исторической традицией России, «в которой все модернизации XVIII–XX вв. осуществлялись «сверху» авторитарной государственной властью» [Земцов, 2011, 65].

Наряду с догоняющей модернизацией, для России свойственна также «частичная» модернизация. Последняя, по мнению ученых, представляет собой процесс формирования инновационных форм политической организации, который «не способствует полной социальной модернизации и сопровождается укреплением традиционных ценностей...» [Лубский и Головкин, 2015, 72]. В силу этого его особенностью становится незавершенность, которая является результатом сопротивления традиционных институтов общества новым организационным структурам. Такая ситуация характеризуется коллизией традиционности и инновационности, возникающей в институциональной среде, неразрешенность которой ведет общество к стагнации.

Кроме того, ученые отмечают, что «вторжение готовых образцов и институтов и практики модернизированного мира в социально-исторический контекст общества, еще не готового к модернизации, может приводить к конфликтным ситуациям и даже к параличу модернизации» [Докучаев, 2013, 90]. В результате в обществе складывается институциональный коллапс, тормозящий дальнейшее его развитие.

В сфере политического управления данный коллапс проявляется в том, что структуры управления различными сферами общества, по большому счету, не выполняют свои функции и зачастую не подчиняются формальным правовым актам, решение проблем осуществляется исключительно на основе неформальных отношений, то есть посредством «ручного управления», а именно телефонного права, указаний вышестоящего начальства и т.п.

Очевидно, что столкновение традиции и инновации неизбежно сопровождается гибридизацией институциональной среды, «когда новые институты и социальные практики сосуществуют с аналогами, оставшимися от прошлого. Создается слоевой комплекс институтов, базирующихся на соперничающих нормативных и организационных принципах. В итоге формируется специфичный для транзитных обществ неконгруэнтный институциональный дизайн, когда институты не представляют целостный политико-административный порядок и соз-

дают ригидную институциональную среду, не способную адаптироваться к общественным изменениям без кризисов и внутреннего разрушения» [Explaining Institutional Change: Ambiguity, Agency, and Power, 2010].

Анализ процессов модернизации в России позволяет заключить, что ее спецификой является наличие ситуаций одновременного присутствия как либеральных, так и авторитарных методов управления страной: «первые методы обычно не завершались и были малоэффективны, а вторые – были квазиэффективными, так как давали быстрый результат, но затем приводили к откату» [Ашурова, 2016, 145].

Результатом такого управления стало формирование в России общества мобилизационного типа, для которого в условиях угрозы или кризиса характерно использование кратковременных чрезвычайных мер для решения критических ситуаций. Именно мобилизационный тип общества лег в основу и стал определять политический архетип страны, постоянно воспроизводящийся на различных исторических этапах развития российской государственности. По мнению ученых, именно мобилизационный характер российского общества «актуализирует этатистский вариант обновления, завершающийся скатыванием в «проторенную колею» мобилизационно-модернизационного развития [Лубский и Головкин, 2015, 72]. Очевидно, что в этом случае сильное влияние играет историческая память, которая хранит данный политический архетип и передает новым поколениям определенную модель политической культуры и типовые образцы политического поведения. Основными чертами российской политической культуры являются авторитаризм власти, правовой нигилизм, патернализм, этатизм. Сохранение их в исторической памяти народа определяет постоянно воспроизводящуюся колею мобилизационно-модернизационного развития общества. В этом плане, историческая память выступает одним из компонентов институциональной матрицы, который консервирует и определяет вектор развития основных институтов общества.

В научной литературе под институциональной матрицей понимается «устойчивая, исторически сложившаяся система базовых институтов, регулирующих взаимосвязанное функционирование основных общественных сфер – экономической, политической и идеологической» [Кирдина, 2014, 67]. Консервируя и воспроизводя авторитарную модель политического управления обществом, историческая память нередко блокирует развитие иных более эффективных способов управления, адекватных реалиям современного мира.

В условиях полиэтничности российского социума модернизация политических институтов общества сталкивается с сохранением во многих регионах страны традиционных форм управления, опираю-

щихся на религиозный фактор и клановость в органах местной власти.

Известный специалист в области формирования местных социально-политических сообществ П. Бурдые отмечает, что «важными условиями формирования местных социально-политических образований, наряду с территорией, выступают их ментальные предпосылки, представления, мнения, образ мыслей, суждения, осознание гражданами своих ценностей, целей, интересов» [Бурдые, 1993, 37]. Эти ментальные установки заключены в структуру исторической памяти и определяют специфику социально-политических отношений в обществе.

Как показывает практика, у многих народов северокавказского региона институтами регулирования социально-правовых отношений до сих пор выступают адат и шариат. Исследователи отмечают, что «правовые обычаи, в том числе у чеченцев и ингушей, называемые «адатами», играли и продолжают играть важную роль в их обыденной жизни. Адат в переводе с арабского означает «обычай». Он регулирует вопросы в самых разнообразных сферах и отражает реалии правовой жизни, не обозначенные в шариате» [Ахмадеев, 2017, 4]. Кроме того, адати шариат выступают не только традиционными институтами, регулирующими общественные отношения, но и основой этнорелигиозной идентичности народов. Очевидно, что возрождение адата и шариата обусловлено распространением ислама и его влиянием на политико-правовые институты мусульман, проживающих в северокавказском регионе.

На этом основании ученые призывают учитывать в политическом управлении региона религиозные и правовые традиции, которые закреплены в исторической памяти народов Северного Кавказа. Более того, некоторые исследователи полагают, что «для региона с его многочисленным мусульманским населением, возможно, следует провести кодификацию и «модернизированного» мусульманского права, которое должно при наличии разумных ограничений учитываться при составлении местных и федеральных законов» [Саидов, 2013, 42].

Таким образом, в процессах политической модернизации следует принимать во внимание консерватизм норм и принципов мусульманского права и адата, их присутствие в исторической памяти народов, а также их влияние на функционирование политических институтов в регионе.

Еще одним фактором, определяющим специфику политического управления на Северном Кавказе, является клановость, характерная для некоторых районов региона. По мнению специалистов, проникновение клановости в экономическую и политическую сферы общества свидетельствует о наличии демодернизационных про-

цессов, проявляющихся в возрождении архаических социальных институтов, в частности тейповых, джамаатских и других патриархальных связей. В этом плане архаизация представляет собой процесс восстановления традиционных социальных практик организации коллективной жизни, которые хранятся в исторической памяти народов и актуализируются на современном этапе, указывая, тем самым, на наличие в обществе институционального кризиса.

В тоже время, следует отметить, что сама клановость как система управления экономическими и политическими процессами в национальных республиках России претерпела определенные трансформации: если изначально она строилась исключительно на основе кровнородственных отношений, этнической принадлежности, то сегодня «основой функционирования и благополучия правящего клана является принцип верности общим интересам и безоговорочной преданности верхушке. Кланов почти везде интернациональные, в них принимают только тех, в преданности кого абсолютно уверены. В таких кланах есть бизнесмены, чиновники и даже сотрудники правоохранительных органов и спецслужб, но и представители криминала» [Пеньковский, 2012, 96].

Стоит сказать, что сохранение клановости на Северном Кавказе связано не только с исторической практикой организации общественной жизни, но и со спецификой политической культуры народов региона, для которой свойственна «приверженность групповым, коллективистским и иерархическим нормам и ценностям» [Ханалиев, 2013, 181]. Ориентация на авторитаризм, клиентелизм, этатизм, определяет модель политического управления во многих национальных республиках Российской Федерации.

Очевидно, что такая ситуация серьезно осложняет современную политическую жизнь в республиках Северного Кавказа, негативно влияя не только на социально-экономическое состояние территорий, но и на безопасность региона в целом. Надо отметить, что именно клановая структура власти привела к образованию монополии на экономические ресурсы, установила приоритет неформальных механизмов принятия политико-управленческих решений вопреки федеральным и региональным законам.

Серьезную угрозу безопасности региона создает перманентно идущая борьба кланов за политические и экономические ресурсы. Причем, эксперты отмечают, что «зачастую конфликты кланов накладываются на заинтересованность этих сообществ в лице местных властей на поддержание «управляемой нестабильности» с целью сохранить и расширить объемы трансфертов из федерального центра» [Липина, 2020]. Тем самым, поддержание нестабильности является одним из способов

обогащения политической элиты республик. Отчасти именно этим можно объяснить, что во многих республиках, в частности Ингушетии, Дагестана, Карачаево-Черкесии, власть нередко демонстрировало свою полную несостоятельность в решении социально-экономических проблем своих территорий, а также в борьбе с террористическим и криминальным группировкам.

Более того, представители правоохранительных органов, по мнению специалистов, «предпочитают действовать не в интересах закона, а исходя из своих личных и клановых интересов» [Ханалиев, 2013, 182]. Об этом свидетельствует очень высокий уровень коррупции во властных структурах национальных республик, который указывает на глубокий кризис политических институтов северокавказского региона. Очевидно, что коррумпированная клановая система власти не стремится осуществлять политическую модернизацию общества и менять патриархальный уклад жизни, что является серьезным препятствием для социально-инвестиционного развития региона.

Сложившаяся клановая структура во многих республиках региона вовлекает в свою сеть практически все население, поскольку концентрация ресурсов в руках нескольких кланов не способствует честной конкуренции и не оставляет возможности для осуществления самостоятельной экономической активности. Поэтому, в условиях отсутствия равных возможностей, неразвитости институтов гражданского общества для многих людей включенность в клановые и клиентские сети является единственной возможностью выживания.

Такая ситуация в регионе свидетельствует о низком потенциале его социально-инвестиционного развития. Поэтому перед федеральным центром стоит задача ликвидации клановой системы, которая не создает институциональную среду для дальнейшего развития общества, а наоборот, тормозит работу демократических механизмов, позволяющих функционировать институтам гражданского общества в сложном полиэтничном регионе.

Однако важно учесть, что формирование новых политических институтов, способных обеспечить экономический рост и поднять уровень жизни населения в республиках Северного Кавказа, может осуществляться только эволюционным путем, поскольку требует много усилий и времени. Кроме того, политическая модернизация возможна исключительно на основе формирования новой политической культуры, связанной с принятием правил игры политической демократии. Очевидно, что сложности ее формирования обусловлены влиянием исторической памяти, политические архетипы которой

воспроизводят архаические способы организации политических отношений в обществе.

Огромную роль в политических процессах регионального социума играет этнический фактор, пронизывающий все сферы общественной жизни. Так, по мнению Р. М. Эмирова, даже политические предпочтения людей в большей степени «определяются их принадлежностью к определенной этнонациональной группе, тухуму, языку, клану, местности. Здесь нет просто абстрактных, статистических избирателей, а есть избиратели-лезгины, избиратели-кумыки, избиратели-аварцы и т. д. Любые проблемы социального, экономического, образовательного или иного характера так или иначе связаны с этнонациональным вопросом, от степени решенности (или нерешенности) которого зависят основные векторы развития региона» [Эмиров, 2013]. Без учета этнического фактора развитие в регионе политических институтов невозможно.

В настоящее время в научном и политическом дискурсе наблюдается отказ от одномерных моделей модернизации, которые ориентированы на исключительно линейный путь развития социума, предполагающий механическое копирование западных институтов политической демократии. Сегодня сложилось понимание того, что процессы политической модернизации должны ориентироваться на культурно-национальные традиции народов, необходимо использовать их потенциал в интеграции и мобилизации общества для дальнейшего развития, а не скатывания в архаику, не способствующую решению социально-экономических проблем и представляющую латентную угрозу безопасности региона.

Исследователи правомерно отмечают, что проблему клановости, клиентелизма и коррупции невозможно решить исключительно административными методами, для ее окончательного решения «потребуются совместные усилия гражданского общества, государственной власти всех уровней, интеллектуального сообщества, всех народов Северо-Кавказского Федерального округа [Саркарова, 2016].

Для создания благоприятного социально-инвестиционного климата в регионе необходимы современные политические институты, деятельность которых направлена на выявление причин кризисного состояния социума, определение стратегии социально-экономического развития территорий, поиск ресурсов, способных обеспечить внедрение инноваций, отвечающих потребностям жизни общества. Очевидно, что решение проблемы формирования эффективных политических институтов носит исключительно комплексный характер и не может быть оторвано от развития духовных институтов общества, таких как образование, наука, культура в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Durkheim E. Selected Writings // Ed. A. Giddens. Cambridge: Cambridge University Press, 1972.
2. Explaining Institutional Change: Ambiguity, Agency, and Power / eds.: J. Mahoney, K. Thelen. New York: Cambridge University Press, 2010.
3. Абрамов Р.Н. Модернизация политической системы России // Общественные науки. Политика и право. 2012. № 1 (21).
4. Ахмадеев К.Н. Базовые характеристики традиционного чеченского общества: хозяйственно-экономический и политико-правовой аспекты // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 9.
5. Ашурова М.А. Догоняющая модернизация национальной экономики // Вестник университета. 2016. № 2.
6. Баранов Н.А. Политические отношения и политический процесс в современной России. СПб.: БГТУ, 2004.
7. Бурдые П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993.
8. Воскресенский А.Д. Эволюция политической системы и политическая модернизация КНР: проблемы и преимущества «китайской модели» // Сравнительная политика. 2014. № 1 (14).
9. Докучаева И.Г. Политическая модернизация // Россия в прошлом и настоящем. Внутренняя и внешняя политика России в XX — начале XXI вв. Новосибирск: Изд-во «НИНХ», 2013.
10. Земцов Б.Н. Специфика российских реформ (историческая ретроспектива) // Модернизация как условие развития современной России. М.: МЭСИ, 2011.
11. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y-теорию. Издание 3-е, переработанное, расширенное и иллюстрированное. СПб.: Нестор-История, 2014.
12. Коровицына Н.В. Регион «догоняющей «модернизации: коммунистический и либерально-демократический опыт // Центральная Европа в поисках новой региональной идентичности. М., 2000.
13. Лебедева М.Л. Варианты политической модернизации российской государственности // Система ценностей современного общества. 2010. № 16.
14. Липина С.А. Развитие ситуации на Северном Кавказе: интервью редакции электронного издания «Информационно-аналитический портал «VIPERSON». [Электронный ресурс] // www.viperson.ru (дата обращения 21.06.2020).
15. Лубский Р.А., Головкин В.А. Мобилизационно-модернизационный тип российской государственности // Философия права. 2015. № 6 (73).
16. Матвеев Ю.И. Политическая модернизация как фактор консолидации современного российского общества. Автореферат дисс. докт. полит. наук. М. 2002. С.3.
17. Пеньковской Д.Д. Современные политические элиты республик Северного Кавказа // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2.
18. Саидов А.А. Исламский фактор местного самоуправления в демократизации политических систем республик Северного Кавказа // Исламоведение. 2013. № 4.
19. Саркарова Дж.С. О клановости в политической жизни республик Северного Кавказа // Вопросы политологии. 2016. № 4 (24).
20. Суздаева Т.Р., Федоров К.В. «Догоняющая» модель модернизации: теоретические и историографические аспекты // Гуманитарный вестник. 2013. № 5 (7).
21. Ханалиев Н.У. Некоторые особенности политических режимов национальных республик Северного Кавказа // Власть. 2013. № 11.
22. Эмиров Р.М. Геополитические приоритеты национальной безопасности Российской Федерации на Северном Кавказе. Автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2013.

© Воденко Константин Викторович (vodenkok@mail.ru), Лабадзе Олеся Евгеньевна (efimowa.olesya@yandex.ru), Тихоновская Мария Петровна (tikhonovskova.maria@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ГЕРМЕНЕВТИКА ВОЛИ В ТВОРЧЕСКОЙ ТАЙНЕ ФРИДРИХА ГЁЛЬДЕРЛИНА

Гильманов Владимир Хамитович

*Д.филол.н., профессор, Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, г. Калининград
gilmanov.wladimir@rambler.ru*

Прихожая Лилия Ивановна

*К.филол.н., доцент, Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, г. Калининград
lilia.uni@mail.ru*

HERMENEUTICS OF WILL IN THE CREATIVE SECRET OF FRIEDRICH HÖLDERLIN

**V. Gilmanov
L. Prikhozhaya**

Summary: The work raises the problem of the creative secret of Hölderlin, its connection with the problem of the cultural code of Germany. Based on the essence of the poet, complex discourses are considered that are related to the hermeneutic key for understanding the mystery of Hölderlin. An attempt is made to interpret one of the mysteries in his work, reflected in the novel «Hyperion». The conclusion is drawn about the action in this novel and other works of Hölderlin. The interpretation of the secret of Hölderlin from the standpoint of some theories of Russian cosmism is carried out. Hölderlin's thesis is emphasized in his letter to his brother that "Kant is the Moses of our people".

Keywords: myth, numinous, freemasonry, ether, will, poetry.

Аннотация: В работе ставится проблема творческой тайны Гёльдерлина, его связи с проблемой культурного кода Германии. Исходя из сущности поэта рассматриваются сложные дискурсы, имеющие отношение к герменевтическому ключу для понимания тайны Гёльдерлина. Предпринимается попытка толкования одной из загадок в его творчестве, отразившейся в романе «Гиперион». Делается вывод о действии в этом романе и других произведениях Гёльдерлина. Проводится интерпретация тайны Гёльдерлина с позиции некоторых теорий русского космизма. Акцентируется тезис Гёльдерлина в его письме к брату о том, что «Кант – Моисей нашего народа».

Ключевые слова: миф, нуминозное, масонство, эфир, воля, поэзия.

Гёльдерлин и «тайная Германия»

В письме к К.У. Белендорфу от 4 декабря 1801 года Гёльдерлин, сообщая ему о своей радости в связи с предстоящим отъездом во Францию, в Бордо, пишет, что перед ним раскинулся новый мир, более светлый и серьезный, что ему нравится, как устроен этот мир [1]. Но уже в мае 1802 года Гёльдерлин пешком бежит из Бордо. Адресат его письма поэт и драматург Белендорф, скитаясь по свету, покончил жизнь самоубийством, став поводом для одного из загадочных рассказов И. Бобровского. В конце рассказа люди, собравшиеся у могилы поэта, размышляют о том, что можно было бы написать на его могильном камне, припоминая при этом, чем он им запомнился. В конце они признают, что Белендорф так и остался для них непонятной загадкой [2].

Тайна Гёльдерлина не оставляет в покое ни филологов, ни философов, поскольку касается, предельных основ не только поэтического творчества, но и проблемы творчества в целом до эсхатологического предела творчества или с Жизнью или со Смертью. Для русской философии творчества характерна христианская эсхатология, суть которой без обиняков сформулирована, например, Н.А. Бердяевым в его работах «Смысл творчества», «Варварство и упадничество», «Новое средневековье» и т.д. [3].

В этой связи идейно-творческая феноменология

Гёльдерлина и ее потаенные истоки продолжают оставаться герменевтическим вызовом, особенно для немецкой культуры с ее для нее самой таинственной двойственностью, о которой в своей работе «Гёльдерлин и немцы», вышедшей накануне его гибели в первой мировой войне, пишет Норберт фон Хеллинграт [4]. К таким произведениям он относит, прежде всего, творения Гёльдерлина. Необходимо отметить, что Гёльдерлин был почти забыт, возможно, по причине довольно прохладной оценки его творчества со стороны Гёте, который остался равнодушен к его произведениям, что явствует из его переписки с Шиллером. Даже простой поверхностный анализ этой переписки показывает, насколько небрежно и без интереса его отношение к 27-летнему автору, испытывающему удушливую робость в присутствии Гёте. Гёте отзывался о работах Гёльдерлина «не совсем неблагоприятно» и даже не возражает против намерения Шиллера опубликовать эти стихи в «Альмахе муз» и в журнале «Оры» [5].

То, насколько тягостной оказалась для Гёльдерлина его встреча с Гёте в августе 1797 года, свидетельствует то, что он, пообещав Шиллеру еще до приезда во Франкфурт написать о ней, не выполнил этого обещания. Взаимное отчуждение Гёте и Гёльдерлина можно толковать и как духовную идиосинкразию двух разных онтологий, что возвращает нас к тезису Хеллинграта в его работе «Гёльдерлин и немцы» о «странной двойственности, являющейся сущностью и загадкой немецкого» духа [4].

Миф и нуминозное

Один из возможных подходов к объяснению не только психологического, но и онтологического конфликта между Гёльдерлином и Гете – это миф, а точнее – разность онтологий, лежащих в основе их отношения к мифу. Для Гете миф – это результат поэтической фантазии и воображения, действующими в согласии с творящей и организующей силой природы. В этой связи поэзия и естествознание родственны друг другу, поэтому в стремлении проникнуться вечными идеями божественной природы, дирижирующими как природным, так и художественным творчеством, Гете – поклонник Спинозы – обращается к изучению прафеноменов и их метаморфоз в природе, поэзии и человеке. Эта теория мифа Гете отражена не только в его теоретических работах, но и в его поэзии, например, в таких стихотворениях как «Метаморфоза растений», «Метаморфоза животных», «Первоглаголы. Учение орфиков» и других.

В мифической тайне Гёльдерлина основное место занимает греческий миф [6]. Отличие Гёльдерлина от Гете, изложено в теории мифа К. Хюбнера, в которой именно он выбран как живая персонификация «истины мифа». По Хюбнеру, миф как «система мышления и опыта» не следует смешивать с мифологией, основой которой является использование мифа в литературных или иных целях: миф – это система особой реальности, именуемой им следом за Рудольфом Отто «нуминозной». Нумены – это энергичные знаки высших сил, конституирующих для человека предметность мира как единства идеального и материального [7].

«...тайное в свободе»

Обращаясь к вопросу о нуминозной силе в мифе, Хюбнер затрагивает одну из самых таинственных проблем эзотерического гнозиса, без учета которой вряд ли возможно адекватное понимание философской и художественной феноменологии германского духа в «эпоху Гете» и в романтизме: это – проблема «середины», а точнее – «магического посредника», действующего в этой середине. В настоящее время в самой Германии существует обширная научно-исследовательская литература, посвященная масонству, включая его активность в Тюрингии, в таких городах как Гота, Йена, Веймар и другие. Тесная связь масонства с оккультизмом и магией, теософией и антропософией позволяет, однако, основываясь на доступные источники утверждать, что в конечном итоге «тайна свободы» имеет отношение к выбору между двумя аспектами силы, именуемыми как «электрический vs жизненный, воинственный vs сотрудничающий». Эти два аспекта соответствуют Nahash (змею) и Деве» [8]. Гёльдерлин не мог не вращаться в кругах, имеющих прямое отношение к тайным обществам, поскольку большинство из тех, с кем он имел тесные связи – Шиллер,

Шеллинг, Гегель, Синклер и другие – были масонами.

«Не вызывает сомнения, – пишут современные исследователи масонства И. Бергер и К.-Ю. Грюн, – что в 1790-е и 1800-е гг. в Веймаре (-Йене) сложилась особая атмосфера литературно-эстетической и научно-философской активности, обусловленная, прежде всего, сотрудничеством Гете и Шиллера, произведениями Виланда и Гердера, а также натурфилософскими и идеалистическими изысканиями в проектировании мира» [9]. Вряд ли возможно, обращаясь к творчеству Гете, Шиллера и других, включая Гёльдерлина, найти верный герменевтический ключ к их пониманию, не учитывая телеологию тайных организаций, с которыми они были связаны [10]. Как известно, Кант не изменил свое положительное отношение к Французской революции до конца жизни, в отличие от Гете и Шиллера, разочаровавшихся в ней, хотя веймарские классики были активными участниками тайных обществ, включая ложу «Амалия» в Веймаре.

Отметим, однако, что поднятая выше, в контексте масонства, проблема нуминозной силы важна для учета ее действия в самой сложной для прямого понимания границы, обозначенной Кантом как граница «трансцендентальной видимости», что одновременно имеет отношение к тайне художественного воображения. Вряд ли можно сомневаться, что Гёльдерлин, взятый под опеку Шиллером, тоже вначале рассматривался как возможный кандидат в «братья», о чем свидетельствует, например, замечание Шиллера в письме к Гете от 17 августа 1797 года, где он напрямую объясняет, что, несмотря на сомнение в талантах двух своих протеже Гёльдерлина и Шмидта, он намерен как можно дольше их опекать, чтобы выяснить «годятся ли они для чего-нибудь или нет» [5]. И Гёльдерлин ясно осознает, насколько его судьба зависит от участия Шиллера, включая и материальную сторону, поэтому его письма к Шиллеру проникнуты каким-то болезненным чувством, проявившимся и при его встрече с Гете. Но Гёльдерлин ли – в тайне борьбе с гением Шиллера – или «некая сила», которая прорывается в его исповедальный нарратив в романе «Гиперион»? С нашей точки зрения, тайна этой «некой силы» является ключевой как для понимания Гёльдерлина, так и «тайной Германии» в ее мистической раздвоенности, которая до сих пор не оставляет в покое самих немцев, включая известного современного ученого Дитера Борхмайера с его вопросом, ставшим названием большой книги «Что значит немецкое? Нация в поисках себя» [11]. И может ли Гёльдерлин помочь ответить на вопрос?

Аркан Солнца

Проникновение в тайну Гёльдерлина предполагает учет большого числа разнородных дискурсов, включая те, которых, как правило, избегают исследователи, например, упомянутое выше масонство в его связи с

гностицизмом и герметизмом, которые следует иметь в виду, обращаясь к творчеству поэтов и философов. На основании изучения так называемых «бернских рукописей» Гегеля известный немецкий ученый Георг Лукач пришел к выводу о родстве идей «новой религии» у Гёльдерлина и Гегеля с основным представлением о боге как «архитекторе мира» в масонстве, в частности, с культом «верховного существа», провозглашенным Робеспьером [12]. В отличие от Гёльдерлина, искавшего духовную силу для «спасения отчизны» в мифе, Гегель считает, что «истина мифа» получает свое завершение в философии. Гегель дает трансцендентальное обоснование мифа, согласно которому любой миф содержит в себе формы сознания, обладающие априорной необходимостью [13]. Однако важно учесть, что этот намеченный в мифе антропоцентризм снимается в диалектике Гегеля исходным принципом истории как движения абсолютного духа, опредмечивающего себя, в том числе, в развитии сознания.

Дух и разум

Судя по большому числу публикаций последнего времени, понятие духа вновь обретает тот смысл, который, преодолевая сциентистское искушение тотальным имманентизмом, приближается к границе, разделяющей христианство с его догмой о Духе Святом и масонствующий панлогизм с оккультной подосновой абсолютного духа, за которым маячит понятие бога без имени. Можно упомянуть сенсационную книгу профессора математической физики Франка Типлера «Физика бессмертия» [14]. Проблемой духа и природы занимается видный ученый Грегори Бейтсон, опубликовавший работы с характерным названием «Экология духа. Антропологические, психологические, биологические и эпистемологические перспективы» [15] или «Дух и природа. Необходимое единство» [16]. Среди других работ выделим книгу Йорга Штаркмута «Возникновение реальности», в которой одна из глав носит название «Дух как творец. Роль сознания при возникновении реальности» [17]. Попытки спасения метанарраций в этих работах предпринимаются или в ключе физикализма или с опорой на дисциплину философии трансцендентального субъекта Канта. Гёльдерлин тоже уделил Канту определенное внимание, скорей всего, по совету Шиллера.

Одним из решающих ключей к тайне мифа Гёльдерлина является его обращение к мифической сущности, именем которого назван его роман «Гиперион». Прямо или косвенно это имя связано с Аполлионом, которого вполне можно рассматривать как изотоп Аполлона, то есть как трансмутацию бога солнечного ума в ангелогубителя. В.И. Иванов считает, что начиная с древнего человека люди пытались назвать солнце иначе, чтобы ознаменовать его ближе и правдивее, восходя, таким образом, от менее к более субстанциальному позна-

нию вещи божественной» [18]. В работе В. Иванова со-держится семиотический код всего нуминозного мифа о Гиперионе, ставшего судьбой Гёльдерлина, который стремился «к более субстанциальному познанию вещи божественной».

«...боги взрастили меня»

С точки зрения эстетической теории, реализуемой Гёльдерлином в его мифе, она, с одной стороны, близка к Гете с его уравнением миф как поэзия и поэзия как природа, но, с другой, оказывается ближе всего философии тождества Шеллинга, согласно которой «мифология имеет не аллегорический, а таутегорический характер» [19]. То есть, по Шеллингу, миф есть не «символ, сравнение», как у Гете, а результат «необходимого (применительно к сознанию) процесса», вызываемого и реализуемого не демонической силой природы как *causa sui*, как у Гёте, а «теологической силой» [20]. Но именно это положение, как и другое, сближает Гёльдерлина с Шеллингом, с которым он дружил со времен учебы в Тюбингене и которого в письме, написанном в июле 1799 года, приглашал к участию в своем литературно-философском журнале, который, однако, так и не вышел в свет

В этой связи феномен Гёльдерлина важен не только как эстетическая тайна, но и как космологическая, возвращающая к вопросу Канта «Что такое человек?» и ставящая под сомнение объективистский идеал современной науки. Так, видный современный философ Д. Чалмерс невольно ставит проблему «магического посредника» в глубинах человеческой психики, задающего «каузальный поток» в физическом мире [21].

Воля к форме

Как это не парадоксально, но нам представляется, что именно герменевтика искусства Горского и Сетницкого позволяет в какой-то степени смысловой адекватности приблизиться к творческой тайне Гёльдерлина, прежде всего, к нуминозной тайне его романа «Гиперион». При этом важно учесть, что эти почти забытые космисты, открыв в искусстве отражение усиления динамики того, что они называют «смертобожничеством», главным догматом которого является положение о «непобедимости и неодолимости смерти» [22]. Несмотря на то, что идеи обоих русских космистов не были приняты ни в стандарте научного идеала естествознания, ни в православной догматике по причине их связи с учением Н.Н. Федорова, они оказываются изоморфными идейному комплексу, сформировавшемуся в эстетических теориях литературно-художественного формализма, прежде всего в традиции англо-американской «новой критики», в частности в концепции «органической формы», восходящей к С. Кольриджу, и концепции «точки зрения», восходящей к Г. Джеймсу [23].

Искусство как опасность

В своей книге «Трагическая история литературы» Вальтер Мушг пишет, что «все великие поэты романтизма пережили свое искусство как смертельную опасность» [24], поскольку в их творчестве прямо или косвенно присутствовало «наследие магической религиозности», ставившее их перед лицом экзистенциальной открытости для вдохновения Неба или Ада. Гете раскрыл тайну своего вдохновения не только в трагедии «Фауст», но и в многочисленных откровениях в разговорах с И.П. Эккерманом, связав тайну поэзии и музыки как высшего вида искусства с демоническим, каковое, согласно ему, всеобъемлющим образом определяет и мировой процесс, превращая политику в рок [25].

Следует упомянуть, как Гёльдерлин, будучи уже во мраке безумия, то есть в состоянии «исчезновения имени» как самого, так и бога, которому он посвятил миф своей жизни, нередко с наслаждением перечитывал в своей башне собственный роман «Гиперион», восклицая при этом: «Как это прекрасно!». Так кто же все-таки автор романа, сделавший автора своей «точкой зрения» на реальность, трансформированную, по Бодрийяру, в симулятивную гиперреальность с ее эффектом исчезновения того, чему молился поэт Гёльдерлин и что до появления теории Эйнштейна принималось во внимание и физиками – мировой эфир?

«Кенигсбергские предупреждения»

Почти все исследователи отмечают, что в поздней лирике Гёльдерлина возникают образы Нового Завета, доводя его до Патмоса, где Иоанну Богослову явилось Откровение о судьбах мира при Втором Пришествии. Поэт будто подтверждает это, начиная свой «Патмос» так: «Близок бог / И непостижим. / Где опасность, однако, / Там и спасенье». Но его «Христос» – это не Христос Нового Завета: его трактовка близка, как уже было указано выше, к гностическим толкованиям, которым следовали масонство или протестантская неология, смешивая Христа с другими античными богами. В этом заключена одна из самых больших опасностей для тех, кто пытается достичь Христа в гносеологии «разумной определенности» [26]. Гёльдерлин как «поэт поэтов» подтверждает правомерность этого «кенигсбергского предупреждения» в лице Канта и Гамана. Предупреждение Канта касается, прежде всего, опасности «Я, или Он, или Оно (вещь), которое мыслит, представляет не что иное, как трансцендентальный субъект мысли» [27]. Предупреждение Гамана касается того, что в проблеме веры, независимо от ее объекта всегда присутствуют Небо и Ад. Косвенно опасность поэтической соляристки Гёльдерлина отражена в антропософии Р. Штейнера, назвавшего главным противником Христа в мировом развитии «солнечного демона» с именем Сорат [28].

Учитывая то, что Гёльдерлин не просто обращается к мифологии, а создает свой собственный миф, наполняя его «солярной энергией» новой субстанциальности, которая разрушила эфирную субстанцию Диотимы, мы при close reading его творений становимся свидетелями поэтического самоубийства его разума под воздействием игры художественного воображения, инспирированного нумизмой силой в глубинах его «обостренной субъективности» (Шиллер).

Кант как повод для «священной трезвости»

В истории германского духа Гёльдерлин оказывается одним из важнейших поэтических симптомов в истории духовно-политических перекрестков Германии после явления Лютера, отвергнувшего католический принцип *Natura vulnerata not deleta* = Природа ранена, но не погибла. Эта «честность» находит определенное подтверждение в диагнозе Канта об «изначальном зле в человеческой природе» [29]. Но кантовский призыв к «выходу из состояния собственного несовершенства» есть, по сути, та «священная трезвость», которая, исходя из диагноза о «радикальном зле», ищет путь к преодолению его. Этот путь оказывается связан с тем, к чему все время молитвенно обращался Гёльдерлин – мировой эфир. То, насколько важное место концепция эфира занимала в творчестве Канта, доказывает С.В. Луговой в своей работе «Магистерская диссертация И. Канта «Об огне» и трансформация его представлений об эфирной материи» [30]. Независимо от того, с чем следует соотносить кантовское представление об эфире – с физикотеологией в духе Ньютона и М. Кнутцена, учителя Канта, или с энтелехией в дискурсе античной философии, оно имеет отношение к вопросу о всепроникающем посреднике, который так важен и для Гёльдерлина. Конечно, Гёльдерлин толковал эфир иначе, чем Кант, и в этом толковании распознаются, с одной стороны, влияние Пиндара, гимны которого он переводил на немецкий, с другой, модные среди романтиков идеи «магического посредника» вплоть до учения о «животном магнетизме» в духе Ф.А. Месмера.

Особую «немецкую инаковость» Канта отметил С.Н. Булгаков. По Булгакову, «религиозная заслуга» Канта, каковую Кант сам не заметил, заключается в его довольно точном описании «интуиции тварности» мира, что включает тезис Спинозы о природе как *causa sui*, ставший основой романтического панпсихизма с его доверием к силе мирового духа. Эта невольная заслуга Канта связана с его космологической антиномией о причинности и свободе. Подробно анализируя эту антиномию, Булгаков, критикуя рационалистическую философию за отказ от принципа тварности как ложного, указывает на внутреннюю логическую ошибку рациональной дискурсивности [31]. Этот ход мыслей Булгакова близок инту-

итивизму Анри Бергсона, который также уделяет Канту большое внимание, стремясь преодолеть трансцендентальную эстетику Канта. Исходя из того, что разум «характеризуется природным непониманием жизни», находясь в «заколдованном круге» своих проекций, Бергсон призывает во имя жизни «действием разбить этот круг», для чего «нужно смело броситься вперед и актом воли вывести интеллект за его пределы» [32].

В контексте нашей работы важен затронутый аспект воли, выводящей разум за его пределы, учитывая опыт «власти какой-то силы», побудившей Гипериона разрушить мир Диотимы, а затем сознание самого Гёльдерлина. Власть этой силы благословил Ницше, тоже поплатившийся безумием, причем сделал это в невольном признании трансцендентного истока этой силы, предав христианство проклятию в духе Антихриста. В свете философии творчества Бердяева эта сила побуждает к творчеству во имя дьявола, реализуя его волю и побуждение к негативной, пустой свободе, к свободе во грехе [3]. В этой связи в истории германского духа Кант с его великой честностью в отношении чистого разума, столкнувшегося с антиномиями, предстает как уникальное явление, поскольку предупреждает о той опасности, жертвой которой стал не только Гёльдерлин, но и многие другие гении культуры [29]. Кант настаивает на категорическом императиве акта нравственной воли, выводящей чистый разум в план практического действия в максиме закона совести. Несмотря на стремление остаться в пределах только разума, Кант в своей «диктатуре совести» все же совершает, по нашему убеждению, акт принесения разума в жертву совести, признавая необходимость примата нравственной логики над формальной. Его моральный ригоризм выступает как призыв противостоять искушениям Фауста, принятым Гете, и «бракосочетанию

Неба и Ада», допущенному У. Блейком. В своем небольшом наброске на тему «Суждение и бытие», написанном во время его пребывания в Йене в 1795 году, он, опираясь на морфологическую структуру немецкого суждения есть в высшем и строжайшем смысле первоисточковое разделение тесно связанных в интеллектуальном созерцании объекта и субъекта, то есть такое разделение, которое только и делает возможным и объект и субъект: перво-разделение. В понятии разделения уже заложено двустороннее взаимоотношение объекта и субъекта друг с другом, а также необходимая предпосылка той целостности, частью которой являются как объект, так и субъект.

Трагедия судьбы и творчества Гёльдерлина доказывает, что его «Я», забывшее даже свое исходное имя и ставшее кем-то, кто требовал называть себя Буонаротти или Скарданелли, вышло за пределы своего разума, как призывает Бергсон, однако в акте той воли, которая не осветила его духовным солнцем истины, а сожгло огнем сразившего его Аполлона. Гёльдерлин – серьезный повод для поиска выхода из оккультной динамики той воли, которая не только привела Германию к краю бездны в двух мировых войнах и национал-социализме, но и инфიცировала Россию по причине таинственного «избирательного сродства» двух культур. Культурный код России связан, прежде всего, с тем, что В.С. Непомнящий именуется термином «пасхальность» [33], противопоставляя его «рождественской культуре» Запада, которой причастна и Германия. И в динамике этой культуры прямо или косвенно Кант, выступающий как тот, кого в эзотерике именуется «Хранителем Порога», то есть представителем суда Совести и учителем в школе Совести, мог бы в самом деле стать «Моисеем» для спасения из того духовного плена, одной из жертв которого стал Гёльдерлин.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гёльдерлин. Сочинения. М.: Художественная литература, 1969.
2. Bobrowski J. Gesammelte Werke: in 6 Bdn. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1999. B. 4.
3. Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства (в 2 т.). М.: Искусство, 1994. Т. 1.
4. Hellingrath N. Hölderlin und die Deutschen // Zwei Vorträge. München 1922. S. 15 – 48.
5. Briefwechsel zwischen Schiller und Goethe in den Jahren 1794 bis 1805: in 2 Bdn. Goldmann-verlag 2005. B. 1.
6. Гете И.В. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Художественная литература, 1975 – 1980.
7. Хюбнер К. Истина мифа. М.: Республика, 1996.
8. Энциклопедия герметической философии. Старшие арканы Таро. СПб.: Алетейя, 1997.
9. Geheime Gesellschaft. Weimar und die deutsche Freimaurerei. München Wien: Carl Hanser, 2002
10. Algermissen K. Freimaurer // Lexikon für Theologie und Kirche. Freiburg, 1960.
11. Borchmeyer D. Was ist deutsch? Die Suche einer Nation nach sich selbst. Berlin: Rowolt, 2017.
12. Lucacs G. Der junge Hegel und die Probleme der kapitalistischen Gesellschaft. Zürich–Wien: Europa Verlag, 1948.
13. Герель Г.В.Ф. Эстетика: в 4 т. М.: Искусство, 1968.
14. Tipler F. Die Physik der Unsterblichkeit. Moderne Kosmologie, Gott und die Auferstehung der Toten. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1995.
15. Bateson G. Ökologie des Geistes: anthropologische, psychologische, biologische und epistemologische Perspektiven. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1999.
16. Bateson G. Geist und Natur. Eine notwendige Einheit. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2000.

17. Starkmuth J. Die Entstehung der Realität. Wie das Bewusstsein die Welt erschafft. München: Random House, 2010.
18. Иванов В.И. Две стихии в современном символизме // Русские философы. Антология. М.: Книжная палата, 1993. С. 212 – 242.
19. Шеллинг Ф. Введение в философию мифологии // Шеллинг Ф. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1989. С. 159 – 374.
20. Гильманов В.Х. «Крестовые походы» И. Г. Гамана против Просвещения // Вестник МГУ. Сер.: Философия. 2005. №3. С. 14 – 26.
21. Чалмерс Д. Сознательный ум: в поисках фундаментальной теории. М.: Либроком, 2013.
22. Горский А.К., Сетницкий Н.А. Сочинения. М.: Раритет, 1995.
23. Кольридж С.Т. Избранные труды. М.: Искусство, 1987.
24. Muschg W. Tragische Literaturgeschichte. München: Francke Verlag, 1983.
25. Эккерман И.П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни. Ереван: Айастан, 1988.
26. Müller F.V. Unterhaltungen mit Goethe, mit Anmerkungen versehen und herausgegeben von R. Grumach. Weimar, 1982.
27. Кант И. Собр. соч.: В 8 т. Юбилейное издание 1794 – 1994 / Под ред. А. В. Гулыги. М.: Изд-во «Чоро», 1994.
28. Prokofieff S. Die Begegnung mit dem Bösen und seine Überwindung in der Geisteswissenschaft. Der Grundstein des Guten. Dornach: Verlag am Goetheanum, 2015.
29. Kunst H. Martin Luther. Ein Handbuch. Gross-Oesingen, 1993.
30. Луговой С.В. Магистерская диссертация И. Канта «Об огне» и трансформация его представлений об эфирной материи // Кантовский сборник. – 2019. – Т. 38, № 2. С. 7 – 30.
31. Булгаков С.Н. Свет невечерний: созерцания и умозрения. М.: Республика, 1994.
32. Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. Минск: Харвест, 1999.
33. Непомнящий В.С. Удерживающий теперь. Феномен Пушкина и исторический жребий России. Новый мир. 1996. №5.

© Гильманов Владимир Хамитович (gilmanov.wladimir@rambler.ru), Прихожая Лилия Ивановна (ilija.uni@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта

ПРОБЛЕМА ДУХОВНЫХ ОСНОВ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ КОНЦА 19 – НАЧАЛА 20 ВЕКА

Громов Егор Валерьевич

*К.ф.н., доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Елабужский институт
gromove@mail.ru*

THE PROBLEM OF THE SPIRITUAL FOUNDATIONS OF STATEHOOD IN RUSSIAN RELIGIOUS PHILOSOPHY OF THE LATE 19 – EARLY 20 CENTURY

E. Gromov

Summary: The purpose of the study is to identify the features of the disclosure of the topic of the spiritual foundations of statehood in Russian religious philosophy. The article clarifies questions about the reflection of statehood in Russian philosophy, reveals the influence of various religious traditions on their understanding of the origin, essence and historical mission of the state. The scientific novelty of the research lies in the comprehensive analysis of the coverage of the problem of statehood in Russian religious philosophy. As a result, it is substantiated that the main issue around which the solution of this problem was built in Russian philosophy of the indicated period was the question of the moral meaning of the state.

Keywords: Russian religious philosophy, statehood, total unity, moral foundations of the state, etatism, Tolstoyism, eschatology.

Аннотация: Цель исследования – выявить особенности раскрытия темы духовных основ государственности в русской религиозной философии. В статье проясняются вопросы о рефлексии государственности в русской философии, выявляется влияние различных религиозных традиций на осмысление ими происхождения, сущности и исторической миссии государства. Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе освещения проблемы государственности в русской религиозной философии. В результате обосновано, что основным вопросом, вокруг которого строилось решение данной проблемы в русской философии указанного периода был вопрос о моральном смысле государства.

Ключевые слова: Русская религиозная философия, государственность, всеединство, моральные основы государства, этатизм, толстовство, эсхатология.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена с одной стороны - ростом интереса к русской религиозной философии в течение последних лет как со стороны научного сообщества, так и со стороны общества в целом; с другой – нерешённостью проблемы государственности и её духовно-нравственных истоков в современной социально-философской мысли. Богатое наследие русской религиозной философии конца девятнадцатого – первой половины двадцатого века, включающее целый ряд подходов к исследованию государства как феномена культуры активно осваивается как исследователями различных направлений, так и политическими силами и масс-медиа, но по большей части бессистемно и без должного теоретического осмысления. Ряд положений таких философов, как И.А. Ильин, Л.А. Тихомиров, Н.А. Бердяев используются, часто будучи вырванными из контекста, в качестве политических лозунгов. Всё это обуславливает дискуссионность данной проблемы.

Данное исследование преследовало цель выявить особенности раскрытия темы духовных основ государственности в русской религиозной философии конца

19 – начала 20 века. Достижение данной цели потребовало решения следующих задач: во-первых, выявить основные подходы к проблеме духовных основ государственности в русской религиозной философии исследуемого периода; во-вторых, проанализировать особенности интерпретации нравственного смысла государственной власти в рамках выявленных подходов; в третьих, установить связь между представлениями русских религиозных философов о духовных основах государственности и их социально-политическими программами.

Литературный обзор

Теоретической базой исследования послужили труды крупнейших русских религиозных философов исследуемого периода: В.С. Соловьёва, Н.К. Леонтьева, Л.Н. Толстого, Н.А. Бердяева, Л.А. Тихомирова, И.А. Ильина, а также ряд трудов по истории русской религиозной философии.

Материалы и методы

Для решения поставленных задач применялись такие методы исследования, как метод контент-анализа,

методы анализа и синтеза, единства исторического и логического.

Результаты и обсуждение

Религиозная философия по многим признакам отличается от тех философских школ, которые определяют облик мировой мысли в начале двадцать первого века. В отличие от постмодернизма или постпозитивизма, целенаправленно сосредотачивающих своё внимание на отдельно взятой проблеме (будь то проблема существования человека в мире дискурсов или проблема демаркации науки), религиозная философия не может обойтись без создания всеобъемлющих философских систем, в которых нашли бы отображение и осмысление все ключевые проблемы всемирного, мирового и человеческого бытия. Это обусловлено самой её природой, точнее – спецификой религии, как формы человеческого сознания. Составляя основу религиозно-философской мысли, религия стремится проникнуть во все сферы жизни человека, освятив их в соответствии со своими принципами и детерминировав отношение к ним субъекта. Соответственно, последовательная религиозная философия не может позволить себе строго ограничиться проблемами связи между человеком и предметом его веры, даже если такое ограничение изначально входило в задачи философа.

Среди объектов, попадающих в поле религиозной философии, одним из наиболее важных является государство. Идея государства, его отношения с личностью, нравственные основания, законодательство и регулирование жизни человека, политика и экономические связи, война и мир – всё это может иметь своеобразную интерпретацию в контексте религиозного мировоззрения, и, следовательно – может стать предметом религиозно-философского осмысления. Авраамические религии проявляют особый интерес к этим вопросам в силу присущего им отношения к человеческому существованию в материальном мире, как результату грехопадения. Государство, по их представлениям, принимает активное участие в движении человека к Богу, в преодолении человеком собственной греховности, но это участие может быть как благотворным, так и пагубным. В государственной жизни, как отметил ещё Платон, добро и зло достигают наивысшего напряжения, и вовлекают одновременно большие группы людей. Особое значение имеет и то обстоятельство, что иудаизм, христианство и ислам в разной мере и с разными целями, но всё же санкционируют государственную организацию общественной жизни, и эта санкция неизбежно вводит её в круг интересов верующего мыслителя.

Русская религиозная философия в этом отношении не составляет исключения. Более того, в её своеобразной проблематике вопрос о государстве стал одним из

центральных. С момента зарождения отечественной религиозно-философской мысли её лейтмотивом становится проблема исторической судьбы России – явление уникальное в истории мировой философии. Между тем, в силу многих исторических условий, в возникновении и развитии российской национально-политической идентичности государство играло чрезвычайно важную роль. Таким образом, интерес к государственной жизни человека сразу стал неотъемлемой чертой русской мысли. За почти два столетия её истории было выработано огромное количество различных подходов к проблеме – от полного отрицания государства и его нравственного значения в произведениях Льва Толстого, и до консервативного гиперэтатизма Константина Леонтьева и Льва Тихомирова.

Несмотря на всю важность темы государства для отечественной философской традиции, до сих пор вопрос о рефлексии в ней его нравственных оснований не становился темой отдельного исследования. Как правило, он рассматривался в контексте других актуальных философских проблем, чаще всего – в контексте проблемы соотношения материального, грешного мира и Царства Божия. В трудах о. В. Зеньковского и Н.О. Лосского, посвящённых истории русской религиозной философии, проблема духовно-нравственных основ государственности рассматривается как одна из составных частей огромного комплекса проблем отечественной мысли. Наконец, тема государства часто поднимается в связи с обсуждением проблемы исторической судьбы России. Такой подход, позволяя определить место рассматриваемой проблемы в философском мировоззрении русских мыслителей, в то же время препятствовал полному пониманию всей глубины и многообразия её раскрытия в российской философии.

Формирование философской концепции государства в русской религиозной философии началось ещё в процессе дискуссии между западниками и славянофилами. Именно тогда сформировались два основных подхода к проблеме, получивших позднее развитие в отечественной мысли. Первый из них был представлен трудами П.Я. Чаадаева и характеризовался неприятием исторически сложившихся форм российской государственности. Основная причина этого неприятия – несоответствие их эталонам государственного устройства, выработанным социально-политической практикой Запада. Фактически этот подход задаёт тон последующим векам русского политического диссидентства, лейтмотивом которого стало сопоставление российских и западных (английских) в 19 веке, американских – в двадцатом) политических практик и форм государственного устройства, сопоставлением, при котором российское проигрывает. Основной характеристикой российской государственности, согласно этому подходу, является рабское подчинение безликих масс самодовлеющему государству, усвоенное,

по мнению Чаадаева, из Византии вместе с Православием. Собственно, в философскую концепцию государства российские западники не привносят ничего нового, придерживаясь выработанных в западноевропейской мысли подходов. Нравственный смысл государства они видят исключительно в воспитании народа в духе либеральных ценностей и в поддержке и распространении гражданских свобод. Государство ценно, прежде всего, тем, что оно вырабатывает в нации дух гражданства, который даёт человеку возможность свободно и самостоятельно развивать свои лучшие духовные качества.

Развитие данного подхода привело к формированию в русской философской традиции особого, самобытного направления, представленного именами Л.Н. Толстого и Н.А. Бердяева. Для этого направления типично неприятие государства как носителя определённой нравственной идеи, или, по меньшей мере, критическое к нему отношение. Государство здесь фигурирует как средоточие идеи подчинения, несвободы, рабства. Его начала представляются как противоположность началам религии, в основе которой, по мысли авторов данного подхода, лежит свободный выбор между Добром и Злом в пользу Добра. Государство, таким образом, представляет собой изначально злую силу, противостоять которой человек может и должен по мере своих сил. Мера нравственного совершенства человека – в его независимости от государства и навязанных государством идеалов. При соприкосновении идеалов христианства с действительностью государственной жизни эти идеалы размываются и искажаются. Государство – Царство Кесаря, противостоящее Царству Духа, область объективации человека. По мнению Бердяева, «...весь «христианский» мир не принял реально христианства, все еще остался языческим. Христианская история была сделкой с язычеством, компромиссом с этим миром, и из компромисса этого родилось «христианское государство» [1] и весь «христианский быт». Именно язычество, как псевдорелигия, пронизывает собой всю систему государства, все его устои. Современное государство – компромисс между бескомпромиссными врагами, между христианством и язычеством. На Западе он принимает формы папского диктата, на Востоке – форму цезарепапизма. Если западная модель государства была в некоторой степени исправлена гуманизмом и Реформацией, последовательное развитие восточной модели превратило Россию в «...оформилась в огромное, необъятное мужицкое царство, закрепощенное, безграмотное, но обладающее своей народной культурой, основанной на вере, с господствующим дворянским классом, ленивым и малокультурным, нередко утерявшим религиозную веру и национальный образ, с царем наверху, в отношении к которому сохранилась религиозная вера, с сильной бюрократией и очень тонким и хрупким культурным слоем» [1].

Противоположный подход родился в ходе дискуссии с западниками и истоки его кроются в мировоззрении славянофилов. Уже ранние представители славянофильства усматривали в государстве некое нравственное начало, тесно связанное с религией. В философии Хомякова истоки современной государственности – соединение трёх начал, Греции, Рима и Севера, причём западному типу государственности, возникшему из насильственного соединения Рима и Севера, он противопоставляет органическую государственность Руси, в которой Греция и Север соединились добровольно. Цель царства – обеспечить нравственное возрастание человека, но для этого оно должно быть основано на началах религиозных. Славянофилы воскрешают идею симфонии священства и царства, идею, пришедшую из Византии, и никогда полностью не реализованную в самой Византии. Строительство государства – акт нравственный, но только до тех пор пока идея государства не становится самодовлеющей. Царство, лишённое нравственных основ – колосс на глиняных ногах [7].

Идеи славянофилов получили дальнейшее развитие в философии В.С. Соловьёва. Соловьёв выводит идею государства из самой природы человека. По его мнению, «Жизнь человека уже сама по себе и сверху, и снизу есть невольное участие в прогрессивном существовании человечества и целого мира; *достоинство* этой жизни и смысл всего мироздания требуют только, чтобы это невольное участие каждого во всем становилось вольным, все более и более сознательным и свободным, т.е. действительно-личным, – чтобы каждый все более и более понимал и исполнял *общее дело*, как *свое собственное*» [4; с. 288]. Это общее дело и составляет основу общественного союза, одной из форм которого является государство. Залог устойчивости государства – нравственная свобода человека, поскольку «...самостоятельность лица есть основание крепости общественного союза». Первопричина существования государства – стремление людей к общению; государство вторично по отношению к семье, но «...национально-государственная организация – отечество – не упраздняет первичной общественной клеточки, а только изменяет ее значение» [4; с. 292]. Государство способно обеспечить свободу личности, которую не даст родоплеменной строй, оно создаёт условия для расширения и совершенствования связей между людьми, формирует среду, в которой только и возможно общественное развитие «Беззаветно отдаться какой-нибудь ограниченной и неподвижной форме общежития человек не только не обязан, но и не имеет права, ибо он мог бы это сделать лишь в ущерб своему человеческому достоинству». Следовательно, «... предприимчивый член рода нравственно прав, восставая против родового консерватизма и содействуя образованию государства, в силу которого прежние самостоятельные общественные группы превращаются в элементарные клеточки нового обширного целого» [4; с. 292]. Вместе с тем нравственная сила государства ограничена; госу-

дарство – не абсолютная форма человеческого общежития. Нравственные начала государства важнее и ценнее самого государства: «Всякое общество человеческое, и в особенности общество, признающее себя христианским, может упрочить свое существование и возвысить свое достоинство, только становясь сообразным нравственной норме. Значит, дело не во внешнем охранении тех или других учреждений, которые могут быть хорошими или дурными, а только в искреннем и последовательном старании улучшать внутренне все учреждения и отношения общественные, могущие стать хорошими, все более и более подчиняя их единому и безусловному нравственному идеалу свободного единения всех в совершенном добре» [4; с. 379]. Соответственно, подлинно нравственное государство может быть основано лишь на христианских началах, поскольку лишь христианство сумело сформулировать и сохранить великую нравственную задачу братства между людьми.

Наивысшего развития концепция нравственной сущности государства достигла в мировоззрении К.Н. Леонтьева и Л.А. Тихомирова. В «Византизме и Славянстве» Леонтьев прямо указывая на византийские корни русской государственности, в то же время заявляет, что эта государственность не могла бы состояться без нравственного начала, привнесённого христианством [2; с. 305-306]. Византийский цезаризм доказал свою жизнеспособность на новой почве, но вместе с тем, он внёс в зарождающуюся государственную жизнь Руси также и начала бюрократии и деспотизма, дальнейшее развитие которых привело к духовному кризису русского мира. Этот кризис ещё более усугубился принятием при Петре и его преемниках внешних форм европейской культуры, что привело к отрыву наиболее образованной части общества от народных масс, и, что наиболее трагично – к разрыву с христианской традицией, изначально лежавшей в основе русской государственной идеи. В итоге, как отмечает Леонтьев в статье, посвящённой Пушкин-

ской речи Ф.М. Достоевского, Россия утрачивает «...на наших глазах даже прославленный иностранцами государственный инстинкт свой» [3].

Подобно Леонтьеву, Л.А. Тихомиров связывает истоки государства с религиозно-нравственными причинами. По его мнению, государство возникает как развитие идеи власти, идеи, заложенной в самой природе человека [5; с. 42]. Рассматривая психологические и биологические основы власти, он отдаёт тем не менее приоритет нравственному чувству, которое свойственно каждому человеку и которое определяет возникновение идеи порядка и связь этой идеи с религиозным чувством. Цель власти – быть орудием «правды», служить торжеству нравственного начала в мире. Тихомиров разрабатывает идею государства, как высшей формы организации общества. Только государство может охранить свободу от всеразрушающей анархии, только государство гарантирует безопасность человека в мире, подверженном греху. Однако Тихомиров не сводит свободу лишь к понятию свободы политической. Свобода для него – прежде всего, свобода нравственного роста и самосовершенствования [6; с. 379].

Заключение

Таким образом, в отечественной религиозно-философской мысли 19 – начала 20 века господствовали и противостояли друг другу две концепции нравственных начал государственности. Согласно одной из них, государство есть сфера несвободы человека, результат его неспособности противостоять «соблазну царства»; духовная свобода человека достигается лишь путём выхода его духа и совести из-под гнёта государства. Противоположная точка зрения основана на представлении о государстве, как о выражении определённой религиозно-нравственной идеи, тесно связанной с основами христианского мировоззрения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н.А. Философия свободы. [Электронный ресурс]: Библиотека русской религиозно-философской и художественной литературы «ВЪхи». URL: http://www.vehi.net/berdyayev/filos_svob/index.html (дата обращения 20.10.2020)
2. Леонтьев К.Н. Византизм и Славянство. /К.Н. Леонтьев. Полное собрание сочинений в 7 томах. Т. 7; кн. – СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 1999. С. 300-444.
3. Леонтьев К.Н. О всемирной любви. Речь Ф.М. Достоевского на пушкинском празднике. [Электронный ресурс]. Библиотека русской религиозно-философской и художественной литературы «ВЪхи». URL: <http://www.vehi.net/leontev/dost.html> (дата обращения: 15.11.2020).
4. Соловьёв В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьёв В.С. Сочинения: в 2-х т. Изд. 2-е. М.: Мысль, 1990. Т. 1. 892+2 с.
5. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность / Т46 Л.А. Тихомиров; [сост., автор вступ. ст., коммент. А.В. Репников]. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. — 752 с. — (Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века).
6. Тихомиров Л.А. Религиозно-философские основы истории. М.: Айрис-пресс, Лагуна-Арт, 2004. – 688 с.
7. Хомяков А.С. Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях. По поводу брошюры г. Лоранси. [Электронный ресурс]: Библиотека русской религиозно-философской и художественной литературы «ВЪхи». URL: <http://www.vehi.net/khomyakov/katolichество.html> (дата обращения 20.10.2020)

© Громов Егор Валерьевич (gromove@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

К ВОПРОСУ О СУБСТИТУЦИИ ТЕРМИНА «СИНКРЕТИЗМ»

TO THE QUESTION ABOUT THE SUBSTITUTION OF THE TERM «SYNCRETISM»

D. Efimov

Summary: The article analyzes the term and concept of religious syncretism. Proceeding from the expediency of achieving terminological accuracy, the author draws attention to the fundamental characteristic of the syncretization process, seen in the acceptance (reception) of foreign religious elements. In this regard, and also taking into account the historical fact that the term «syncretism» acquired pejorative connotations, the prospect of terminological substitution is discussed, argued by its bidirectional potential, which consists in increasing the nominative-definitive adequacy and eliminating terminological incorrectness as a conflict-generating factor.

Keywords: religious syncretism, interreligious relations, terminology of religious studies, intercultural interaction, syncretization, reception.

Ефимов Денис Александрович

Соискатель, ФГАОУ ВО «Дальневосточный
федеральный университет»
lawyrefimov@gmail.com

Аннотация: В статье анализируются термин и понятие религиозного синкретизма. Исходя из целесообразности достижения терминологической точности, автор обращает внимание на принципиальную характеристику процесса синкретизации, усматриваемую в принятии (рецепции) инорелигиозных элементов. В связи с этим, а также учитывая исторический факт обретения термином «синкретизм» пейоративных коннотаций, обсуждается перспектива терминологической субституции, аргументируемая ее двунаправленным потенциалом, заключающимся в повышении номинативно-дефинитивной адекватности и элиминации терминологической некорректности как конфликтогенного фактора.

Ключевые слова: религиозный синкретизм, межрелигиозные отношения, терминология религиоведения, межкультурное взаимодействие, синкретизация, рецепция.

Слово «синкретизм» известно с античных времен. В трактате «О братской любви» Плутарх писал о синкретизме как термине, которым именовали свое объединение пред лицом общего врага жители о. Крит (συυκρητισμός). В этом позитивном смысле о синкретизации говорил и Эразм Роттердамский (в послании Филиппу Меланхтону), демонстрируя преимущества конкордации.

Однако уже к XVII веку развилось определенное семантическое смещение (отраженное, в частности, в «Ирениконе» Эрберманна, изданном в 1645 году), в результате которого синкретизм приобрел смысл «незаконного» религиозного смешивания. Поздняя этимологизация, альтернативная представленной Плутархом, по-видимому, поддерживает этот смысл: слово «синкретизм» было прослежено к греческому глаголу κεράννυμι (смешивать) и производному существительному κρᾶσις (смешение) с префиксом συυ (вместе), соединение которых мы также наблюдаем в слове «идиосинкразия» [21, р. 3; 14, р. 240]. Данная этимология, впрочем, не бесспорна, и неубедительность доводов, выдвигаемых в ее поддержку, аргументированно показана, в частности, И.А. Левинской [9, с. 563]. Ранее Ф.Ф. Зелинский также обращал внимание на то, что в XVI–XVII веках первоначальный смысл обсуждаемого термина еще не был забыт, но утратился «после его перемещения в религиоведение в общем, поскольку неучи сближали его... с греческим глаголом συυκεράννυμι - смешивать» [7, с. 16]. Таким образом, тогда как некоторые авторы, как, например, Ч. Стюарт, прослеживают происхождение слова «синкре-

тизм» к греческому «смешиванию», для Ф. Ф. Зелинского подобная этимологизация являлась признаком «неуча».

Многие исследователи (антропологи, культуроведы, религиоведы, теологи) признают наличие негативных коннотаций в термине «синкретизм». Так, К. Рудольф отмечал, что это слово, по сути, стало «теологическим оскорблением» [19, р. 69]. Оно подразумевает уничтожительную коннотацию несовместимости [16, р. 92; 15, р. 163], создает впечатление, что речь идет «о локутном одеяле, бриколаже, странной агломерации» [12, р. 91–92], содержит евроцентристские предубеждения и является пренебрежительным [17, р. 9]. Применительно к афрогенным культурам в понятии синкретизма также обнаруживаются «следы неокOLONIALИЗМА, расизма и притеснения» [13, р. 37].

С исторической и теологической точек зрения обсуждаемый термин был подвергнут основательной критике Р. Бэрдом. Он отметил, что в историческом смысле данное понятие «не служит никакой полезной цели», поскольку одинаково применимо ко всем религиям, и, следовательно, его использование для дескрипции «не говорит нам ничего конкретного». Иными словами, сказать, что некая религия синкретична, «значит, не сказать ничего», поскольку такое обозначение не указывает на какой-либо признак, отличающий эту религию от других. В связи с этим автор предложил «отказаться от термина «синкретизм» как обозначения исторического явления» [11, р. 50–52].

Приведенный довод оспорил М. Пай. Он указал, что «аргумент содержит логическую ошибку, поскольку, хотя верно, что все религии синкретичны, это не единственное, что можно о них сказать». Ценность же данного термина как раз и заключается в акценте на обозначаемом им аспекте всех религий. Кроме того, выдвигая данный аргумент, Р. Бэрд, «вопреки его намерениям», де-факто сам признал «важность синкретизма» как «значимого аспекта религиозных процессов» [18, р. 221]. На наш взгляд, несмотря на достаточную аргументированность изложенной критики, позиция М. Пая выглядела бы более основательной, если бы намерением Р. Бэрда действительно являлось отрицание наличия или значимости процессов, именуемых синкретизмом, а не анализ и критика указанного термина и понятия.

Аргументируя перспективы использования термина в теологическом контексте, Р. Бэрд обсуждает критерий гармоничности единства, когерентности синкретизированных элементов. Так, если говорится, что синкретизм – это смесь/соединение в гармоничное целое несовместимых или противоречивых элементов (как, например, компромисс между «противоположными и абсолютно противоречивыми» практиками и учениями [20, р. 21–22]), то такое суждение является противоречивым, поскольку говорит о согласованности противоречивого. Если элементы согласованы в гармоничном целом, то их противоречивость была лишь кажущейся либо устранена их модификацией. Отсюда Р. Бэрд приходит к выводу, что термин синкретизм может быть использован только в тех случаях, когда мы имеем дело с объединением разнорелигиозных элементов в «новый комплекс», лишенный когерентности, «гармоничного единства» [11, р. 52–53, 56].

Соглашаясь с другими доводами Р. Бэрда, отметим спорность предложенного им понимания гармоничности как критерия. Дело в том, что методологический аппарат религиоведения не располагает, так сказать, «гармометром», и мы лишь весьма субъективно можем решать, где присутствует или отсутствует «гармоничное единство» синкретизированных элементов. Кроме того, как было отмечено, «наличие противоречащих друг другу элементов... является нормой» для всех живых религий и религиозных систем, «и нет нужды поэтому вводить особый термин [синкретизм] для обозначения этого явления» [1, с. 181]. И, наконец, как верно указал сам Р. Бэрд, хотя мы и можем увидеть некогерентность в синкретической религии, ее гетерогенные элементы вполне когерентны в глазах адептов. Поэтому неудивительно, что термин «синкретизм» обычно «не используется верующим для описания своей религии», но употребляется тем, кто не принадлежит ей, и потому «не видит» или не ощущает «ее внутреннее единство». Таким образом, «единственное законное использование» данного термина, по мнению Р. Бэрда, не только «теологи-

чески неприменимо» к описанию конкретной религии, но и является «барьером» для ее понимания. Если же мы стремимся «прийти к пониманию веры других людей, крайне важно избегать этого термина», который к тому же содержит пейоративные коннотации [11, р. 50, 54, 56–57].

Возражая Р. Бэрду, К. Рудольф отмечает, что, во-первых, «пейоративный смысл синкретизма» обнаруживает лишь тот, «кто использует этот термин в обычном теологическом смысле и не способен согласиться с его нейтральным использованием в религиоведении», а, во-вторых, верующие вполне могут рассматривать свою религию как синкретическую (как это, например, неоднократно делали даже христианские теологи) [19, р. 73]. По нашему мнению, аргументация К. Рудольфа хотя и верна, но не приводит к устранению проблемы. Разумеется, вполне возможно говорить о синкретизме нейтрально, без предубеждений и т.п. И, конечно, не всякий, кто обозначает некую религию «синкретической», руководствуется идеями евроцентризма или выражает уничижительное, пренебрежительное или оскорбительное отношение к ней, равно как и не каждый адепт той или иной религии воспринимает слово «синкретизм» как пейоратив. В то же время, поскольку сам термин имеет по меньшей мере одно (теологическое) негативное значение (о чем еще будет сказано ниже) и ряд широкоизвестных негативных коннотаций (которые мы упомянули выше), использующий его религиовед либо понуждается так или иначе оговаривать свою и термина нейтральность, либо рискует быть понятым как тот, кто использует дерогатив. Факт остается фактом – многие последователи принципиально не приемлют приложении термина «синкретизм» к исповедуемым и практикуемым ими религиям. Сколько христиан или мусульман согласятся с тем, что их религии являются синкретическими, пусть даже и в нейтральном смысле данного термина?

Конечно, верно, что религиовед не должен рассматривать мнение последователей некой религии в качестве критерия правильности своих научных суждений, но должен «следовать своим собственным историко-критическим методам» [19, р. 72]. Однако если речь идет о неоднозначном термине, имеющем негативные коннотации (пусть и не подразумеваемые в конкретном случае самим говорящим), которые, как было отмечено, оскорбительны для религиозных чувств верующих, то его употребление требует осмотрительности. Религиозная сфера является весьма чувствительным сегментом общественной жизни, а дерогативы, как указал А.В. Гладилин, «есть маркеры языка вражды» [4, с. 131]. С последним определением можно согласиться, имея в виду, что использование «стигматизирующих» терминов, тем более имеющих пейоративные коннотации, отнюдь не способствует консолидации мультирелигиозного общества, мирному межрелигиозному диалогу и сосуществованию.

Необходимо также отметить, что в целях элиминации негативных коннотаций термина «синкретизм» рядом авторов осуществлялись попытки научной ревизии самого понятия. Однако, несмотря на все усилия, «последствия истории данного понятия сохраняются в сознании последователей различных традиций, являющихся частью христианского мира или контактирующих с ним» [16, р. 8]. Данный факт признается и во Всемирном совете церквей (далее – ВСЦ), где констатируют, что, «несмотря на попытки спасти слово «синкретизм», оно все еще несет негативный смысл и отвергается многими «партнерами по диалогу» («Guidelines on Dialogue with People of Living Faiths and Ideologies», п. 26).

Ревизия обсуждаемого термина в значительной степени затрудняется и тем, что христианские конфессии, имея на то собственные основания, продолжают рассматривать синкретизм как нечто опасное или предосудительное. Так, пункты 27 и 28 процитированного документа говорят об «опасностях» синкретизма. Католическая церковь, представленная в ВСЦ в качестве наблюдателя, в свою очередь отвергает «всякую разновидность синкретизма» в пункте 22 Декрета «К народам» Второго Ватиканского собора [5, с. 384]. Данный подход, разумеется, не может не оказывать влияния на миллионы христиан, являющихся членами этих церквей. В связи с этим негативность синкретизма, с одной стороны, все еще сохраняется в сознании многих верующих, а с другой стороны, распространяется и за пределы христианского контекста, негативизируя понимание синкретизма нехристианами.

Что касается сущности синкретизма, то при анализе его дефиниций можно обнаружить множественность подходов к осмыслению данного явления. В отечественной науке, в частности, известно определение Н. С. Капустина, который понимал синкретизм как «объективный процесс соединения, слияния различных религиозных элементов, верований и культов в ходе их взаимодействия друг с другом и образования новой, целостной системы мировоззрения, мироощущения и культа со своей специфической структурой» [8, с. 13]. Данное определение, однако, вряд ли можно назвать точным, поскольку синкретизация отнюдь не обязательно должна приводить к появлению «целостной системы мировоззрения, мироощущения и культа» (даже если бы мы имели некий методологический инструмент для измерения «целостности»), и отсутствие именно такого результата никак не препятствует идентификации «соединения, слияния различных религиозных элементов» как «синкретического».

Другие авторы видели сущность религиозного синкретизма в транспозиции (Герард ван-дер-Леу), аллианции (Ж. Камстра), осмическом сплетении разнорелигиозных элементов (К. Рудольф), интерпенетрации (А. Дрогерс), комбинации (Ч. Стюарт), временной неодно-

значной коэкзистенции (М. Пай), заимствовании, аффирмации, интеграции (Дж. Берлинг) и т. д. Для иных же, как указывают исследователи, «уже только факт наличия этнокультурных контактов оказывается достаточным основанием для постулирования религиозного синкретизма» [9, с. 565], и синкретизмом считается даже «всякое сближение» религий [10, с. 3].

Как отмечает Ю.В. Гаврилова, именно трудности определения сущностных характеристик синкретизма являются одной из причин, по которым некоторые исследователи отказываются использовать это понятие [3, с. 86]. Действительно, при ближайшем рассмотрении можно увидеть, что отчуждение, к примеру, вряд ли можно назвать чертой всякого синкретизма, поскольку оно не всегда сопровождает его (нередко инорелигиозные элементы лишь прибавляются к имеющимся без отчуждения реципиентом чего-либо), равно как и одно лишь «прибытие» чуждых элементов не всегда приводит к синкретизации. Заимствование также не является отличительным признаком синкретизма, поскольку предполагает наличие акта воли заемщика, тогда как в случаях асимметричных межкультурных взаимоотношений инорелигиозные элементы могут быть, по сути, навязаны. Так, например, африканские рабы в колониальных условиях не всегда могли открыто исповедовать и практиковать свои африканские религии, но часто были вынуждены скрывать их под католическими масками. Проблематично и понимание синкретизма как изменения значения при неизменности формы, поскольку данная редукция рестриктивно исключает те случаи синкретизма, в которых форма претерпевает изменения или значение остается неизменным. Что касается интерпенетрации, подразумевающей взаимопроникновение, можно обратить внимание на то, что процессы синкретизации отнюдь не всегда являются обоюдными, взаимными, но нередко имеют одностороннюю направленность (одна религия принимает элемент из другой, которая, однако, ничего не принимает из первой).

Многие иные определения (сплетение, скрещивание, комбинация, коэкзистенция, интеграция и т.п.) в большей мере указывают на различные уровни, формы или степени соединения или соприсутствия синкретизируемых элементов в рецепирующей религии, т.е. обозначают вторичные процессы или их результаты. Все они следуют за принятием реципиентом инорелигиозных элементов. Никакой синкретизм не возникнет, если инорелигиозный элемент не был принят (рецепирован). По этой причине нельзя и постулировать синкретизм в простом сближении или контакте культур.

Таким образом, сущностным признаком синкретизма можно считать принятие представителями одной религии элементов иной религии. Лишь убедившись, что такой элемент принят (даже если не вполне осознанно или

недобровольно), возможно говорить о явлении, именуемом синкретизмом. Следовательно, понятие рецепции инорелигиозных элементов вполне отражает первую и главную характерную черту процесса синкретизации.

Не являющийся новым термин «рецепция», содержащийся в качестве научного слова (наряду с глаголом «реципировать» и причастием «реципированный») в третьем томе Толкового словаря русского языка Д.Н. Ушакова (изданном в 1939 году), используется и теологами. Так, в своей «Апологетике» (Париж, 1957) В. В. Зеньковский объяснил принцип рецепции в его православном понимании: «Христианин, живущий «обновленным умом»... может смело и безбоязненно принимать все из язычества, что остается неизменным при освещении его светом Христовым». При этом автор подчеркивает, что процесс реципирования «менее всего может быть уподобляем известному уже нами явлению синкретизма в языческом религиозном сознании», и характеризует синкретизм как «срастание, сгущение различных верований». Таково православно-богословское понимание рецепции.

Западные теологи, в свою очередь, обсуждают проблему дифференцирования приемлемой инкультурации/контекстуализации и неприемлемого синкретизма [23, р. 82–83; 15, р. 175], которая, на наш взгляд, также во многом обусловлена негативными коннотациями и теологической нагруженностью термина «синкретизм» (в связи с чем немногие согласятся, что их религия синкретична). Это хорошо проиллюстрировал Ч. Стюарт, приведя распространенное среди многих верующих убеждение, согласно которому только «другие религии являются синкретическими, но не наша» [22, р. 277]. Таким образом, в то время как научная объективность заставляет признать, что, «строго говоря, все религии генетически гетерогенны и, следовательно, синкретичны» [9, с. 563], складывается ситуация, когда исторический факт гетерогенности религии противостоит вполне объяснимому нежеланию верующих признать историческую «синкретичность» собственной религии.

Несмотря на использование термина «рецепция» в восточной и западной теологии, в более широком, профессионально необусловленном контексте, не имеется препятствий для его употребления в качестве обозначения принятия инорелигиозных элементов как такового. Другими словами, сам по себе факт задействования в конкретной конфессиональной теологии некоего термина (в определенном его смысле) еще не является достаточным основанием для отказа от его использования во внеконфессиональной сфере, в иных терминосистемах. Более того, в XX веке понятие рецепции (в его соответствующих дисциплинарно-терминологических особенностях) получило достаточно широкое распространение в философии, литературоведении, культурологии,

юриспруденции и т. д. Используют его и российские ученые, изучающие межкультурные и межрелигиозные взаимодействия. Так, диссертация Е. В. Кожевановой, защищенная в 2007 году по теории и истории культуры, посвящена теме рецепции мусульманской ментальности в русско-советской культуре XX века. В рамках философии религии и религиоведения А.А. Жукова писала об особенностях рецепции буддийских идей русскими Забайкалья [6], защитив в 2013 году диссертацию по данной теме. Немного ранее, в 2010 году, Т.В. Бернюкевич, несколько публикаций которой также были посвящены именно рецепции буддийских идей в философии и культуре России, защитила докторскую диссертацию по теме «Буддийские идеи в культуре России конца XIX - первой половины XX века».

Говоря о перспективе терминологической субституции, нужно отметить, что она заключается не только в достижении большей терминологической точности отражения существа обсуждаемого явления, но имеет и определенный праксеологический потенциал в реалиях мультирелигиозного и мультиконфессионального социума, стремящегося к устранению причин и условий, способствующих возникновению межрелигиозных конфликтов и розни. Действительно, тезис «ни одна из религий не избежала рецепций» вряд ли вызовет отторжение или когнитивный диссонанс у последователя постулируемо несинкретической религии, в то время как тот же самый тезис, выраженный с использованием слова «синкретизм», может иметь существенный конфликтный потенциал и восприниматься адресатом резко негативно (применительно к его собственной религии). Если для христианина разница между христианской и «языческой» рецепцией заключается в ее качествах (принятие того, «что остается неизменным при освещении его светом Христовым» для христианина качественно отличается от «языческой» рецепции, понимаемой как срастание или сгущение верований), то представители иных религий, разумеется, могут иметь собственное мнение о качествах и критериях допустимости возможного реципирования. Существо же самого явления (процесса и его результата) остается одним и тем же - принятием инорелигиозных элементов. А если это так, то вполне оправданным (особенно во внеконфессиональном научном контексте) представляется использование термина, который буквально и означает то, о чем мы говорим («принятие»), более точно отражая суть обозначаемого им явления, и не имеет при этом негативных или оценочных коннотаций.

Обсуждая проблемы, присущие термину «синкретизм», И.А. Левинская замечает, что «этимологическая некорректность... еще не служит достаточным основанием для того, чтобы от него отказываться - в противном случае нам пришлось бы серьезно пересматривать научную лексику» [9, с. 562]. Это справедливое замечание.

Вместе с тем «этимологическая некорректность» – далеко не единственный мотив для пересмотра обсуждаемого термина. Так, подвергая критике понятие синкретизма в гуманитарных науках, А.Н. Анфертьев также подробно аргументировал «несостоятельность понятия «синкретизм» для религиоведческой области с точки зрения как истории, так и логического содержания термина...» [1, с. 182]. Кроме того, представляются дискуссионными как конвенциональность и научность обсуждаемого термина (даже принимая во внимание его определенную внедренность и интернациональность), так и зависимость от него стабильности научной лексики.

Как небезосновательно полагает Е.И. Аринин, «религиоведческая методология должна опираться не только на термины самоописания конфессий и религиозных объединений, но и создавать особый «метаязык» второго порядка, отстраненный от самой непосредственной религиозной жизни» [2, с. 28]. Однако вряд ли в терминосистему такого языка «второго порядка» нам следует ввести (или сохранить в ней) слово «синкретизм». История данного термина показывает, что в

научную (прежде всего, религиоведческую) лексику он проник непосредственно из теологических споров о, так сказать, чистоте и смеси. Причем не только проник, но и принес с собой известный пейоративный шлейф. Теологическая же некорректность термина даже побудила Ф.Ф. Зелинского жестко потребовать, «чтобы этот idiotский [термин] синкретизм был полностью изгнан» [7, с. 16]. Конечно, столь категоричная позиция уважаемого академика не имела и не может иметь императивного характера для научного сообщества, но вопрос, по крайней мере, заслуживает обсуждения. Кроме того, как верно заметил Р. Бэрд, значение, которое вкладывают в термин «синкретизм», зачастую могло бы быть выражено более ясно, если бы использовался другой термин [11, р. 48]. И если имеется или может быть подобран термин, который и не имеет коннотаций, оскорбительных для религиозных чувств верующих, и более адекватен обозначаемым им реалиям, то представляется целесообразным его использование с тем, чтобы достичь большей терминологической точности и устранить терминологический фактор конфликтогенности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анфертьев, А.Н. К вопросу о религиозном синкретизме / А.Н. Анфертьев // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. – 2017. – № 1. – С. 178–183.
2. Аринин, Е.И. Философия религии. Принципы сущностного анализа : монография / Е.И. Аринин. – Архангельск: Изд-во Поморского государственного университета им. М.В. Ломоносова, 1998. – 297 с.
3. Гаврилова, Ю.В. Современный религиозный синкретизм: факторный анализ трансформации религиозного сознания: монография / Ю.В. Гаврилова. – Чита : ЗабГУ, 2018. – 238 с.
4. Гладиллин, А.В. О биокультурной природе дерогативов // «Сибирское медиапространство 2020» : Материалы I междисциплинарной научно-практической конференции с международным участием (26-27 марта 2015 г.) [Электронный ресурс] / Сост. К.А. Зорин, М.Л. Подлубная, В.И. Тармаева. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2015. – С. 131–134. – URL: <http://conf.sfukras.ru/uploads/sibirskoe%20mediaprostranstvo%202020.pdf> (дата обращения: 13.11.2020).
5. Документы II Ватиканского собора / [пер. А. Ковалю; ред. В. Шайкевич]. – Москва: Паолине, 1998. – 589 с.
6. Жукова, А.А. Особенности рецепции буддийских идей русскими Забайкалья в XX в. / А.А. Жукова // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2013. – № 3. – С. 111–118.
7. Зелинский, Ф.Ф. История античных религий. Том 5, кн. 1 / Ф.Ф. Зелинский; пер. с польск. И. Бея. – Санкт-Петербург: Издательский проект «Квадриум», 2018. – 400 с.
8. Капустин, Н.С. Особенности эволюции религии (на материалах древних верований и христианства) / Н.С. Капустин. – Москва : Мысль, 1984. – 222 с.
9. Левинская, И.А. Синкретизм: термин и феномен / И.А. Левинская // Страницы: богословие, культура, образование. – 1998. – Т. 3, № 4. – С. 558–567.
10. Селезнёв, А.Г. Сибирский ислам: региональный вариант религиозного синкретизма / А.Г. Селезнёв, И.А. Селезнёва. – Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2004. – 72 с.
11. Baird, R.D. Syncretism and the History of Religions / R.D. Baird // Syncretism in Religion: A Reader / A.M. Leopold, J.S. Jensen (eds.). – New York: Routledge, 2005. – P. 48–58.
12. Ferretti, S.F. Religious Syncretism in an Afro-Brazilian Cult House / S.F. Ferretti // Reinventing Religions: Syncretism and Transformation in Africa and the Americas / S.M. Greenfield, A. Droogers (eds.). – Lanham, Boulder, New York, Oxford: Rowman & Littlefield, 2001. – P. 87–97.
13. Heideman, E.S. Syncretism, Contextualization, Orthodoxy and Heresy / E. S. Heideman // Missiology: An International Review. – 1997. – Vol. 25, № 1. – P. 37–49.
14. Hoskins, J.A. The Divine Eye and the Diaspora: Vietnamese Syncretism Becomes Transpacific Caodaism / J.A. Hoskins. – Honolulu : University of Hawai'i Press. 2015. – XVIII, 283 p.
15. Jørgensen, J.A. Khrist Bhaktas and the Reconstruction of Syncretism / J.A. Jørgensen // Theological and Philosophical Responses to Syncretism: Beyond the Mirage of Pure Religion / P. Fridlund, M. Vähäkangas (eds.). – Leiden, Boston : Brill, 2017. – P. 163–177.
16. Leopold, A. Syncretism in Religion: A Reader / A. Leopold, J.S. Jensen (eds.). – New York : Routledge, 2005. – 402 p.

17. Olmos, M.F. Creole Religions of the Caribbean: An Introduction from Vodou and Santeria to Obeah and Espiritismo / M.F. Olmos, L. Parvisini-Gebert. – New York : New York University Press, 2011. – xi, 309 p.
18. Pye, M. Syncretism versus synthesis / M. Pye // Method & Theory in the Study of Religion. – 1994. – Vol. 6, № 3. – P. 217–229.
19. Rudolph, K. Syncretism: from theological invective to a concept in the study of religion / K. Rudolph // Syncretism in Religion: A Reader / A.M. Leopold, J.S. Jensen (eds.). – New York : Routledge, 2005. – P. 68–87.
20. Sahay, V.S. Syncretism in India: A Reality or an Unreality? / V.S. Sahay // The Oriental Anthropologist. – 2016. – Vol. 16, № 1. – P. 17–25.
21. Shaw, R. Introduction: problematizing syncretism / R. Shaw, Ch. Stewart // Syncretism/Anti-Syncretism : The Politics of Religious Synthesis / Ch. Stewart, R. Shaw (eds.). – London, New York : Routledge, 1994. – P. 1–24.
22. Stewart, Ch. Relocating Syncretism in Social Science Discourse / Ch. Stewart // Syncretism in Religion: A Reader / A.M. Leopold, J. S. Jensen (eds.). – New York: Routledge, 2005. – P. 264–285.
23. Vähäkangas, M. Theo-Logical Positions vis-à-vis Syncretism / M. Vähäkangas // Theological and Philosophical Responses to Syncretism: Beyond the Mirage of Pure Religion / P. Fridlund, M. Vähäkangas (eds.). – Leiden, Boston: Brill, 2017. – P. 68–87.

© Ефимов Денис Александрович (awyerefimov@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Дальневосточный федеральный университет

ЭКСТРАДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ ПОНЯТИЯ УПРАВЛЕНИЯ И ПРОЦЕССЫ ИНТЕГРАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ

EXTRADISCIPLINARY CONCEPT OF MANAGEMENT AND INTEGRATION PROCESSES IN MODERN SCIENCE

**M. Luskin
E. Kalinin**

Summary: Analysis of the differentiation and integration of scientific knowledge as extradisciplinary scientific directions and key concepts of purpose and management shows that with a tendency towards monism, the dominant real result is the secondary pluralization of primary concepts. It is realized in a stable multiplicity of meanings of a concept that is system-forming for an ontology (expediency, control, etc.). Development leads to the emergence of new key concepts, in particular, to multi-agent, as a system of technosubjects.

Keywords: science, differentiation, integration, disciplinarity, extradisciplinarity, goal, management, manipulation, reflection.

Люскин Михаил Борисович

Доцент, Национальный исследовательский университет «МЭИ», г. Москва
tagmich@yandex.ru

Калинин Эдуард Юрьевич

старший преподаватель, Национальный исследовательский университет «МЭИ», г. Москва
KalininEU@mpei.ru

Аннотация: Анализ дифференциации и интеграции научного знания как экстрадисциплинарных научных направлений и ключевых понятий цели и управления показывает, что при тенденции к монизму господствующим реальным результатом является вторичная плюрализация первичных понятий. Она реализуется в устойчивой множественности значений понятия, системообразующего для онтологии (целесообразности, управления и т.д.). Развитие приводит к появлению новых ключевых понятий, в частности, к мультиагентности, как системе техносубъектов.

Ключевые слова: наука, дифференциация, интеграция, дисциплинарность, экстрадисциплинарность, цель, управление, манипуляция, рефлексия.

Введение

Соблазн телеологии, как и искушение редукционизмом - это- родственные процессы, связанные с процессами расширения пределов предметной области того или иного типа научного знания и реализации гносеологического идеала монизма. Эту тенденцию назовем, используя неологизм монизации. Опыт изучения такой экспансии позволяет увидеть вторичный плюрализм (плюрализацию) за первичной «монизацией». Отметим две противоположные основные тенденции в первичной «монизации»:

1. сведение сложного, высоко организованного, целостного к простому и элементарному, т. е. редукция;
2. возведение простого, примитивного, элементарного к сложному, высоко развитому, системно-организованному. Назовем эту тенденцию «экстрадукцией» или «элевацией».

В процессах дифференциации и интеграции современной науки стали образовываться понятия, направления и подходы, более общие, чем в отдельных дисциплинах. Для всех так называемых «общенаучных» понятий характерны две основные характеристики. 1. Применимость любого из них вышло за рамки отдельной науки и такое понятие приобрело общенаучный статус. 2. Каждое такое понятие (или во взаимосвязи с одним - двумя подобными) служит основой особого на-

учного подхода к познанию. Эти две характеристики отличают данную группу понятий от понятий частных наук. Такие понятия по своим свойствам занимают промежуточное положение между частнонаучными понятиями и философскими категориями. Традиционное дихотомическое деление понятий науки стало в наше время недостаточным. Их качественная специфика заключается в двух свойствах:

1. они принципиально применимы во всех областях научного знания;
2. в отличие от категорий философии не обладают логико-гносеологической универсальностью. [1], [5].

Однако первый признак выделения этих «общенаучных» понятий — применимость во всех науках на самом деле ложен, вернее, излишне экстраполирован. Ни один из них не используется реально во всех науках, точнее, не используется эффективно. Например, понятие «управление», номинально используемое в физике, за исключением отдельных физических теорий, либо не применяется, либо неэффективно, либо имеет существенно иной смысл (допустим, управляющие параметры). Образованные путем не столько индуктивного обобщения эмпирических исследований, сколько мета-теоретическим синтезом тех или иных аспектов частных научных теорий эти понятия приобрели характер экстрадисциплинарных образований. Они часто связаны с существованием соответствующих подходов к познанию (системный, кибернетический, динамический,

синергетический подходы и т. д.). Эти гносеологические и методологические феномены (понятия, подходы и дисциплины) следуют назвать экстра(над-) дисциплинарными, зафиксировав в названии их специфический характер существования и функционирования. Там, где существует метатеоретическая иерархическая онтология и плюрализм смыслов понятия, философско-методологический анализ, как правило, обнаруживает некритический и нерелексированный монизм ученого или исследователя, связанный с их монотеоретической позицией.

Детерминизм, рациональность, целесообразность Общее представление о детерминизме

Под детерминизмом обычно понимают взаимосвязь, взаимообусловленность и взаимоопределенность вещей, процессов и явлений. Чтобы детерминизм (определенность) мог содержательно пониматься (в свою очередь быть определенным) необходимо наличие противоположного понятия, т.е. индетерминизма (неопределенности). В классической философии и в классической науке детерминизм привязан к той или иной онтологической концепции. С появлением неклассической физики соотношение определенности и неопределенности в философии науки связано не только с онтологией, но и с методологией той или иной научной теории.

При этом философская онтология детерминизма оказывается вторичной и зависит от иерархии наук (например, в виде «форм движения материи», «структурных уровней» и т. д.) и, либо эта иерархия как-то «сшивается» с помощью принципа развития материи или абсолютной идеи и т. п. при философском монизме, либо иерархия онтологий оказывается не объединенной в случае философского плюрализма. Причем в философии естествознания больше тяготеют к интеграции онтологий, а в социальной философии (исключая марксизм) - наоборот, к дифференциации [3].

Процессы дифференциации и интеграции в современной науке

До XX в. традиционная дуальная дифференциация наук на конкретные, опытные (содержательные) и формальные (абстрактные) казалась незыблемой. Веян-в первую группу попадали естественные, затем технические и социогуманитарные науки, то во вторую группу - математика и логика. Но в XX в., особенно, начиная с его середины, дожно говорить о возникновении третьей группы наук, которая по своим характеристикам является промежуточной или синтетической. Ее можно назвать группой интегративноабстрактных наук. Это, прежде всего, системно-кибернетические дисциплины, теория колебаний и волн (и / или теория

динамических систем), синергетика и компьютерные науки. В этой группе объекты каждой из наук образуются путем абстрагирования от большинства эмпирических и теоретических характеристик объектов наук всей первой группы и выделения одного или нескольких немногих свойств (колебаний и волн для ТКВ и ТДС; самоорганизации - для синергетики; системы, элементов и структуры - для теории систем, и т. д.). Одновременно с этим их степень формализации в целом выше по сравнению с большинством естественных и технических наук, но ниже, чем формализация наук второй группы. Поэтому их естественно назвать интегративно-абстрактными (-формальными) науками. Или (следуя терминологии квантовой механики, в которой гибридная модель, где часть параметров классические, а часть квантовые, называется полу (квази-) классической), назовем их полу (квази-) формальными, или полу (квази-) содержательными науками или дисциплинами [9-15].

В современном обществе возникли новые научно-технические и социально-экономические проблемы, которые затрагивают три основные области науки: естествознание, обществознание и техникосзнание. Речь идет, прежде всего, о глобальных проблемах, долгосрочных социально-экономических прогнозах и комплексных научно-технических проектах. Эти интегративные процессы и одновременно эти междисциплинарные исследования можно назвать трансдисциплинарными в узком смысле слова. При этом характер интеграционных процессов имеет иную природу. Дисциплинарное знание в таких проектах выступает как ресурс, а его потребление находится вне дисциплинарных представлений. Главным средством, позволяющим реально интегрировать познавательную деятельность в этой сфере, выступает объединение математического моделирования с использованием ЭВМ, зачастую доведенное до вычислительного эксперимента. Оно применяется в исследовании сложных систем, поведение которых не удастся понять на основе знания свойств их отдельно взятых компонентов. Эти новые объекты исследования могут включать в себя явления различной природы, но настолько тесно связанные, что их в принципе нельзя рассматривать независимо друг от друга. При этом теоретическое познание и практическое управление сложными системами выходит на первый план (см., например, [2]).

Особенность этого постклассического типа междисциплинарных исследований в том, что он приводит к возникновению нового типа постклассических интегральных научных дисциплин. Возникновение такого рода новых междисциплинарных направлений, увеличение их числа, значимости, их непреходящий характер в современной науке позволяют сделать вывод, что они являются новыми формами организации

науки, которая перестраивается с изменением практических потребностей. Такие междисциплинарные направления правильнее было бы назвать над-, или транс-, или экстрадисциплинарными, имея в виду новый способ организации их идеализированной предметности.

Можно говорить о трех основных типах методологии: I) 1) Дескриптивной (описывающей) - Д; II) прескриптивной (предписывающей): 2) Нормативной (Н) или оптимизирующей (целесообразной) и 3) Конструктивной (К) - целесообразной.

При этом Д-методология традиционно соотносилась с естествознанием (где описание «естественным» образом связывалось с чувственным опытом, Н-методология – с обществознанием, а К-методология - с технoзнанием. Но уже с самого начала зарождения 3-х типов методологий выяснилось, что естествознание Нового времени связано с К-методологией через эксперимент. В любой технической теории обязательно существует дескриптивный слой теоретических объектов. Обществознание связано с Д-методологией через описание ценностей, а гуманитарное знание со своим смыслом, пониманием, диалогом оказалось как-то вне такого соответствия.

Нам представляется, что переход от классической науки к постклассической знаменуется не последовательными этапами развития научных дисциплин, а взаимным проникновением альтернативных методологий и онтологий в тело каждого из типов наук. В частности для естествознания — это конструктивизация и гуманизация предмета и метода; для технoзнания - натурализация и гуманизация и для обществознания - это конструктивизация и натурализация.» Тогда к причинной детерминации, почти монополюбно господствующей в онтологии классического естествознания, добавляется целевая детерминация (например, в форме относительности к средствам измерения и т.п.). К ценностной детерминации, преобладавшей в онтологии классического естествознания прибавляется и теснит её конструктивно-целевая. Кроме того, переход к постклассической науке сопровождается появлением нового типа интегративно-абстрактных наук (например, системно-кибернетического класса). Идеализированная предметность этого типа единым образом описывает все три традиционных типа объектов: природу, общество, технику, при этом ключевой детерминацией для онтологии этого класса наук является целевая. Поэтому появляется устойчивая методологическая ориентация на то, чтобы онтологии других типов наук, как и основные типы объективной детерминации свести к одной единой целевой онтологии. Однако попытки монистического сведения разных типов детерминаций к одному (целевой и ценностной – к причинной - в позитивизме; причинной и целевой – к ценностно-смысловой – в субъективизме и причинной и

ценностной – к целевой – в конструктивизме) приводят к обратному итогу- к иерархии понятий, а значит и видов детерминаций внутри основного системообразующего. В частности, при стремлении единым целевым образом построить онтологию и методологию всех основных типов наук появляется иерархия, а значит и плюрализм видов целей, целевых онтологий, а, следовательно, и методологий.

**Методологические позиции
и эпистемологические границы представлений
о цели и целесообразности**

Попробуем проследить иерархичность онтологии на примере анализа основных концепций цели и управления. Как в отечественной, так и в зарубежной философии и методологии науки существуют три основные точки зрения на объективный статус понятий «цель», и «целесообразность», которые в своей совокупности и представляют собой вторичную плюрализацию целесообразности. Они альтернативны в том, насколько широко надо понимать целесообразность и применять понятие цели для характеристики того или иного класса систем.

1. Наиболее широкое понятие цели и представление о целесообразности связывается не только с существованием трех вышеназванных систем, но и существованием неживой природы. Одним из немногих представителей такой точки зрения в нашей стране является В.А. Ассеев. В его предельно широкой трактовке целеустремленность является «направленностью реакций» на поддержание и сохранение системы, которая не является исключительным свойством живых систем или систем с обратной связью, а есть выражение устойчивости систем любой природы. Понятие целесообразность в применении к неживой природе можно определить как устойчивость по отношению к внешним воздействиям. [2, с. 89-92]. Стремление динамической системы к устойчивому состоянию (аттрактору) часто в синергетике отождествляется с подобием целесообразности. Такая концепция целесообразности создает впечатление, что поведение системы действительно определено некоторым её конкретным состоянием, которое она примет в будущем и которого пока ещё нет как такового. На самом деле это не так: детерминация конечным состоянием связана с определенностью самой системы с её качеством и структурными особенностями, которые могут не существовать в текущем времени реализации того или иного режима, но существуют с самого начала в обобщенном фазовом пространстве системы. Таким образом, представления об экстремальности (оптимальности) или о об аттракторах системы как конечных состояниях недостаточны для формирования представления о целесообразности более сложных органических и, тем бо-

лее, технических и социальных систем. Такие системы можно назвать целенаправленными.

2. Менее широкое понятие цели и представление о целесообразности связывается с существованием трех классов систем:

- а) социальных,
- б) биологических,
- в) кибернетических.

При этом цель понимается как некоторая модель реальности, которой и должен соответствовать тот или иной процесс или явление. А. Розенблют, Н. Винер и Дж. Бигелоу дают следующую классификацию поведения. Под поведением понимается любое изменение объекта по отношению к окружающей среде. Активным поведением является такое, при котором объект служит источником выходной энергии, используемой в данной специфической реакции. Целенаправленное поведение означает, что поведение допускает истолкование как направленное на достижение некоторой цели, т.е. конечного состояния, при котором объект вступает в определенную связь в пространстве или во времени с другим объектом. Телеологическое поведение – поведение с обратной связью. Обратная связь в широком смысле означает, что часть выходной энергии (выходного сигнала) некоторой системы возвращается на вход. Обратная связь в узком смысле означает, что поведение управляется с помощью величины ошибки в положении объекта по отношению к некоторой цели. Экстраполирующее (предсказывающее) поведение - поведение, где управление связано с экстраполяцией в будущее искомым цели [4, с. 285-294].

Для введения достаточно общего и продуктивного представления о целесообразности необходимо, помимо устойчивых конечных состояний, допустить оценку состояния системы на соответствие (несоответствие) данного конечного состояния, которое при наличии таких оценок и может называться целью. При этом становится очевидным, что такая оценка состояния предполагает обратную связь и управление этим соответствием, кроме того, некоторый промежуточный параметр - информацию, благодаря которой происходит сравнение и оценка. Тем самым становится ясно, что максимально общее понятие цели предполагает обратную связь, управление и информацию, т. е. класс кибернетических систем. Такие системы можно назвать целеподобными. В зависимости от разновидности второй концепции биологические и социальные системы являются либо подклассами кибернетических систем, либо независимыми классами. Если не вводится дополнительный специфический язык, специальные понятия и интерпретация этих базовых кибернетических понятий, то кибернетическая концепция целесообразности выступает как абстрактная концепция, конкретной реализацией которой

может выступить тот или иной класс систем технической кибернетики. Если же специальный язык, понятия и интерпретация введены, тогда кибернетическая концепция целесообразности выступает как метатеория.

3. Максимально узкое понятие цели и представление о целесообразности связывается только с существованием человека и человечества. В такой концепции цель определяется как один из элементов поведения и сознательной деятельности человека, который характеризует предвосхищение в мышлении результата деятельности и пути его реализации с помощью определенных средств. Цель в этой концепции — идеальна независимо от того осознана она или нет. Эта концепция в собственном смысле телеологических (целесообразных) систем. При этом деятельность понимается как специфически человеческая форма активного отношения к окружающему миру, содержание которой составляет его целесообразное изменение и преобразование в интересах людей. Она предполагает определенное противопоставление субъекта и объекта деятельности. Субъект как носитель и источник деятельности противопоставляет себе объект деятельности как материал, который, в согласии со своими собственными законами, но также и в согласии с целями человека должен получить новую форму и новые свойства превратиться из материала (предмета) в продукт (результат) деятельности.

Структура всякого элементарного акта деятельности включает в себя субъект (тот, кто действует), цель (идеальный образ результата), предмет (что преобразуется в процессе деятельности для достижения поставленной цели), средство (им преобразуется предмет), условия (с помощью происходит преобразование, но что непосредственно не участвует в этом процессе), результат и сам процесс деятельности. Целесообразный характер деятельности приводит к тому, что одним из главных её оснований является сознание, понимаемое в самом широком смысле - не только как совокупность различных внешних форм, но и как множество его внутренних результатов (потребностей, мотивов, установок, ценностей и т.д.). Сознание играет в деятельности двоякую роль: оно выступает в качестве ее внутреннего компонента, средства контроля за ходом деятельности (рефлексивное сознание) и выступает как внешняя - как источник формирования представлений о целях, смысле и оценке деятельности.

Косвенное целеполагание в социальных системах по Ю.А. Шрейдеру

Можно выделить типы поведения, при которых стремление к некоторой цели есть наиболее эффективный способ достижения совсем иной цели. Этим обусловлено существование механизмов социального поведения с косвенным целеполаганием, когда можно

различить

1. осознаваемую непосредственную цель поведения, к которой стремится субъект, и
2. косвенно достигаемую фактическую цель. Это могут быть и стереотипные механизмы поведения, выработанные в обществе, и механизмы внешнего управления поведением на основе косвенного целеполагания.

О поведении с косвенным целеполаганием можно говорить в том случае, если воля субъекта поведения не направлена на достижение фактической цели, которая этим субъектом может осознаваться или не осознаваться, но которая может быть выявлена исследователем. Более того, фактически достигаемая в акте поведения цель может вообще не иметь непосредственной причинной связи с непосредственной целью. В частности, можно констатировать, что более общая цель отсутствует и лишь часть поведения обусловлена необходимостью достижения конкретной цели. Остальные аспекты данного поведения – не вытекающие из его непосредственной цели – обозначим как ритуальные. В случае ритуального поведения непосредственная цель «вырождена» или автономна – она состоит в выполнении самого ритуала. Волевое усилие субъекта направлено на соблюдение формы поведения. Фактически достигаемая цель, которая придает ритуалу социальный смысл, причинно не связана с единичным актом ритуального поведения. Этот смысл возникает в результате того, ритуал становится регулярным компонентом общественного поведения. [11].

Таким образом, вместо одного понятия цели [целесообразности] мы обнаруживаем, по меньшей мере, три несводимых друг к другу концепции. Можно ли говорить о том, что смысл понятия идеальной цели включает в себя смысл понятия цели как конечного состояния, как оптимального состояния, как гомеостаза, как функционального инварианта (информационной модели) вместе с оценкой его достижения и т.д.? И да, и нет! Та или иная идеальная цель может включать в себя те или иные аспекты низших форм целесообразности, но не всегда, не все и не каждая. Здесь нет единого линейного кумулятивного процесса или процесса снятия. Итак, множественность бытия целевой детерминации приводит к объективному плюрализму и иерархии смыслов и значений понятия цели.

Целесообразность и управление Основная типология концепций управления

Если обратиться после целесообразности к понятию управления, то здесь также выявляется аналогичная картина. За внешним абстрактным понятием управления в кибернетике скрывается реальная множественность видов управления и соответствующих понятий, которая

отнюдь не содержится в исходной абстракции.

«Если понимать человеческую деятельность как высший вид жизнедеятельности организмов, последнюю – как высший вид биологической активности и т.д., то можно мысленно построить «пирамиду», в основании которой будет понятие движения вообще и соответствующее ему предельно широкое понятие управления, понимаемое как свойство систем любой природы, обладающих минимально необходимыми для наличия этого свойства признаками, а на вершине – высший тип управления, «человеческое» управление» [3].

Самая простая иерархия понятий выглядит следующим образом:

1. равновесие, устойчивость,
2. авторегулирование,
3. управление
4. деятельность.

Кибернетизация нарушила однозначную связь понятия управления с человеческой деятельностью. Если раньше последняя была для управления ближайшим родом, то теперь эти понятия стали пересекающимися. Как следует в применении к кибернетизированному понятию «управление» трактовать смысл терминов «цель управления», «целенаправленность», «целесообразность»? Как пишет В.А. Бокарев: «если, с одной стороны, настаивать, что управление – обязательно целенаправленное, целесообразное действие, а с другой – распространять это понятие на технику и природу, то не избежать противоречия. И выходов из него три:

1. отказаться от понимания управления как сугубо целенаправленного процесса,
2. признать, что управлением «в полном смысле» является только человеческое управление,
3. попытаться изменить объем и содержание понятия «целесообразность».

Как следует характеризовать процесс управления? Именно целесообразность отличает управление от любых других воздействий и взаимодействий объектов. Признание целесообразности процесса управления важнейшей характеристикой его содержания согласуется с тем, что в качестве важнейшей характеристики системы управления была взята обратная связь. Наличие целесообразной обратной связи, таким образом, выступают как существенное в управлении, взятое в одном случае со стороны содержания, (функции), а в другом – со стороны формы (структуры) [3].

В связи с тем, что главным содержанием управления является именно его целевое содержание, рассмотрим вопрос: в чем состоят цели управления. У.Р. Эшби и Ст. Бир полагают, что основной целью является гомео-

стазис. С одной стороны, гомеостатические процессы наблюдаются во всех системах управления. С другой стороны, в объектах, не относящихся к классу систем управления, таких процессов не наблюдается. Следовательно, гомеостазис - это качественная грань, выделяющая процесс управления среди всех других процессов материального мира.

Однако гомеостазис не охватывает собой всего существа управления. Гомеостатическая система в структурном отношении характеризуется только отрицательными обратными связями, а в функциональном – постоянством цели, именно – цели самосохранения (посредством активного приспособления к среде). При усложнении среды такая система способна к развитию, но не к саморазвитию.

Гомеостазис в социальных системах проявляется иначе: человек не только сам лично приспособляется к условиям существования, но, даже не ограничиваясь приспособлением техники к этим условиям, адаптирует саму среду к своим нуждам и целям. Еще важнее то, что выживание, самосохранение, приспособление в обществе перестают быть самоцелью, как в живой природе, хотя здесь самосохранение может реализоваться не только по отношению к особям, но и к видам. Таким образом, гомеостазис, являясь существенной чертой управления, не охватывает всей его сути. Поэтому, например, в работах В.Г. Афанасьева и И.Б. Новика управлению дается более широкая характеристика. Оно, согласно И.Б. Новика, предстает как упорядочение системы, приведение её в соответствие с определенной объективной закономерностью, действующей в данной среде. Такой подход охватывает и гомеостазис, и саморазвитие [8]. Анализ основных концепций управления и его связи с целесообразностью также выявил множественность концепций, несводимую к единому понятию и его смыслу, т.е. иерархичность и множественность концепций управления тесно связаны с аналогичными характеристиками концепции целесообразности. Однако существует всегда монистическая тенденция, которая особенно усиливается в случае математизации соответствующей области знания.

Структурная модель управления как и структурная модель деятельности ограничено применима для социогуманитарной сферы, т.к. осознания цели отнюдь не достаточно для полной характеристики специфики индивидуального и социального управления. Цель может быть косвенной и содержаться:

1. либо в нерелексивном сознании,
2. либо в установке в бессознательном,
3. либо как доминанта в центральной нервной системе,
4. либо природная детерминация может располагаться еще глубже.

Нас будет, прежде всего интересовать вариант, когда цель скрыта и навязывается извне. Назовем этот процесс манипуляцией.

Рассмотрим классификацию основных сфер манипулятивного воздействия. Манипуляция:

1. целями,
2. чувствами и эмоциями,
3. потребностями и интересами,
4. идеалами и ценностями,
5. символами формируется с помощью символического конструирования.

Это создание такой символической среды, в которой у объекта манипуляции формируется потребности, интересы, ценности и идеалы, приводящие к поведению, требуемому субъектом манипуляции.

Современные интегративные процессы в науке приводят не только к возникновению новых дисциплин, но и к развитию таких экстрадисциплинарных научных направлений как кибернетика. В частности, ряд исследователей говорит о поствинеровской (постклассической) кибернетики, одним из ключевых понятий которой является мультиагентность. Мультиагентная (или многоагентная) система состоит из множества взаимодействующих интеллектуальных автономных агентов и пассивной среды, в которой агенты существуют и на которую могут влиять. Ключевой элемент подобных систем - агент, под ним в общем случае понимается любая сущность, «которая находится в некоторой среде, воспринимает ее посредством сенсоров, получая данные, которые отражают события, происходящие в среде, интерпретирует эти данные и действует на среду посредством эффекторов».

Агентам присущи следующие свойства: автономность; коммуникативность (взаимодействуют с другими агентами); целенаправленность и активность (наличие цели и способность выполнять определенные действия для ее достижения); ограниченность представления (ни у одного из агентов нет представления обо всей системе в целом, как нет и агента, управляющего действиями других агентов: т. е. мультиагентные системы - децентрализованные системы, которым присуща самоорганизация. [6]

Заключение

Анализ процессов дифференциации и интеграции научного знания на примере понятий цели и управления показывает, что при сохраняющейся тенденции к монизму господствующим реальным результатом является вторичная плюрализация первичных понятий. Она реализуется в устойчивой множественности значений понятия, системообразующего для того или иного типа онтологии (целесообразности, управления и т.д.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Алешин А.И. Об одном подходе к анализу философских категорий // Проблемы методологии философского исследования. - Горький: ГГУ, 1972.
2. Ассеев В.А. Экстремальные принципы в естествознании. - Я.: ЛГУ, 1977.
3. Бокарев В.А. Человеческая деятельность и диалектика развития понятия «управление» // Кибернетика и диалектика. - М.: Наука, 1984. - С. 39-45.
4. Винер Н. Кибернетика. - М.: Советское радио, 1968.
5. Готт В.С., Урсул А.Д., Семенюк Э.П. Категории современной науки. - М.: Мысль, 1985.
6. Лихтенштейн В.Е. и др. Мультиагентные системы: самоорганизация и развитие. М.: Финансы и статистика, 2018. 264с
7. Неймарк Ю.И. Динамические системы и управляемые процессы М., Наука 1984
8. Новик И.Б. Кибернетика М. 1963
9. Психологические механизмы регуляции социального поведения. - М.: Наука, 1979.
10. Садовский В.Н Основания общей теории систем, м.: Наука, 1974.
11. Системные исследования, ежегодники. »1969-1981. м.: Наука.
12. Эшби Р. Введение в кибернетику М. 1959

© Люскин Михаил Борисович (magmich@yandex.ru), Калинин Эдуард Юрьевич (KalininEU@mpei.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Национальный исследовательский университет «МЭИ»

САМОСОЗНАНИЕ КАК УНИКАЛЬНОЕ СВОЙСТВО ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СУЩНОСТИ

Николаева Татьяна Анатольевна

к.ф.н., ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный
университет» (г. Хабаровск)
004012@pnu.edu.ru

SELF-AWARENESS AS A UNIQUE PROPERTY OF A HUMAN ENTITY

T. Nikolaeva

Summary: In this article, the author considers self-awareness as a unique property of the human essence. The author reveals the main problems that can be aimed at scientific research on the further study of the process of self-awareness in human nature. The author analyzed the ontogenetic features of the formation of self-consciousness as the basis of its uniqueness. Some world sources (to William James) and the concept of the development of human self-awareness (Z. Freud, C.G. Jung, E. Fromm, A. Adler, K. Horney, E. Burns, E. Erickson) are analyzed. The author emphasizes that the formation of self-awareness is determined by the age characteristics of the individual, which go through several stages of their development.

Keywords: self-consciousness, human essence, features of self-consciousness, development of self-consciousness, philosophy.

Аннотация: В данной статье автор рассматривает самосознание как уникальное свойство человеческой сущности. Автором раскрыты основные проблемы, на которые могут быть нацелены научные исследования по вопросам дальнейшего изучения процесса самосознания в природе человека. Автором проанализированы онтогенетические особенности становления самосознания как основы ее уникальности. Проанализированы некоторые мировые источники (Уильяму Джемсу) и концепции развития самосознания человека (З. Фрейд, К.Г. Юнг, Э. Фромм, А. Адлер, К. Хорни, Э. Бёрнс, Э. Эрикссон). Автор подчеркивает, что формирование самосознания определяется возрастными особенностями индивида, которые проходят несколько стадий своего развития.

Ключевые слова: самосознание, человеческая сущность, особенности самосознания, развитие самосознания, философия.

На протяжении многих десятилетий проблема самосознания личности является предметом изучения мировой психологии. Это связано с тем, что для современной психологии актуальным является разработка общей теории личности, основными ценностями которой, являются свобода, активность, творчество и самореализация. Большинство исследователей под самосознанием понимают сложное проявление человеческой психики, включающее саморегулирование поведения и деятельность человека, в основе которых лежит самопознание и эмоционально-ценностное отношение к себе. Первые исследования самосознания принадлежат выдающемуся американскому психологу Уильяму Джемсу (1842-1910). Предметом психологии человека по У. Джемсу, является сознание, состояние которого, состоит из ощущений, желаний, эмоций, суждений, решением и познавательных процессов. Исследуя данные явления, причины и условия, при которых они возникают, а также, действия, которые непосредственно ими вызываются, учёный делает вывод, что психическая жизнь представляет поток непрерывного движения нашего сознания, поток мысли, где важную роль играет соотношение опыта и реальной практической пользы этой мысли [9, с.23].

Процесс самосознания – психический процесс, который формируется на основе восприятия человеком множества «образов», в рамках определенных ситуаций общения и деятельности. «Образы» самосознания про-

ходят свое развитие на основе оценочного отношения ближайшего окружения и определенной деятельности в рамках познания себя на определенных этапах онтогенеза и как следствие данное понятие можно охарактеризовать как уникальное свойство человеческой сущности. Рассмотрим его становление через призму онтогенеза.

Формирование образов самосознания всегда определяется как результат социального взаимодействия человека и окружения. Изначальные образы возникают как определенные совместные образования, формирующие представления человека о себе, как о представителе социума, отличного от других. [1, с. 113].

Самосознание как уникальное свойство человеческой природы формируется на основе прохождения определенных этапов развития, которые напрямую связаны с определенными условиями психического развития человека. Эти стадии можно условно выделить как: от рождения до года, от трех до 7 лет, от 7 до 12, от 12 до 14 и от 14 до 18 лет. Данные возрастные этапы последовательно сменяют друг друга и в последствие, могут изменять границы возраста в зависимости от индивидуальных факторов и факторов окружающей среды [4, с. 24].

Анализируя мировые источники, относительно развития самосознания, можно сделать вывод, что основной вклад в разработку проблемы внесли фрейдисты и пред-

ставители гуманитарной психологии. Так, рассматривая психоаналитическую концепцию З. Фрейда, мы видим единство сознания и самосознания, которые являются, с точки зрения учёного, одной определенной сферой жизни. Данная концепция раскрывает предпосылки развития самосознания, основанные на двух предпосылках: генетической и инстинктивной. Являясь фундаментом и, играя важную роль в формировании личности, генетическая предпосылка основана на тех переживаниях, которые затрагивают раннее детство. Однако главным фактором, по мнению З. Фрейда, который определяет развитие человека, следует считать инстинкт [4]. Ярким представителем фрейдизма считается К.Г. Юнг, чьи научные работы, так же как и З. Фрейда, относительно представлений о самосознании, имеют большое значение для мировой науки. Исследование личностного «Я», которое К.Г. Юнг рассматривал как бессознательное и первичное образование, позволило увидеть в «Я» стремление к целостности и единству. Индивидуальное бессознательное, по мнению ученого, является также и коллективным бессознательным, поскольку является одинаковым у многих людей, объединяя, таким образом, все человечество в целом. Также широко известна теория К.Г. Юнга самости, суть которой единство сознательного и бессознательного; они могут как противостоять друг другу, так и дополнять друг друга, образуя единое целое, которое учёный называет самостью. Противоположную точку зрения на данную проблему высказывают представители неопрейдизма, чьи идеи имеют большое значение для общественной жизни, этики и культуры человечества (Э. Фромм, А. Адлер, К. Хорни, Э. Бёрнс, Э. Эриксон и др.). Неопрейдисты отвергали идею о ведущей роли инстинктов в развитии личности, подчеркивая большое влияние окружающей среды. Значимой для мировой психологии является открытие Э. Фромма относительно единства личности с внешним миром. Так, по Э. Фромму, в период детства основная роль принадлежит семье, в дальнейшем решающую роль в развитии личности играет общество, которому подчинена вся экономическая и политическая деятельность. Другой яркий представитель неопрейдизма А. Адлер, так же, как и Э. Фромм, подчеркивает влияние социального окружения на формировании структуры личности, где главную роль в детстве играет семья и окружающие люди. Самым важным в формировании личности учёный считает стиль жизни, который определяет поведение человека, поскольку является одним из врожденных бессознательных чувств, составляющих структуру «Образа Я», где важное место занимает «Я творческое», которое и формирует жизненный стиль личности. «Творческое Я» это тот фермент, который влияет на факты окружающей действительности, трансформируя эти факты в саму личность. Однако, А. Адлер подчеркивал, что для достижения цели жизни необходимо преодоление личностных комплексов и стремление к превосходству. Влиятельным представителем неопрейдизма также считается

Э. Эриксон. Его теория, относительно развития личности, становление «Я» основана на концепции кризиса подросткового возраста [2].

Как говорилось ранее, в процессе своего развития, самосознание человека проходит несколько стадий. Развитие самосознания начинается на самых ранних стадиях онтогенеза в процессе отделения ребенка от мира предметов и других людей. Вначале оно не отличается от других. Он также не может отличить свои движения от тех, которые принадлежат ему, но взрослый выполняет их в процессе заботы о ребенке. Первые игры ребенка сначала с частями его тела (ручки, ножки), а затем с объектами внешнего мира свидетельствуют о первичной дифференциации его активной и пассивной роли в двигательной активности. В процессе двигательной активности, при манипуляциях с объектами и в процессе взаимоотношений с взрослым постепенно реализуется физическое «Я» ребенка, отдельные органы чувств и части тела.

Необходимым условием развития самосознания является появление у ребенка способности самостоятельно передвигаться в пространстве. Этот факт порождает новые формы отношений со взрослым, которые открывают новые пути и источники познания собственных возможностей, расширяют границы познания себя и качества самостоятельного субъекта [2, с. 25].

Третий год жизни - это период интенсивного умственного развития. Если раньше ребенок не думал о себе отдельно от привычных условий, ощущал чувство слияния с другими, называл себя по имени, говорил о себе в третьем лице, то к 3 годам «это слияние ребенка с другими вдруг исчезает, и личность вступает в период, когда необходимость утвердить и завоевать свою самостоятельность приводит ребенка к ряду конфликтов. Прежде всего, это противостояние самого себя другим, часто весьма негативное. В результате, ребенок невольно оскорбляет окружающих его людей просто потому, что хочет испытать свою самостоятельность, почувствовать свое собственное существование. В этих случаях единственной формой самоутверждения является сама победа. Подавленный более сильной волей другого человека или потребностью, ребенок болезненно переживает снижение своей значимости [3, с. 56]. Это период, когда в психическом мире личности формируются нравственные системы и комплексы, которые в дальнейшем могут перейти в твердые черты личности. На этом этапе характер взаимоотношений между ребенком и взрослым приобретает решающее значение. Поскольку ребенок еще не обладает достаточными знаниями о себе и о взаимоотношениях с самим собой, он спонтанно принимает отношение близкого взрослого (мать, отец и т.д.) к самому себе [8].

Развитие самосознания после 3 лет идет в направле-

нии возрастающего самоутверждения личности ребенка, происходит дальнейшее накопление его познавательного, аффективного и волевого опыта, что выражается в возрастающей адекватности самооценки [4, с. 56].

В период от 7 до 12 лет процесс развития самосознания происходит плавно, без заметных скачков и ограничений. В это время накапливаются умственные резервы, которые приведут самосознание к его важнейшей генетической форме в подростковом возрасте.

Самосознание подростка характеризуется значительными, выраженными изменениями. Это обстоятельство часто дает основание полагать, что самосознание впервые появляется у подростка. Собственно, оно является очередным этапом самосознания, хотя и исключительно значимым в психическом развитии личности, которое формируется только на основе когнитивного, эмоционального и регулятивного опыта самосознания, накопленного в предыдущие периоды и ставшего потенциальным резервом для его дальнейшего развития [1, с. 45]. Подростковый возраст - это второй критический период (после кризиса 3-х лет) психического развития ребенка, необходимый для генезиса самосознания как части человеческой сущности. Мы специально не останавливаемся на этапах, когда кризисы 1 года и 7 лет менее важны для генезиса самосознания. Для этих периодов главное - это познание ребёнком своего внешнего существования, дальнейшее освоение отношений с реальным и социальным миром, а развитие самосознания в это время происходит плавно, без резких скачков.

К 12 годам внимание ребенка вновь начинает привлекать его личность. Однако новый кризис развивается в направлении, противоположном раннему. Он также начинается с противодействия, но направлен не столько на самих людей, сколько на привычки, установки и проявления, связанные с ними в более широком контексте нравственных норм и позиций. Если трехлетний ребенок стремится подражать взрослому, то подросток, напротив, хочет отличаться от него, противопоставлять себя, быть самостоятельным. Если трехлетний ребенок заявляет о своей самостоятельности при осуществлении каких-либо практических действий, то стремление под-

ростков к самостоятельности выражается в возникновении осознания своей причастности у взрослых, хотя это осознание часто противоречит реальным способностям подростка [6, с. 58].

Подростковый этап генезиса самосознания как уникальной характеристики особенно значим для развития личности, так как на этом этапе он переходит в качественно новую стадию, которая знаменует собой начало его зрелости. Взаимосвязь между генезисом самосознания и общим психологическим развитием личности становится иной. Теперь самосознание не только отражает особенности формирования личности, но и существенно влияет на весь процесс ее дальнейшего развития. Поэтому на юношеской стадии самосознания будут определяться не только пути его дальнейшего развития, но и в большей степени психического развития личности в целом [7, с. 66].

Таким образом, при переходе от одной стадии к другой происходит последовательное усложнение, расширение сферы деятельности и повышение роли самосознания в процессе развития человека и его сущности.

Формирование самосознания проходит несколько стадий и определяется ведущими этапами развития ребенка. В рамках первоначального периода ребенок учится взаимодействовать со своим телом и манипулировать предметами. Развитие самосознания в более поздних периодах характеризуется наличием определенного стиля межличностных взаимоотношений и повышенный интерес подростков к собственной личности. Самосознание представляет собой уникальную характеристику личности, которая определяет отношение человека к себе и окружающей его действительности. Самосознание человека формируется при непосредственном взаимодействии человека с ближайшим окружением и как следствие, формирование определенного опыта в данной области. Самосознание, имеющее отражательную природу, направленную на личность, ее внутренний мир, есть процесс познания самого себя, характеризующийся созданием своего продукта - «Я - концепция», где личность выступает в качестве и субъекта, и объекта познания. Думается, что основной функцией самосознания является саморегуляция поведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Божович Л.И. Личность и её формирование в детском возрасте. Психологическое исследование. / Л. И. Божович. - М.: Просвещение, 2018. - 223 с.
2. Декарт Р. Первоначала философии // Сочинения: в 2 т. / Р. Декарт. Т. 1. М.: Мысль, 1989. С. 297—422.
3. Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н. Лосского сверен и отредактирован Ц.Г. Арзаканяном и М.И. Иткиным; Примеч. Ц.Г. Арзаканяна. М.: Мысль, 2017. 591 с.
4. Карпов, А.В. Психология рефлексивных механизмов деятельности / А.В. Карпов. - М.: Институт психологии РАН, 2016. 424 с.
5. Лазарев Ф.В., Лебедев С.А. Философская рефлексия: сущность, типы, формы // Вопросы философии. 2016. № 6. С. 15 - 28.
6. Лисина М.И. Проблемы онтогенеза общения / НИИ общей и педагогической психологии АПН СССР. - М.: Педагогика, 2016. - 214 с.

7. Новая философская энциклопедия. В 4 томах. М.: Мысль, 2015. Т. 1. 744 с., Т. 2. 634 с., Т. 3. 692 с., Т. 4. 736 с.
8. Сасина Л.А. Рефлексия как инструмент развития самосознания студенческой молодежи // Актуальные научные исследования в современном мире // Изд.: Общественная организация «Институт социальной трансформации». Переяслав-Хмельницкий, 2016. № 10 (18). С. 131 – 136.
9. Хьелл Л. Теории личности (основные положения, исследования и применение) / Л. Хьелл, Д. Зиглер. - СПб.: Питер Пресс, 2017. - 608с.

© Николаева Татьяна Анатольевна (004012@pnu.edu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НАПРАВЛЕНИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ ЛОКАЛЬНОСТИ В ПОСТИНДУСТРИАЛИЗМЕ ДЛЯ СООБЩЕСТВ

TRENDS OF THE TRANSFORMATION OF LOCALITY FOR COMMUNITIES IN POST-INDUSTRIALISM

E. Orekhovskaya

Summary: Local communities and changes to them due to the development of post-industrialism will be explored in the article. The shift base constants of communities are noted by many researchers, such as a locality, enduring ties based on a long duration face-to-face contact; a personal interaction offline, a switching to virtual space. The analysis is based on drawing parallels with the principle of nonlocality considered in quantum physics.

Keywords: non-locality, alocality, local communities, dislocal communities, transformation of local communities, trends, Post-Industrialism.

Ореховская Евгения Владимировна
соискатель, Кемеровский государственный
университет, г. Кемерово
yamantaka.j@yandex.ru

Аннотация: В статье будет сделана попытка объяснить изменения, происходящие с локальными сообществами в постиндустриальную эпоху, в результате которых они теряют основные свои константы, в первую очередь такие, как собственно локальность, прочные, устойчивые связи, основанные на долговременном контакте лицом-к-лицу, само общение лицом-к-лицу, распространение в пространство виртуальное и перенос в него коммуникации. Анализ строится на *проведении параллелей с принципом нелокальности, рассматриваемой в квантовой физике.*

Ключевые слова: нелокальность, алокальность, локальные сообщества, дислокальные сообщества, трансформация локальных сообществ, тенденции, постиндустриализм.

Одной из важных социально-философских тем для исследования являются существование локальных сообществ. Тем более актуальны такие исследования в момент перехода к постиндустриализму, в период массивного развития коммуникаций, Интернета с образованием всевозможных групп социальных сетей, сетевых сообществ, одновременно с усложняющейся динамикой социальной жизни и ускоренным развитием транспортного сообщения. Все это приводит к уменьшению значимости отдельно взятой локальности и её роли в огромных мегаполисах.

В работе при исследовании изменения сообщества мы будем опираться на теорию сетевого общества Мануэля Кастельса и Ян ван Дейка; перераспределение локальности с помощью акторно-сетевой теории Бруно Латура. При исследовании возможности применения определения нелокальности к сообществам применим методику Георгия Федоровича Миронова, философа Ульяновского университета, в трудах которого раскрывается применение понятий локальности и нелокальности как онтологическая проблема [9]. В исследовании постиндустриализма важно мнение российского философа Т.Х. Керимова, который утверждал, что применение редукционистских терминов «согласно принципам субстантивизма» [5, с.16] не позволят цельно объяснить протекающие в постиндустриализме социальные процессы [5, с.26-27], характеризующиеся комплексностью, но правильными будет обратиться к различным теориям, взятым в их совместной интеграции, то есть

мезоредукционизму [там же]. Объяснение нелокальности основано на идеях квантовой физики, выявленных Эйнштейном [12].

Классическое определение локального сообщества характеризуются двойственностью в описании его природы: либо как *пространство*, связывающее индивидов с географическим регионом, либо как *аттрактор*, построенный на общности связей, желаний, общих черт или общих интересов, (см. Минар и Грир, 1969)» [15; 17, с.670]. Современный философ В.Е. Кемеров указывал, что для рассмотрения динамики преобразований локальных сообществ и перспектив их развития необходимо обращаться к *трансформационной модели*, которая учитывает, как изменяется пространственный фактор. Эта модель вскрывает проблематику изменений сообществ, которые реализуются «не только в *пространстве*, но и *во времени*» [4].

Способ объединения индивидов в сообщества «по принципам *разделенной во времени и пространстве деятельности*» [там же], а не по принципу *совместности* стал фиксироваться ещё начиная с 60-х годов XX века, совпадая по времени появления с началом появления активных теоретических разработок теории постиндустриализма. Здесь мы видим сдвиг двух, или даже трех параметров: разделение во времени, отход от единства пространства, и доминанта деятельности. В таком случае «клеем» сообщества оказывается не пространство и не место, а *деятельность с ее задачами, программами*,

целями и результатами [там же]. Сообщества, построенные на таких основах, то есть имеющие общий аттрактор, становятся преобладающими в последнее время. Наблюдаются такие явления не только в развитых мегаполисах мира, но и фиксируется в других местах. В работах одного из классиков постиндустриальной теории, делавшего упор на информатизацию и сетевой характер социальных структур – М. Кастельса с опорой на мнение таких ученых, как Фишер (1982), Эспиноза (1999), Перльман (2002) указывается, что «фактор географической близости утратил свою значимость в структурировании общественных связей во многих из этих пораженных нищетой регионах, по крайней мере, еще четверть века тому назад» [3]. Место уступает в значении *потокам*, о чем писал и Латур, и Кастельс в своих трудах по исследованию сетевого общества, но тем не менее, определение локальности в существующей тематике исследований сообществ остаются актуальными.

Одновременно ряд ученых утверждают о замещении параметра локальности в современном мире. Основоположник постиндустриальной теории Р. Патнем определил в качестве ведущего фактора в определении сообщества наличие у его членов *сильных внутригрупповых связей* (Putnam, 2000) [14], а не территориальную близость. Так, В. Вахштайн продолжил исследования определив, что на смену традиционному пониманию приходит локальное сообщество как универсальная категория социологического мышления [1, с.15-16]. И.В. Вахштайн, и В.Е. Лебедева определяют в современном сообществе функцию «от индивидов и территории» [1; 7]

В дальнейшем переход локальности рассматривался нами в статье «Трансформация определения термина "локальное сообщество"» [11], а так же современным российским исследователем А. Скуратовым [13]. Основная мысль этих исследований приводит к выводу о смещении локальности во вне-локальную плоскость и перенесения процесса социального взаимодействия в плоскость коммуникаций.

На основании приведенных аргументов мы можем сделать вывод, что в постиндустриальном обществе само понятие локального сообщества становится под вопросом. Либо сообщество перестает быть локальным, так как локация теряет привязку к конкретному месту: топосу либо хору, либо сама формулировка нуждается в корректировке и уточнении.

Собственно локальность как признак, характеризующий сообщества, перестает в постиндустриализме быть определяющим и становится скорее следствием. Ведущим признаком становится не место, а *повод, идея, смысл и действие*. Осуществленное в том числе с помо-

щью медиасетей объединение индивидов в сообщество самостоятельно решает, нужно ли собираться вместе в едином пространстве, либо ограничиваться общением виртуальным. Это соответствует так же характеристикам, изложенным Дейком в своей концепции сетевого общества, в которой он признавал, что социальные отношения лицом-к-лицу постепенно переходят в отношения в медиасетях, либо дополняются ими [18].

И в эту тенденцию уже сейчас вторгаются непредвиденные факторы, которые ещё более усугубляют положение традиционных локальных сообществ: запрещение, или ограничение на физические контакты и сбор коллективов одновременно вместе признается небезопасным с эпидемиологической точки зрения.¹ Если такие меры будут продолжены, они будут чреваты утратой связей офлайн, в реальной жизни, и форсированным замещением их виртуальной коммуникацией. Более того, долговременная практика стереотипных событий, длящаяся больше года, вырабатывает эффект «обычности», который встроится в сознание людей как «нормальное» положение, и в результате сам возврат к традиционному общению для части индивидов может показаться странным и ненужным. Но, тем не менее, остаются общие дела, ради которых необходимо собираться вместе, чтобы осуществить действие. Не просто собраться, но выполнить задачу. Как правило, это действие носит добровольческий характер и имеет экологическую направленность, а также выражается в виде помощи людям, животным и природе в целом.

В концепциях сообщества это можно представить как транзит от принципа от *экстериорности* отношения к принципу *событийности*, что лучше представлено по мнению Т.Х. Керимова, в антиредукционистской, онтологической традиции [5, с.16]. Здесь мы вплотную подходим к сдвигу локальности. Сообщества трансформируются в сети, что было впервые замечено ещё Барри Уэллманом: «сообщества – это *сети* межличностных связей, обеспечивающие социальное взаимодействие, поддержку, информацию, чувство принадлежности к группе и социальную идентичность» и дополнено М. Кастельсом, который уточнил формулировку, обозначив, что *основной формой организации взаимодействия в сообществе* становится *сеть* [3]. Так, от контактов лицом-к-лицу, характерных для традиционного локального сообщества, происходит переход к сети взаимодействий. Основная часть этих взаимодействий осуществляется в данный момент, в глобальной сети Интернет.

Изменения локальности в понимании Б. Латура выражается в смене доминанты локального взаимодействия в сторону с *связей, средств передвижения и соединений*. Места при этом, как и любое локальное взаимодействие

1 По ситуации март-июнь, и октябрь-ноябрь 2020 года.

при увеличении дистанции трансформируются в актор-сети [6, с.237, 267, 305-307]. На первый план выходят *потоки*. Кастельс в своей теории отстаивает мысль, что пространство потоков обрывает связи с привычным местом, уничтожая само пространство, которое напоминает скорее стремительный поток энергии. Таким образом, создаваемые потоки отрывают от корней и втягивают людей в новые места, не имеющие привычных координат. На смену «месту» приходит «безместье», о чем хорошо было описано у Т. Рельф: «Антоним «безместье» маркирует негативные последствия глобализации и унификации мира» и следуя за этой трансформацией, локальные сообщества теряют локальность, становясь нелокальными [16].

Чтобы разобраться с изменчивостью локальности, обратимся к мнению физиков. Если локальность является самой сутью пространства, свойством физического мира, то отсутствие локальности, то есть нелокальность, является проявлением свойства мира квантового.

О том, что при рассмотрении проблемы на более глубоком уровне место и расстояние могут утратить свою значимость для понимания общества, утверждал Массер Джордж, опираясь на положения квантовой механики [8]. С точки зрения физики сущность локальности может расширяться в неуставленных пределах, а точнее, меркнет перед установленной скоростью возможной коммуникации, в том числе, между живыми объектами. Нелокальность начинает проявляться повсюду: «Объекты могут обгонять свет; причина и следствие могут меняться местами; расстояние может терять свой смысл; два объекта могут на самом деле быть одним. Вселенная становится пугающей» [8].

Стоит заменить «объект» на сообщество, мы тут же понимаем, что расстояние уже потеряло свой смысл, а два объекта-сообщества на проверку могут оказаться одними и теми же. То есть члены сообщества в том и другом случае могут быть идентичны, хотя и названы по-разному. При непосредственных встречах офлайн их коммуникация и взаимопонимание может осуществляться бессловесно: без помощи любых посредников, путем непосредственного сердечного постижения другого. С открытием Эйнштейном свойства *нелокальности*, и в самой возможности взаимодействия между частицами, имеющими определенную связь, которую можно трактовать как «запутанность» (*entanglement* – англ.) в квантовой физике, вполне можно пересмотреть и смысл исчезновения локальности в социальных процессах.

Российский философ В.Г. Миронов видел в проблеме локальности и не локальности онтологическую проблему. Для её решения он исследовал возможность переноса свойств квантового мира для понимания философских проблем и взаимоотношений в обществе:

«Проблема локальности и нелокальности социальных явлений перерастает в проблему соотношения локальных и нелокальных связей в универсуме, которая может быть понята как проблема многомерности бытия явлений» [9].

С другой стороны, в попытках приблизиться к пониманию нелокальности, ряд ученых рассматривают в самом устройстве человека квантовую составляющую. Согласно гипотезе Е. Либермана «Человеческое бессознательное и, в частности, бессознательное коллективное в преобладающей степени устроено как система своего рода квантовых биокомпьютеров» [2]. Положение самого локального сообщества периода постиндустриализма можно сравнить с характеристиками квантовомеханического явления *запутанности*, где квантовые состояния двух или большего числа объектов оказываются взаимозависимыми, и остаются действенными при беспредельном изменении дистанции, в чем видится логическое противоречие с принципом локальности. Это подтверждается и мнением французского философа, признанного исследователя сообществ Ж.-Л. Нанси: «сообщество – это «мы», свершающееся как бытие-вместе дружности» [10].

Таким образом, если опираться на редукционистскую методологию, мы видим одномерное линейное представление действительности, в которой сообщества имеют характеристику локальности. При демонтаже локализации как устоявшейся одномерной метрики и локальность и нелокальность предстают выражением «многомерности пространственно-временных структур, несомых ими и сотворяемых ими же в процессах взаимодействия», – считал Миронов, – при этом «в самом факте перехода заключена нелокальность события как реализуемой возможности “быть в ином качестве”», что так же соответствует пониманию сообществ у Нанси.

Для понимания перехода локальных сообществ во внелокальную плоскость ещё раз перечислим все отклонения от генеральной оси локальности, существовавшей прежде, в доинформационную эпоху: пространственная координата уходит на второй план, уступая времени, действию; места трансформируются в потоки, взаимодействие строится по типу сети, сохраняя структуру при увеличении пространственной протяженности; коммуникация между членами сообществ переходит в том числе в виртуальное пространство, где так же начинает происходить процесс зарождения сообществ.

Все это убедительно показывает, как привычные для исследователя трактовки локальных сообществ теряют свое определение, становясь сетевыми, деятельностными, и в целом другими. Необходимо признать, если объект уже становится пространственно дисперсионным, нужно другое определительное, чтобы в нем учитывались происходящие трансформации. В резуль-

тате было бы оптимальным включить в определение свойство нелокальности, которое объединило все изменения. Но поскольку нелокальность как понятие уже имеет своё устойчивое определение в квантовой физике, и означает наличие информации о всей системе в каждом её компоненте, возможно в социальных науках обозначить утрату локальности сообществами, а также их расширение в пространство виртуальное, другим термином. В новой постиндустриальной, информационно-эпохе уместно было бы обозначить такую трансформацию в самом определении сообщества через **а-локальность**, либо **дислокальность**. Если **алокальность** будет обозначать отрицание локальности, в том числе через её расширение и переход в

другое пространство, то термин **дислокальность**, например, в этнографии означает проживание супругов каждый в своём месте. По сути, последний термин для обозначения сообществ периода постиндустриализма так же уместен, по аналогии с браком, как союзом двоих; но в сообществе не два, но более членов связаны воедино в одну структуру, их местоположение может быть различно, а связь осуществляется через удаленный доступ. Таким образом, термин **дислокальное сообщество** периода постиндустриализма вберет в себя изменчивость локальности, и тем самым, несет в себе более точное определение, а также вмещает в себя все последствия, могущие происходить от такой расширенной пространственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вахштайн В. К концептуализации сообщества: еще раз о резидентности или работа над ошибками // Социология власти. — 2013. — № 3. — С. 8-26.
2. Данилевский И.В. Структуры коллективного бессознательного в контексте универсальных гиперболических распределений // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2007. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktury-kollektivnogo-bessoznatelnogo-v-kontekste-universalnyh-giperbolicheskikh-raspredeleleniy> (дата обращения: 10.09.2020).
3. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе (англ) русск. / Пер. с англ. А. Матвеева под ред. В. Харитонова. — Екатеринбург: У-Фактория (при участии Гуманитарного ун-та), 2004. — 328 с. (Серия «Академический бестселлер»). Гл. IV - Виртуальные сообщества или сетевое общество?
4. Кемеров В.Е. Тема сообщества в динамике современной философии // Герменевтика сообщества: материалы конференции / С.И. Голенков (отв. ред.) [и др.]. — Самара: Изд-во «Самарский университет», 2011. — С.8-16
5. Керимов Т.Х. Сообщества: методологические условия описания // С.И. Голенков (отв. ред.) [и др.]. — Самара: Изд-во «Самарский университет», 2011. — С.16-27
6. Латур, Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию [Текст] / пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. — 384 с.
7. Лебедева Е. В. «Третье место» как основа формирования городских сообществ. — 2015. — с.52-61 http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/122532/1/Лебедева_Псков.pdf
8. Массер Дж. Нелокальность. / Пер. с англ. В. Ионов, М. Томс. 000 «Альпина нон-фикшн», 2018. — 108 с. Эл.ресурс: <https://read-book-online.com/fizika/364235-nelokalnost.html?page=1> (дата обращения: 15.11.2020).
9. Миронов Г.Ф. Соотношение локальности и нелокальности научной деятельности в системообразующих связях социума. Социальная жизнь в свете философской рефлексии : сборник научных трудов Третьей международной теоретико-практической конференции, посвященной памяти доктора философских наук, профессора Г.Ф. Миронова, г. Ульяновск, 14–15 мая 2012 г. / под ред. Т.Н. Брысиной. — Ульяновск : УлГТУ, 2012. — 345 с.
10. Нанси Ж.-Л. Непроизводимое сообщество: Новое издание, пересмотренное и дополненное / Пер. с франц. Ж. Горбылевой и Е. Троицкого. — М.: Водолей, 2011. — С. 188.
11. Ореховская Е.В., Сыров В.Н. Трансформация определения термина «локальное сообщество» // Фундаментальные научные исследования: теоретические и практические аспекты : сб. материалов IV Междунар. науч.-практ. конф. Кемерово, 31 мая 2017 года. Кемерово, 2017. Т. 2. — С.88-93.
12. Самченко В.Н. Нелокальная связь: философия, математика, физика // Credo New. 2011 — №3. Эл. ресурс: http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/credo-new-3-2011/11060-nelokalnaya-svyaz-filosofiya-matematika-fizika.html (дата обращения: 15.11.2020).
13. Скуратов А.Б. Локальные интернет-сообщества как новый социальный феномен [Электронный ресурс] // Дискурс-Пи. 2010. №1-2. — С.48-53. Электрон. версия печат. публ. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lokalnye-internet-soobschestva-kak-novyy-sotsialnyy-fenomen> (дата обращения: 08.11.2020).
14. Тыканова Е.В., Хохлова А.М. Траектории самоорганизации локальных сообществ в ситуациях оспаривания городского пространства. // Социология власти. 2014. № 2. — С.104-122
15. Minar D., Greer S. The Concept of Community: Readings with Interpretations (Aldine, Chicago), 1969
16. Relph T. Place and placelessness. -London: Pion Ltd, 1976.
17. Samer Faraj, Georg von Krogh, Eric Monteiro, Karim R. Lakhani (2016) Special Section Introduction—Online Community as Space for Knowledge Flows. Information Systems Research 27(4): с. 670 URL: <https://doi.org/10.1287/isre.2016.0682>
18. Van Dijk J. The network society. London, 2011.

© Ореховская Евгения Владимировна (yamantaka.j@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ЭМПИРИЧЕСКОГО И ТЕОРЕТИЧЕСКОГО УРОВНЕЙ НАУКИ: МАТЕМАТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ В СВЕТЕ ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

Шевелева Татьяна Анатольевна

*Аспирант, Омский государственный
технический университет
tatyana0781@mail.ru*

THE PROBLEM OF THE RELATIONSHIP OF EMPIRICAL AND THEORETICAL LEVELS OF SCIENCE: MATHEMATICAL MODELING IN THE LIGHT OF PHILOSOPHICAL REFLEXION

T. Sheveleva

Summary: The article presents the history of the formation and philosophical understanding of one of the most frequently used theoretical methods of scientific cognition in recent decades, namely mathematical modeling. (As you know, «direct experiments» in many situations are not always technically feasible and / or morally acceptable). The relevance of this problem is determined by the ongoing debate about, firstly, the metaphysical status of mathematical models, and, secondly, the limits of their applicability.

Keywords: model (imitation, cybernetic), philosophy of mathematics, interaction of philosophy and particular sciences, absolute and relative truth.

Аннотация: В статье представлена история становления и философское осмысление одного из наиболее часто используемых в последние десятилетия теоретических методов научного познания, а именно математического моделирования. (Как известно, «прямые эксперименты» во многих ситуациях не всегда технически осуществимы и/или морально допустимы). Актуальность этой проблемы определяется продолжающимися по сей день дебатами по поводу, во-первых, метафизического статуса математических моделей, и, во-вторых, границ применимости последних. Последовательно решая эти два вопроса – онтологический и гносеологический – в рамках методологии диалектического материализма, мы приходим, с одной стороны, к выводу о принципиальной невозможности создания модели, которая бы сообщила исследователю абсолютную истину о моделируемом объекте (в частности и потому, что на процесс моделирования с необходимостью влияют те или иные теоретические установки). С другой же стороны, каждая математическая модель, построенная в соответствии с рассмотренными в статье этапами, помогает получить знание, которое можно охарактеризовать в качестве относительной истины.

Ключевые слова: модель (имитационная, кибернетическая), философия математики, взаимодействие философии и частных наук, абсолютная и относительная истина.

Введение

В последние десятилетия в научных исследованиях всё большее применение находит математическое моделирование (от латинского «modulus», т. е. «образец», «мера»). Соответствующие модели разрабатываются в различных отраслях науки: информатика, физика, социология, биология, медицина и т.д. Рассмотрим суть этого метода, обратившись как к философской, так и к частнонаучной литературе. В словаре «Общие проблемы философии науки» под редакцией видного отечественного философа науки Н. В. Бряник научное знание делится на два уровня: экспериментальный и теоретический, и, соответственно, выделяются такие виды познавательной деятельности в науке: эмпирическое (непосредственное взаимодействие исследователя с изучаемым объектом) и теоретическое исследование (объект изучается опосредованно, в так называемом мысленном эксперименте). Напомним структуру последнего. Основными формами организации знания в его рамках являются: факт, теория, проблема (задача), гипотеза, программа. К методам теоретического исследования относятся: мысленный эксперимент с идеализированными объектами, метод восхождения от абстрактного к конкретному, логический и исторический методы исследования, а также индуктивное обобщение [1, с. 266-268]. В «Энциклопедии эпистемологии и философии науки» под общей редакцией видного философа науки, И. Т. Касавина, под моделированием понимается «изучение некоторого объекта посредством наблюдений или эксперимента, проводимых с его моделью» [2, с. 529]. В том же источнике модель определяется как такой искусственный или естественный объект, обладающий «существенным, с точки зрения цели познания (проектирования), сходством с изучаемым объектом («прототипом») и может его имитировать в заданном отношении, будучи объектом исследования» [3, с. 529-530]. Определение математической модели, характерное для «чистой» математики, дано в справочнике по этой науке под редакцией Т. Корн и Г. Корн, где под математической моделью понимается «класс неопределяемых (абстрактных, символических) математических объектов таких, как числа или векторы, и отношения между этими объектами» [4, с. 368]. Во «Введении в математическое моделирование» под редак-

цией Т. Корн и Г. Корн, где под математической моделью понимается «класс неопределяемых (абстрактных, символических) математических объектов таких, как числа или векторы, и отношения между этими объектами» [4, с. 368]. Во «Введении в математическое моделирование» под редак-

цией специалиста в области механики сплошных сред П. В. Трусова даётся определение математической модели для «прикладной» математики: «любой оператор A , позволяющий по соответствующим значениям входных параметров X установить выходные значения параметров Y объекта моделирования: $A: x \rightarrow y, x \in \Omega_x, y \in \Omega_y$, где Ω_x и Ω_y – множества допустимых значений входных и выходных параметров для моделируемого объекта (числа, векторы, тензоры, функции, множества и т.п.)» [5, с. 35].

При этом важно сразу обозначить нашу методологическую позицию: опыт и естествознания, и социально-гуманитарного знания, особенного в современных их формах, не просто «говорит», а буквально «кричит», «взывает» о необходимости взаимодействия со знанием философским. Мы согласны, что «при анализе истории противоречивых попыток осмысления различными школами проблемы соотношения философии и частных наук ... (нельзя не – Т. Ш.) делать акцент на том подходе, который рассматривает их в единстве, утверждая их неразрывную сущностную взаимосвязь. В соответствии с традицией он может быть обозначен как диалектический» [6, с. 121]. Поэтому мы будем привлекать идеи философов разных эпох, включая античность, поскольку солидарны со следующим тезисом: «накопленный к концу второго десятилетия XXI века познавательный опыт человечества свидетельствует: по многим вопросам современной науки и философии люди 2-1 тысячелетия до н.э. (например, древние греки) выступают нашими современниками. И ими же останутся навсегда, поскольку они не только ставили, но и каждый по-своему жаждали решать «вечные» проблемы» [7, с. 9]. В том числе, добавим, и познавательные.

1. История математического моделирования

Отметим, что в научное понятие термин «модель» превратился «во второй половине XIX в. в работах Э. Бельтрами, Ф. Клейна и А. Пуанкаре, давших интерпретации неевклидовых геометрий в рамках евклидовой геометрии» [8, с. 6]; сегодня же это понятие «стало не только общенаучным, но и приобрело статус фундаментальной философской категории» [8, с. 6]. Академик А.А. Самарский, основоположник отечественного математического моделирования, математическое моделирование назвал «третьим методом» познания, которое сочетает в себе как теорию, так и эксперимент. Также, А.А. Самарский отмечает, что в настоящее время технические, социальные и другие сложные системы не могут быть исследованы с достаточной полнотой и точностью обычными теоретическими методами, а натурный эксперимент не всегда возможен, так как многие из этих систем существуют в «единственном экземпляре» [9, с. 7]. Например, принципиально неосуществимы эксперименты с прошлым какого-либо государства или народа («История не терпит

сослагательного наклонения») [5, с. 21]. Более того, эксперименты в социально-гуманитарных науках морально проблематичны. Что же касается естественных наук, то и в них на сегодняшний день невозможно провести эксперименты по прямому исследованию, например, структуры звезд, далёких планет, и т.д. [5, с. 21]. Над экономическими объектами (предприятиями, банками, отраслями экономики и т.п.) натуральные эксперименты проводить очень дорого, а зачастую опасно, в связи с чем если они и возможны с технической точки зрения, то всё чаще признаются невозможными с точки зрения морали. Ведь неудачный экономический эксперимент может привести к большим потерям финансовых и материальных средств, повлиять на судьбы миллионов людей [10, с. 6].

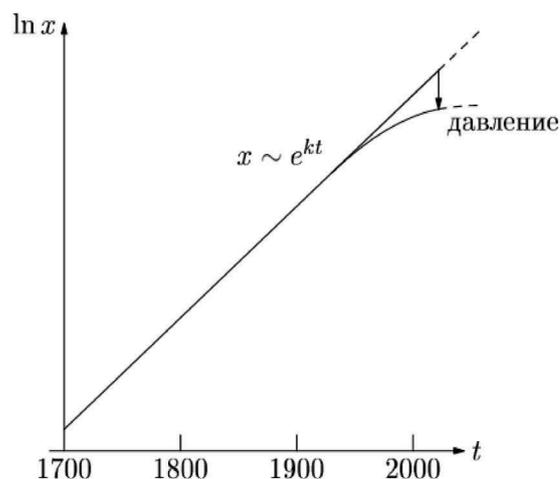
В диссертационных работах (например, шифр специальности 05.01.01 «Инженерная геометрия и компьютерная графика», шифр специальности 05.13.18 «Математическое моделирование, численные методы и комплексы программ») широко используются математические модели. Так, областью исследования для 05.01.01 являются построение геометрических моделей, непрерывное и дискретное геометрическое моделирование; для 05.13.18 – математическое моделирование, численные методы и комплексы программ. Но математическая модель и реальный процесс не совпадают. Математическая модель — это идеализированный объект, упрощенный. В «Энциклопедии эпистемологии и философии науки» указывается, что идеализированный объект суть «объект, составляющий объем понятия, полученного в результате акта идеализации. Примерами таких объектов в науке являются: материальная точка (объект, вся масса которого сосредоточена в одной точке), точечный электрический заряд (объект, электрический заряд которого сосредоточен в одной точке), идеальная жидкость (жидкость абсолютно несжимаемая и лишенная какой-либо вязкости), абсолютно черное тело (физическое тело, которое поглощает всю падающую на него лучистую энергию, ничего из нее, не отражая и не пропуская через себя) и подобные другие» [11, с. 261]. Поэтому при защите диссертационных работ с применением математических моделей необходимо экспериментальное подтверждение.

А.А. Самарский выделяет три этапа в истории математического моделирования [9, с. 6-7]. Первый этап начинается уже с самого начала возникновения естественных наук. Обозначенный автор в качестве примера математического моделирования на данном этапе приводит классическую механику точки И. Ньютона, с помощью которой можно описать движение любого математического объекта, размеры которого малы по сравнению с характерными расстояниями, проходящими телом. Для более сложных расчетов механических систем применяются уравнения Лагранжа II рода [12, с. 4], являющиеся универсальным методом составле-

ния дифференциальных уравнений движения материальных систем. В качестве примеров простых (оператор простой модели является алгебраическим выражением, отражающим функциональную зависимость выходных параметров Y от входных X) моделей можно привести многие законы физики: начиная с законов Ньютона, закон всемирного тяготения, закон Ома, закон Паскаля, закон сохранения заряда, закон Архимеда, закон сохранения импульса, а также все эмпирические, т.е. полученные из опыта, алгебраические зависимости между входными и выходными параметрами. Так, в теории ручной дуговой сварки для приближенных расчетов сварочный ток (один из основных параметров режима сварки) может быть определен через диаметр электрода и эмпирический коэффициент, зависящий от диаметра электрода [13, с. 310]. Модель, включающая системы дифференциальных и интегральных соотношений, уже не может быть отнесена к простым, так как для своего исследования требует применения довольно сложных математических методов.

Второй этап А.А. Самарский относит к концу 40-х началу 50-х годов XX века [9, с. 6-7]. Это связано с появлением первых компьютеров, которые выполняли хоть и несложные по нынешним меркам, но значительно упрощающие расчеты ученым. В это же время с помощью математического моделирования была выполнена национальная программа СССР и США по созданию ракетно-ядерного щита, которая не могла быть реализована традиционными методами. Ядерные взрывы, полеты ракет и спутников были вначале воспроизведены на компьютере с помощью математических моделей, а затем претворены на практике. Всё это способствовало развитию данной методологии, и теперь ни один крупномасштабный проект, будь то экономический, экологический, технологический, не обходится без предварительного моделирования [9, с. 6-7]. Простейшая модель роста $\dot{x} = kx$ предложена Томасом Мальтусом, видным представителем классической политической экономии Англии (для роста населения Земли) [14, с. 7]. Она ведет к экспоненциальному (т.е. очень быстрому) росту населения x с течением времени. Как считает академик В.И. Арнольд эта «жесткая» модель применима, например, к развитию науки в 1700-1950 годах (измеряемому, скажем, числом научных статей). Продолжение экспоненциального роста науки в следующий век быстро привело бы к исчерпанию бумаги и чернил, причем число ученых должно было бы достичь половины населения земного шара [14, с. 7]. Ясно, что общество (во всех странах) не может этого допустить, и, следовательно, такой количественный рост учёных был приостановлен. При слишком больших x конкуренция за ресурсы (пищу, гранты и т.д.) приводит к уменьшению k , и «жесткая» модель Т. Мальтуса должна быть заменена «мягкой» моделью $\dot{x} = k(x)x$ с зависящим от на-

селения коэффициентом размножения [14, с. 8].

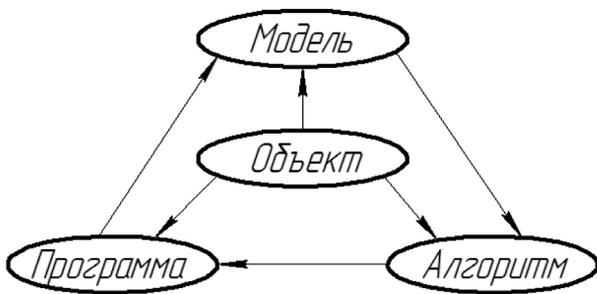
И наконец, третий этап в истории математического моделирования относится к настоящему времени [9, с. 6-7]. Сейчас, при переходе развитых стран к так называемому «информационному обществу», значение математического моделирования возрастает ещё более. Прогресс средств переработки, передачи и хранения информации отвечает мировым тенденциям, без владения информационными «ресурсами» нельзя и думать о решении проблем, стоящих перед мировым сообществом. Поэтому нужны надежные способы переработки информационного «сырья» в готовый «продукт», т.е. в точное знание [9, с. 7].

Развитие вычислительной техники породило новое направление в исследовании сложных процессов – имитационное моделирование. В учебном пособии для студентов, обучающихся по направлению «Бизнес-информатика», под редакцией доктора экономических наук Е.П. Бочарова, под имитационной системой понимается «совокупность модели, имитирующей изучаемое явление, и систем внешнего и внутреннего обеспечения. Для имитационной модели характерна имитация элементарных явлений, составляющих исследуемый процесс, с сохранением их логической структуры, последовательности протекания во времени, характера и состава информации о состояниях процесса» [10, с. 23]. История развития имитационного моделирования (ИМ) насчитывает уже более 50 лет. Но только в последние десятилетия в связи с появлением высокопроизводительных персональных компьютеров и соответствующих программ ИМ становится повседневным инструментом для разработчиков самых различных проектов – транспортных, промышленных, медицинских, военных и т.п. «Так, наличие имитационной модели и обоснование с её помощью выбранного варианта организации является обязательным в странах Европейского Союза в

комплекте документов, подаваемых на рассмотрение для проектирования или модернизации нового производства либо технологического процесса. Им придается все большее значение и в директивных документах Правительства РФ по технологическому развитию» [10, с. 3]. «Многим специалистам термин «метод Монте-Карло» иногда представляется синонимом термина «имитационное моделирование», но понятие последнего более широкое, и метод Монте-Карло является важным, но далеко не единственным методическим компонентом имитационного моделирования» [10, с. 26]. В основе вычислений по методу Монте-Карло лежит случайный выбор чисел из заданного вероятностного распределения.

2. Этапы построения математической модели

Рассмотрев этапы становления математического моделирования как метода, перейдём к этапам применения последнего к делу решения тех или иных познавательных проблем. Методология математического моделирования в кратком виде выражена знаменитой триадой модель – алгоритм – программа, сформулированной А.А. Самарским [9, с. 7]. Сама постановка вопроса о математическом моделировании какого-либо объекта порождает четкий план действий. Его можно условно разбить на три этапа: модель – алгоритм – программа (см. схему):

На первом этапе математического моделирования, как отмечает А.А. Самарский, «выбирается (или строится) «эквивалент» объекта, отражающий в математической форме важнейшие его свойства-законы, которым он подчиняется, связи, присущие составляющим его частям и т.д., то есть математическая модель. Математическая модель (или ее фрагменты) исследуется теоретическими методами, что позволяет получить важные предварительные знания об объекте» [9, с. 7-8].

Любая модель нетождественна объекту-оригиналу и, значит, неполна, поскольку исследователь учитывал лишь важнейшие с его точки зрения факторы. Эту мысль хорошо выразили основоположники кибернетики и теории искусственного интеллекта Артуро Розенблют и Норберт Винер, сказав, что самой хорошей моделью

кота является не теоретический объект, а другой кот, а ещё лучше – «тот же самый кот» [15]. Если результаты моделирования удовлетворяют исследователя и могут служить основой для прогнозирования поведения или свойств исследуемого объекта, то говорят модель адекватна (от лат. *adaequatus* – приравненный) объекту. Специалисты, известные работой над клеточными автоматами, Томмазо Тоффоли и Норман Марголюс высказываются о моделях, способных предсказывать, получать новые знания об исследуемом объекте: «в науке мало пользы от моделей, которые рабски подчиняются нашим желаниям. Мы хотим иметь модели, которые дерзят нам; модели, которые имеют свой собственный ум. Мы хотим получать от моделей больше, чем в них вложили» [16, с. 152]. П.В. Трусов отмечает, что модели, не обладающие определенной «предсказательностью», едва ли могут считаться удовлетворительными [5, с. 20].

Согласно П.В. Трусову «предметная (физическая) модель отображает внешние, наглядные свойства объекта в реальном, материальном объекте-копии. Предметные модели обеспечивают наибольшую наглядность по сравнению с информационными моделями. Их ещё называют натурными, так как они реализуют физическое подобие объекта: муляж, макет, собственно модель. Эти модели часто используют на занятиях в учебных учреждениях, при проведении опытов и исследований в специализированных лабораториях в институтах. Например, глобус - учебная модель для изучения Земли. Опытная модель самолета – для испытаний в аэродинамической трубе и т.д.» [5, с. 25].

К математическим моделям известный специалист по теории познания, методологии науки, доктор философских наук В.А. Штофф относит различные кибернетические модели, главным отличием которых от других моделей является наличие «каналов обратной связи, по которым поступает информация от исполнительного органа в управляющий, благодаря чему поддерживается определенная направленность поведения системы при изменяющихся внешних условиях» [17, с. 25]. Существенной особенностью данных моделей от физических и аналоговых моделей является то, что «отношение кибернетических моделей к моделируемым объектам основано главным образом на сходстве, одинаковости поведения и функций сложных систем, могущих различаться во всех других отношениях (изофункционализм)» [17, с. 25]. «Забегая вперед», скажем, что это очевидным образом порождает проблему: где та граница, до которой математическая модель может отличаться от физического объекта?

Второй этап – выбор (или разработка) алгоритма для реализации модели на компьютере [9, с. 8]. Модель представляется в форме, удобной для применения численных методов, определяется последовательность вы-

числительных и логических операций, которые нужно произвести, чтобы найти искомые величины с заданной точностью. Вычислительные алгоритмы должны не искажать основные свойства модели и, следовательно, исходного объекта, быть экономичными и адаптирующимися к особенностям решаемых задач и используемых компьютеров.

На третьем этапе создаются программы, «переводящие» модель и алгоритм на доступный компьютеру язык [9, с. 8]. К ним также предъявляются требования экономичности и адаптивности. Их можно назвать «электронным» эквивалентом изучаемого объекта, уже пригодным для непосредственного испытания на «экспериментальной установке» – компьютере.

Создав рассматриваемую триаду, исследователь получает в руки универсальный, гибкий и недорогой инструмент, который вначале отлаживается, тестируется в «пробных» вычислительных экспериментах. После того как адекватность (достаточное соответствие) триады исходному объекту удостоверена, с моделью проводятся разнообразные и подробные «опыты», дающие все требуемые качественные и количественные свойства и характеристики объекта. Процесс моделирования сопровождается улучшением и уточнением, по мере необходимости, всех звеньев триады [9, с. 8].

Будучи методологией, математическое моделирование не подменяет собой математику, физику, биологию и другие научные дисциплины, не конкурирует с ними. Наоборот, трудно переоценить его синтезирующую роль.

3. Онтологический статус математических моделей

Поиск ответа на поставленный вопрос заставляет вначале рассмотреть проблему статуса математических объектов в целом. Т.е. мы заходим в пределы философии математики – это область исследования, объектом которой являются «основания математического знания, место математики в системе знания, онтологический статус математических объектов, методы математики» [18, с. 216-218].

Как отмечает омский философ М.Г. Федотова, обозначенный статус математических объектов уже в античности определялся двумя способами, один из которых восходит к Платону, а второй – к Аристотелю [19, с. 201-202]. Если мы принадлежим к первой из этих традиций, то вынуждены признать, что «математические объекты изначально имели онтологический статус, отличный от бытия вещей, реально существующих в мире идей» [19, с. 201]. Тогда математическое моделирование для нас даже более достоверно, чем натурный эксперимент. По этому поводу шведско-американский космолог и астрофизик Макс Тегмарк высказывается: «поделюсь с вами своей (на пер-

вый взгляд сумасшедшей) идеей: наш физический мир не только описывается математикой, он и есть математика, делающая нас самосознающими частями гигантского математического объекта» [20, с. 10]. Схожим образом и английский физик и математик Роджер Пенроуз пишет, что «многие физики и математики предпочли бы считать физический мир порождением «вневременного» математического мира идей» [21, с. 11].

Если же мы принадлежим к «линии философствования, идущей от Аристотеля, математические объекты являются абстракциями, высшей формой отвлечения от свойств конкретных вещей, имеющими своего рода «прототипы» в физической, материальной реальности» [19, с. 201-202]. В этом случае материальные объекты не первичные онтологические сущности, типа платоновских эйдосов, а результат абстракции.

Рассмотрение этого пункта завершим указанием на то, что возможно и иное решение вопроса статуса математических объектов, нежели солидаризация с одной из рассмотренных традиций, восходящих к Аристотелю и Стагириту. Например, В.О. Бернацкий и П.Г. Макухин, на основе разрабатываемой ими методологии диалектики бытия и действительности, утверждают, что, с одной стороны солидаризуются «с реализмом Платона в том, что объекты математики не есть некие чисто субъективные конструкции ..., (с другой же стороны, не могут – Т.Ш.) согласиться, что мир эйдосов это и есть Бытие: указанный мир ... (явился – Т.Ш.) одной из первых интуиций Действительности» [22, с. 69].

4. Гносеологическая оценка математического моделирования

Основываясь материалистической, а точнее – диалектико-материалистической позиции, рассмотрим идеи представителя последней, В.А. Штоффа. Этот видный советский специалист в области философских проблем построения научных моделей писал, что последние несут в себе элементы истины, причём последняя характеризуется как объективная (в противоположность субъективной) и относительная (в противоположность субъективной). Во-первых, модели зависят от познающего субъекта и его психических способностей (анализ и синтез, отвлечение, идеализация, творческое воображение, фантазия и т.п.). Во-вторых, они (модели) существуют лишь как психические образы в сознании отдельных индивидов. Однако, несмотря на эти два момента – в чём нельзя не согласиться с В.А. Штоффом – имеется объективное содержание, которое не зависит от человека и которое, являясь объективной истиной, определяет научный познавательный характер моделей [17, с. 69]. Признание объективной истинности научных моделей является необходимым условием научного исследования. «Модель является выражением относительной ис-

тинности, так как каждая модель является временной, преходящей, отражающей лишь исторически определенную степень проникновения познания в объективную структуру и закономерности развития мира» [17, с. 241]. О модельном эксперименте как критерии истинности теории В.А. Штофф отмечает: «успех эксперимента с моделью есть косвенное, вероятностное доказательство теории применительно к объекту» [17, с. 245]. Однако прямые эксперименты не везде и не всегда практически возможны и технически осуществимы, как и говорилось нами ранее. «Поэтому моделирование в подобных условиях является весьма важным способом практической проверки, испытания и косвенного доказательства истинности соответствующих теорий и гипотез» [17, с. 244].

Солидаризуясь с этими тезисами, добавим к ним ту мысль, которую считаем принципиально важной. На процесс построения математической модели влияет научная картина мира в целом, и содержащиеся в ней конкретные теории, в частности. Что, однако же, зачастую не осознаётся самими учёными. Например, в XIX веке метод моделирования применялся в рамках механистической картины мира, которая абсолютизировала механическое движение. Максвелл при построении своей электромагнитной теории широко пользовался механическими моделями, он убежден что эти модели отражают существующий в природе способ взаимодействия между материальными частицами, который в принципе

является механическим [17, с. 43].

Также часто игнорируется, что в теоретических объектах содержатся черты, которых нет у реальных объектов. В реальности не бывает материальных точек, абсолютного твердого тела, идеального газа.

Заключение

Таким образом, сегодня математическое моделирование является важным инструментом исследователя в различных отраслях науки. При этом мы не должны видеть в моделях прямое отражение физического объекта в духе линейного онтологизма; в частности, ещё и оттого, что на процесс их построения влияет научная картина мира или какие-то её фрагменты. Тем не менее, математические модели, построенные в соответствии с рассмотренными правилами, содержат истинное знание; причём нельзя забывать, что речь об относительной истине, т. е. в целом верном, но неполном и неточном знании, содержащем элементы заблуждения. В то же время в принципе невозможно построить модель чего бы то ни было, способную сообщить нам абсолютно истину об изучаемом объекте.

Автор благодарит научного руководителя статьи – к.филос.н., доцента кафедры «История, философия и социальные коммуникации» ОмГТУ Макухина П. Г

ЛИТЕРАТУРА

- Кулиш М.В. Уровни научного знания // Общие проблемы философии науки: словарь для аспирантов и соискателей / Сост. и общ. ред. Н.В. Бряник; отв. ред. О.Н. Дьячкова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2007. – С. 266-268.
- Караваев Э.Ф. Моделирование // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. – М.: «Канон» РООИ «Реабилитация», 2009. – С. 529.
- Растяников А.В. Модель // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. – М.: «Канон» РООИ «Реабилитация», 2009. – С. 529-530.
- Корн Г., Корн Т. Справочник по математике (для научных работников и инженеров). – М.: Наука, 1978. – 832 с.
- Введение в математическое моделирование. Под ред. Трусова П.В. – М.: Логос, 2005. – 336 с.
- Макухин П.Г. К уточнению истории диалектического подхода к взаимодействию философии и науки: А. Рей о статусе философии и её функциях в отношении науки // Социально-гуманитарное знание: история и проблемы современности: монография. – St. Louis, Missouri, USA: PublishingHouseScienceandInnovationCenter, 2015. – Pp. 121-135.
- Бернацкий В.О., Макухин П.Г. О предвосхищении диалектики бытия и действительности в античных размышлениях о природе времени: досократики // Россия и мировые тенденции развития. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. (Омск, 13-15 мая 2019 г.). – Омск: Изд-во ОмГТУ, 2019. – С. 8-15.
- Вечтомов Е.М. Гносеологический статус математических моделей // Вестник ВятГУ. – 2011. – № 4. – С. 6-12.
- Самарский А.А., Михайлов А.П. Математическое моделирование: Идеи. Методы. Примеры. – М.: Физматлит, 2001. – 320 с.
- Имитационное моделирование экономических процессов: учебное пособие для студентов, обучающихся по направлению подготовки 080500.62 «Бизнес-информатика» / авт.-сост. Е.П. Бочаров, О.Н. Алексенцева / Саратовский социально-экономический институт (филиал) ФГБОУ ВПО «РЭУ им. Г.В. Плеханова». – Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) ФГБОУ ВПО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», 2014. – 160 с.
- Субботин А.Л. Идеализированный объект // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. – М.: «Канон» РООИ «Реабилитация», 2009. – С. 261.
- Артемов И.И. Применение уравнений Лагранжа второго рода для решения задач динамики: метод. указания/ И.И. Артемов, В.Н. Плешаков, А.А. Елисеева. – Краснодар: КубГАУ, 2013. – 30 с.
- Технология металлов и сварка. Учебник для вузов. Под ред. П.И. Полухина. – М.: Высшая школа, 1977. – 464 с.
- Арнольд В.И. «Жёсткие» и «мягкие» математические модели. – М.: МЦНМО, 2000. – 32 с.
- Розенблют А., Винер Н. Роль моделей в науке // Модели в науке и технике. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1984. – С. 171-175.

16. Тоффоли Т., Марголус Н. Машины клеточных автоматов. – М.: Мир, 1991. – 280 с.
17. Штофф В.А. Моделирование и философия. – М. – Л.: Наука, 1966. – 302 с.
18. Гутнер Г.Б. Философия математики // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 4. – 2-е изд. – М.: Мысль, 2010. – С. 216-218.
19. История и философия науки: учеб. пособие / [М.Г. Федотова и др.]; под общ. ред. М.Г. Федотовой. – Омск: Изд-во ОмГТУ, 2018. 372 с.
20. Тегмарк М. Наша математическая вселенная. В поисках фундаментальной природы реальности. – Москва: Издательство АСТ: CORPUS, 2017. – 592 с.
21. Пенроуз Р., Шимони А., Картрайт Н., Хокинг С. Большое, малое и человеческий разум. – М.: Мир, 2004. – 191 с.
22. Макухин П.Г. Фундаментальные физические постоянные как инструменты и продукты становления «Действительности» (опыт нового методологического подхода к проблеме «тонкой настройки Вселенной») // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2020. – Том 9. № 2А. – С. 57-72.
DOI: 10.34670/AR.2020.68.61.006.

© Шевелева Татьяна Анатольевна (tatyana0781@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Омский государственный технический университет

Наши авторы

- Afanasieva S.** – North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov
- Agafonov E.** – PhD, Associate Professor, Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia
- Alekseyeva P.** – associate Professor, North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov
- Balakshina Ye.** – candidate of psychological sciences, associate professor, Tver State Technical University
- Bogomolova E.** – Technical Institute (branch) of the State Autonomous Educational Institution of Higher Professional Education «North-Eastern Federal Institute of MK Ammosova «in Neryungri
- Buzykina Yu.** – Ph.D. in psychology, associate Professor, Penza state University
- Chanakaev G.** – Applicant, Dagestan State Pedagogical University
- Chernov A.** – doctor of psychology, associate Professor, senior researcher, Volgograd state University, Volgograd.
- Chistiakova N.** – Candidate of psychological Sciences, Assistant, Pirogov Russian National Research Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation
- Cui Jiawen** – graduate student, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
- Efimov D.** – Applicant, Far Eastern Federal University
- Galchenko A.** – Scientific Secretary, Crimean Republic In-service Teaching Training Institute (Simferopol)
- Gilmanov V.** – Doctor of Philology, Professor, Professor at the Institute of Humanities Baltic Federal University by Immanuel Kant, Kaliningrad
- Gromov E.** – PhD in Philosophy, Associate Professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Yelabuga Institute
- Ivanov D.** – Samara State University of Social Sciences and Education

Our authors

- Kabardaeva D.** – North-Eastern Federal University, Technical Institute (branch) of the RS(Ya) Neryungri
- Kalinin E.** – senior lecturer, National Research University «Moscow Power Engineering Institute», Moscow
- Karpova O.** – PhD student, Saint-Petersburg State University
- Khairova S.** – Ph.D. of Psychological Sciences, Associate Professor, SBEI HE RC «Crimean Engineering and Pedagogical University» named after Fevzi Yakubov, Simferopol
- Korobko A.** – Candidate of Military Sciences, Pirogov Russian National Research Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation
- Kozhevina A.** – Ph.D. in Psychology, Associate Professor, Baikal State University (Irkutsk)
- Labadze O.** – Candidate of Social Sciences, Associate Professor, Platov South Russian state Polytechnic University (NPI), Novocherkassk
- Latynov V.** – PhD in Psychology, senior scientific researcher, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences (Moscow)
- Luskin M.** – associate Professor, National Research University «Moscow Power Engineering Institute», Moscow
- Machukha A.** – Applicant, Southern Federal University
- Magomedov P.** – Associate Professor, Dagestan State University, Kizlyar
- Mamedova L.** – Ph. D., associate Professor, North-Eastern Federal University, Technical Institute(branch) of the RS (Ya) Neryungri
- Mamedova L.** – Technical Institute (branch) of the State Autonomous Educational Institution of Higher Professional Education «North-Eastern Federal Institute of MK Ammosova «in Neryungri
- Mamedova L.** – Technical Institute (branch) of the State Autonomous Educational Institution of Higher Education «North-Eastern Federal Institute of M.K. Ammosova» in Neryungri

Mamedova L. – Technical Institute (branch) of the State Autonomous Educational Institution of Higher Professional Education «North-Eastern Federal Institute of MK Ammosova «in Neryungri

Matvienko V. – candidate of philological Sciences, Associate Professor, Peoples' friendship University of Russia, Moscow

Mironchenko M. – candidate of medical sciences, senior researcher, Tomsk state University; associate professor, South Ural State Medical University (Chelyabinsk)

Mirzayanova R. – Technical Institute (branch) of the State Autonomous Educational Institution of Higher Education «North-Eastern Federal Institute of M.K. Ammosova» in Neryungri

Mishin Iu. – Lecturer, State budgetary educational institution higher education of the Republic of Crimea "Crimean Engineering and Pedagogical University" (Simferopol)

Myasnikova Z. – PhD Student, Pacific State University

Nikolaeva T. – Ph.D. in Philosophy, Pacific National University (Khabarovsk)

Orekhovskaya E. – candidate, Kemerovo State University, Kemerovo

Pakhomova Ya. – PhD in psychology, associate Professor, Chelyabinsk State University

Pakhomova Ya. – PhD in psychology, research scientist, Tomsk State University; associate Professor, Chelyabinsk State University

Pchelina O. – Postgraduate student, The University of Tyumen

Ponomareva I. – PhD in psychology, Chelyabinsk State University

Prikhozhaya L. – Candidate of philological sciences, Associate Professor, Baltic Federal University by Immanuel Kant, Kaliningrad

Rubanova E. – Pacific National University

Safarova N. – Technical Institute (branch) of the State Autonomous Educational Institution of Higher Professional Education «North-Eastern Federal Institute of MK Ammosova «in Neryungri

Shakhmalova I. – Ph. D., associate Professor, North-Eastern Federal University, Technical Institute(branch) of the RS (Ya) Neryungri

Sheveleva T. – Postgraduate student, Omsk State Technical University

Sushko N. – Pacific Tational University

Tihonovskaya M. – Junior Researcher, Platov South Russian state Polytechnic University (NPI), Novochoerkassk

Tsiring D. – doctor of psychology, chief researcher, Tomsk State University; Professor, Chelyabinsk State University

Ushakova E. – candidate of pedagogical Sciences, associate Professor, Federal state budgetary educational institution of higher education «Lipetsk state pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky», Lipetsk

Vagaitsev V. – teacher, Barnaul law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia, Barnaul

Vasilyeva O. – candidate of biological Sciences, Professor, Southern federal University

Vazhenin A. – doctor of medicine, chief physician, Chelyabinsk Regional Clinical Center of Oncology and Nuclear Medicine

Vislova A. – Doctor of Psychological Sciences, Leading Researcher of the Federal Research center of the Kabardino-Balkarian scientific center of the Russian academy of sciences (Nalchik)

Vodenko K. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Platov South Russian state Polytechnic University (NPI), Novochoerkassk

Zekeryaev R. – Lecturer, State budgetary educational institution of higher education of the Republic of Crimea «Crimean engineering and pedagogical university»

Zhizhina M. – candidate of pedagogical sciences, associate Professor, Saratov State University of N.G. Chernihiv's

Zufman A. – Lecturer, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).